

ЛИНГВИСТИКА РЕКЛАМНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

В. Е. Абрамов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия

Реклама — жизненно важная часть сферы бизнеса. Реклама должна легко восприниматься и хорошо запоминаться, что придает рекламным текстам лингвистическую специфичность. В данной статье описаны функциональные качества рекламных текстов. Языковые механизмы, повсеместно применяющиеся в рекламе, будут проанализированы с позиций нормативной семантики и грамматики, а также рассмотрены с позиций психолингвистики.

Ключевые слова: лингвистика; языковая игра; реклама; языковые механизмы; влияние.

Введение

Объект исследования — языковая игра в рекламном тексте.

Предмет исследования — приемы языковой игры.

Цель статьи — проанализировать приемы языковой игры и выявить их функциональные особенности в англоязычном рекламном тексте.

Задачи:

1. Охарактеризовать особенности рекламного текста как области применения языковой игры;
2. Представить классификацию приемов языковой игры;
3. Описать приемы языковой игры с их функциональными особенностями в англоязычных рекламных текстах.

Лингвистическая составляющая любого рекламного предприятия состоит, вероятно, в том, чтобы найти определенные средства и методы для выражения определенных постулатов с одной стороны, и способы восприятия текста, в нашем случае — рекламного, пользовательской аудиторией, на которую такое воздействие может быть направлено — с другой. Один из лучших способов добиться этой цели — создать оригинальный, запоминающийся и броский рекламный продукт. Существует множество способов придания тексту экспрессивности и запоминаемости, которые известны в лингвистике как «языковая игра».

В современной лингвистической литературе существуют различные варианты толкования термина «языковая игра». Большинство лингвистов сходятся на том, что языковая игра является разновидностью лингвокреативной деятельности, то есть психолингвистики, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм

и направленной на достижение определенного эффекта воздействия.

Однако при этом языковая игра не должна восприниматься как речевая ошибка, а желаемый эффект воздействия и восприятия будет достигнут только при условии, что слушатель/читатель/зритель готов к адекватному ее восприятию, что, в свою очередь, зависит как от уровня языковой компетенции обеих сторон, так и от культурологических особенностей, привычных для носителей данного языка. Достаточно очевидным примером может служить американский вариант английского языка, в котором присутствует множество речевых и письменных акцентов, позволяющих широко варьировать рекламными средствами и употреблять их в некотором соответствии с языковыми требованиями диалектных, т. е. социальных, гендерных и индивидуальных особенностей [1. С. 67].

Основной задачей рекламного текста является привлечение внимания целевой аудитории и стимулирование её на определенные действия. Относительно языковой игры, её основной нагрузкой является экспрессивность.

Такая общая задача двух составляющих: рекламного текста и языковой игры позволяет сделать вывод о том, что рекламный текст является продуктивной сферой её применения.

С помощью языковой игры в рекламных текстах достигается максимальная информативность и эмоциональность, что позволяет привлекать наибольшее число пользователей — что, в свою очередь, является основной задачей рекламной деятельности.

Отсюда следует, что для создания уникальной и неповторимой рекламы её создатели будут, помимо прочего, также прибегать к наиболее подходящему лингвистическому средству — языковой игре, к намеренному нарушению языковых норм

и правил, поскольку приемы языковой игры в рекламе позволяют добиться максимального воздействия на публику [7. С. 101].

Современные лингвисты выделяют большое количество видов языковой игры; в этой статье будут рассмотрены орфографический, морфологический, синтаксический, стилистический и словесный типы языковой игры.

В современных рекламных текстах языковая игра встречается практически на всех уровнях языка. Для обоих языков характерно наличие языковой игры в рекламных текстах практически на всех уровнях языка: фонетическом (аллитерация, ассонанс), лексико-фразеологическом (неологизмы, идиомы), семантическом (парадокс), стилистическом (каламбур, жаргон, заимствования), что дает основание судить о проникновении языковой игры во все слои языковой системы русского и английского языков. Некоторые языковые средства находят отражение в русскоязычных и англоязычных рекламных текстах: повторение звуков, омонимия, паронимическая аттракция, лексический повтор, заимствования, пунктуационное и шрифтовое варьирование, преднамеренные орфографические ошибки, замена букв графическими элементами, каламбур [5. С. 4].

Анализ языковой нагрузки рекламы

Особенности рекламного текста обусловлены рядом факторов за пределами лингвистики. Оплата за площадь, занимаемую рекламным текстом, конкуренция с другой информацией, прагматическая направленность рекламного текста, общая перенасыщенность информационного поля, высокая стоимость рекламы и фактор времени, которым располагает потребитель, играют важную роль в формировании языковой специфики текста.

Необходимо учитывать, что при любой коммуникации, помимо непосредственной передачи сообщения, происходит вербализация коммуникативного намерения говорящего. Джон Остин утверждает, что высказывание может быть предназначено в том числе и для осуществления того или иного воздействия на слушателя, т. е. иметь перлокутивный эффект [6. С. 108]. Каждый рекламный текст рассчитан на определенный перлокутивный эффект (побудить адресата к ответным действиям), и эффективность рекламной коммуникации заключается именно в том, насколько это удалось.

Эффективность рекламного текста зависит от удачного объединения всех составляющих его компонентов: изображение, звук, образ, словесная суть. Вместе с тем многие исследователи отмечают

первостепенную важность именно вербального компонента рекламы — словесного текста.

В своей книге «*English in Advertising*» лингвист Джеффри Лич применяет термин «*loaded language*», т. н. «манипулятивный язык», для описания особенностей рекламной лексики, направленных на создание косвенного влияния на потребителя [10. С. 23]. Термин в свое время вошел в оборот и использовался, помимо прочих, Дуайтом Болингером в названии его книги о семантике английского языка «*Language — The Loaded Weapon: the use and abuse of language today*» [8. С. 15].

Лич выделяет четыре основных атрибута успешной рекламы, каждый из которых влияет на языковые средства, которые необходимо применять [10. С. 123].

Привлечение внимания: Реклама должна вызывать любопытство и привлекать внимание. В контексте языка этого обычно добиваются нарушением привычных языковых правил — например, допущением намеренных орфографических ошибок, применением каламбуров и многозначных слов, рифмовкой текста, использованием неологизмов и «неформальной» лексики.

Простота восприятия: как только реклама вызвала у читателя интерес, его необходимо поддерживать, при этом исходя из того, что потребитель всегда ищет наиболее краткую и простую фэбулу информации. В силу этого реклама обычно стилистически «просторечна», использует по большей части общеизвестный вокабуляр и часто обращена непосредственно к читателю. Эта простота также служит и другой цели: поскольку реклама использует простую неформальную лексику в формальном контексте бизнеса, нацеленного на потребителей, то она создает ощущение некоторой непринужденности и простоты восприятия, таким образом искусственно «сближая» потребителя и создателя рекламы.

Запоминаемость: очевидно, что для большего эффекта реклама должна легко запоминаться и сохраняться в сознании читателя. Самый часто использующийся в рекламе механизм совершенствования восприятия и, как следствие, запоминаемости — речевой повтор. В психолингвистике некоторые языковые механизмы сами по себе в той или иной степени подразумевают повтор, и естественно, что в рекламе широко используются такие приемы, как аллитерация (повтор первого звука), ритмичность (несколько слов или предложений, имеющих один и тот же ритм), рифма (повторение одного и того же звукового окончания), грамматический параллелизм (повторение одной и той же

грамматической структуры), а также семантический, синтаксический и лексический повторы. Виды повторов часто комбинируются.

Важность повторения как показателя эффективности рекламы также подкреплена тем, что сама концепция рекламы подразумевает, что слоганы и имена брендов доносятся до потребителя непрерывно из всех возможных источников, т. е. тоже своеобразно «повторяются».

Убедительность: главная цель рекламы — продать продукт. Подтолкнуть потребителей к покупке можно, дав прямые указания о том, что им следует делать. В языке для этой задачи наиболее пригодны слоганы в повелительном наклонении, они же императивы, которые четко сообщают субъектам действия, которые от них ожидаются. Грамотное использование императивов позволяет усилить эффект «знакомства» с потребителями, который уже заложен использованием неформальной лексики, тем самым увеличивая шансы продать соответствующий продукт.

Еще один важный компонент убедительной рекламы — концентрация внимания на положительных аспектах продукта. Отрицаний и упоминаний недостатков избегают, кроме случаев, когда это сделано намеренно для создания элемента неожиданности. На лексическом уровне в контексте языка рекламы это означает необходимость избегать отрицаний и пользоваться по возможности словами, имеющими исключительно положительное значение. Ключевую роль в этом процессе играют позитивные прилагательные [9. С. 154]. Лич выделяет следующие слова как наиболее часто встречающиеся в рекламе: *new, good, better, best, sure, delicious, free, fresh, nice* [10. С. 57].

Классификация языковых средств

Эпитет: определение, присоединяемое к некоторому предмету для придания ему большей выразительности. Пожалуй, самый распространенный прием, применяющийся в рекламных текстах, так как положительные эпитеты просты для восприятия и без каких-либо усилий со стороны производителя подчеркивают сильные стороны продукта.

Примеры:

Life has never been so colorful (камера Sony)

Color your life (Dealim Museum, выставка фотографий)

Great photos start with great film. Choose Kodak

Такие примеры, по сути, говорят сами за себя. Прилагательное *great* служит для создания эффекта превосходства над остальными (а также само

по себе усиливается лексическим повтором), а поскольку речь идет о фотографиях, то яркие, «цветастые» слова *color/colorful* фокусируют внимание на их подразумеваемом качестве.

Лексический повтор: повторение одного и того же слова либо последовательности слов в разных частях рекламного текста. Лексический повтор в рекламе, как и в художественных текстах, применяется в основном для усиления экспрессивности; также такой повтор очень часто выделяется графически или интонационно для привлечения внимания и большей запоминаемости. Такой прием повсеместно представлен в рекламе, и многие примеры в нижеописанных категориях также в некоторой мере являются примерами лексического повтора.

Часто лексический повтор сопровождается **парцелляцией** — разбиение предложения на несколько составляющих. Парцелляция не обязательно подразумевает разбиение сложного предложения на простые: разделено может быть и простое предложение, так, что неполные предложения будут состоять из одного слова.

Парцелляцию в рекламе можно назвать скорее ритмическим, а не синтаксическим приемом, поскольку обычно применяется она для того, чтобы выделить ударением какие-то наиболее информативные слова (часто — названия брендов) или придать слогану определенную ритмичность для упрощения восприятия и запоминания.

Примеры:

Have a break, have a KitKat

Good food, good life (Nestle)

You've got a lot to live, Pepsi's got a lot to give

Во всех примерах присутствует четкий ритм. При помощи лексического повтора осуществляется своего рода ассоциация между позитивными определениями и названиями брендов («*непрерыв*» = «*KitKat*») или их негласными аналогами («*good food*» = «*good life*», и подразумевается, что «*Nestle*» = «*good food*»; следовательно, «*Nestle*» = «*good life*»).

Первые два примера также демонстрируют парцелляцию, т. е. разбиты на два простых неполных предложения с целью простоты восприятия.

Риторический вопрос: вопрос-утверждение, который сам по себе не требует ответа. Несмотря на то, что риторический вопрос, по сути, является утверждением, он, тем не менее, построен как вопросительное предложение, что одновременно привлекает читателя и фиксирует внимание, заставляя задуматься об ответе. Вследствие того, что

риторические вопросы будто бы содержат в себе подразумеваемый ответ, они также служат средством усиления убедительности, поскольку при прочтении потребителем задумываемый создателем рекламы ответ возникает подсознательно.

Примеры:

Hello, ladies. Does your man look like me? (рекламный ролик Old Spice)

Резонно предположить, что большинство мужчин действительно не выглядят, как Терри Крюс, однако суть вопроса и ответ на него на самом деле не важны: его функция лишь в том, чтобы привлечь внимание и заставить задуматься, пока идет остальная реклама.

What do you want most from coffee? That's what you get most from Hills. (кофе Hills Bros.)

Ситуация во многом идентичная, но с небольшим отличием: в данном случае ответ имеет значение, поскольку реклама завязана именно на том, чтобы «узнать», что потребитель хочет больше всего, а потом объявить, что в рекламируемом продукте все это уже есть, таким образом искусственно «подгоняя» рекламу под каждого отдельного зрителя.

Аллитерация: вид звукового повтора ударных слогов нескольких слов. Подвид лексического повтора. Часто применяется в рекламе в силу того, что последовательность слов на одну и ту же букву не только привлекает внимание визуально, но и отлично запоминается на слух подсознательно.

Примеры:

Maybe she was born with it. Maybe it's Maybelline Don't dream it, drive it (Jaguar)

Functional. Fashionable. Formidable (спортивная одежда Fila)

Аллитерация, как правило, смысловой нагрузки не несет и служит лишь для придания ритмичности и ускоряет запоминание.

Рифма: особый вид регулярного звукового повтора на концах строк. Повсеместно применяется в рекламе, в частности, для создания слоганов брендов и продуктов, поскольку ритмичные рифмованные слова или предложения устойчиво воспринимаются потребителем. Особенно популярно рифмование имени бренда с последующим коротким предложением; подразумевается, что когда читатель впоследствии увидит имя бренда, в его сознании возникнет продолжение слогана, что значительно ускорит запоминаемость.

Примеры:

*Gillette. The best a man can get
RAID kills bugs dead!*

Once you pop you can't stop (Pringles)

Winston tastes good like a cigarette should

Как и аллитерация, рифма обычно не имеет своей смысловой нагрузки и служит для усиления воздействия первоначального текста.

Игра слов: литературный приём с использованием в едином контексте разных значений одного или нескольких слов, или словосочетаний, сходных по звучанию. Именно благодаря игре слов создается оригинальный рекламный образ, который предлагает потребителю увидеть мир через призму рекламируемого товара.

Упоминание **каламбура** необходимо: вследствие его экспрессивности, «простодушности» и комического окраса он стал очень мощным инструментом для создания рекламных образов.

Примеры:

Look sharp. Feel sharp. (Gillette)

Look sharp — оборот, передающий неформальное значение «хорошо выглядеть». Традиционное значение слова *sharp* — «острый»; так как рекламируется бритва, то получается игра слов, проводящая аналогию с хорошим внешним видом в результате бритья.

Nothing runs like a Deere (John Deere, машиностроительная компания)

Многослойный каламбур: *Deere* созвучно с *deer* — «олень», который и изображен на логотипе компании; из этого вытекает очевидная аналогия *run like a deer*, так как олени — животные довольно быстрые; наконец, *run* в технической сфере имеет значение «работа [например, двигателя. — В.Е.]», тем самым расширяя аналогию до механики и исполняя рекламную функцию продвижения продукта.

Born under a lucky star (Heineken)

Визуальный каламбур: логотип компании — красная звезда, поэтому идиома, передающая значение удачи, обретает новую интерпретацию в контексте рекламы.

I expect people to serve me (Courvoisier)

Игра слов: *to serve* имеет значение как «служить» (кому-л.), так и «подавать к столу» (что-л.), создавая двоякую интерпретацию слогана: «я ожидаю, что мне будут служить» и «я ожидаю, что меня подадут на стол» [*Courvoisier* — марка вина. — В.Е.]. Упор делается на меньшую очевидность второго, «истинного» варианта, вследствие чего такое смелое заявление хорошо привлекает внимание.

Антитеза: прием, основанный на противопоставлении двух противоположных, но связанных понятий для создания стилистического эффекта. Антитеза

широко используется в рекламе, поскольку хорошо выделяется и легко запоминается читателем. В рекламном тексте часто встречается в усеченной форме, когда вторая часть противопоставления не упоминается прямо, однако косвенно подразумевается. Интересно заметить, что антитеза — один из немногих случаев, когда применение в рекламе негативно окрашенных слов может быть оправдано. Однако даже в этом случае она применяется специфически: так как упоминание отрицательных качеств продукта считается нежелательным, но при этом требуется превознести его преимущества, то антитеза обычно либо упоминает низкую стоимость продукта (цена — «нежелательный» фактор продукта, поэтому уменьшение цены создаст положительный эффект, несмотря на то, что употребляемая лексика негативна), либо сравнивает не связанные между собой понятия (вплоть до превращения в оксюморон) [2. С. 14].

Примеры:

Hand-built by robots (Fiat Strada)

Оксюморон: *hand-built*, «сделанный вручную», обычно подразумевает отсутствие какой-либо автоматизации в процессе производства, т. е. делается «руками людей», поэтому добавление *...by robots* привносит стилистический эффект противоречия, который хорошо привлекает внимание. Само по себе свойство *hand-built* обычно преподносится как положительное качество для усиления убедительности рекламы.

You're not you when you're hungry (Snickers)

Максимально краткое противопоставление «ты — не ты» отлично запоминается и хорошо воспринимается публикой.

Аллюзия: стилистическая фигура, содержащая аналогию или намёк на некоторое общепринятое понятие или некий общеизвестный факт. Материалом при формулировке аналогии или намёка, образующего аллюзию, часто служит известное историческое высказывание или какая-либо крылатая фраза.

Советский лингвист Ю. Н. Караулов также относил к этой категории **прецедентные феномены**, т. е. явления, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4. С. 216].

Аллюзия применяется в рекламе с целью усиления запоминаемости, создавая связь между реальной формулировкой факта, на который произ-

водится аллюзия, и его «рекламной» интерпретацией. Поскольку многие известные события или высказывания прочно заложены в сознании большинства людей, такой эффект воздействия гораздо сильнее, чем обычное восприятие с последующим запоминанием.

Примеры:

I think, therefore IBM (IBM)

Отсылка на известную фразу Рене Декарта — *I think, therefore I am*. Убедительность также усилена намёком на одаренность потребителя — «я думаю, следовательно, выбираю IBM».

A Mars a day helps you work, rest and play (Mars)

Аллюзия на народную поговорку *an apple a day keeps the doctor away*, перефразированную в слоган.

The Lord of the DRINKS (Tuborg)

Определенная аллюзия на фильм *Lord of the Rings* становится еще более очевидной при просмотре визуального ряда рекламы, на котором изображена башня Саурона из зеленых бутылок пива.

Словообразование: образование новых, не существовавших прежде слов. Один из менее распространенных приемов в рекламе, поскольку очень сложно создать несуществующее слово, которое органично впишется в структуру слогана. Однако верно структурированное словообразование заметно выделяет рекламируемый продукт и усиливает восприятие и запоминаемость бренда — вплоть до перехода его в разряд культурного наследия.

Данные, полученные в ходе анализа материала исследования на основе прототипической теории Р. Лангакера, показали, что все нарицательные существительные, используемые в заголовках потребительской рекламы, реализуют именно свое прототипическое значение, что позволяет им сразу быть узнаваемыми любым потребителем, независимо от его интеллектуального уровня или социального статуса [3, с. 18].

Подвид словообразования — **антимерия:** переход слова в другую часть речи, что часто принимает форму перехода существительного в глагол, так как в английском языке дополнительных грамматических изменений для этого не требуется. Такой прием употребляется в рекламных текстах для создания или дополнения уникального образа бренда, отличая его не только качественно (со слов производителей), но и, по сути, лексически.

Примеры:

7-Up — the uncola (7-Up)

Негативная приставка *un-* в термине *uncola* сразу выражает антагонизм к другому виду газировки,

что хорошо отражает позицию компании на рынке на момент создания этой рекламы.

The difference is drinkability (Bud Light)

Drinkability — несуществующее слово, дословно переводящееся на русский как «питейность». Компания позиционировала свое пиво как более мягкое, чем конкурирующие аналоги, вследствие чего оно, по обещаниям рекламы, «пьется» лучше — отсюда и приставка *-ability*.

Be Cointreauversial (лукър Cointreau)

Словообразование, граничащее с грамматической ошибкой: слово очевидно созвучно с *controversial* и имеет, по сути, то же значение, а интеграция в него названия бренда служит лишь концентрации восприятия и запоминаемости и привлекает большее внимание.

Грамматические ошибки: намеренное допущение ошибок в тексте рекламы. Этот креативный инструмент хорошо привлекает внимание и, при должной сноровке, может придать рекламе хорошо узнаваемый стилистический облик. Указанный способ схож со словообразованием, поскольку иногда новые слова образуются из некорректных версий уже существующих вариантов сленга.

Примеры:

Beanz meanz Heinz (Heinz Baked Beans)

Намеренное искажение слов для ритмичности.

Betcha can't eat just one (Lay's)

Не искажение слова, а использование варианта сленга: обороты, оканчивающиеся на *—t you*, часто произносятся «слитно»: *betcha (bet you)*, *gotcha (got you)*, *what you... (whatcha...)*, т. д.

Absolut perfection (водка Absolut)

Грамматическая ошибка в слове *absolute* используется в названии бренда с целью ритмической со-

звучности, что также может служить культурной аллюзией на русское слово «абсолют», так как рекламируется бренд водки, часто ассоциирующейся с определенной страной-производителем.

Заключение

В данной статье проанализированы психолингвистические и функциональные особенности языка рекламы в соответствии с обозначенными целями и задачами.

Доказано, что язык рекламы — это естественный язык во всем многообразии его изобразительных и выразительных средств, используемый для адресного воздействия при передаче информации о разнообразных объектах, выступающих в роли товаров, в условиях рыночной экономики.

В рекламных текстах успешно применяются многие естественно-языковые средства, которые позволяют классифицировать приемы языковой игры, а также выявить их функциональные особенности в контексте рекламы, т. е. каким именно образом тот или иной языковой механизм способствует достижению конечной цели рекламы. Следует заметить, что в статье представлено не полное разнообразие приемов, а скорее некая классификация наиболее распространенных механизмов, которые используют создатели рекламы на сегодняшний день.

Необходимо обратить внимание на то, что в одном рекламном сообщении может применяться сразу несколько приемов. Использование нескольких приемов одновременно способствует усилению эффекта воздействия на потребителя, а для исследователей — подтверждает факт многофункциональности явления языковой игры и разноаспектности психолингвистических факторов, влияющих на эффективность восприятия.

Список литературы

1. Абрамов, В. Е. Вариативность звучащей речи: проблемы восприятия: монография / Абрамов В. Е. — Самара, 2004.— 235 с.
2. Амири, Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Амири. — Ростов-н/Д., 2007.— 26 с.
3. Иванова, Е. А. Коммуникативная эффективность англоязычной рекламы: Когнитивно-семантические основания: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Иванова. — Москва, 2002.— 28 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю. Н. Караулов. — Москва: Наука, 1987.— 264 с.
5. Лазовская, Н. В. Языковая игра в рекламном дискурсе: на материале русско- и англоязычной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Лазовская. — Саратов, 2007.— 23 с.
6. Остин, Дж. Л. Слово как действие. / Дж. Л. Остин. // Новое в зарубежной лингвистике: сборник докладов. Выпуск XVII. — Москва: Прогресс, 1986. — с. 22—126.
7. Швецов, И. В. Игра в рекламе: учеб. пособие. / И. В. Швецов. — Москва: ЮНИТИ, 2010.— 157 с.

8. Bolinger, D. *Language — the Loaded Weapon: the use and abuse of language today* / D. Bolinger. — London: Longman, 1980. — 225 с.
9. Gieszinger, S. *The History of Advertising Language* / Frankfurt am Main: Lang, 2001. — 363 с.
10. Leech, G. *English in Advertising* / G. Leech. — London: Longman, 1966. 240 с.

Сведения об авторе

Абрамов Владимир Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор. Заведующий кафедрой иностранных языков, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия, vabrta@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 7—13.*

WORD-PLAY LINGUISTICS IN ADVERTISING

V.E. Abramov

Povolzhskiy State University of Telecommunication and Informatics, Samara, Russia. vabrta@mail.ru

Advertising forms an integral and inevitable part of business sector, where competitive fight is the hallmark feature. The aim of advertising is to be catchy and easy to perceive and remember. This gives advertising texts a certain linguistic specificity. This involves making bizarre and controversial statements in unusual ways as well as interacting with people using simple, straightforward language. Advertising language constantly attempts to change styles and break the conventions in its imperative to «speak the consumer's language» and vary in time. This paper describes functional peculiarities and features of advertisements; linguistic mechanisms and stylistic means that frequently occur in English-language adverts. They are examined in terms of standard semantics and grammar, and also analyzed in terms of psycholinguistics. This allows to explain the language specificity in advertisements and clearly describe how they are able to affect the target audience.

Keywords: *linguistics, language game, advertising, stylistic means, influence.*

References

1. Abramov, V.E. *Variativnost' zvuchashei rechi: problemi vospriyatiya* [Variety of spoken speech: problems of perception]. Samara, 2004, 235 p. (In Russian)
2. Amiri, L.P. *Yazikovaya igra v rossiyskoy i amerikanskoy reklame* [Language game in Russian and American advertisements. Abstract of thesis]. Rostov-on-Don, 2007, 26 p. (In Russian)
3. Ivanova, E.A. *Kommunikativnaya effektivnost' angloyazichnoy reklami: kognitivno-semanticheskiye osnovaniya* [Communicative effectiveness of English-language advertising: cognitive-semantic basis. Abstract of thesis]. Moscow, 2002, 28 p. (In Russian)
4. Karaulov, Yu.N. *Russkiy yazik i yazikovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow: LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russian)
5. Lazovskaya, N.V. *Yazikovaya igra v reklamnom diskurse: na materiale russko- i angloyazichoy reklami* [Language game in advertising discourse: based on Russian- and English-language adverts. Abstract of thesis]. Saratov, 2007, 23 p. (In Russian)
6. Austin, J.L. Slovo kak deistviye [Word as action]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New developments in modern linguistics. Scientific journal]. Volume XVII. Moscow, 1985, pp. 22—129. (Translated into Russian)
7. Schvetzov, I.V. *Igra v reklame: uchebnoe posobie* [Language game in advertising: schoolbook]. Moscow: UNITY, 2009. 157 p. (In Russian)
8. Bolinger, D. *Language — the Loaded Weapon: the use and abuse of language today*. London: Longman, 1980. 225 p.
9. Gieszinger, S. *The History of Advertising Language*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. 363 p.
10. Leech, G. *English in Advertising*. London: Longman, 1966. 240 p.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУФФИКСА *جى -ĉi* В ЯЗЫКЕ ДАРИ

Х. З. Алимова

Ташкентский государственный институт востоковедения. Ташкент, Узбекистан

В современном персидском и дари языках суффикс *-ĉi* относят к разряду относительно продуктивных. В исследованиях подтверждается использование этого суффикса в заимствованных словах, в особенности, в европейских заимствованиях. В статье изучены словообразовательные возможности суффикса *-ĉi* в языке дари. Проанализирована семантика производного слова с суффиксом *-ĉi* на основе значений его компонентов и их особенностей. Раскрытие значений суффикса проводится в системной связи с производящими основами и в зависимости от них.

Ключевые слова: язык дари, тюркский суффикс *-ĉi*, заимствованная лексика, дериваты с *-ĉi* в дари.

Связи народов Афганистана с тюркскими народами восходят к глубокой древности. Проникновение тюркских заимствований в язык дари (а также, персидский и таджикский) активизировалось особенно в эпоху Тимуридов. Кроме того, значительный след в языке оставило долголетнее владычество в Афганистане иранских завоевателей: Сефевидов (XVI—XVII вв.) и Надер-шаха Афшара (XVIII в.), в состав войск которых, как известно, входили и тюркские отряды.

Тюркский заимствованный суффикс имени деятеля в современном литературном дари используется в повседневной жизни наряду с собственными. Известно, что при заимствовании с чужого языка сначала берутся готовые слова и лишь потом их словообразовательные части, с помощью которых позднее в языке образуются новые слова. Это явление можно наблюдать и в случае с суффиксом имени деятеля *جى -ĉi* в языке дари.

В тюркских языках в группе аффиксов имени деятеля суффикс *-ĉi* является одним из древних и высокопродуктивных. В памятниках орхонской, уйгурской и арабской письменности, таких как «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание»), «Диван лугат ат-турк» («Словарь тюркских наречий»), «Бабур наме» («Книга Бабура») и в последующих письменных источниках имена деятеля с суффиксом *-ĉi* встречаются часто.

Алишер Навои в произведении «Мухакамат ал-лугатайн» («Суждение о двух языках»), подчеркивая продуктивность и значение суффикса *-ĉi*, отмечает, что в конце некоторых слов суффикс *-ĉi* используется для обозначения должности, профессии, ремесла. В персидском языке такого суффикса нет, в этих целях используется тюркский суффикс [9. С. 187].

Суффикс *-ĉi* был продуктивен ещё в классическом персидском. Его внедрение в классический персидский язык, причем именно в варианте *-ĉi* (сравните: тур. *-ĉi/-jî*), объясняется контаминацией с *-ĉi* собственно иранского происхождения [3. С. 211]. В источниках отмечается, что в среднеперсидском языке с помощью суффикса *-ĉig>-ĉik* (при основах с согласным исходом); *-ĉik>-ĉig>-zi* (после гласных) образованы имена деятеля: *miyânĉik* ‘посредник’ (сравните: в современном персидском и дари *جى نايى *miyânji**) [7. С. 25]. По мнению Т. Д. Чхеидзе, несомненно, что в слове *miyânji* сохранился среднеиранский суффикс *-ĉik*. Его возможность образования *nomina agentis* способствовала заимствованию суффикса *-ĉi* тюркского происхождения [7. С. 25]. Л. С. Пейсиков подтверждает, что суффикс *-ĉi* в составе относительных прилагательных, образованных от топонимов и обозначающих фамилии, как *تهرآنچى *tehrânĉi** ‘Техранчи’, *نيشابورچى *nišâburĉi** ‘Нишабурчи’ восходит к среднеперсидскому *-ĉik, -zik* [4. С. 180]. Об этимологии суффикса *-ĉi* в тюркских языках существуют разные точки зрения. Татарский ученый академик Ф. А. Ганиев отмечает, что Н. Ф. Катанов в книге «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского наречия» (Казань, 1903) пишет, что суффикс *-ĉi* произошел от элемента *чик* путем отпадения конечного звука *к*. Но он присоединяется к мнению Г. И. Рамстедта, который в книге «Введение в алтайское языкознание» (М., 1957) рассматривает этот суффикс как восходящий к китайско-корейскому слову *caj* ‘человек, лицо, мужчина’ и выражает сомнение по поводу тюркского происхождения суффикса *-ĉi* [1. С. 72].

Но вопрос о том, случайна ли схожесть суффикса *-čī*, произошедшего, по мнению Н. Ф. Катанова, от элемента *чик* и суффикса иранских языков *-čī* образованных от среднеперсидских суффиксов *-čīk*, *-zīk* или же это явление имеет общие корни, остается открытым. Для этого требуется этимологическое исследование. В классическом персидском языке суффикс *-čī*, независимо от своего генезиса, имел относительно широкое значение: он использовался при образовании существительных — наименований лиц или предметов по признаку их происхождения, предназначения, связей, отношений: *γazničī* ‘газниец, житель Газны’ (*γazni* ‘Газна’), *čamānčī* ‘сосуд для вина’ (*čamān* — причастие настоящего времени от *čamidān* ‘пить вино’), *māxčī* / *maγčī* ‘лошадь особой породы’ [3. С. 211].

Этот тип образований наблюдается и в современном языке, например: *رتب وک ی له طسوت نم شد* *تسا اه ی چ ی ن زغ ه پت هب فورع هک ام تسد ال اب ه پت رب راد نی شام رابگر ری ز تدش هب ار ام و هدرک هدای پ وری ن تس اهت فرگ* [17. С. 78] *Došman tawassot-e helikôptar bar tepa-ye bâlâdast-e mâ ke ma'ruf ba tepa-ye γazničihâ ast nayrô piyâda karda wa mâ-râ ba šeddat zêr-e ragbâr-e mâšindâr gerefta ast* ‘Противник с помощью вертолетов высадился на высоте известной как высота «Газничихо» («Газничихи») и интенсивно обстрелял нас из пулеметов»; *س اب ی داگ هع یرد*; *میدرک تکرح رگی دی ی چ ی ن زغ رفن گادی بآه* [24. С. 85] *Zari'a-ye gâdi bâ se nafar γazničī digar harakat kardēm* ‘Мы снова тронулись в путь на повозке с тремя газничихами’.

В современном персидском, дари и таджикском языках суффикс *-čī* образует имена деятеля — наименования лиц по их деятельности, поступкам, профессии. Надо отметить, что суффикс *-čī* в современных тюркских языках является одним из самых многозначных аффиксов. Первоначальным его значением, как можно судить по истории развития лексики языка, было значение занятия, профессии, остальные значения — результат его дальнейшего развития [1. С. 75]. Академик Ф. А. Ганиев при исследовании суффикса *-čī* в современном татарском языке отмечает его 22 значения, притом, суффикс *-čī* в одном и том же слове может иметь несколько значений [1. С. 75—78].

В языке дари, наряду с тюркскими заимствованиями, суффикс *-čī* образует существительные как от собственных (исконных), так и от заимствованных слов. Известно, что основной единицей словообразования закономерно признается словообразовательный тип — «формально-семантическая схема построения производных слов

определенной части речи, отвлеченная от их конкретных свойств. Производные слова, составляющие словообразовательный тип характеризуются общностью трех основных признаков: 1) имеют производящие, относящиеся к одной и той же части речи; 2) обладают одним и тем же формальным показателем; 3) выражают одинаковые семантические отношения к своим производящим, т. е. имеют одно и то же словообразовательное значение» [5:31]. Анализ дариязычного материала позволяет классифицировать по словообразовательному типу слова, образованные с участием суффикса *-čī* следующим образом:

1. Присоединяясь к словообразовательным основам (в дальнейшем — основа), обозначающим какое-либо действие, дело, деятельность и т. д., выражает деятеля, занимающегося тем, что выражено данной основой: *ارتب اترا ertebâčī* ‘связист’ (*artebât* ‘связь’, ‘коммуникации’), *ی چ راکش šekârčī* ‘охотник’ (*šekâr* ‘охота’), *ی چ نخلگ golxančī* ‘истопник при бане’ (*golxan* ‘топка’ (напр. в бане)), *ی چ مال ی lilâmčī* ‘аукционист’ (*lilâm* ‘аукцион’, ‘торги’), *ی چ ن اشن nešânčī* ‘меткий стрелок»; ‘снайпер’ (*nešân* ‘цель’, ‘мишень’), *ی چ روس ن اس sânsurčī* ‘цензор’ (*sânsur* ‘цензура’), *ی چ اش امت tamâšâčī* ‘зритель’ (*tamâšâ* ‘осмотр’), *ی چ ل واپ چ čarâwalčī* ‘грабитель’, ‘мародёр’ (*čarâwal* ‘грабёж’, ‘ограбление’), *ی چ اق چاق qâčâqčī* ‘контрабандист’ (*qâčâq* ‘контрабанда’).

Примеры:

ی چ رابخا وت هک تفگ می ارب و تس اوخ مه ارم سل جم ن آرد [15. С. 63] *Dar ân majles ma-râ ham xâst wa barâyam goft ke tu axbârčī hasti? Man barâyaš goftam ke balê axbârčī hastam* ‘На том собрании меня тоже вызвал и спросил: «Ты журналист?» Я ему сказал: «Да, я журналист»; *ی ارب و تش ادرب ار ش گنفت ی چ راکش شام دب*; *ی ارب و تش ادرب ار ش گنفت ی چ راکش شام دب* [14] *Badmâš šekârčī tofangaš-râ bardašt wa barâye šekâr-e palang rawâna-ye biyâbân šod* ‘Охотник-хулиган взял своё ружьё и отправился в пустыню на охоту за леопардом»; *ه اگت سد هب هت س باو ن ای چ روس ن اس و ن ازی م زا ی ی هدع ...'edda-ê az tomayyezân wa sânsurčiyân wâbasta ba dastgâhhâ-ye farmânrawâ šoda-and* ‘...некоторые эксперты и цензоры зависели от правительственных органов...»; *ی ب و ی چ اش امت ت ابثا روظنم هب ،امت ی اضر و ی ه اگآ ... balke* [12] *... balke bâ âgâhi wa rezâ-ye tamâm, ba manzur-e esbât-e tamâšâčī wa bêorza budanetân moqâbel-e jang-e moqâwemat wa...* ‘...но со всей осведомленностью

и полным согласием, в подтверждении того, что вы являлись наблюдателем, неспособным сопротивляться войне...».

Образования также используются как имена собственные, что указывает на давнюю историческую процесс с суффиксом -*čī*: «تشد اج نی مان -*čī*: هزاره هدهع رب اتدمع هتشدگ رد هک یلغش، هدوب یچراب [23. С. 209] *Nām-e injā Dašt-e Bārčī buda, šoyol-ê ke dar gožašta omdatan bar ohda-ye hazârahâ buda ast* «Название этого места Дашти борчи (досл. Стень грузчика), что означает занятие, которым в прошлом занимались в основном хазарейцы».

В образованиях наблюдается плеоназм, сравните: *buyči* — «چ یوب» — *buyčikaš* «нюхач»: «Як-ê goft: *Man buyči hastam* «Один сказал: «Я — нюхач»; اما و دنیب ی م شوماخ ار وا یبش، رجسن رامش هراتس تسود ربخ، دشاب شک یچ یوب و رگنه آ هک شرگی دی ناتسود هب [19. С. 36] *Ammâ dôst-e setârašomâr-e Sanjar, šab-ê ô-râ xâmuš mêbinad wa ba dôstân-e digar-aš ke âhangar wa buyčikaš bâšad, xabar mêdehad* «Но друг Санджара — астроном, однажды ночью увидев его умолкнувшим, сообщает об этом его другим друзьям — кузнецу и нюхачу».

2. Присоединяясь к основам, обозначающим транспортные средства, механизмы и т. д., выражает значение деятеля, управляющего данным транспортным средством, механизмом и т. д.: *bôldôzarčī* «бульдозерист» (бульдозер) *bôldôzar* «бульдозер», *qâyeqčī* «лодочник» (*qâyeq* «лодка с веслами»), *tôrčī* «артиллерист» (*tôr* «орудие», «пушка»).

یور ار شگنفت و دزخ ی م ولج ی لطمع م نودب ردی ح م ال غ نیمز شرف یچ رادنیشام، دنک ی م ری ف هتشدانگ هیاب یم [16. С. 42] *golâm Haydar bedun-e mo'attali jelaw mêxazad wa tofang-aš-râ rô-ye pâya gozâšta fayr mêkonad, mâšindârčī fars'-e zamin mêšawad* «... Гулям Хайдар немедленно ползёт вперёд, вставляя винтовку на подпорках, стреляет и пулемётчик падает на землю».

3. Присоединяясь к основам, обозначающим музыкальные инструменты, передаёт значение деятеля, играющего на данном инструменте: *toromčī* «трубач»; «горнист» *torom* «медная труба в форме рога», *tambur(a) čī* «тамбурист» (*tambur* «тамбур»), *sornayčī* «музыкант, играющий на зурне, карнае» (*sornay* «зурна»; «карнай»), *tabl(a) čī* «барабанщик» (*tabl* «барабан»), *wailončī* «скрипач» (*wailon* «скрипка»), *tâlčī* «музыкант, играющий на тале» (*tâl* «тал

(ударный музыкальный инструмент в виде двух медных чаш, на которых отбивают ритм)»).

Примеры:

ار بیس کی راب یچدم شکلچ ندرگ هک یچ له د رب نانچ، دنزلر ی م ش یاه تسد و رس و دروا ی م دای هب بوچ ریز ار ی ای گنرف ی یوگ هک دبوک ی م ش له د قرف [21. T.1. С. 280] *Doholčī ke gardan-e čomlok-aš domčī-ye bârik-e sêb-râ ba yâd mêâwarad wa sar-o dasthâ-yaš mêlarzand, čonân bar farq-e dohol-aš mêkôbad ke gôyê farangi-yê-râ zêr-e čôb andâxta ast* «Барабанщик, сморщенная шея которого напоминала тонкую ветку яблони, а руки и голова тряслись, так бил в центр барабана, как будто бил палкой европейца»; *درکن لوبق رش م دنغ؛ ار کدنک هدر م دن داد رم یچ مرط هب [24. С. 155] yondmešer qabul nakard. Ba toromčī amr dâdand ke nomra-ye kandak-e awwal-râ zada kandak-râ jam' zadand* «Полковник не принял. Горнисту приказали протрубить сбор батальона № 1 и собрали батальон»; *ایه، یچ مرط، زی خرب، [18. С. 67] Hây, bar-xêz, toromčī bar-xêz — čašm wâ kon ke Namâz az kafraft* «Эй, вставай, вставай, трубач — открой глаза, Намоз исчез».

4. Присоединяясь к существительным, обозначающим объект, связанный с каким-либо занятием, выражает значение деятеля, работающего на этом объекте или являющегося владельцем данного объекта: *samâwârčī* «чайханщик» (*samâwâr* «чайхана»), *qâbučī* «чопбач» (*qâpučī* 1) (ист.) «привратник» 2) «швейцар» (*qâbu* (уст.) «ворота», «дверь»), *kâfêčī* «хозяин кафе (кофейни)».

Примеры:

ردی ح هفی ل خ کبک نتتفر هار هب شنتتفر هار [20. С. 227] *Râh raftan-aš ba râh raftan-e kabk-e Xalifa Haydar samâwârčī mêmânad* «Его походка была похожей на походку куропатки самоварщика Уста Хайдар»; *شا هربرسخ نی نچمه؛ اب و دوب یرم ناتس کدوک یچ وپاق هک ار یلع نابرق ی م هسسوم نأ فئاخ هدا ی پ رد شا مزیر و درخ ناکدوک و نانز هدنز ای هدرم، شالات مات اب و دنا هدرک ری گتسد، تس یز [21. T.2. С. 84] Hamčenin xosorbora-aš Qorbân Ali-râ ke qâpučī-ye kudakeštân-e Mehri bud wa bâ zanân wa kudakân-e xord-o rêza-aš dar peyâdaxâna-ye ân mo'assesa mêzist, dastgir karda-and wa bâ tamâm-e talâš, morda yâ zenda-aš paydâ nêst* «Также они арестовали Курбан Али, который был охранником в детском саду «Мехри» и жил со своими женами и детьми в сторожке этого учреждения, но как ни старались, ни живого, ни мертвого нет»; *هب ار ناخدمحال ادبع ازری م دوخ و یچ وپاق رفن کی*

и Мухаммада Муина «*سیسراف گنهرف*» (Тегеран, 1978) оценил словообразовательные возможности суффикса *-či* в современном персидском языке в 41 %. По словам автора, из зафиксированных в словаре «*سیسراف گنهرف*» Муина 140 образований 115 (82,1 %) устарели. Современная профессиональная лексика ограничила словообразовательную возможность подобного рода суффиксов, но они не являются непродуктивными [11. С. 82].

Известно, что ограниченность-неограниченность в словообразовании связана со следующими факторами: 1) с особенностями словообразовательной основы; 2) с особенностями производящего (*m. e. словообразовательного аффикса/форманта/компонента*); 3) с объективным положением. Анализ материалов показывает, что в современном языке дари некоторые слова, образованные с участием суффикса *سی -či*, используются параллельно со словами, образованными от тех же основ, но с собственными суффиксами и полуаффиксами:

tablči = *تابلچی* «барабанщик»,
wailonči = *وايلونچی* «скрипач»,

tamburči = *تامبورچی* «тамбурист»,

doholči = *دولچی* «барабанщик»,
axbârči = *آخبارچی* «журналист»,

čarâwalči = *چاراوالچی* «грабитель»,

samâwârči = *ساماوارچی* «чайханщик»,

kâfêči = *کافه‌آل او* «хозяин кафе (кофейни)»,

qâčâqči = *قاچاقچی* «контрабандист»,
šekârči = *شکارچی* «охотник»,

qâyeqči = *قایق ناو* «лодочник»,
qâyeqrân «лодочник»,

tamâšâči = *تماشاچی* «зритель»,
xedmatči = *خدمت‌دخرفن* (воен.) «денщик».

В результате исследований проясняется активность полуаффиксов — основ настоящего времени глаголов в образовании имени деятеля. Конечно, это объясняется особенностью производящих полуаффиксов. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в дальнейшем суффикс *سی -či* в дари языке будет оставаться малопродуктивным.

Список литературы

1. Ганиев, Ф. А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование / Ф. А. Ганиев. — Казань: Изд-во «Дом печати», 2005. — С. 72, 75—78.
2. Киселева Л. Н., Миколайчик В. И. Дари-русский словарь. — М.: Рус.яз., 1986. — 752 с.
3. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. — М.: Наука, 1982. — С. 211.
4. Пейсиков, Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л. С. Пейсиков — М.: Изд-во МГУ, 1973. — С. 179—180.
5. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х томах / А. Н. Тихонов. — М.: Русский язык, 1985. Т. 1. — С. 31.
6. Уралов, Х. У. Научно-техническая терминология современного языка дари / Х. У. Уралов. — Ташкент: Фан, 1990. — С. 23.
7. Чхеидзе, Т. Д. Именное словообразование в персидском языке / Т. Д. Чхеидзе. — Тбилиси: Мецни-ереба, 1969. — С. 25.
8. Alimova, Kh. The derivational possibility of the suffixes *-ak /-gak* in Dari language / Kh. Alimova // *Paradigmata Poznání*. — Prague, 2018. — № 3. — S. 77—84.
9. Навоий, А. Мухокаматул-луғатайн // Танланган асарлар / А. Навоий — Тошкент, 1948. Т. 3. — Б. 187.
10. *درب‌براک‌دش‌سی‌سراف و‌سی‌سراف‌تاح‌ال‌ط‌ص‌ا و‌اه‌ژا‌و‌گن‌هرف*: *ده‌دیش‌ان‌سی‌سراف*. *ول‌ده‌ن‌ب‌اد‌خ‌اض‌رم‌ل‌غ*, *ه‌ش‌و‌ن‌ا‌ن‌س‌ح*. ص 1016—1391, *هرطق‌رش‌ن*: *نارهت*. — *نات‌س‌ن‌اغ‌فا‌رد*.
11. ۸۲، ۳۵، ص. — ۱۳۸۱، *نارهت*. — *زورم‌ا‌سی‌سراف‌ن‌اب‌ز‌رد‌ی‌دن‌وس‌پ‌قا‌ق‌ت‌ش‌ا*. *ی‌ن‌اش‌ک‌ور‌س‌خ*.
12. ۱۹۹۷، *چرام*، 45، *ن‌ز‌م‌ای‌پ* // *ب‌ای‌رز‌درون‌هر‌زا* «*ن‌اع‌م‌ت‌ج‌ی‌ال‌ن‌اد‌ض‌ل‌ا*» *ب‌ل‌ط‌م‌ه‌راب‌رد*.
13. ۶۴، ص. ۶، *دل‌ج*. — (دل‌ج ۶) *ش‌۱۳۹۰-۱۳۸۷*، *کات*: *ل‌ب‌اک* — *نارهت*. — *ی‌دم‌م‌ن‌ی‌س‌ح‌دم‌م‌ر‌ظ‌ن‌ری‌ز*. *ت‌ی‌اور*.
14. *نات‌س‌ن‌اغ‌فا‌ت‌ای‌ب‌دا‌خ‌ی‌رات‌سی‌و‌ن‌ز‌اب‌ت‌رور‌ض*. *روپ‌زی‌زع‌رال‌اس* // www.afghanpaper.com
15. ۶۳، ص. — *ش‌۱۳۸۳*، *نارهت*. — *م‌ت‌سی‌ب‌ن‌رق‌رد‌نات‌س‌ن‌اغ‌فا*. *ن‌ی‌ن‌ط‌رها‌ظ*.

16. ۴۲. ص. – ش ۱۳۷۵، یرنه فزوح: نارہت۔ ب.اخلب هاگپ رد. یمیهف میحرل ادب ع.
17. ۷۸. ص. – ش ۱۳۷۷، ۳۷۷۷. روس: نارہت۔ چوکفرب. یمیهف میحرل ادب ع.
18. ۶۷. ص. – ش ۱۳۸۹، ۱۳۸۹. نارہت۔ ن.خالف گنس. ب.وکرز هلال لصف.
19. ۳۶، ۵۴، ۴۸۹. ص. – ش ۱۳۸۶، ۱۳۸۶. نارہت۔ یرواخ داوج دمحم یسیونزاب و یروادرگ. ناتسن اغفا یاه هزاره یاه هصق.
20. ۲۲۷. ص. – ش ۱۳۷۶، ۱۳۷۶. نارہت۔ (دیون) دنون: دهشم۔ ن.ایردی ح. م. هدنروآدرگ. ه.ناوید شورف باتک.
21. ۱/ ۲۸۰، ۲/۸۴. ص. – (دلج ۲) ش ۱۳۸۸، ۱۳۸۸. نارہت۔ ام. فچوک. نامثع مرکا دمحم.
22. ۲۶. ص. – ش ۱۳۸۶، ۱۳۸۶. نارہت۔ ا.ج. ا.ب. ف.فاق. هوک تشپ. یرواخ داوج دمحم.
23. ۲۰۹. ص. – ش ۱۳۸۹، ۱۳۸۹. نارہت۔ ب.باریم. ی.ب.جر بارهم.
24. ۱۴، (دلج ۲) ش ۱۳۸۱، ۱۳۸۱. نارہت۔ ا.ض.ر. ی.اوه: نارہت۔ (ش ۱۳۰۲ - ۱۳۴۴) ناتسن اغفا) خیرات و تارطاخ. ی.ی.الوم دمحماری م. ۱۵۵، ۸۵، ۱۰۰.

Сведения об авторе

Алимова Холида Зикриллаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры ирано-афганской филологии, Ташкентский государственный институт востоковедения. xolidaxon66@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 14—20.*

THE DERIVATIONAL POSSIBILITY OF THE SUFFIX **چ ی -ČI** IN THE DARI LANGUAGE

Kh.Z. Alimova

Tashkent State Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan

In the modern Persian-Dari languages, the suffix *-či* is productive, that is, it belongs to the affixes that have not lost the function of word formation. Despite the fact that many words derived with its help are ancient lexis, dozens of them are still actively used. Research shows that these suffixes are used for loan-words, in particular, they make new words from European loan-words. This article analyzes the derivational possibility of the suffix *-či* in the Dari language. The semantics the suffix *-či* is defined according to the analysis of the meaning of derived words' morphemes and some special features. It is observed that most of the derivative words with the suffix *-či* in the current Dari language are used with their own word-formatives, mainly, the present-day basis of verbs is used in parallel with semi-affixes; the reasons for this have been shown. The analysis of materials has proven the possible unproductivity of the suffix *-či* in the next period of the Dari language.

Keywords: *suffix -či, derivational stem, word-formative, derived words, borrowing, loan-word.*

References

1. Ganiyev, F.A. *Sovremennyy tatarskiy literaturnyy yazyk: suffiksaly'noye i foneticheskoe slovoobrazovaniye* [Modern Tatar literary language: suffixal and phonetic word-formation]. Kazan: Dom pechati Publ, 1973. Pp.72, 75-78. [In Russ.].
2. Kiselyova, L.N., Mikolaychik, V.I. *Dari-russkiy slovar'* [Dari-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1986. 752 p. [In Russ.].
3. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiyskiye yazyki* [Basics of Iranian linguistics. New Iranian languages: Western group, Caspian languages]. Moscow: Nauka Publ, 1982. P.211. [In Russ.].
4. Peysikov, L.S. *Ocherki po slovoobrazovaniyu persidskogo yazyka* [Essays on the word-formation of the Persian language]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1973. Pp.179-180. [In Russ.].
5. Tikhonov, A.N. *Osnovnyye ponyatiya russkogo slovoobrazovaniya // Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka* [Basic concepts of Russian word formation // Word formation dictionary of Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1985. 1 vol. P.31. [In Russ.].
6. Uralov, X.U. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya sovremennogo yazyka dari* [Scientific and technical terminology of the modern Dari language]. Tashkent: Fan Publ., 1990. P.23. [In Russ.].

7. Chxeidze, T.D. *Imennoye slovoobrazovaniye v persidskom yazyke* [Nominal word-formation in Persian]. Tbilisi: Metsniyereba Publ., 1969. P.25. [In Russ.].
8. Alimova, Kh. The derivational possibility of the suffixes -ak/-gak in the Dari language// *Paradigmata Poznání*, Prague, 2018, no.3, pp.77-84.
9. Navoiy, A. Muhokamatul-lughatayn // *Tanlangan asarlar* [Muhokamatul-lughatayn //Selected works]. Tashkent, 1948, vol.1, p.187 [In Uzb.].
10. Hasan, Anusha, Gholaamrezaa, Khodaabanda Loo. *Faarsi-ye naashenida: farhang-e waazhahaa wa estelaahaat-e faarsi wa faarsi shoda-ye kaarbordi dar Afghaanestaan* [Unpopular Persian: Dictionary of Farsi words and phrases in Afghanistan]. Tehran: Nashr-e qatra Publ., 1391. 1016 p. [In Dari].
11. Khosrow, Keshaani. *Eshteqaaq-e paswandi dar zabaan-e faars-ye emruz* [The derivation in Persian contemporary]. Tehran, 1381, p.35. [In Persian].
12. *Dar baara-ye matlab-e "Az-zeddaan Laejtema'aan" az Rahnavard Zaryaab* [About the article "Az-zeddan Laejtema'an" from Rahnavard Zaryab] // *Payaam-e zan*, 45, Maarch, 1997. [In Dari].
13. *Rewaayat. Zeer-e nazar-e Mohammad Hoseyn Mohammadi* [Narrative]. Tehran-Kabul, Taak Publ., 1387-1390, 6 vol, p. 64. [In Dari].
14. Saalaar, 'Azizpur. *Zarurat-e baaznawisi-ye taarix-e adabiyaat-e Afghaanestaan* [The necessity of re-writing the history of the literature of Afghanistan] // www.afghanpaper.com [In Dari].
15. Taaher, Tanin. *Afghaanestaan dar qarn-e bistom* [Afghanistan in the twentieth century]. Tehran: Erfan Publ., 1383, p.63. [In Dari].
16. 'Abdolrahim Fahimi. *Dar pagaah-e Balxaab* [In the morning of Balkhab]. Tehran: Hawza-ye honari Publ., 1375, p.42. [In Dari].
17. 'Abdolrahim Fahimi. *Barfkooch* [Snowfall]. Tehran: Sura, 1377, p.78. [In Dari].
18. Fazlollah, Zarkub. *Sang-e Falaakhan* [Stone sling]. Tehran: Erfaan Publ., 1389, p.67. [In Dari].
19. *Qessahaa-ye hazaarahaa-ye Afghaanestaan* [Hazara tales of Afghanistan]. Gerdaawari wa baaznawisi Mohammad Jawaad Khaawari. Tehran: Chashma Publ., 1386, pp.190, 223, 470. [In Dari].
20. *Ketaabforoosh-e Deewaana* [Crazy bookstore]. Gerdaawarenda: M. Haydaryaan. Mashhad: Nawand (Nawid) Publ., 1386, p.227. [In Dari].
21. Mohammad Akram, Osmaan. *Koocha-ye maa* [Our street]. Tehran: Erfaan Publ., 1388, 2 vol, pp. 291, 473. [In Dari].
22. Mohammad Jawaad, Khaawari. *Posht-e kooch-e Qaaf* [Behind the Qaaf mountain]. Seraaj Publ., 1386, p. 26. [In Dari].
23. Mehraab, Rajabi. *Miraab [Mirob]*. Tehran Erfaan Publ., 1389, p.209. [In Dari].
24. Mir Ahmad, Mawlaayi. *Khaateraata wa taarix (Afghaanestaan 1302-1344 sh.)* [Memories and history (Afghanistan 1302-1344 sh.)] Tehran: Hawaa-ye Rezaa Publ., 1381, 2 vol, pp. 14, 85, 155. [In Dari].

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОФЕССИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

М. А. Башанова, Юй Чжан, А. А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В статье приводится сопоставительный анализ наименований профессий в языковом сознании русских и китайских студентов. В языковом сознании русских студентов наиболее явно отражены результат и орудие труда представителя профессии, сфера и конкретное место осуществления деятельности. В языковом сознании китайских студентов наиболее явно отражены собственно деятельность представителя профессии и его характеристика.

Ключевые слова: языковое сознание, русские студенты, китайские студенты, значение, личностный смысл, психолингвистика.

Вводные замечания

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, как и какие социально-культурные и личностные факторы влияют на те языковые явления, которые охватываются понятием «языковое сознание», применительно к русским и китайским студентам. Мы намеренно говорим об одновременном влиянии разнородных факторов, поскольку данные психолингвистического эксперимента, как будет показано ниже, выявляют именно взаимодействие социального и личностного. Однако для того, чтобы зафиксировать и изучить это влияние двух факторов как закономерное, а не как случайное, необходимо понимание его отражения в понятии «языковое сознание» и методов познания соответствующего эмпирического материала.

Ниже мы сначала установим содержание ключевого для нас понятия и дадим ему определение, соответствующее нашему материалу, цели и методу, затем вкратце изложим метод анализа материала, после чего представим собственно его анализ и следующие из него выводы и обобщения.

Языковое сознание:

определение и содержание понятия

Множество авторов трактуют языковое сознание (далее — ЯС) как индивидуальное явление, как часть индивидуального сознания человека [1. С. 8; 5. С. 13; 6. С. 38—39; 8. С. 32—34; 14. С. 18—19; 15. С. 33]. ЯС, как правило, понимается не как понятие теории, отражающее некоторые факты языка и сознания, а как сами эти факты. В этой трактовке ЯС между явлениями индивидуального сознания и их обобщённым отражением в теории ставится знак равенства.

Такая точка зрения полностью соответствует двум наиболее часто цитируемым определениям ЯС, отраженным в [10. С. 45—46; 13. С. 20]. Положительный момент этой трактовки ЯС состоит в том, что она позволяет выявить то общее, что есть в различных формах проявления ЯС. Отрицательный момент состоит в том, что она не позволяет выявить составляющие ЯС единицы и их связи, а также лишь **указывает** на предметную область, но не выявляет **закономерности** её изменения именно в силу отсутствия в определении внешних и внутренних связей. Кроме того, чрезвычайно трудно (если вообще возможно) отделить знания, ассоциированные с языковыми знаками, от «остальных» знаний. Во всяком случае, работы, содержащие методику такого разделения, нам неизвестны.

Во многих работах ЯС трактуется противоречиво — то как индивидуальное, то как коллективное явление [4. С. 46—49; 11. С. 44], некоторые авторы не приводят чёткого определения ЯС, хотя оно фигурирует в качестве основного понятия [3; 9; 12].

При этом примечательно, что многие авторы связывают ЯС с ментальностью (лингвокультурой и т. п.) народа или какой-то социальной группы. Таким образом, оказывается, что ЯС — это такое нечто, что, оставаясь частью индивидуального сознания, является, тем не менее, инвариантным или, во всяком случае, схожим у представителей одной социальной группы. Кроме всего прочего, в ЯС отражаются различные культурные и социальные явления, из чего следует, что ЯС — это отражение в **индивидуальном** сознании **внешних** по отношению к нему предметов, проявляющееся в языке и до определённой степени одинаковое

у представителей некоторой группы. Такое объединение разнородных явлений в одном понятии представляет собой, на наш взгляд, попытку связать два аспекта языка (индивидуальный и социальный) и проследить связь между динамикой языковых явлений, рассматриваемых с групповых позиций и с позиций индивидуально-личностных. Лингвокультура есть, таким образом, предел абстрагирования от каких-либо других характеристик группы, кроме языка, которым в той или иной степени владеют входящие в неё индивиды.

Сказанное позволяет охарактеризовать ЯС как такое понятие, которое описывает общие черты ментальных лексиконов группы людей в их зависимости от внешних условий (профессия, возраст, социальное положение и т. д.), а также отражение в них отношения этих людей (упорядоченного, т. е. регулярно проявляющегося, или не упорядоченного) к условиям или явлениям действительности.

ЯС не находится целиком где-то «внутри» индивидуального сознания или целиком где-то «рядом» с ним, оно есть обобщённо представленное отражение внешнего (явления действительности) во внутреннем (индивидуальный язык, ментальный лексикон). Но ЯС не находится ни где-то в языковом материале, в текстах, ни в теории (являясь чистым научным конструктом), ни «рядом» с ними. ЯС выступает своего рода производной от внешних (групповых, социальных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов, влияющих на значения и личностные смыслы слов, при том, что между внутренними и внешними факторами имеет место постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

В ЯС как теоретическом понятии фиксируется определённая закономерная связь между внутренними и внешними факторами, влияющими на язык. Эта связь (зависимость) состоит в том, что для существенного, т. е. проявляющегося в виде явной тенденции, изменения значения и личностного смысла слова необходимо устойчивое, а не случайное изменение отношения людей к явлению, обозначаемому словом. Сказанное приводит нас к следующему определению: *языковое сознание — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов.* Таким образом, ЯС фиксирует в обобщённом виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимо-

сти от определённых (т. е. учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов.

В понятии ЯС воссоздаётся в обобщённом виде закономерная связь между языковыми явлениями, с одной стороны, и явлениями эмоционально-личностного и социально-культурного порядка, с другой. Следовательно, ЯС — это понятие теории, научный конструкт, а не объективно существующий конкретный предмет познания. В понятии ЯС психолингвистическими методами в обобщённом виде воссоздаются закономерности влияния эмоционально-личностного переживания социально-культурных явлений на явления языка как достояния человека. ЯС носит вероятностный характер, что позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений.

Методология исследования

Поскольку ЯС обобщает явления в индивидуальных сознаниях группы людей, а сознание человека не может быть ухвачено как таковое, а только по результатам его активности, то к ЯС применимы только экспериментальные методы. Методология исследования ЯС основывается на двух моментах.

Во-первых, сознание является активной и пристрастной формой отражения мира человеком, а язык является одной из форм существования сознания. Поэтому носителя языка необходимо поставить в такие условия (например, дать ему соответствующее задание), в которых он вынужден использовать то или иное слово. Результаты такого использования слова в заданных условиях будут основой для выводов о характеристиках слова. Но сам акт активности сознания ставит его в новое состояние, которое в данный момент неизвестно (известно то состояние сознания, которое было до акта активности и которое привело к наблюдаемому результату). Это новое состояние сознания тоже требует определённой активности, в результате чего сознание вновь окажется в новом состоянии, о котором можно будет узнать только по результатам его активности, и так до бесконечности.

Во-вторых, индивидуальное сознание целостно и уникально и реализуется всякий раз в действии (в частности, в речевом), а процесс и результат наблюдения за множеством индивидуальных сознаний интерпретируется и обобщается учёным с позиций теории как характеристика самого объекта наблюдения и познания. Однако же способы и средства наблюдения входят в итоговый результат познания в качестве особенностей знания

о самом объекте, а не в качестве средств его познания как таковых. Характер способов познания кристаллизуется, фиксируется в характере знания об объекте, в специфике приписываемых объекту свойств. Поэтому те свойства, которые теорией трактуются как относящиеся к ЯС, вовсе не обязательно присущи во всей полноте сознанию каждого носителя данного языка, они суть «издержки» познания и обобщения его результатов. Характеристики способа наблюдения интерпретируются в конечном итоге как свойства самого наблюдаемого объекта. Наблюдаемая в эксперименте активность различных индивидуальных сознаний «очищается» посредством теоретической интерпретации и обобщения от индивидуальных, проходящих, незначимых свойств в пользу наиболее значимых и ценных для целей исследования. Последние как раз и фиксируются в понятии ЯС, давая обобщённое представление о значении слова как достояния человека и позволяя делать выводы о месте и роли данного слова в целом в ЯС «среднестатистического» представителя некоторой лингвокультуры или социальной группы вне строгой зависимости от конкретной ситуации использования данного слова, но с сохранением наиболее значимых его свойств.

Оба этих обстоятельства приводят к выводу о необходимости изучать ЯС путём обращения к индивидуальным сознаниям группы людей, которые по условиям эксперимента проявляют свою активность. И уже по результатам этой активности и с учётом внешних условий делаются выводы о характеристиках их сознаний и ментальных лексиконов, в частности. Необходимость работать с группой людей создаёт ситуацию, когда о характеристиках ЯС можно говорить только в понятиях *относительных и вероятностных*. Нельзя сделать однозначного вывода о характеристиках некоторого слова в ментальных лексиконах группы людей, можно лишь сделать вывод, что во всей совокупности выявленных его характеристик имеются такие-то тенденции, которые более или менее вероятны при таких-то условиях, но никогда сумма их вероятностей не равна 100%. К тому же невозможно однозначно судить об эмоциональном отношении конкретного человека к обозначаемому данным словом предмету или явлению. Можно лишь сказать о большей или меньшей (но никогда не абсолютной) вероятности такого его отношения в условиях, схожих с данными.

Таким образом, в ЯС как теоретическом понятии отражаются не непосредственные характеристики

индивидуальных сознаний, а теоретические модели зависимостей этих характеристик от разных факторов, которые (характеристики) выражаются в слове.

Сформулированные методологические особенности изучения тех явлений, которые фиксируются в понятии ЯС, проявляются в свободном ассоциативном эксперименте и позволяют сконцентрироваться на систематических наблюдениях, а не на случайных: специально подбирая слова-стимулы и задействованных людей, можно «вынуждать» их ментальные лексиконы проявлять интересующие исследователя свойства и признаки и изучать их характер.

С учётом всех названных особенностей изучения ЯС нами была проведена серия экспериментов, в которых приняли участие русские и китайские студенты — 104 и 100 человек соответственно. На момент проведения экспериментов все испытуемые (далее — Ии.) были студентами разных университетов г. Красноярск и г. Шанхай, в основном языковых специальностей. Им были предъявлены в письменном виде 55 слов-стимулов, среди которых вразброс были даны интересующие нас слова, а именно наименования некоторых профессий (врач, повар, менеджер, писатель, кондуктор, спасатель, учитель, сантехник, юрист; соответственно: 医生, 厨师, 管理人员, 作家, 售票员, 救生员, 老师, 管道工, 律师).

По заданию эксперимента Ии. могли дать до трёх реакций на каждый стимул. Может появиться возражение, что такая процедура вносит нежелательное влияние на результаты ассоциативного эксперимента (каждая следующая реакция даётся не на стимул, а не предыдущую реакцию). Однако специальное исследование этой проблемы показало, что возникающие при такой процедуре флуктуации получаемых ассоциаций остаются в пределах 1—2%, носят случайный характер и не искажают имеющихся в ментальном лексиконе связей (см.: [16]).

Основываясь на методе распределения реакций по типу связи между реакцией и стимулом [7. С. 140—141], для анализа полученных данных мы применяли метод, который может быть назван **методом семантико-тематической группировки** реакций. В его основе лежит одновременный учёт и связей между стимулом и реакцией, и связей между разными реакциями. Это позволяет сконцентрироваться на личностном смысле, реализующемся в реакциях, и на его «удельном весе» во всей совокупности полученных реакций (ассоциативном поле).

Реакции на каждый стимул объединялись по признаку их потенциальной принадлежности к одной теме или высказыванию, сфере употребления, классу обозначаемых предметов и т. д. Для выявления эмоционально-личностного компонента в ЯС студента реакции группировались также не по какому-то формульному или произвольно выбранному признаку, а по признаку выражения в них личностного отношения Ии. к обозначаемым словами-стимулами явлениям. Затем полученные группы реакций сравнивались для выявления общей тенденции. Здесь важно не просто количество, например, эмоционально-окрашенных реакций, а их **отношение** к количеству всех остальных реакций. В нашем случае происходит не сопоставление групп реакций, полученных от одной группы Ии., а сопоставление одинаковых групп реакций, полученных от разных групп Ии.

Анализ результатов

Прежде чем переходить к анализу полученных данных, отметим, что стимулы были выбраны на osoby основаниях. Это профессии, с представителями которых Ии. имеют опыт общения в повседневной жизни (кондуктор, учитель); профессии, которые в современном обществе считаются престижными (менеджер, юрист); профессии, которые можно считать престижными, но низкооплачиваемыми (спасатель, врач); и профессии, которые не престижны (повар, сантехник). Кроме того, в списке было слово писатель, которое тоже может быть рассмотрено наряду с перечисленными профессиями и охарактеризовано как обозначающее творческую профессию. Всего на эти стимулы было получено 1392 реакции от русских Ии. и 903 от китайских Ии., включая нулевые реакции. Общая количественная картина реакций русских Ии. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Реакции русских студентов на стимулы-наименования профессий

Группа реакций	Профессия									Итого
	Врач	Повар	Менеджер	Писатель	Кондуктор	Спасатель	Учитель	Сантехник	Юрист	
	кол-во реакций									
Синонимия	15	1	11	7	0	6	1	2	0	43
Разновидность профессии	25	9	12	7	0	5	5	3	12	78
Профессии той же сферы	0	0	2	3	3	0	11	3	3	25
Объект действия	12	0	0	0	0	1	3	58	15	89
Место действия представителя	22	22	13	2	33	19	27	5	2	145
Одежда представителя	22	10	3	0	6	8	0	9	2	60
Орудие деятельности	10	9	2	18	40	23	14	11	5	132
Деятельность	10	9	8	1	1	2	10	6	2	49
Частное — общее	10	9	34	16	11	31	12	26	47	196
Результат действия представителя	8	48	0	34	0	0	4	2	8	104
Оценка	2	11	0	0	1	0	2	0	0	16
Характеристика представителя	8	3	13	4	12	9	28	4	10	91
Характеристика труда	0	1	9	1	5	9	3	2	10	40
Гендерная/возрастная принадлежность	0	3	1	0	6	0	4	2	0	16
Связь с личной жизнью	5	4	2	2	5	2	6	2	13	41
Внешний вид	0	6	0	0	82	1	4	0	0	93
Цвет	6	4	1	1	0	4	0	2	1	19
Персоналии/персонажи	0	0	0	52	0	19	3	6	0	80
Прочее	10	18	20	9	18	17	7	11	4	110
Нулевые	5	0	9	3	3	5	6	4	4	39

Принципы, по которым реакции были объединены, ясны из названий групп. Необходимо, как представляется, пояснить только группу «связь с личной жизнью, в которую вошли такие реакции, как ВРАЧ — *мама; мой дедушка*, и группу «частное — общее» с реакциями типа ВРАЧ — *медицина*; МЕНЕДЖЕР — *управление; продажи*; ЮРИСТ — *законы; право*.

Из таблицы видно, что нет ни одного стимула, реакции на который распределялись бы по всем выявленным группам, т. е., несмотря на определённую гиперонимическую общность значений слов-стимулов, реакции на каждый из них проявляют собственную специфику. Однако нет и группы реакций, которая была бы характерна для всех стимулов. Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что смысл слова — названия профессии в ЯС студента обусловлен его собственным опытом общения (в самом широком смысле) с представителями этой профессии и тем, как этот опыт переживается эмоционально: каждое слово — наименование профессии кристаллизует в своём значении комплекс типичных ситуаций взаимодействия с представителями данной профессии. Другое дело, что эти ситуации могут быть не реальными, а воображаемыми, и тогда в реакциях существен стереотипный компонент.

В целом же (за редкими исключениями) образы профессий переживаются через место действия (ПОВАР — *кухня*; УЧИТЕЛЬ — *школа*), орудие деятельности (ВРАЧ — *лекарства, шприц*; ПИСАТЕЛЬ — *перо*) и результат деятельности (ВРАЧ — *диагноз, рецепт*), а также в существенной степени проявляются общие категории, часто абстрактные, к которым относятся данные профессии. Редкая профессия (пожалуй, только юрист и кондуктор) обладает только одним каким-то доминирующим аспектом.

Существенное место занимает эмоционально-оценочный компонент, который в явном виде проявляется в оценке самого представителя профессии (КОНДУКТОР — *злые создания; орёт*; ВРАЧ — *мудак*; ЮРИСТ — *зануда, недоучка*; УЧИТЕЛЬ — *строгий*) и в характеристике труда (ЮРИСТ — *скука*; МЕНЕДЖЕР — *стрёмная работа*), но также в имплицитном виде может содержаться и в других реакциях, например, группа реакций «внешний вид» (ПОВАР — *жирный; толстячок*; КОНДУКТОР — *яркие плохо окрашенные ногти; грязный*) или «результат труда» (ПОВАР — *вкусняшки*).

Отсюда видно, что эмоциональная окрашенность разных наименований профессий различна. Уникальный эмоциональный компонент значений наименований профессий, как можно полагать, обуславливает отношение человека ко всем представителям данной профессии и к конкретному её представителю в конкретной ситуации общения. Можно констатировать наличие диалектики значения слова и соответствующего явления действительности: с одной стороны, типичные ситуации общения с представителями некоторой профессии отражаются в значении соответствующего слова, с другой стороны, само это значение влияет на отношение индивида к той или иной профессии и её представителям (а значит, частично и на его деятельность в таких ситуациях). Изменение одного неминуемо повлечёт за собой изменение другого: изменение образа какой-либо профессии в сознании как отражении опыта познания и общения (деятельности личности) приведёт к изменению значения слова и его связей с другими словами в сознании как отражении опыта человека.

Реакции китайских Ии. отличаются во многих отношениях. Хотя принципы их объединения в семантико-тематические группы были теми же, реакции некоторых групп малочисленны или отсутствуют вовсе (например, группа «гендерная/возрастная принадлежность»). Общая количественная картина представлена в табл. 2.

Особенности наименований профессий в ЯС китайский студентов уже анализировались нами в другой публикации [2]. Однако в описываемом в настоящей статье исследовании объём эмпирического материала значительно увеличен.

Таблица показывает, что реакции китайских Ии. отличаются от реакций русских Ии. уменьшением числа реакций групп «место действия представителя» и «орудие деятельности» и увеличением числа реакций групп «деятельность» и «характеристика представителя». Уже это даёт основания заключить, что, с психолингвистической точки зрения, значение наименований профессий в китайском языке конституируется в основном зафиксированными в них свойствами и действиями конкретных представителей данных профессий, а не тем местом, где это действие происходит, или орудием, которым оно осуществляется. Примеры многочисленны: 医生 ВРАЧ — *救死扶伤* (4) ‘спасать от смерти, лечить раны’, *救人* (5) ‘спасать людей’, *打针* (2) ‘ставить укол’, *开刀* ‘оперировать’ и др.; 作家 ПИСАТЕЛЬ — *写作* (6) ‘писать, сочинять’, *作文* (2) ‘писать сочинения’, *写书* (2) ‘писать книги’,

Таблица 2

Реакции китайских студентов на стимулы-наименования профессий

Группа	Профессия									Итого
	医生 Врач	厨师 Повар	管理人员 Менеджер	作家 Писатель	售票员 Кондуктор	救生员 Спасатель	老师 Учитель	管道工 Сантехник	律师 Юрист	
	кол-во реакций									
Синонимия	4	1	5	0	0	1	0	0	4	15
Разновидность профессии	12	2	0	1	0	0	3	0	0	18
Профессии той же сферы	0	0	9	2	1	2	5	7	0	26
Объект действия	2	0	0	0	0	0	15	6	32	55
Место действия представителя	6	2	3	0	24	13	6	6	5	65
Одежда представителя	6	2	0	0	0	0	2	5	1	16
Орудие деятельности	9	9	1	4	12	21	4	1	0	61
Деятельность	14	11	8	15	8	9	8	26	3	102
Частное — общее	11	4	3	8	2	0	1	0	4	33
Результат действия представителя	0	35	0	25	0	0	0	0	0	60
Оценка	2	14	3	0	3	0	2	1	0	25
Характеристика представителя	8	2	26	12	16	26	25	10	30	155
Характеристика труда	0	0	0	1	0	0	0	1	1	3
Связь с личной жизнью	0	0	0	4	0	0	3	0	0	7
Внешний вид	1	8	2	0	1	1	2	5	0	20
Цвет/запах	7	0	0	1	1	1	0	1	0	11
Персоналии/персонажи	0	0	1	18	0	0	0	23	0	42
Прочее	28	20	27	10	25	30	23	15	27	205
Отказы	1	1	2	1	2	2	1	1	2	13

出版 'издавать, публиковать'; 写文章 'писать статьи' и др.; 售票员 КОНДУКТОР — 辛苦 (3) 'тяжело трудиться'; 卖票 (3) 'продавать билет'; 喊 'громко кричать' и др.

Более подробный качественный анализ реакций выявляет и ещё одну, куда более существенную, особенность реакций китайских Ии. Это наличие реакций, означающих действия самого субъекта при взаимодействии с представителем данной профессии (для сохранения унифицированной системы групп реакций подобные примеры помещены в группу «прочее»). Например: 售票员 КОНДУКТОР — 买票 (6) 'покупать билеты', 给钱 'платить деньги'; 厨师 ПОВАР — 吃饭 (5) 'есть (употреблять пищу)', 饿 (2) 'голодный', 好

饿 'слишком голодный'; 作家 ПИСАТЕЛЬ — 崇拜 'почитать, поклоняться'; 救生员 СПАСАТЕЛЬ — 游泳 (12) 'плавать'; 溺水 (2) 'тонуть'; 落水 'упасть в воду'; 尊敬 'уважать'; 老师 УЧИТЕЛЬ — 上课 'ходить на занятия'; 尊重 'уважать, почитать' и др. Подобные реакции имеются не на все стимулы, но, тем не менее, они проявляют стойкую тенденцию, которая ещё ярче в сравнении с реакциями русских Ии., среди которых таких реакций нет вовсе.

Данная тенденция чрезвычайно интересна, поскольку позволяет предположить, что в значении наименования профессии в китайском языке входит существенный компонент, означающий не действия представителя профессии, а того субъекта,

который с ним взаимодействует. И этот компонент не характерен для соответствующих слов русского языка.

Также в отличие от ЯС русских студентов в ЯС их китайских сверстников многие профессии оцениваются как тяжёлый труд, заслуживающий уважения или сочувствия. Например: 厨师 ПОВАР — 辛苦 (2) ‘тяжело трудиться’; 管理人员 МЕНЕДЖЕР — 辛苦 (2) ‘тяжело трудиться’; 售票员 КОНДУКТОР — 辛苦 (3) ‘тяжело трудиться’, 累 (2) ‘усталый’, 苦 ‘несчастный, жалкий’ и др. В этой тенденции нам видится отражение культурных стереотипов и ценностей. Примечательно, что такие реакции почти не характерны для русских Ии.

Отметим также один интересный с социально-культурных позиций момент. Принято считать, что фигура учителя является особой для китайской культуры. Даже среди реакций русских Ии. на стимул УЧИТЕЛЬ имеется одна, связанная с Китаем — *Конфуций*. Но ничего подобного не прослеживается в реакциях китайских Ии. на стимул 老师 ‘УЧИТЕЛЬ’. Что вполне объяснимо, поскольку оно не используется по отношению к Конфуцию, которого в канонических текстах называют 孔子 или попросту 子. Семантическая связь «учитель — мудрец — Конфуций», является скорее русским стереотипом, а не китайской реальией. Наиболее частотной здесь является реакция 学生 (9) ‘ученик, студент’. А самой большой по количеству группой реакций, как видно из таблицы, является группа характеристик представителя этой профессии, причём характеристики эти далеко не всегда положительные: 严肃 (2) ‘торжественный, важный’; 狠心 ‘жестокость, жестокий’; 可怕 ‘страшный, ужасный’; 善良 ‘достойный, порядочный’; 爱心 ‘сердечность’; 凶 ‘злой’; 辛勤 ‘трудолюбивый’; 烦人 ‘надоедливый, неинтересный’ и т. д.

Примечательно, что наиболее частотной реакцией русских студентов была реакция *школа* с индексом 21, а у китайцев это 学生 (13) ‘ученик’, ‘студент’, что вновь наводит на мысль о существенном месте того, кто взаимодействует с представителем профессии, в значении соответствующего слова.

Выводы

Напомним, что выше языковое сознание было определено как такое понятие, которое показывает зависимость между изменениями значений и личностных смыслов слов, с одной стороны, и внешними (социальными) и внутренними (пси-

хическими) факторами функционирования языка, с другой.

Как показал проведённый анализ и сопоставление реакций китайских и русских студентов на одни и те же комплексы стимулов, для всех них характерно влияние как внутренних, так и внешних факторов. Внешними факторами можно считать ту деятельность, которую осуществляет представитель данной профессии по отношению к студенту. Внутренним фактором является эмоционально-личностное переживание субъектом этой деятельности, её результата или самого её субъекта.

Примечательно, что действия не представителя профессии, а самого студента находят явное и регулярное выражение в реакциях только китайских студентов. Затруднительно объяснить причины этой тенденции. По-видимому, можно только констатировать как отличительную черту китайского наименования профессии быть связанным в ментальном лексиконе с теми словами, которые обозначают действия не представителя профессии, а другого человека, вовлечённого во взаимодействие с первым.

Можно также заключить, что объединение образов языкового сознания и соответствующих им слов является в определённой степени условностью и как таковые эти категории в ментальном лексиконе не существуют (но существуют в сознании человека — как абстракции). Об этом говорит уникальность реакций на каждый стимул, несводимость их к общему «семантическому знаменателю».

Несмотря на уникальность значения каждого слова, проявляющуюся в реакциях (а значит, соответствующего ему образа языкового сознания), совокупности слов, объединённых по некоторому семантическому признаку, имеют схожие свойства. Это сходство свойств связано, прежде всего, с тем, какой личностный смысл и с какой «интенсивностью» входит в соответствующие образы языкового сознания и индивидуальных сознаний некоторой группы носителей языка.

Наименования профессий и их значения являются хорошим материалом для изучения содержания обыденного сознания, ведь, пожалуй, каждый из нас хотя бы раз взаимодействовал с учителем, врачом, сантехником, поваром и т. д. Наше исследование показывает, что образы обыденного сознания, стоящие за наименованиями профессий, характеризуются не столько социально-культурной спецификой, как принято

считать, сколько спецификой эмоционально-личностной. Эти образы в обыденном сознании русских и китайских студентов различаются меньше, чем в обыденном сознании русских сту-

дентов и русских преподавателей, поскольку их различия обусловлены не культурой напрямую, а той деятельностью, в которую вовлечены конкретные люди.

Список литературы

1. Баландина Е. С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Екатеринбург, 2013.
2. Башанова М. А., Яковлев А. А. Наименования некоторых профессий в языковом сознании китайских студентов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Международ. науч. конф., Челябинск, 18—20 апр. 2018 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Л. А. Нефёдова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 104—107.
3. Григорьев А. А. Репрезентация лексических категорий в языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 2005.
4. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 1999.
5. Данилова Е. В. Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — М., 2001.
6. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015.
7. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011.
8. Киселёва М. П. Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. — Ростов-н/Д, 2009.
9. Лучик М. Функционально-семантическое поле интраперцептивности в русском языке на фоне польского языкового сознания: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — М., 2006.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
11. Раевская М. М. Испанский язык XVI—XVII вв. и испанское языковое сознание: взаимосвязь и взаимодействие: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. — М., 2007.
12. Сафонова Н. В. Ментальная и языковая репрезентация концепта благо/добро в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Тамбов, 2004.
13. Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. — 2009. — № 10. — С. 18—25.
14. Шишканов И. В. Специфика немецкого и русского языкового сознания: Психолингвистический анализ тематической группы «Человек»: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 2002.
15. Штехман Е. А. Особенности языкового сознания диалектоносителей в аспекте лингвистического моделирования основных составляющих: на материале русских старожилов Среднего Прииртышья: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Омск, 2007.
16. Яковлев А. А. Об одном методологическом изъёме при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 4. — С. 16—25.

Сведения об авторах

Башанова Мария Алексеевна — Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия. mashabashanova46@gmail.com

Юй Чжан — Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия. yuzhang0829@foxmail.com

Яковлев Андрей Александрович — канд. филол. наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия. mr.koloboque@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 21—30.*

PROFESSIONS NAMES IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS

M.A. Bashanova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. mashabashanova46@gmail.com

Yu Zhang

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. yuzhang0829@foxmail.com

A.A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. mr.koloboque@rambler.ru

The article presents a comparative analysis of the names of professions in the linguistic consciousness of Russian and Chinese students. Linguistic consciousness is defined as a concept fixing the relationship between changes in meanings and personal senses of words, on the one hand, and external (social) and internal (mental) factors of language functioning, on the other hand. In Vygotskian psychology along with meaning itself the personal sense is also a part of the sign content. Every sign has two aspects — the social and the individual ones. Every sign is an instrument of both interaction with the world and its emotional experiencing (*переживание, perezhivanie*). The analysis of the material was based on the authors' method of semantic-thematic grouping of associations with their subsequent analysis. The linguistic consciousness of Russian students most clearly reflects the result and instrument of work of profession representatives, the result and specific location of their activities. The linguistic consciousness of Chinese students most clearly reflects the activities of profession representatives and their characteristics.

Key words: *linguistic consciousness, Russian students, Chinese students, meaning, personal sense, psycholinguistics.*

1. Balandina E. S. *Dinamika obraza sem'i v yazykovom soznanii nositelej raznykh kul'tur: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. [Dynamics of the family image in the linguistic consciousness of representatives of different cultures: thesis ... candidate of philology]. Ekaterinburg, 2013. (In Russ.)*

2. Bashanova M. A., Yakovlev A. A. *Naimenovaniya nekotorykh professij v yazykovom soznanii kitajskikh studentov [Some professions names in the linguistic consciousness of Chinese students] // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: materialy IX Mezhdunarod. nauch. konf., Chelyabinsk, 18—20 apr. 2018 g. [Proceedings of the IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects», Chelyabinsk, April 18—20 2018]. P. 104—107. (In Russ.)*

3. Grigor'ev A. A. *Reprezentatsiya leksicheskikh kategorij v yazykovom soznanii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. [Representations of the lexical categories in the linguistic consciousness: thesis ... doctor of philology]. Moscow, 2005. (In Russ.)*

4. Gudkov D. B. *Pretsedentnye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoj kommunikatsii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. [Precedent phenomena in the linguistic consciousness and intercultural communication: thesis ... doctor of philology]. Moscow, 1999. (In Russ.)*

5. Danilova E. V. *Psicholingvisticheskij analiz vospriyatiya khudozhestvennogo teksta v raznykh kul'turakh: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. [Psycholinguistic analysis of the literal text perception in different cultures: thesis ... candidate of philology]. Moscow, 2001. (In Russ.)*

6. Dzyuba E. V. *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkom yazykovom soznanii: monografiya [Linguocognitive categorization in Russian linguistic consciousness]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2015. (In Russ.)*

7. Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu ehksperimenta: monografiya [Word meaning through the prism of the psycholinguistic experiment]. Tver: Tver gos. un-t, 2011. (In Russ.)*

8. Kiselyova M. P. *Yazykovoe soznanie kak problema otechestvennoj kognitivistiki: dis. ... kand. filol. nauk: 09.00.13. [Linguistic consciousness as the problem of the Russian cognitive studies: thesis ... candidate of philology]. Rostov na Donu, 2009. (In Russ.)*

9. Luchik M. Funktsional'no-semanticheskoe pole intraperspektivnosti v russkom yazyke na fone pol'skogo yazykovogo soznaniya: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. [Semantic-functional field of intraperspectivity in the Russian language on the background of the Polish linguistic consciousness: thesis ... doctor of philology]. Moscow, 2006. (In Russ.)
10. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok — Zapad, 2007. (In Russ.)
11. Raevskaya M. M. Ispanskij yazyk XVI—XVII vv. i ispanskoe yazykovoe soznanie: vzaimosvyaz' i vzaimodejstvie: dis. ... d-ra filol. nauk. 10.02.20 [The Spanish of the XVI—XVII c. and the Spanish linguistic consciousness: interconnections and interaction: thesis ... doctor of philology]. Moscow, 2007. (In Russ.)
12. Safonova N. V. Mental'naya i yazykovaya reprezentatsiya kontsepta blago/dobro v russkom yazykovom soznanii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. [Mental and language representation of the concept «good» in the Russian linguistic consciousness: thesis ... doctor of philology]. Tambov, 2004. (In Russ.)
13. Ufimtseva N. V., Tarasov E. F. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Problems of the linguistic consciousness research] // Voprosy psikholingvistiki [Psycholinguistic journal]. 2009. № 10. P. 18—25. (In Russ.)
14. Shishkanov I. V. Spetsifika nemetskogo i russkogo yazykovogo soznaniya: Psikholingvisticheskij analiz tematicheskoy gruppy «Chelovek»: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. [German and Russian linguistic consciousness specifics: psycholinguistic analysis of the thematic group «Human»: thesis ... doctor of philology]. Moscow, 2002. (In Russ.)
15. Shtekhman E. A. Osobennosti yazykovogo soznaniya dialektonositelej v aspekte lingvisticheskogo modelirovaniya osnovnykh sostavlyayushhikh: na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. [Specifics of the linguistic consciousness of the dialect speakers in the perspectives of the linguistic modeling of the general components: on the material of the Russian ancient dialects of the mid Irtysh river: thesis ... candidate of philology]. Omsk, 2007. (In Russ.)
16. Yakovlev A. A. Ob odnom metodologicheskom iz'yane pri provedenii svobodnogo assotsiativnogo ehksperimenta [On a procedural error in the free association experiment] // Vestn. Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Journal of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2018. № 4. P. 16—25. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ (КНР), НАХОДЯЩИХСЯ НА ЯЗЫКОВОЙ СТАЖИРОВКЕ В КАЛМЫЦКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. Б. Б. ГОРОДОВИКОВА

О. Н. Болдырева¹, Цзыхэн Чжао²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

²Университет Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай

С ростом институционализации обменных программ между китайскими и зарубежными университетами развитие межкультурной прагматической компетентности студентов по обмену постепенно становится предметом внимания филологов. Авторы статьи делают попытку обсудить глубокие культурные коннотации студентов по обмену в выражениях их языка. Раскрываются соответствующие правила межкультурной прагматики между китайским и русским языками.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, студенты по обмену, межкультурная коммуникация, прагматика, стажировка, фонетика, грамматика, орфография, компетентность, внутренние и внешние факторы

Введение

Межкультурная прагматическая компетентность в основном изучается людьми из разных культур, которые демонстрируют способность использовать второй язык для межкультурной речевой коммуникации. Основное внимание уделяется межкультурному сравнению языковой деятельности в разных культурах посредством конструирования и понимания прагматических значений языковой «поверхности» (т. е. формальных языковых средств), прагматической среды, прагматических стратегий и т. д., особенно языка, используемого людьми в межкультурном речевом общении. Проводя исследование, мы обнаружили проблемы в построении прагматического значения [3. С. 31—42].

Изучение межкультурной языковой прагматики — это первый уровень и основа межкультурных прагматических исследований, и поверхностный анализ языка, и анализ явных языковых носителей [2. С. 29]. Как носители культуры формы разных языковых слоев неодинаковы. Русский и китайский языки имеют очевидные различия с точки зрения произношения, письменности, грамматической структуры, лексического значения и выражения. Эти различия приводят к тому, что китайцам при проведении межкультурного речевого общения на русском языке всегда трудно избавиться от влияния китайского языка на мышление и выражения

и т. д., что влияет на качество межкультурного общения [7. С. 38].

Университет Внутренней Монголии и Калмыцкий государственный университет создали систему обмена студентами в 2004 году. За 14 лет около 180 студентов прошли стажировку в России. В статье исследуются две группы из УВМ в количестве 18 человек, проходившие стажировку в России. Также изучаются познания студентов на фонетическом, грамматическом и орфографическом уровнях до и после прохождения стажировки, объясняются и анализируются изменения, происходящие в изучении межкультурной языковой прагматики во время обмена. Посредством интервью и анкетирования мы можем понять степень владения русским языком каждого учащегося и проанализировать причины, которые влияют на межкультурную языковую прагматическую компетентность студентов по обмену.

Метод эмпирического исследования

1. Субъект исследования

Чтобы понять степень развития межкультурной языковой прагматики, субъектами исследования были выбраны две группы студентов УВМ в количестве 18 человек. Среди них девять студентов, проходящих стажировку в Калмыцком государственном университете, являются экспериментальной

группой, а девять студентов, которые не участвовали в обмене, являются контрольной группой. Таким образом, были представлены две группы.

2. Экспериментальные методы

Мы разработали три серии экспериментов для изучения изменений в уровне овладения русским языком. Они включают в себя фонетические (ударение, интонация), грамматические (управление глагола) и орфографические эксперименты (правописание слов):

1) Фонетические эксперименты (ударение и интонация)

На базе выбранного материала мы можем определить уровень владения ударением и интонацией русского языка у студентов-стажеров из УВМ. Материалы для чтения составлены на основе китайского учебника «Русский язык в университете», в котором представлены специальные ударения существительных и глаголов и интонационные конструкции русского языка, которые студенты изучали ранее. Этот материал в основном охватывает различные формы русского ударения, а также семь интонационных конструкций русского языка, часто используемых в разговоре.

2) Грамматические эксперименты (управление глаголом)

Применение предлогов с глаголами различно, что в какой-то степени затрудняет запоминание и использование их китайскими стажерами. Поэтому точность выбора управления глаголами может отражать уровень владения русской грамматикой. Мы разработали два эксперимента, чтобы проверить качество навыка управления глаголами у студентов-стажеров во время обмена. Первый эксперимент был разговорным тестом, который требовал, чтобы субъекты устно ответили на вопросы, касающиеся управления глаголом. Второй эксперимент — это письменный тест, требующий, чтобы субъекты выбрали правильные варианты управления глаголом в предложенных вариантах. Эти эксперименты включают в себя управление глаголами и выбор предлога. Таким образом, охватываются все сложности, возникающие в вопросах управления глаголами, поэтому они могут в определенной степени отражать уровень знания русской грамматики студентами.

3) Орфографические эксперименты (правописание слов)

Авторами было спроектировано два эксперимента. Первый был устным тестом, который требовал, чтобы субъекты произнесли написание глагола. Второй эксперимент был письменным

тестом, в котором участникам предлагалось написать правильно русские слова, переводя их с китайского языка.

Вышеупомянутые три группы экспериментов (фонетические, грамматические и орфографические) выполнялись в два этапа. Первый этап проводился до стажировки студентов за границей, и в нем изучалась межкультурная языковая прагматика до того, как студенты по обмену выезжали за границу. Вторая стадия главным образом рассматривала улучшение межкультурной языковой прагматики после того, как студенты в течение некоторого времени находятся на стажировке.

В то же время два этапа эксперимента и сама экспериментальная группа также контролируются. Это позволяет осуществлять динамическое отслеживание межкультурной языковой прагматики и повысить точность эксперимента.

Результаты и анализ

Целью сравнительного анализа различных языковых «поверхностей» является не только понимание различий языковых средств, но, что более важно, выявление различий в значении этих средств и их использовании в качестве культурного носителя для сравнения культуры, стоящей за языковыми средствами. Это начальное исследование межкультурной прагматики.

Ниже мы анализируем и сравниваем экспериментальные материалы китайской и русской языковой «поверхности» с трех сторон: фонетические, грамматические и орфографические особенности.

Фонетические особенности

1. Ударение

Русское ударение обладает подвижностью и многопозиционностью. Подвижность означает, что ударение в русских словах не является фиксированным и может падать на разные слоги в словах. Когда русское слово используется в словосочетании, то ударение в нем может сместиться на другой слог или оно может быть фиксированным. Многопозиционность означает, что ударные позиции каждого русского слова различны, некоторые на первом слоге, некоторые на втором слоге и так далее.

Подвижность и множественность русского ударения могут использоваться как средства и различия грамматических форм: различные формы русских слов, за исключением конечных изменений, часто сопровождаются движением позиций ударения. Из-за различий в его положении ударе-

ние, следовательно, является важной характеристикой слов, и в то же время оно становится важным средством различия слов. Слова, написанные одинаково, могут иметь различие в значении из-за расположения ударения.

Ударение в русских словах — сложный механизм и китайским студентам нужно уделять ему больше внимания. Таким образом, русское ударение может использоваться как средство проверки языковой прагматической компетенции китайского студента. Когда студенты-иностранцы изучают правила расстановки ударения в русских словах, они проверяют спряжение глаголов, прошедшее время глаголов, склонение существительных и множественное число существительных. Эти четыре случая в основном охватывают все специальные типы ударения в русском языке и могут отражать понимание студентом-стажером подвижности и многопозиционности русского ударения.

2. Интонация

Интонация — это звуковое средство речи, которое люди используют для разделения предложений и их компонентов в потоке речи, для определения цели высказывания (например, утверждение, императив, сомнение) и для выражения отношения к содержанию высказывания [5. С. 252].

Интонация русского языка выражена семью интонационными конструкциями (ИК). Эти семь ИК тесно связаны с предложением. Говорящий выделяет ключевые моменты в разговоре через интонацию, а слушатель через интонацию понимает ключевые моменты, которые говорящий хочет выразить. Разные ИК выражают разные намерения говорящего. Одно и то же предложение, используя разные ИК, выражает разные значения. Например, предложение «Он предупредил их» через ИК-1 указывает, что «Он уже сообщил им заранее», а через ИК-3 указывает на вопрос «Говорил ли он им заранее?».

Чрезвычайно важную роль в общении играет то, насколько правильно сделан выбор ИК. Ошибки в выборе не могут точно выразить намерения говорящего и способны даже привести к недопониманиям или конфликтам. В ходе исследования мы изучали мастерство стажеров из Китая в выборе ИК. Наше исследование охватывает семь ИК, таких как заявления, вопросы, вопросы, оценки и другие. Они могут в определенной степени отражать понимание иностранцами русского ударения.

Анализ результатов

Результаты показывают, что до обмена у студентов существует большая проблема в овладении русским ударением. Участники не могли четко запомнить движущиеся ударения в существительных и глаголах, и часто делали ошибки в расстановке ударения. Согласно статистическим данным, до обмена доля студентов, которые верно расставили ударение в русских словах, составляла 35,8%, а доля студентов, которые не проходили стажировку, — 33,3%, почти равное количество. Также ошибки в расстановке ударения были похожи.

После прохождения полугодовой стажировки доля студентов, правильно расставивших ударение, увеличилась до 48,3%, однако, доля студентов, не проходящих стажировку и правильно расставивших ударение, увеличилось лишь на 2,4% и составила 38,2%. Разница между двумя группами стала равна 10,1%. Студенты по обмену смогли понять грамматику русских существительных и глагольных ударений, а успехи студентов, не участвовавших в обмене, недостаточно высоки. Некоторые студенты даже регрессировали. Т.о. студенты по обмену достигли больших успехов в движении ударения в словах, а уровень студентов, не участвовавших в обмене, мало изменился.

Мы пришли к выводу, что, независимо от того, является ли он студентом по обмену или студентом, не проходящим стажировку, интонационная конструкция русского языка не может быть умело использована, и проблема неправильного использования или корректировки часто является неполной. Согласно статистике, 49,4% студентов-стажеров до обмена правильно выполнили тесты, а процент студентов, не участвующих в обмене, составил 45,1, т. е. соотношение между ними не имеет большой разницы.

После полугодовой стажировки процент студентов по обмену достиг 74,7, а процент студентов, не участвовавших в обмене, составил 62,3. Процентная разница увеличилась. Студенты по обмену смогли использовать русские местоимения в правильном контексте, в то время как студенты, не проходящие стажировку, добились меньшего прогресса.

Грамматические особенности: управление глаголами

Для студентов по обмену управление глаголами является наиболее сложным в русской грамматической структуре. В дополнение к этому, трудность вызывают комбинации глаголов

с предложениями. С глаголами сочетаются различные предлоги, и подчиненная связь между ними различна.

Анализ результатов

Результаты показывают, что перед обменом студенты-стажеры и студенты, не проходящие стажировку, сталкиваются с большой проблемой в управлении глаголами. Они не имеют четкого представления о глаголах и часто делают ошибки. Согласно статистическим данным, уровень точности выполнения тестовых материалов студентами-стажерами до обмена составлял 57,6%, а уровень студентов, не находящихся на стажировке, — 54,3%. Соотношение этих данных почти одинаково. Кроме того, в тестовых материалах студенты допускали примерно одинаковые ошибки, в основном в выборе предлога или глагола.

После полугодовой стажировки доля студентов в вышеуказанном показателе достигла 72,7%, в то время как показатель точности у студентов-не стажеров по-прежнему составлял 61,4%. Разница между двумя группами стала заметно увеличиваться. Студенты, проходящие стажировку, смогли овладеть управлением глаголами и выбором предлогов к данным глаголам, и их прогресс очевиден. В то время как студенты, не участвующие в обмене, даже регрессировали.

Орфографические особенности: правописание слов

В русском языке существует явление «редукции» фонем при произношении. Наиболее ярким примером редукции является то, что буква /о/ близка к /а/ в безударных слогах. Поэтому иногда слова с разным написанием произносятся одинаково, когда буква «о» находится в полном слоге, например, *волы́* (множественное число) и *валы́* (множественное число). Таким образом, студент-стажер должен учесть влияние подобного произношения при написании слова, что также часто становится проблемой.

Анализ результатов

Результаты показывают, что изначально существовала большая проблема в овладении правописанием слов и у студентов по обмену, и у студентов, не участвующих в обмене. Участники эксперимента не запоминали написание слов и часто допускали ошибки. Согласно статистическим данным процент верно выполненных тестовых заданий у студентов по обмену составил 68,4, а студентов-не стажеров — 62,7. Они имеют почти одинаковые

пропорции. И ошибки в обеих группах также почти одинаковы — это ослабленные гласные, а также ошибки в согласных /р/ и /л/ /д/ и /т/.

После полугодового обмена процент правильности правописания достиг 81,2, в то время как показатель для студентов, не участвовавших в обмене, составил 78,5%. Разница между двумя группами стала возрастать. Студенты по обмену смогли усвоить русские существительные и глагольные ударения в целом, а студенты, не участвующие в обмене, в этой области не достигли успеха. С нашей точки зрения, студенты по обмену имеют заметные изменения в разнице между вибрато и боковыми тональными сигналами. В действительности они могут четко различать вибрато «р» и боковые тональные сигналы «л».

Обсуждение

Проведя исследование со студентами-стажерами из УВМ, мы можем сделать вывод, что хотя межкультурная языковая прагматическая компетенция у студентов-стажеров улучшилась в рассматриваемых трех областях во время их обмена, объективно этот прогресс меньше, чем ожидался. Мы считаем, что в какой-то степени некоторые из студентов-стажеров даже отставали от студентов, не участвующих в обмене, в вышесказанном аспекте.

Обобщая, можно сказать, что большинство стажеров лучше учатся, чем те студенты, которые не проходят стажировку. Их уровень русского языка должен повышаться быстрее, и у них не должны возникать проблемы с основами русского языка. Но почему это не так? Мы думаем, что есть две причины, объясняющие этот факт:

1. Внутренние факторы

1) Пренебрежение познанием основ русского языка

Какие аспекты русского языка наиболее важны для студентов-стажеров во время обмена? 68,3% студентов по обмену считают, что они уделяют больше внимания русской фонетической интонации и лексике, и меньше обращают внимание на базовые знания русского языка, такие как ударение в словах и правописание слов. 62,6% стажеров считают, что важно расширить словарный запас и акцентировать внимание на интонации. Базовые знания русского языка играют несущественную роль для стажеров. Но это так, если рассматривать проблему с одной стороны. Базовые знания русского языка являются основой

для нормального общения на русском языке. Даже если у говорящего свободная интонация и богатый словарный запас, однако он совершает много грамматических ошибок, первоначальное намерение «разнообразного изложения» не может быть достигнуто, а иногда даже правильное общение невозможно. К сожалению, большинство стажеров согласны с этим выводом. Такой односторонний взгляд и пренебрежение основами русского языка обуславливают слабое прагматическое владение этими основами.

Исходя из этого, акцентирование внимания на базовом курсе русского языка является основой обучения студентов-стажеров. На самом деле повышение уровня владения русским языком не может быть отделено от изучения его основ. Упущение из вида основных знаний русского языка равносильно погоне за «дешевизной». Студенты по обмену должны обращать внимание на базовое изучение русского языка и постепенно обогащать лексический запас на прочной основе.

2) Самодисциплина студентов-стажеров недостаточно сильная

В российских вузах, помимо студентов по обмену, еще есть большое количество других студентов из Китая, изучающих русский язык укороченным курсом. По сравнению с ними студенты по обмену изучают русский язык достаточно долго и имеют более высокий уровень владения русским языком. Поэтому студенты-стажеры более склонны к психологическому превосходству и чувствуют, что «даже если они говорят по-русски неверно, но все равно они лучше, чем другие студенты». И подсознательно они ослабляют стремление к изучению основ русского языка. Это оказывает негативное влияние на студентов по обмену. Поэтому студентам следует повышать свою самодисциплину. Они всегда должны убеждать себя в том, что совершенству в русском языке нет предела.

Список литературы

1. Алькенова, С. Н. Звукоизобразительные слова в английском и казахском языках: автореферат дис. ... канд. фил. наук. — Новосибирск, 2018.— 27 с.
2. Ван, Цзяньхуа. Изучение китайско-английской межкультурной прагматики/ Цзяньхуа Ван. — Шанхай, 2002.
3. Гузикова, М.О., Фофанова, П. Ю. Основы теории межкультурной коммуникации/ М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова. — М., 2015.
4. Ли Юань, Цин. Неудачи в русско-китайской коммуникации и стратегии их избегания/ Цин Ли Юань. — Ухань, 2014.
5. Синь, Дэлинь, Чжан Хуэйсэнь, Хуа Шао. Грамматика русского языка/ Дэлинь Синь, Хуэйсэнь Чжан, Шао Хуа. — М., 2004.

2. Внешний фактор

Во время стажировки русские преподаватели проявляют более терпимое отношение к студентам, изучающим русский язык как иностранный. По мнению студента из Китая Чжао Цзыхэна, по сравнению с китайскими преподавателями они уделяют больше внимания целостности предложения, они более лояльны к небольшим ошибкам, таким как ударение в словах, орфография и управление глаголами в предложениях. В этом заключается разница между моделями изучения русского языка в России и в Китае. Если студенты по обмену сами не обращают внимания на основные знания русского языка, трудно гарантировать повышение базового уровня русского языка во время обмена. Конечно, это только объективная причина. В первую очередь это зависит от самих студентов.

Вышеупомянутые два фактора влияют друг на друга, что приводит к лишь к небольшому изменению межкультурной языковой прагматики.

Вывод

Стажировка за границей не является дрейфом в океане изучения русского языка. Студенты по обмену должны самостоятельно корректировать учебную направленность в течение периода стажировки с учетом собственного развития уровня русского языка. Основы русского языка не являются патентами для начинающих русистов. Изучение русского языка на продвинутом уровне требует прочной основы. Студенты-стажеры должны укреплять самодисциплину, сознательно преодолевать ложное психологическое влияние, расставлять верно ударение в русских словах, делать точный выбор при управлении глаголами, писать русские слова правильно, а также обращать внимание на базовые знания русского языка, больше читать и больше практиковаться, чтобы обогатить и повысить уровень знания русского языка.

6. Сонг Дянь, Цзяо. Развитие межкультурной языковой компетентности в преподавании русского языка в вузах/ Цзяо Сонг Дянь // Журнал Хэйлуцзянского педагогического института,— 2009.— № 2. — С. 178—179.
7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация/ С. Г. Тер-Минасова. — М., 2000.
8. Ху, Вэнь Чжун. Культура и коммуникация/ Вэнь Чжун Ху. — М., 1994.
9. Цай, Юэ. Анализ прагматической неудачи с кросс-культурной прагматикой/ Юэ Цай. — Чанчунь, 2013.
10. Чжу, Вэньчжэнь. Некоторые практические проблемы в ослаблении гласных в современном русском языке/ Вэньчжэнь Чжу // Журнал Сычуаньского университета (Social Sciences Edition).— 1963.— № 2. — С. 53—66.
11. Чэнь Сян, Мин. Исследование межкультурного взаимодействия между резидентами и «иностранцами» — китайскими студентами, проживающими в США/ Мин Чэнь Сян. — М., 2004.

Сведения об авторах

Болдырева Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова». olya.boldyreva2013@yandex.ru

Чжао Цзыхэн — студент Университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай, yehfreicyck@yeah.net

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 31—37.

THE STUDY OF INTERCULTURAL PRAGMATIC COMPETENCE OF LANGUAGE STUDENTS FROM INNER MONGOLIA UNIVERSITY (CHINA) UNDERTAKING TRAINING AT KALMYK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER B.B. GORODOVIKOV

O.N. Boldyreva

¹*Kalmyk State University, Elista, Russia. olya.boldyreva2013@yandex.ru*

Ziheng Zhao

Inner Mongolia University, Hohhot, China. yehfreicyck@yeah.net

With the increasing institutionalization of exchange programs between Chinese and foreign universities, the development of intercultural pragmatic exchange competence of students gradually attracts public attention. Therefore, the question of the extent to which trainee students can improve their pragmatic competence during the exchange period becomes an important issue. It is particularly important to identify the reasons for its limitations and to develop appropriate coherence strategies. Based on the aspects of phonetic features, grammatical rules and written forms, the authors try to discuss the deep cultural connotations of studied language expressions, at the same time, giving scientific and other explanations for the differences of pragmatic phenomena for people with different cultural backgrounds. Thus, this article will reveal the relevant rules of intercultural pragmatics between the Chinese and Russian languages.

Keywords: *Russian as a foreign language, exchange students, intercultural communication, pragmatics, internship, phonetics, grammar, spelling, competence, internal and external factors.*

References

1. Al'kenova, S.N. *Zvukoizobrazitel'nye slova v anglijskom i kazahskomazykah* [Sound-producing words in English and Kazakh]: avtoreferat dis. ... kand. fil. nauk. - Novosibirsk, 2018. - P. 27. (In Russ.).
2. Van, Czyan'hua. *Izuchenie kitajsko-anglijskoj mezhkul'turnoj pragmatiki* [Study of Chinese-English intercultural pragmatics]/ Czyan'hua Van. - SHanhaj, 2002. (in Chinese).
3. Guzikova, M.O., Fofanova, P.YU. *Osnovy teorii mezhkul'turnoj kommunikacii* [Fundamentals of the theory of intercultural communication]/ M.O. Guzikova, P.Yu. Fofanova. - M., 2015. (In Russ.).

4. Li Yuan', Cin. Neudachi v russko-kitajskoj kommunikacii i strategii ih izbeganiya [Failure in the Russian-Chinese communications and strategies to avoid them]/ Cin Li Yuan'. - Uhan', 2014. (in Chinese).
5. Sin', Dehlin', Chzhan Huehjsehn', Hua Shao. Grammatika russkogo yazyka [Russian grammar]/ Dehlin' Sin', Huehjsehn' Chzhan, Shao Hua. - M., 2004. (in Chinese).
6. Song Dyan', Czyao. Razvitie mezhkul'turnoj yazykovoj kompetentnosti v prepodavanii russkogo yazyka v vuzah [The development of intercultural competence in language teaching in universities]/ Czyao Song Dyan' // Zhurnal Hejhlunczyanskogo pedagogicheskogo instituta, - 2009. - № 2. - Pp. 178-179. (in Chinese).
7. Ter-Minasova, S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [language and intercultural communication]/ S. G. Ter-Minasova. - M., 2000. (In Russ.).
8. Hu, Vehn' Chzhun. Kul'tura i kommunikaciya [Culture and communication]/ Vehn' Chzhun Hu. - M., 1994. (in Chinese).
9. Caj, Yueh. Analiz pragmaticheskoy neudachi s kross-kul'turnoj pragmatikoj [Pragmatic failure analysis with cross-cultural pragmatics]/ YUeh Caj. - Chanchun', 2013. (in Chinese).
10. Chzhu, Vehn'chzhehn'. Nekotorye prakticheskie problemy v oslablenii glasnyh v sovremennom russkom yazyke [Some practical problems in the weakening of vowels in the modern Russian language]/ Vehn'chzhehn' Chzhu // Zhurnal Sychuan'skogo universiteta [Social Sciences Edition]. - 1963. - № 2. - Pp. 53-66. (in Chinese).
11. Chehn' Syan, Min. Issledovanie mezhkul'turnogo vzaimodejstviya mezhdu rezidentami i «inostrancami» - kitajskimi studentami, prozhivayushchimi v SShA [A study of intercultural interaction between residents and "foreigners" - Chinese students living in the US]/ Min Chehn' Syan. - M., 2004. (in Chinese).

ФАНТАЗИЙНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ФАНТАЗИЙНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ ДЖ. К. РОУЛИНГ)

Т. В. Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Настоящая статья посвящена уточнению понятия «фантазийная картина» мира. В работе рассмотрены специфические черты мифа и мифологического мышления. В результате выделены основные различия между фантазийной и мифологической картинами мира. В качестве примера взаимосвязи фантазийной и мифологической картин мира проведен анализ мифологем, используемых британской писательницей Дж. К. Роулинг в цикле романов о Гарри Поттере.

Ключевые слова: картина мира, фантазийность, фантазийная картина мира, миф, мифологема, мифологическая картина мира, мифологическое мышление, фэнтези.

Введение

Современные авторы нередко используют мифологические мотивы и образы в произведениях. Они интерпретируют и изменяют мифы согласно своему жизненному опыту и современному восприятию мира. Немаловажную роль в этом процессе играет картина мира. В настоящей статье рассмотрено соотношение мифологической и фантазийной картины мира, проанализированы некоторые мифологемы, используемые Дж. К. Роулинг. Работа выполнена в рамках исследований по лингвокультурологии.

Понятие *картины мира* строится на изучении представлений человека о мире. Человек обычно не замечает то, что выходит за рамки его картины мира [7. С. 49]. М. Хайдеггер писал: «картина мира, сущностно понятная, изображает не картину, изображающую мир, а мир, понятный как картина» [12. С. 103]. Картина мира формируется в процессе социализации человека и, следовательно, несет на себе национально-культурный отпечаток. [4. С. 17]. Она представлена пространственными, временными, количественными, этическими и другими параметрами [7. С. 50—51].

«Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания» [7. С. 49]. В ней отражены объекты окружающей действительности и отношение субъекта к данным объектам. Таким образом, картина мира — «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в результате всех его контактов с миром». Картина мира находит отражение в системе национального языка. Она играет важную

роль в создании языковой картины мира. Язык как составная часть культуры вербализует культуру, передает ключевые концепты культуры в знаковом воплощении [7. С. 49, 52]. Язык — «хранилище информации, накопленной языковым коллективом», который находится в определенной среде и развивается в определенных социальных условиях [11. С. 173—203].

Мифологическая картина мира

Важной частью любой культуры является миф. Миф — это «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [14. С. 634]. На первых этапах существования общества люди стремились с помощью мифа построить картину мира, обобщить свой опыт, объяснить непонятные явления. Среди особенностей мифа — отсутствие границы между естественным и сверхъестественным, объективным и субъективным. В то же время он обладает гармоничной, строго упорядоченной структурой и закрытым пространством [там же].

Характерной чертой построения мифологической картины мира является «невыделение человеком себя из окружающей среды», что приводит к персонификации природы, выражению абстрактных понятий через конкретно-чувственные образы. Миф в древнем обществе становится истиной, не требующей доказательств [3. С. 34—35].

Исследователи подчеркивают тесную связь мифа и фантазии. Э. Кассирер выделяет мифологическую фантазию и отмечает, что миф не просто

отражает действительность, в нём происходит её творческое преобразование [2. С. 20]. В то же время А. Ф. Лосев в своих трудах подчеркивал, что с точки зрения мифического сознания, миф — это не выдумка. Для древнего человека миф воспринимался как действительность, «в величайшей мере напряженная реальность» [6. С. 24].

А. Ф. Лосев выделяет мифологическую и поэтическую фантазию. Он указывает на различия в сущности этих явлений. В искусстве возможно наблюдать только образы, существующие не так, как реальные вещи. Тогда как с точки зрения мифологического мышления миф реален и все, что в нем описано тоже реально. Фантастические образы мифа воспринимаются как реально существующие, тогда как действительность в искусстве — «созерцаемая» [6. С. 65].

Картины мира в фэнтезийных произведениях

В XX в. возникает особый жанр художественного произведения — фэнтези. В нём сочетаются фэнтезийная, художественная и фантазийная картины мира.

Фэнтезийный мир превращает миф в схему и становится основой для нового мифологического текста. Д. А. Батурин считает, что автор фэнтезийного мира «создает новое пространство по основным законам мифологической реальности и мифологического мышления». Мифологическая реальность рождается дважды. Первый раз — в авторском сознании, второй — в читательском. Фантазийные модели поведения общезначимы и откладываются у читателя на сознательном и подсознательном уровне. Это приводит к созданию фэнтезийной картины мира. Фэнтезийная картина мира у Д. А. Батурина — это картина мира произведений фэнтези [1].

Фантазийная картина мира несколько шире. Она включает в себя фантастические, сказочные и чудесные элементы художественного произведения. Фантазийная картина мира основана на понятии «фантазийность», которое связано с фантазией. Фантазия — это «воображение, характеризующееся особой силой, яркостью и необычностью создаваемых представлений и образов» [15. С. 594]. Таким образом, можно говорить о фантазийной картине мира фэнтези, фантастики, сказки и др.

Фантазийная картина мира является частью художественной картины мира. Согласно Б. С. Мейлаху, «художественная картина

мира — воссоздаваемое всеми видами искусства синтетическое панорамное представление о конкретной действительности тех или иных пространственно-временных диапазонов» [8. С. 120]. Художественная картина мира субъективна, в ней выражены философские идеи автора и его отношение к миру. Образы художественной картины мира обладают многозначностью, вызывают множество ассоциаций. Её важной особенностью является также многослойность — в неё входят различные типы мироощущений, понятийные, наглядно-чувственные элементы. Это даёт ей возможность включать в себя элементы других картин мира. В то же время, главное отличие художественной картины мира от других картин мира — в «её образно-эмоциональном, в эстетическом и этическом способе освоения действительности, в силе нравственного воздействия на адресата художественной картины мира» [9].

Фантазийная картина мира имеет общие черты с мифологической картиной мира. Во-первых, они являются продуктом духовной деятельности человека (людей), а воображение и фантазия играют важную роль в их построении. Во-вторых, в обеих картинах мира наблюдается обращение к фантастическому и чудесному, создание нереальных образов и событий, которые невозможны с рациональной точки зрения. Кроме того, исторически фантазийная картина мира зарождается из мифологической.

В то же время, необходимо отметить следующие отличия. Во-первых, мифологическая картина мира давала древнему человеку возможность познать реальный мир, объясняла те явления, которые невозможно было объяснить иначе на данном этапе развития [5]. Фантазийная картина мира представляет собой своеобразное фантастическое отражение действительности. Её суть не в том, чтобы объяснить, как все устроено на самом деле, а в том, чтобы показать, как всё могло бы быть при определенных нереальных обстоятельствах (например, что бы было, если бы на свете жили волшебники, или если бы люди умели перемещаться между мирами, если бы животные могли разговаривать и т. п.).

Во-вторых, мифологическая картина мира обладает сакральной функцией, содержит в себе духовно-нравственные постулаты. И, с точки зрения мифологического сознания, знания, которые включены в мифологическую картину мира, не подвергаются сомнению и воспринимаются как истина [5]. В фантазийной картине мира нет такого

подтекста. Конечно, в произведении отражена духовно-нравственная позиция автора, но она не является указанием к действию, не воспринимается как единственно верная позиция.

Различия также выражены и в отношении ко времени. В мифе отражено далекое прошлое, отличное от настоящего. Оно является моделью, образцом для современной жизни [5]. В фантастических произведениях (сказках, фантастике, фэнтези и др.) время действия может быть любым. Это может быть и история о давно прошедших событиях, и повествование о том, что происходит сейчас где-то в параллельном мире, и предположения о том, каким будет наш мир в будущем.

Мифологическая картина мира — это результат коллективной духовной деятельности. Фантазийная картина мира может быть творением одного либо двух человек. В ней отражаются, с одной стороны, особенности менталитета писателя, его культурный «багаж», а с другой — его субъективная точка зрения на события и окружающую действительность, работа его воображения.

Мифологемы в фантазийной картине мира

Дж. К. Роулинг

Две рассматриваемые картины мира исследуют, в том числе, с помощью анализа мифологем. «Мифологема является дискретной единицей коллективного сознания, концептом, отражающим объекты возможных миров, и в вербальной форме представлена в национальной памяти носителей языка» [10. С. 18—19].

С. А. Питина отмечает тот факт, что мифологемы могут принадлежать и культуре в целом, и отражать особенности мышления отдельной культуры. Универсальные мифологемы, понятные всем народам называются интернациональными. В мифологической картине мира конкретной культуры они изменяются и получают специфические, особенные характеристики [там же].

В процессе работы над произведением автор также дополняет мифологемы новыми характеристиками, расширяет их содержание. В фантазийной картине мира писатель выбирает и трансформирует мифологемы для создания фантастических, чудесных образов, вписанных в художественное пространство произведения. Мифологемы, используемые и «переработанные» авторами фантазийной картины мира, называются фантазийными.

Рассмотрим, как писатель современной фэнтези изменяет и расширяет содержание мифологемы. Для примера возьмем романы детской писательни-

цы Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» («Harry Potter and the Philosopher Stone») и «Гарри Поттер и тайная комната» («Harry Potter and the Chamber of Secrets»). Произведения отличаются обилием мифологических существ британско-скандинавской мифологии. Автор также написала книгу «Фантастические твари и где они обитают» («Fantastic Beasts and Where to Find Them»), которая, по сути, является школьным учебником Гарри Поттера по предмету Магические существа. Книга интересна тем, что в ней Дж. К. Роулинг перечисляет всех волшебных животных, которые встречаются в цикле романов о Гарри Поттере и часто даёт им более подробную характеристику, чем в романах. Таким образом, «учебник» «Фантастические твари и где они обитают» и цикл романов о Гарри Поттере дополняют друг друга.

Итак, в романах Дж. К. Роулинг наблюдается множество различных существ, взятых из мифологии: *феникс (phoenix)*, *единорог (unicorn)*, *великан (giant)*, *привидение (ghost)*, *кентавр (centaur)*, *гоблин (goblin)*, *гиппогриф (hippogriff)*, *упырь (ghoul)*, *корнуэльский эльф (cornish pixie)*, *гном (gnome)*, *банши (banshee)*, *дракон (dragon)* и другие. Одних существ автор оставляет практически в неизменном виде, добавляя лишь небольшие детали, другим приписывает новые свойства и качества, разрабатывает классификацию. Все магические существа цикла романов о Гарри Поттера воспринимаются как реальные. Автор искусно вписывает их в свой фантазийный мир. Она объясняет, почему мы не встречаем таких существ в обычной жизни: волшебники стремятся скрыть их от людей, т. к. некоторые могут оказаться слишком опасными для человека, а для других опасность представляет сам человек.

В качестве примера возьмем несколько наиболее ярких и известных мифологем: *дракона (dragons)*, *василиска (basilisk)*, *единорога (unicorn)*, *феникса (phoenix)* и *цербера*.

В энциклопедии «Мифы народов мира» дракон описан как летающее существо, в котором соединены образы нескольких животных (чаще всего змеи и птицы). У дракона есть крылья, одна или несколько голов, и он способен извергать пламя [13. С. 326]. Дж. К. Роулинг в книге о волшебных тварях составляет словарную статью по аналогии со статьей из энциклопедии о животных. Она добавляет следующие характеристики: «*женская особь обычно больше и более агрессивна, чем мужская*» («*The female is generally larger and more aggressive than the male*»), «*шкура, кровь, сердце,*

печень и рог дракона обладают сильными магическими свойствами» («Dragon hide, blood, heart, liver, and horn all have highly magical properties») [19. С. 10].

В классической мифологии драконы могут отличаться количеством голов и размерами. Европейских драконов делят на виверонов (похожи на змей, имеют крылья и колючку на хвосте), линдвурмов (умеют летать) и огнедышащих [16. С. 561].

Британская писательница конкретизирует образ дракона и выделяет следующие его виды: *Норвежский Спинорог (Norwegian Ridgeback)*, *Уэльский Зеленый Обыкновенный (Common Welsh Green)*, *Венгерский Рогохвост (Hungarian Horntail)*, *Австралийский Опаловый Глаз (Antipodean Opaleye)*, *Китайский Огнемёт (Chinese Fireball)*, *Гейбридский Черный (Hebridean Black)*, *Перуанский Ядозуб (Peruvian Vipertooth)*, *Украинский Бронелбрюх (Ukrainian Ironbelly)*, *Шведский Короткорыл (Swedish Short-Snout)*, *Румынский Длиннорог (Romanian Longhorn)*. Первая лексема в названии дракона указывает на происхождение существа (*Норвегия, Уэльс, Венгрия, Гейбриды, Китай* и др.), вторая часть названия содержит в себе лексемы, указывающие на внешние особенности (*зеленый — green, рог на спине — ridgeback, ядовитый зуб — vipertooth, рог на хвосте — horntail* и др.). Исключение составляет Китайский Огнемёт, где вторая часть названия подчеркивает способности дракона. Дж. К. Роулинг подробно описывает внешность, ареал и повадки каждого вида дракона, расширяя тем самым содержание мифологемы *Дракон*.

Волшебники рассматриваемого фантазийного мира нередко используют волшебных существ в своих целях. Например, дракон охраняет волшебный банк Гринготтс, но не по своей воле. Его посадили на цепь и держат в неволе. Это аллюзия на мифологического дракона, который охраняет сокровища [13. С. 327].

Писательница разрабатывает образ мифологического животного по аналогии с его прообразом — животным, которое существует на самом деле. Например, в романе «Гарри Поттер и философский камень» описано рождение маленького дракона из яйца, которое похоже на рождение птенца. «The baby dragon flopped on to the table. It wasn't exactly pretty; Harry thought it looked like a crumpled, black umbrella. Its spiny wings were huge compared to its skinny jet body and it had a long snout with wide nostrils, stubs of horns and bulging, orange

eyes. It sneezed. A couple of sparks flew out of its snout» [17. С. 170]. («Маленький дракончик шлепнулся на стол. Он не был симпатичным. Гарри решил, что он похож на помятый черный зонтик. Его колючие крылья были просто огромными по сравнению с худощавым агатовым тельцем и длинной мордочкой с широкими ноздрями, крошечными рожками и выпученными оранжевыми глазками. Он чихнул. Несколько искр вылетело из его ноздрей» — перев. Т. Б.).

Еще одно существо, объединяющее черты змея и птицы — василиск. Это огромная змея, монстр с головой и ногами петуха. Он выводится из яйца, отложенного петухом и высиженного жабой [20]. Василиск может убить взглядом, от его дыхания высыхает трава. Победить это чудовище можно с помощью зеркала (василиск погибает, увидев своё отражение) [13. С. 181]. У Дж. К. Роулинг василиск — ярко-зеленая змея до пятнадцати футов в длину. Его клыки смертельно ядовиты. Тот, кто посмотрит в огромные желтые глаза чудовища тут же погибает. Василиск опасен для всех волшебников, кроме тех, которые способны говорить на змеином языке. Только они могут подчинить его себе [19. С. 3—4]. В романе «Гарри Поттер и тайная комната» герои спасаются от смертельного взгляда василиска только благодаря тому, что смотрят на него не напрямую, а через какой-нибудь предмет (зеркало, привидение, воду, объектив фотоаппарата). Гарри одерживает победу над василиском, используя меч, который обладает большой магической силой. Здесь, скорее, прослеживается мифологический мотив убийства героем дракона, что приводит к освобождению похищенного человека, чаще девушки. В романе Гарри спасает свою подругу Джинни.

Среди абсолютно положительных мифологических образов единороги и фениксы. *Единороги (unicorns)* — магические животные с телом лошади (быка) и длинным прямым рогом. Их могут приручить лишь девушки [13. С. 355]. В книге «Магические твари и где их искать» им дано аналогичное описание, но автор дополняет его указанием на то, что цвет шерсти жеребенка — золотой [19. С. 41]. Также в первом романе цикла говорится об уникальных свойствах крови единорога. Она способна поддерживать жизнь в человеке, даже если он находится на волосок от смерти. Но тот, кто убьет такое невинное и беззащитное животное будет проклят на всю жизнь. Единорог описывается следующими лексемами: *defenceless (беззащитный), pure (чистый), silver (серебряный),*

powerful magic creatures (могущественные волшебные существа).

Птица *феникс (phoenix)*, которая живет у Дамблдора, помогает Гарри Поттеру победить василиска. В романе, так же, как и в мифах, феникс — красивая птица с красными и золотыми перьями. В день смерти птица сгорает, и из ее пепла появляется новый птенец [13. С. 1026; 19. С. 32]. Автор уточняет магические свойства фениксов. Они могут переносить очень тяжелые предметы (*carry immensely heavy loads*), их слезы обладают лечебными свойствами (*healing power*), а песня поднимает дух борца за добро. Феникс прилетает к Гарри в подземелье, когда мальчик сражается с василиском. Его песня описывается как сверхъестественная (*eerie*), волнующая (*spine-tingling*), неземная (*unearthly*). Волшебники приручили фениксов. Дамблдор говорит о нем как о крайне преданном питомце (*highly faithful pet*).

Единороги, фениксы и драконы дают волшебникам «материал» для создания магических предметов. В частности, сердечная жила дракона (*dragon's heartstring*), шерсть единорога (*unicorn hairs*) и перо из хвоста феникса (*phoenix tail feather*) могут стать основой для волшебной палочки. Рог единорога (*unicorn horn*), драконья кровь (*dragon's blood*), драконий компост (*dragon-dung compost*) используются в качестве компонентов магических зелий.

Интересна трансформация мифологемы *Цербер* в романе. Цербер — огромный трехголовый пёс с головами змей на теле и змеиным хвостом. Он охраняет вход в царство мёртвых [13. С. 524]. В произведении Дж. К. Роулинг трёхголового пса зовут Пушок (*Fluffy*). Автор иронически замечает, что его хозяин Хагрид относится к нему как к маленькому милому кролику (*little bunny*

rabbit). Животное описано как собака огромных размеров, которая «заполняет собой всё пространство от пола до потолка» (*filled the whole space between ceiling and floor*). У неё три пары сумасшедших глаз (*mad eyes*), три носа (*three noses*), три пасти (*three drooling mouths*), и слюна, текущая как скользкие канаты с желтоватых клыков (*saliva hanging in slippery ropes from yellowish fangs*). За исключением невероятных размеров и трёх голов, Пушок — совершенно обычный охранный пёс. Он хороший сторож, не жесток и верен хозяину (Хагриду). Сложно сказать, обладает ли он какими-либо особенными магическими способностями. Ближе к концу романа герои узнают, что его может мгновенно усыпить обычная мелодия. В этом прослеживается мифологический мотив победы Орфея над Цербером.

Заключение

Мифологическая и фантазийная картины мира имеют общие черты, и в то же время их сущность различна. Являясь результатом творчества одного автора (реже двух-трех авторов), фантазийная картина мира отражает вымышленный мир. В ней представлен ответ на вопрос: *что было бы, если...* При создании фантастических произведений писатели часто обращаются к мифологии, используя мифологемы и мифологические мотивы. Дж. К. Роулинг искусно изменяет, интерпретируют и расширяет содержание классических мифологем. Она «приспосабливает» мифологический образ к современной действительности так, что у читателя создаётся впечатление реальности созданного мира. Особенностью фантазийной картины мира Дж. К. Роулинг также является ироничное отношение к некоторым созданным фантастическим образам.

Список литературы

1. Батурин, Д. А. Виртуально-неомифологическая сущность фэнтези: автореферат дис. ... кандидата философских наук / Д. А. Батурин. — Тюмень, 2015.— 28 с.
2. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. / Э. Кассирер. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002.— 280 с.
3. Ковтун, Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). / Е. Н. Ковтун. — М.: Изд-во МГУ, 1999.— 308 с.
4. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 376 с.
5. Лазарев, М. А. Мифологическая картина мира /М.А. Лазарев // Humanity space International almanac. VOL. 6.— 2017.— № 2. — с. 269—282.
6. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура. / А. Ф. Лосев. — М.: Издательство политической литературы, 1991.— 527с.

7. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие / В. А. Маслова. — Мн.: ТетраСистемс, 2004.— 256 с.
8. Мейлах, Б. С. Философия искусства и художественная картина мира / Б. С. Мейлах // Вопросы философии.— 1983 — № 7 — С. 116—125.
9. Минханова, Л.К., Фаткуллина, Ф. Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности / Л. К. Минханова, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского государственного университета. Филология. Искусствоведение.— 2012 — Т. 17, № 3 (1) — С. 1626—1627.
10. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С. А. Питина. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002.— 191 с.
11. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М, 1988. — С. 173—203.
12. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на западе. — М., 1986. — С. 93—119.
13. Мифы Народов Мира / под ред. С. А. Токарева. — М.: Советская энциклопедия, 1980.— 1147 с.
14. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. /под. ред. А. А. Грицианова. — Мн.: Книжный Дом, 2003.— 1280 с.
15. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М.: Республика, 2001.— 719 с.
16. Энциклопедия сверхъестественных существ / под ред. К. Королева. — М.: Эскмо; СПб.: Мидград, 2005.— 720 с.
17. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J. K. Rowling. — London: Bloomsbury, 1997.— 223 p.
18. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J. K. Rowling. — London: Bloomsbury, 1998.— 251 p.
19. Rowling, J. K. Fantastic Beasts and Where to Find them / J. K. Rowling. — London: Bloomsbury Publishing, 2001.— 128 p.
20. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]: Deluxe Edition. — Britannica, 2001. — CD-ROM.

Сведения об авторе

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 38—44.

FANTASY MYTHOLOGEMES AS THE ELEMENTS OF THE FANTASY PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF J.K. ROWLING'S NOVELS)

T.V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk. Russia. tatiana-tv11@yandex.ru

The article deals with the fantasy and mythological pictures of the world. «Picture of the world» is the notion that reflects the way a person accepts the world around him/her. It is influenced by culture and society and appears in language. The fantasy and mythological pictures of the world have some features in common. They both are the result of human intellectual activity and they appeal to fantastic and miraculous images. However, fantasy picture of the world represents an imaginary world of one or sometimes several authors, while the mythological picture of the world is the result of collective consciousness. Unlike the mythological picture of the world the fantasy one is not accepted as real. The reader knows that it is an imaginary world. The fantasy picture of the world usually bears no sacral implication. It is also oriented not only on the past events, but can describe the present and the future depending on the author's choice. Myth and mythological images are often used for creating the fantasy picture of the world. Authors take a traditional «mythologeme», add details to it (like classification of the species, new magical abilities, etc.) and use it in this new way.

Key words: *picture of the world, fantasy, fantasy picture of the world, myth, mythological picture of the world, phantasy.*

References

1. Baturin, D.A. Virtualnoneomifologicheskaiia sushchnost fentezi (Virtually Neomythological essence of fantasy literature) : avtoreferat disertatsii kandidata filosofskikh nauk. Tiumen, 2015, 28 p. (in Russ.)
2. Kassirer, E. Filosofiiia simvolicheskikh form. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie [Philosophy of symbolic forms. Vol.2. Mythological thinking]. Moscow, SPb.: Universitetskaia kniga [University book], 2002, 280 p. (in Russ.)
3. Kovtun, E.N. Poetika neobychaynogo: Khudozhestvennyye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na material evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka). [Poetics of unusual: imagery world of fantastic, fairy tale, utopia, paroemia, and myth (on the example of European literature of the early 20th century)]. M.: Izdatelstvo MGU, 1999, 308p. (in Russ.)
4. Krasnykh, V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? [“Friend” amongst the “enemies”: a myth or reality?]. M.: ITDGK «Gnozis», 2003, 376p. (in Russ.)
5. Lazarev, M.A. Mifologicheskaiia kartina mira [Mythological picture of the world]. Humanity space International almanac VOL. 6., 2017, № 2, pp. 269-282. (in Russ.)
6. Losev, A.F. Filosofiiia. Mifologiiia. Kultura. [Philosophy. Mythology. Culture]. M.: Izdatelstvo politicheskoi literatury [Political literature publishers], 1991, 527p. (in Russ.)
7. Maslova, V.A. Kognitivnaia lingvistika: uchebnoye posobie. [Cognitive linguistics: studyguide]. Minsk: TetraSistems, 2004, 256p. (in Russ.)
8. Meilakh, B.S. Filosofiiia iskusstva i khudozhestvennaia kartina mira. [Phylosophy of art and the artistic picture of the world]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 1983, no 7, pp. 16–125. (in Russ.)
9. Minkhanova, L.K., Ftkullina, F.G. Khudozhestvennaia kartina mira kak osobyi sposob otrazheniia deistvitelnosti [The artistic picture of the world as a special way of reflecting reality]. Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiiia. Iskusstvovedenie [Bulletin of Bashkir State University. Philology. Art]. 2012, Vol.17, no 3 (1), pp.1626-1627 (in Russ.)
10. Pitina, S.A. Kontsepty mifologicheskogo myshleniia kak sostavliaiushchaia kontseptosfery natsionalnoi kartiny mira [Mythological thinking concepts as part of the mythological conceptsphere of national picture of the world]. Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet [Chelyabinsk State University], 2002, 191p. (in Russ.)
11. Teliia, V.N. Metaforizatsiia i ee rol v sozdanii iazykovoi kartiny mira -Rol chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira. [Metaphorization and its role in the creation of the language picture of the world. The role of a human factor. Language and the picture of the world]. M, 1988, pp.173–203. (in Russ.)
12. Khaidegger, M. Vremia kartiny mira [Time in the picture of the world]. Novaia tekhnokraticheskaia volna na zapade [New technocratic wave in the west], M., 1986, pp.93–119. (in Russ.)
13. Mify narodov mira [Myths of the nations]. Pod redaktsiei S.A. Tokareva – M.: Sovetskaia entsiklopediia [Soviet encyclopedia], 1980, 1147p. (in Russ.)
14. Noveishii filosofskii slovar [New philosophical dictionary]. 3e izdanie. Pod redaktsiei A.A. Gritsianova. – Minsk: Knizhnyi dom [Booh house], 2003, 1280p. (in Russ.)
15. Filosofskii slovar [Phylosophical dictionary] / pod red. I.T. Frolova. – M.: Respublika, 2001, 719p. (in Russ.)
16. Entsiklopediia sverkhrestestvennykh sushchestv [Encyclopedia of the supernatural creatures]. Ed. K.Koroleva – M.: Eskmo; SPb. Midgrad, 2005, 720p. (in Russ.)
17. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher’s Stone, London, Bloomsbury, 1997, 223 p.
18. Rowling, J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. London, Bloomsbury, 1998, 251 p.
19. Rowling, J.K. Fantastic Beasts and Where to Find them. London, Bloomsbury Publishing, 2001, 128 p.
20. Merriam Webster Dictionary [Electronic resource]. Deluxe Edition, Britannica, 2001, CD-ROM.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ СОВРЕМЕННОЙ НИГЕРИИ

Т. Г. Волошина, Н. В. Нерубенко

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия

Рассматриваются теоретические проблемы языковых классификаций современной Нигерии. Авторы статьи анализируют существующие языковые типологии и выявляют основные характеристики коренных языков Нигерии. В ходе исследования анализируются языки межэтнической, внутриэтнической, межнациональной групп. Особое внимание авторы уделяют выявлению функциональных характеристик языков каждой группы и описанию характерных лингвистических особенностей языков межэтнической, внутриэтнической, межнациональной коммуникации.

Ключевые слова: *языковые группы, Нигерия, коренные языки, языки межэтнического общения, языки внутриэтнического общения, межнациональные языки.*

В современном мире языковая глобализация играет ведущую роль в развитии экономического, политического, торгового прогресса любой страны. Другим, не менее важным фактором, влияющим на развитие языковой картины современного мира, является языковая фрагментация. Языковая глобализация способствует в определенной степени сближению языков, и, даже в некоторых случаях, некоторому преодолению границ между ними. В свою очередь, языковая фрагментация обладает обратным эффектом, результатом чего является усиление языковой дифференциации при помощи возникновения и функционирования новых языков. Такие новые языковые вариации появляются в результате переосмысления того ли иного нового языкового образования со стороны или самих потребителей или административных органов разных уровней или других структур, имеющих возможность вмешиваться в различные аспекты языковой жизни [12. С. 29].

Языковая политика современной Нигерии до сих пор ведется в русле признания ключевого лингвистического господства за английским языком, который обладает официальным статусом. Учитывая фактор включенности в Нигерию огромного количества этносов, языковая вариация коренных языков страны колеблется от 250 до 400 языков. Дифференциация многочисленных внутри- и межэтнических, внутри- и межнациональных языков определяется современными нигерийскими языковедами как «языковое большинство» и «языковое меньшинство», учитывая принцип принадлежности жителей к той или иной языковой группе [1. С. 3].

Нигерия широко известна как страна с крайней языковой фрагментацией. Современная языковая

ситуация в стране определяется в контексте всемирного процесса балканизации — «явления, вызванного почти полным отсутствием совпадений, существующих между политическими и этническими границами в мире» [7. С. 56]. В настоящее время в мире существуют тысячи этнических групп, представляющих собой меньшинства в более крупных инклюзивных политических государствах, при этом такие группы не могут не чувствовать себя ущемленными, учитывая свою низкую конкурентоспособность по сравнению с представителями большинства. Часто такая борьба за соблюдение своих прав способствует порождению этнонационализма, проявлениям идеологической и национальной привязанности к своей группе, эта борьба также направлена против патриотического восприятия страны в целом [7. С. 57].

В XX в. в нигерийской лингвистике существовало несколько вариаций классификаций языковых групп. Известный нигерийский исследователь в области социолингвистики и политологии Адемово (Ademovo), основываясь на количественном принципе нигерийцев, ежедневно использующих тот или иной язык как средство коммуникации, выделил три основных класса нигерийских языков:

- класс А, к которому принадлежат основные языки коренных народов (к таким языкам автор относит такие языки как хауса, игбо и йоруба) (52 %);
- класс В, к которому принадлежат языки, обладающие официальным статусом и используемые в качестве средства коммуникации как на национальном, так и на федеральном уровне (примерами этой группы являются

такие языки, как иджо, канури, ибибио, фулани, эдо, эфик, тиви и другие) (36 %);

- класс С, к этой группе принадлежат второстепенные языки без официального признания на государственном уровне (12 %) [4. С. 61—67].

Лингвисты XX в. предлагают подобную типологию, элементами которой являются три группы языков Нигерии (Adegbija 2004, Verghese 2007, Yen 2008, Olabode 2010). Критерием этой типологии является принцип наибольшей и наименьшей продуктивности. Согласно этой классификации, языки хауса, игбо и йоруба занимают ведущую позицию по продуктивности из всех языков современной Нигерии. Языки хауса, игбо и йоруба конституционно зафиксированы как языки «наиболее многочисленных» языковых групп Нигерии [14. С. 18—20]. Число носителей каждого из этих языков составляет по крайней мере двадцать миллионов человек; языки хауса, игбо и йоруба сегодня принято называть «мультимиллионерами» [6. С. 64—68].

Что касается численного состава второй группы, занимающей промежуточную позицию по продуктивности, то в ней представлены «основные второстепенные языки». Необходимо отметить, что каждый из представленных в этой группе языков насчитывает около пяти миллионов носителей, разбросанных по территории Нигерии и за ее пределами. В состав этой группы входят языки, на которых говорят более трех миллионов нигерийцев включая языки аннанг (Annang), ибибио (Ibibio), тиви (Tivi), ангами (Angami), канури (Kanuri), эдо (Edo) и другие [16. С. 46]. Все эти языки обладают еще и множеством диалектов, и, принимая во внимание акцент нигерийцев, представляется возможным установить этническую принадлежность к той или иной группе языков внутри «основных второстепенных языков» [5. С. 161].

В русле исследований фонетических, лексических и синтаксических особенностей «основных второстепенных языков» был проведен ряд исследований такими нигерийскими лингвистами как Дунстан (Dunstan 1969), Бамгбоз (Bamgbose 1971, 1995), Эменаньо (Emenanjo 1991), Элугбе (Elugbe 1990), Адебийа (Adegbija 1992), Осисанво (Osisanwo 2010), Юдофот (Udofot 2004), Атойе (Atoye, 2008), Олайеи (Olaniyi 2011).

Нижний уровень рассматриваемой классификации занимает ступень, на которой находятся языки, которые входят в ранг «наименее употребляемых языков» на территории Нигерии. Такая группа содержит в своем составе около 150 языков, которые представляют собой не продуктивную группу, так

как большая часть из этих языков находятся под угрозой исчезновения. К этой группе принадлежат такие языки как огбару (Ogbaru), нсука (Nsuku), орон (Oron), абон (Abon), авак (Avak), куру (Kuru), ванди (Vandi) и другие языки [11. С. 76].

В отечественном языкознании многие исследователи, занимающихся изучением африканских языков (Максимова С. Ю., Борисова А. А., Ильина Н. Ю., Курченкова Е. А.), рассматривали проблему классификации языков Нигерии. В своих работах авторы придерживаются похожей классификации, выделяя три основных уровня языка: 1) федеральные языки (хауса, йоруба, игбо); 2) языки штатов (канури, ибибио, эфик, эдои другие), которые правительства штатов объявляют официальными; 3) языки малочисленных этнических групп, которые используются местными властями в небольших поселениях [3. С. 408].

Рассматривая особенности предложенных вариаций языковых классификаций, некоторые ученые, такие как Бамгбоз (Bamgbose, 1992) предложил ввести в лингвистический обиход ряд терминов, таких как «наиболее распространенные языки» для языков хауса, йоруба и игбо, и «наименее распространенные языки» для остальных языковых групп с целью устранения негативного отношения к языковым меньшинствам [6. С. 86].

Предложенные классификации, разработанные нигерийскими и отечественными лингвистами, отражают специфику языковых групп Нигерии. В основу существующих языковых типологий положен принцип принадлежности того или иного языка к группам «языкового большинства» или «языкового меньшинства» [8. С. 64].

В нашем исследовании мы основываемся на классификации языков, предложенной профессором Ж. Багана, согласно которой практически, все национальные языки стран Западной Африки можно разделить на следующие большие группы: языки межэтнического общения, языки внутриэтнического общения, языки межнационального общения. Английский как язык официальный, но не национальный, а импортированный, под эту классификацию не попадает [2. С. 99].

Йоруба, игбо и хауса признаются языками межнационального общения в Нигерии. Главные языки, на которых говорят в Нигерии, представлены тремя основными семьями африканских языков. Язык йоруба принадлежит к нигеро-конголезской языковой группе, на нем говорят в юго-западной части страны, в штатах Квара, Кого, Лагос, Огун, Ойо, Экити, Ондо, Ошун [9. С. 156].

Язык *йоруба* распадается на восемь основных диалектов, различающихся между собой в основном в силу фонетических признаков. Деление на диалекты, приблизительно соответствует племенному делению и административному делению в Нигерии на провинции. Язык *йоруба* издавна применялся в среде торговцев, что способствовало его активному распространению. В пределах западной и юго-западной Нигерии на языке *йоруба* выпускаются журналы и газеты, ведется радиовещание. Язык *йоруба* преподают в начальных и средних учебных заведениях, на этом языке создана оригинальная литература фольклорного, религиозного, общеобразовательного, этнографического, исторического характера. Грамматический род и склонение имен существительных в языке отсутствуют; глагол не обладает показателем лица, числа и залога. Синтаксические отношения выражаются при помощи твердого порядка слов и служебных слов. В языке *йоруба*, как и во многих других языках западной Африки, широкое распространение получили серии глагольных конструкций. В этом случае несколько глаголов относятся к одному подлежащему, но при этом маркируется только первый из глаголов [10. С. 69].

Официальный язык *игбо* или *ибо* распространён на юго-востоке страны, число говорящих на этом языке превышает 20 миллионов человек. Он относится к бенуэ-конголезским языкам, к конгокордофанской семье. *Игбо* подразделяется на сеть диалектов, основными из которых являются *они-ча*, *оверри*, *умуахиа*. Некоторые из этих диалектов рассматриваются в современной африканистике как самостоятельные языки. Письменность *игбо* в качестве основы имеет латинскую графику; диалекты языка *игбо* обладают собственными письменными традициями, при этом нет единой литературной нормы. В период с конца XX века большое распространение, особенно в сфере письменного употребления, получил так называемый *центральный игбо* — язык, который ориентирован на нормы диалектов центральной зоны распространения языка [10. С. 72].

Вокализм языка *игбо* включает восемь гласных фонем, которые образуются две серии по степени подъема: высокую и низкую. В рамках этого противопоставления осуществляется гармония гласных, аналогичная *сингармонизму*. В языке *игбо* наблюдаются фонологические противопоставления тонов как с грамматическими, так и с лексическими значениями. Отличительной особенностью языка *игбо* является отсутствие динамического ударения и основной характеристики слова, точнее его сло-

гообразующих гласных, выступает высота тона, с которой они произносятся. Так, в языке представлены три ровных или однородных тона: высокий, средний и низкий. Интервал между высоким и средним, средним и низким тонами равняется приблизительно одному музыкальному тону. Средний тон встречается только после высокого тона и не встречается в односложных словах, после низкого тона или в начале слов. В свою очередь, высокий и низкий тоны таких ограничений не имеют [10. С. 76].

Хауса — язык широко распространенный в северной Нигерии и прилегающих районах реки Нигера, а также в Камеруне, Гане и некоторых других странах. В западной Африке этот язык наиболее часто используется как средство межэтнического общения. *Хауса* принадлежит к чадской семье афразийской макросемьи. В конце XIX в. все страны народности *хауса* были поделены английскими и французскими империалистами, основная часть из которых была включена в состав английской колонии Нигерии [13. С. 82].

Язык *хауса* обладает наибольшим количеством диалектов, главнейшими из которых являются *сокото* и *кано*, эти диалекты соответственно называют западным и восточным диалектами. Наряду с ними также имеются диалекты отдельных провинций, такие как диалект *гобера*, *зари*, *кацины*, *хадеджи* и другие. Во время правления Британии на территории Нигерии были введены нормы диалекта *кано*, который лежит в основе литературного языка *хауса*. На диалекте *кано* ведется процесс преподавания, издаются правительственные распоряжения, печатаются местные газеты и журналы [13. С. 84].

В языке *хауса* была созданная своя собственная система письменности много веков тому назад. Как и многие другие народы востока, в языке *хауса* использовали систему арабского алфавита, с некоторыми дополнениями. Эта письменность называется *аджами*, в настоящее время она заменена новым вариантом письменности на латинской основе, на котором теперь издаются газеты и журналы.

Особенностью фонетического строя языка *хауса* является наличие импловивных и эффективных взрывных согласных, а именно звуков, которые соединены с гортанным взрывом. В этом отношении звуковая система *хауса* имеет сходные черты с языками семито-хамитской группы. Такие звуки встречаются как в берберских диалектах, кушитских языках Эфиопии, например, в *галла*, так и в арабском языке.

В грамматике языка *хауса* отсутствует система падежей. Падежные отношения могут выражаться

синтаксическим способом или при помощи частиц, которые подразделяются на possessивные и направительные [15. С. 49].

Ключевым значением для этнической структуры Нигерии выступает тот факт, что ее этнические группы являются пространственно локализованными образованиями. Северо-запад, юго-запад и юго-восток страны представляют собой области проживания основных этнических групп, в то время как существенную часть территории страны занимают области проживания языковых меньшинств. В северо-восточной части Нигерии распространен язык канури, на юге Нигерии представлены такие языки внутриэтнического общения, как иджо, ибибио и множество других. Между севером и югом Нигерии существует так называемый «средний пояс» («Middle Belt»), где также проживают преимущественно этнические меньшинства, которые говорят на языках нупе, игала, тив [15. С. 54].

Одним из внутриэтнических языков Нигерии является язык, *канури*, который представляет собой объединение диалектов, которые относятся к нило-сахарской языковой семье. Этот язык распространен в северо-восточной и юго-восточной частях Нигерии. Количество носителей языка канури составляет около 6 миллионов человек, проживающих как в Нигерии, так и за ее пределами, в таких странах как Нигер, Чад, Камерун, частично в Ливии и Судане.

Носители языка канури — в большей мере мусульмане, ислам распространен начиная с 11 в., однако, здесь также распространены пережитки древних родоплеменных культов. До европейской колонизации язык канури был основным средством общения в исчезнувших империях Борно и Канем, расположенных в районе озера Чад. В течение длительного времени язык канури имел статус местного лингва франка, однако, после периода колонизации, этот язык потерял свое могущество. Язык канури подразделяется на несколько диалектов: центральный канури, манга-канури, тумари-канури, канембу [15. С. 58].

Для письма на языке канури начиная с XVII в. использовался латинский алфавит. В 1970 г. была разработана специальная орфография, основанная на диалекте майдугури, базой которого служил латинский алфавит. Эта орфография получила широкое распространение с 1975 г. Канури используется в качестве языка образования на начальном этапе обучения школьников Нигерии и Нигера. Говоря об интонационной мелодике канури, в языке выделяют три тона: высокий, низкий, нисходящий [15. С. 65].

Языком межнационального общения принято считать язык, наиболее используемый одновременно многими языковыми группами в процессе их коммуникации [1. С. 82]. Примерами межнациональных языков на территории Нигерии являются языки Тера и Фьер.

Язык *тера* принадлежит к центральночадской ветви чадской семьи и распространен на востоке страны в штатах Адамава, Борно и Гомбе. Основываясь на территориальном признаке, принято выделять восточные и западные языки тера [15. С. 87].

Численность носителей языка восточной группы тера превышает 100000 человек, в подгруппу восточной группы языка тера включены такие языки, как бога, хона, га'анда, нгваба. В этой подгруппе выделяют множество диалектов, наиболее распространенным из которых являются собственно га'анда и габин [15. С. 89].

В отличие от западной подгруппы языка тера, в его восточной подгруппе в последнее время на языке га'анда было отмечено начало развития письменности, в то время как остальные языки восточной подгруппы являются бесписьменными. Западная подгруппа языка тера представляет собой наименьшую подгруппу, количество ее носителей достигает 50000 человек.

Язык *фьер* принадлежит к западночадской ветке чадской семьи, распространен в северной части штата Плато на территории района Мангу. Ареал языка граничит на севере с ареалами бенуэ-конголезских языков фьям и кванка; с юга к ареалу языка фьер примыкает ареал западночадского языка ангас. Популяция носителей языка фьер превышает 30000 человек по данным 2018 г., при этом согласно религиозным убеждениям абсолютное большинство носителей языка фьер придерживается традиционных верований, к наименее распространенным вероисповеданиям относятся мусульмане и христиане [15. С. 92].

События в Нигерии, касающиеся языка, языковой политики и других аспектов социально-политических взаимоотношений, отражают этническое самосознание нигерийцев. Многие лингвисты отмечают, что языковая политика Нигерии была направлена на признание лидирующей роли английского языка во всех сферах: политической, экономической, образовательной, и признания роли языков коренных народов, принадлежащих к «языковому большинству», тем самым большая часть языков Нигерии не была признана.

Ведение языковой политики в области образования также способствовало принижению стату-

са языков коренных народов. Процесс обучения на начальной ступени образования осуществляется на одном из трех основных языков Нигерии — хауса, йоруба, игбо, соответственно, в добавление к своему родному языку ребенок должен владеть и языком межэтнического общения. Во время обучения на средней ступени нигерийский школьник получает образование на базе двух языков: на языке межэтнического общения и на основе английского языка, при этом родному языку не отводится никакого места в большинстве средних образовательных школ Нигерии. Высшее образование в Нигерии осуществляется исключительно на английском языке.

Изучая вопросы развития языковой перспективы в условиях глобализации и фрагментации, мексиканский ученый Кобаррубиас (Cobarrubias, 1983) описал четыре возможных сценария развития языковой ситуации: как лингвистическую ассимиляцию, языковой плюрализм, вернакуляризацию или коренизацию, интернационализм [5. С. 162].

Лингвистическая ассимиляция представляет собой процесс отказ от применения родного языка в качестве средства коммуникации тем или иным языковым сообществом, что часто связано с переходом общества на более престижный язык, и, в свою очередь, приводит к факту принадлежности ассимилирующегося языка к языковому меньшинству иноэтнического окружения. Лингвистическая ассимиляция может быть представлена двумя типами:

- 1) с сохранением языковых знаний о своей национальности,
- 2) с полной потерей знаний о языке [5. С. 167].

Языковая ассимиляция, обязывающая жителей какой-либо страны изучать доминирующий язык государства, является шагом к подавлению языков меньшинств. Подобная политика приводит к такому явлению, как языковой сдвиг, под которым понимают «процесс и результат утраты этносом этнического языка», что, в свою очередь, способно привести к языковой смерти ассимилирующегося языка [5. С. 169].

Языковая политика государства, направленная на сохранение языковой вариативности и развитие лингвистического разнообразия, осуществляется в рамках явления лингвистического плюрализма. Под рассматриваемой дефиницией принято понимать признание государством на официальном уровне более одного официального языка [5. С. 170]. Такой факт может привести к тому, что некоторые территории, находящиеся внутри более крупного

общества, могут требовать для себя привилегированных позиций в тех или иных сферах, что можно проследить на примерах таких стран как Бельгия, Сингапур, Южная Африка и Швейцария. Именно этот фактор практически мотивирует рекомендацию о принятии трех основных языков в Нигерии.

Вернакуляризация или коренизация языков подразумевает под собой восстановление и принятие в качестве официального коренного языка, примерами такого явления служит принятие иврита в Израиле и тагальского языка на территории Филиппин [5. С. 174—178].

Интернационализация представляет собой процесс принятия некоренного языка в качестве официального, в силу его господствующего положения в таких сферах государства как политика, экономика, торговля, образование. Явление интернационализации характерно в большей степени для стран Африки и Азии. В Нигерии, несмотря на молчаливое признание трех основных языков в качестве средства межэтнической коммуникации, положение английского языка как официального языка, языка образования, коммерции, экономики и политики остается неоспоримо лидирующим [11 С. 121]. Применяя данную модель развития языковой перспективы к ситуации в Нигерии, следует отметить, что в условиях лингвистического плюрализма проблемы языковых меньшинств остаются актуальными и на сегодняшний день. В силу интернационализации Нигерии в современном обществе происходит процесс языкового сдвига, что может привести к вымиранию многих коренных языков [11. С. 128].

Таким образом, многоязычный характер Нигерии определил ее путь развития. На современном этапе развития лингвистики существуют несколько вариаций классификаций коренных языков Нигерии. Ключевым параметром, положенным в основу типологий, является принцип количественной принадлежности нигерийцев к той или иной языковой группе, в зависимости от которого принято выделять наиболее и наименее продуктивные языковые группы. Вслед за Ж. Багана в нашем исследовании мы придерживаемся типологии, согласно которой выделяют языки межэтнического, внутриэтнического и межнационального общения.

К группе языков межэтнического общения относятся языки хауса, игбо и йоруба. Представители группы межэтнического общения насчитывают подавляющее большинство носителей. К группе языков внутриэтнического общения принадлежат языки канури, эдо и другие языки, эти языки

занимают среднюю позицию по продуктивности. Примерами языков межнационального общения на территории Нигерии являются языки тера

и фьер, которые по количественному принципу входят в ранг наименее продуктивной языковой группы.

Список литературы

1. Багана, Ж. Особенности функционирования английского языка в Нигерии / Ж. Багана, Т. Г. Волошина // Ученые записки Орловского государственного университета.— 2018.— № 1(78) — С. 81—84.
2. Багана, Ж. Семантико-этимологические характеристики лексики тематической группы «еда» в территориальном варианте английского языка Нигерии / Ж. Багана, Т. Г. Волошина // Научная мысль Кавказа. Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ.— 2018 — № 2 — С. 97—101.
3. Волошина, Т. Г. Некоторые лексические манифестации территориального варианта английского языка Нигерии / Т. Г. Волошина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология, Журналистика, Педагогика. —2018 —№ 3 — С. 406—413.
4. Ademowo, A. J. Indigenous Languages and Techno-Scientific Development in Africa / A. J. Ademowo. — Oxford, 2014.
5. Alo, M. A. Prototype Approach to the Analysis of Meaning of Kinship Terms in Non-native English / M. A. Alo // In Language Sciences.— 2004. — Vol. 15. — P. 159—176.
6. Bambgose, A. New Englishes: A West-African perspective / A. Bambgose. — Ibadan: Nigeria.— 2004.
7. Bamiro, E. Lexicosemantic Variation in Nigerian English / E. Bamiro // In World Englishes.— 1998. — Vol. — P. 47—68.
8. Crystal, D. English as the global language / D. Crystal. — Cambridge, 2003.
9. Falola, T. Historical Dictionary of Nigeria / T. Falola. — Lanham, 2009.
10. Igboanusi, H. Lexico Semantic Innovation Processes in Nigerian English / H. Igboanusi. — Ibadan, 2001.
11. Katchru, B. The handbook of World Englishes / B. Katchru. — Malden MA, 2006.
12. Oke, R. Sociolinguistic dimension to globalization: gradual shift in Yoruba personal names among Youths in Southwestern Nigeria / R. Oke // The African symposium: an online journal of the African educational research network.— 2014 — Vol.13. — P. 78—91.
13. Ogbulogo, C. Concepts in Semantics / C. Ogbulogo. — Lagos, 2005.
14. Olabode, E. A Indigenous languages in Africa and their forgotten values / E. A. Olabode // A paper presented at the 3rd International Conference of Centre for Issues in African Development.— 2017 — Vol. 13. — P. 16—24.
15. Melzian, H. A. Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria / H. A. Melzian. — London, 2001.
16. Nukoya, E. Nine Lives / E. Nukoya. — Lagos, 2006.

Сведения об авторах

Волошина Татьяна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет». Белгород, Россия. tatianavoloshina@rambler.ru

Нерубенко Наталья Викторовна — старший преподаватель кафедры второго иностранного языка, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет». Белгород, Россия. nerubenko@bsu.edu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 45—51.*

FUNCTIONAL CHARACTERIZATION OF THE LANGUAGES OF MODERN NIGERIA

T.G. Voloshina

Belgorod State University, Belgorod, Russia. tatianavoloshina@rambler.ru

N.V. Nerubenko

Belgorod State University, Belgorod, Russia. nerubenko@bsu.edu.ru

The article deals with theoretical features of the functional characteristics of modern Nigerian languages. The authors analyze the classification of the languages of Nigeria, depending on the variation of principles, the main principle being the number of the population using the language. The authors identify the most and least productive language groups of the indigenous languages of Nigeria. The study identifies the main features within inter-ethnic, intra-ethnic and inter-national language groups. The language policy of modern Nigeria is still in line with the recognition of the key linguistic domination of the English language, which has an official status. Considering the factor of multiethnic character of Nigeria, linguistic variation in indigenous languages of the country varies from 250 to 400. The differentiation of numerous intra- and inter-ethnic languages is defined by modern Nigerian linguists as “linguistic majority” and “linguistic minority”, taking into account the principle of belonging to a particular language group.

Key words: *linguistic groups, Nigeria, indigenous languages, languages of interethnic communication, languages of intra-ethnic communication, international languages.*

References

1. Baghaha, J., Voloshina, T. G. Osobennosti funktsionirovaniya angli'skogo jazika v Nigerii [Features of the functioning of the English language in Nigeria]. // Ucheni'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Orel State University], 2018, № 1 (78), pp. 81-84. (In Russ.).
2. Baghaha, J., Voloshina, T. G. Semantiko-etimologicheski'e kharakteristiki leksiki tematicjheskoi grupi "i'eda" v territorialnom variante angliiskogo jazika Nigerii [Semantic and etymological characteristics of the vocabulary of the thematic group “food” in the territorial version of the English language of Nigeria] // [Scientific thought Caucasus. Publisher: North-Caucasus scientific center of high school SFU], 2018, № 2, pp. 97-101.
3. Voloshina, T. G. Nekotori'e leksicheski'e manifestatsii territorialnogo varianta angliiskogo jazika Nigerii [Some lexical manifestations of the territorial warrant of the English language of Nigeria] // [Scientific proceedings of Belgorod State University. Humanities. Philology, Journalism, Pedagogy], 2018, № 3, pp. 406-413.
4. Ademowo, A. J. Indigenous Languages and Techno-Scientific Development in Africa, Oxford, 2014. 210 p.
5. Alo, M. A. Prototype Approach to the Analysis of Meaning of Kinship Terms in Non-native English / M. A. Alo // In Language Sciences. – 2004. – Vol. 15. – Pp. 159-176.
6. Bambgose, A. New Englishes: A West-African perspective / A. Bambgose, Ibadan, 2004. – 112p.
7. Bamiro, E. Lexicosemantic Variation in Nigerian English / E. Bamiro // In World Englishes. – 1998. – Vol. – Pp. 47-68.
8. Crystal, D. English as the global language, Cambridge, 2003. 78 p.
9. Falola, T. Historical Dictionary of Nigeria, Lanham, 2009. 116 p.
10. Igboanusi, H. Lexico Semantic Innovation Processes in Nigerian English, Ibadan, 2001. 156 p.
11. Katchru, B. The handbook of World Englishes, Malden MA, 2006.
12. Ogbulogo, C. Concepts in Semantics, Lagos, 2005. 98 p.
13. Oke, R. Sociolinguistic dimension to globalization: gradual shift in Yoruba personal names among Youths in Southwestern Nigeria / R. Oke // The African symposium: an online journal of the African educational research network. – 2014 – Vol.13. – Pp. 78-91.
14. Olabode, E. A Indigenous languages in Africa and their forgotten values / E. A. Olabode // A paper presented at the 3rd International Conference of Centre for Issues in African Development. – 2017 – Vol. 13. – P.16-24.
15. Melzian, H. A. Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria London, 2001. 112 p.
16. Nukoya, E. Nine Lives, Lagos, 2006. 112p.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ БОЛЕЗНЬ — ЗДОРОВЬЕ, В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Р. Р. Ганиева

*Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия*

В рамках данной статьи проведен анализ грамматического построения фразеологических единиц со структурой простого предложения, репрезентирующих болезнь — здоровье, в английском, немецком, русском и татарском языках. В статье рассматриваются способы выражения подлежащего и предиката; выявлены компоненты, осложняющие структуру предложений; проанализирована структура односоставных личных предложений; изучены безличные предложения.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, простое предложение, подлежащее, предикат, однородные члены, односоставный, безличный.*

Материал фразеологических единиц (ФЕ) со структурой предложения в английском, немецком, русском и татарском языках позволяет провести сопоставительное исследование, способствующее определению сходств и различий анализируемых языков на структурно-грамматическом уровне. Описание структурно-смысловых характеристик ФЕ даст возможность получить целостное представление о ФЕ, в которых связаны языковое и внеязыковое содержание. Теоретическая значимость работы обусловлена выявлением особенностей грамматического построения ФЕ, вербализующих болезнь — здоровье, в четырех разноструктурных языках. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проанализированы ФЕ, выражающие болезнь — здоровье, на материале четырех языков (английского, немецкого, русского и татарского) в сопоставительном плане; исследована функционально-грамматическая организация ФЕ, обозначающих болезнь — здоровье, в рассматриваемых языках; выявлены сходства, различия и особенности исследуемых ФЕ в английском, немецком, русском и татарском языках в структурно-грамматическом аспекте.

Среди исследователей, занимавшихся изучением ФЕ на материале разных языков, следует отметить К. Т. Гафарову. В своей работе К. Т. Гафарова анализирует ФЕ с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках [2]. Глагольные ФЕ русского, английского и французского языков в сопоставительном аспекте являются объектом изучения М. И. Грицко [3]. Вопросы определения структурных и семантических особенностей ФЕ

с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским касалась в своем исследовании М. Джордж [5]. Рассмотрению структурных и семантических свойств процессуальных ФЕ со значением физической деятельности и физического состояния в русском и английском языках посвящена работа Е. В. Самылиной [9]. Всестороннее сопоставительно-типологическое изучение соматических ФЕ с отобранными соматическими компонентами в эрзянском и немецком языках является целью исследования Г. И. Денисовой [4]. Л. Р. Сакаева проводит сопоставительный анализ ФЕ антропоцентрической направленности на материале русского, английского, таджикского и татарского языков [7]. Анализируя лингвистические работы, посвященные рассмотрению болезни — здоровья, необходимо отметить диссертационное исследование Л. О. Тимошенко, цель которого заключается в определении универсальных и идиотнических признаков, вербализующих концепт здоровье в русском и английском языках [11]. В немецком языкознании заслуживает внимания работа Е. Н. Осатюк, в котором автор разрабатывает типологию метафор «болезнь» и «смерть», отражающих авторское мировидение, и описывает особенности их когнитивно-семантической организации [6]. Г. Ю. Бухтоярова рассматривает здоровье и болезнь в научной, обыденной, религиозной, фольклорной областях русской культуры [1]. Обзор литературы позволяет сделать вывод, что феномены «болезнь» и «здоровье» являются объектом различных исследований, однако до сих пор не были проведены

исследования по сопоставлению ФЕ со структурой простого предложения указанной тематической группы в четырех разноструктурных языках.

Анализ ФЕ со структурой предложения, обозначающих болезнь — здоровье, в английском, немецком, русском и татарском языках, показал, что простые предложения преобладают по сравнению с другими структурами: англ.: *Diseases are the interests of pleasures; Desperate diseases must have desperate remedies*; нем.: *Das viele Trinken führt zum Hinken; Der Schmerz klammert sich ans Herz*; рус.: *Болезнь человека не красит; Всякая болезнь к сердцу*; тат.: *Кеше жылкәсе авыртмый; Кузларне кан баскан*.

Одним из основных видов простого предложения является двусоставное предложение, состоящее из двух грамматических основ, подлежащего и сказуемого. Подробное рассмотрение структурно необходимых компонентов предложения является важным условием для углубленного изучения двусоставного предложения. Тип и структура высказывания как языкового факта и объекта лингвистического анализа, его потенциальные возможности к развертыванию, расширению предопределяются лексическим наполнением, грамматически заданными параметрами каждого из компонентов высказывания. Анализ предложения не может быть плодотворным, если одновременно не охватывает изучение лексико-семантических и грамматических особенностей его компонентов. Специфика двусоставного предложения, своеобразие конкретных его разновидностей обуславливается, прежде всего, структурой, морфологическим выражением главных членов. Способы выражения подлежащего разнообразны в ФЕ исследуемых языков. В роли подлежащих преобладают имена существительные: англ.: *Health is better than wealth; Age breeds aches*; нем.: *Reinlichkeit allein schafft keine Gesundheit; Fremder Schmerz geht nicht ans Herz*; рус.: *Болезнь человека не красит; Лук семь недугов лечит*; тат.: *Саулык — зур байлык; Авырткан жирдән кул китми*.

В исследуемых ФЕ в качестве подлежащего используются также другие части речи:

1) инфинитив: англ.: *Early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise*; нем.: *Gut leben lang' leben*; рус.: *Здоровому лечиться — наперед хромать поучиться; Рано ложиться, рано вставать — быть здоровым и богатым*; тат.: *Артык тозлау аздан яман; Аракы эчү, карта уйнау, тәмәке тарту — өч агу*.

2) прилагательное: англ.: *The weakest goes to the wall*; нем.: *Der Kranke und der Gesunde haben*

ungleiche Stunde; Die Gesunden und Kranken haben ungleiche Gedanken; рус.: *Здоровый не поймет больного; Не рад больной золотой кровати*; тат.: *Сау авыруның хәлен белмәс*.

3) местоимения:

а) личные — в английском и немецком языках: англ.: *I reckon being ill as one of the great pleasures of life, provided one is not too ill and is not obliged to work till one is better*; нем.: *Willst du lang' leben und bleiben gesund, iß wie die Katze und trink wie der Hund*;

б) неопределенные — в русском и татарском языках: рус.: *Каждому своя болезнь тяжела; Кто рано встает, тот вдвое живет*; тат.: *Һәркемнең үз хәле хәл; Саулык булмаса күзгә берни күренми*;

в) притяжательные — в татарском языке: *Кеше колагын борганда үзеңнеке авыртмый*.

4) причастие — в русском языке: *Скрывающий болезнь (хворь) умрет, скрывающий богатство разорится*.

В роли простого глагольного сказуемого употребляются глаголы в форме:

а) 3 лица ед. и мн. числа настоящего времени: англ.: *Agues come on horseback, but go away on foot; The weakest goes to the wall; A rolling stone gathers no moss*; нем.: *Das viele Trinken führt zum Hinken*; рус.: *Болезнь приходит пудами, а уходит золотниками; Большая сыть брюху вредит*; тат.: *Авыру потлап керә, мыскыллап чыга; Авырткан жирдән кул китми, сөйгән кешедән күз китми*.

б) 3 лица ед. и мн. числа будущего времени: англ.: *The head and feet keep warm, the rest will take no harm*; нем.: *Der Ehemann will seine Frau gesund haben, und der Bruder seine Schwester reich*; рус.: *Катучий камень мохнат не будет; Придет старость, наступит и слабость*; тат.: *Ир сөяр сауны, хатын сөяр байны; Авыру хафасыз булмас, бәндә хатасыз булмас; Бурычлы үлмәс, чирле үләр*.

в) 3 лица ед. числа прошедшего времени в татарском языке: *Ак йөземне сары алды; Акылга туймый калган*.

г) 2 лица ед. числа повелительного наклонения: англ.: *After dinner rest awhile, after supper walk a mile; Go to bed with the lamb, and rise with the lark*; нем.: *Den Kopf halt kühl, die Füße warm, das macht den besten Doktor arm; Willst du lang' leben und bleiben gesund, iß wie die Katze und trink wie der Hund; Nach dem Mittag sitz ein Weilchen, nach dem Abendessen geh ein Meilchen*; рус.: *После обеда полежи, после ужина походи; С курами ложись, с петухами вставай*; тат.: *Күзең авыртса, кулың тый, эчең авыртса, авызың тый*.

Рассмотрим составное именное сказуемое. Именная часть составного именного сказуемого (предикатив) может быть выражена:

Прилагательными:

а) полными (членными) в татарском языке: *Авыруга елан ите дэ хэлэл; Зиһене таза, хэтере нык; Тәне сауның җаны сау.*

б) краткими в русском языке: *Больному все горько; Дух бодр, да плоть немощна; Здоровьем слаб, так и духом не герой; Не больной привередлив — боль.*

в) в форме сравнительной и превосходной степени: англ.: *Health is better than wealth; Wisdom is better than strength; The remedy is worse than the disease;* нем.: *Eine Stunde Schlaf vor Mitternacht ist besser als zwei danach;* рус.: *Здоровье дороже богатства.*

2. Существительными: англ.: *A crown is no cure for the headache; A good wife and health is a man's best wealth; Old age is sickness of itself;* нем.: *Gesunder Mann, reicher Mann;* рус.: *Барская хворь — мужицкое здоровье;* тат.: *Саулык — зур байлык; Байлыкның башы — саулык.*

3. Инфинитивом: нем.: *Gut leben lang' leben;* рус.: *Курить — здоровью вредить.* В английском и татарском языках инфинитив в функции именной части составного именного сказуемого не обнаружен.

При анализе ФЕ было выявлено, что элементами, осложняющими предложения, выступают однородные члены предложения: англ.: *Love and a cough cannot be hid; The head and feet keep warm, the rest will take no harm;* нем.: *Der Kranke und der Gesunde haben ungleiche Stunde; Früh wieder und früh auf, verlängert den Lebenslauf;* рус.: *Любви, огня да кашля от людей не утаишь; От работы не будешь богат, скорее будешь горбат;* тат.: *Кеше эшләп үлми, чирләп үлә; Авыру потлап керә, мыскыллап чыга.*

Сочинительные союзы *and/und/u, da* связывают однородные подлежащие: англ.: *A good wife and health is a man's best wealth; Love and a cough cannot be hid;* нем.: *Die Gesunden und Kranken haben ungleiche Gedanken; Früh zu Bett, früh wieder auf, macht gesund und reich in Kauf;* рус.: *Лук да капуста лихого не допустят; Рано ложиться, рано вставать — быть здоровым и богатым; Хлеб да вода — здоровая еда;* в татарском языке между однородными подлежащими бессоюзная связь: *Аракы эчү, карта уйнау, тәмәке тарту — өч агу.*

Союзы *but, and/und/a, da, u/də* соединяют однородные предикаты. Союз *but/a* обычно используется в предложениях, в которых сказуемые имеют

значение противопоставления в английском и русском языках: англ.: *Agues come on horseback, but go away on foot;* рус.: *С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь; Человек от лени болеет, а от труда здоровеет; Болезнь входит пудами, а выходит золотниками; От лени человек хворает, а от труда делается здоровым;* в татарском языке однородные предикаты со значением противопоставления соединяются бессоюзной связью: *Ашаганнан үлмәссең, күп яхшылык та күрмәссең; Авыру потлап керә, мыскыллап чыга; Кеше эшләп үлми, чирләп үлә.* Союзы *and/und/u, da/да, дэ* также встречаются в предложениях: англ.: *The best doctors are Dr Diet, Dr Quiet and Dr Merryman; Go to bed with the lamb, and rise with the lark; Feed by measure and defy the physician;* нем.: *Willst du lang' leben und bleiben gesund, iß wie die Katze und trink wie der Hund;* рус.: *Наживи свою болячку да и лечи ее;* тат.: *Ал да гөл кебек.* При бессоюзной связи однородные предикаты имеют значение перечисления: англ.: *Eat at pleasure, drink by measure;* нем.: *Heute stark, morgen im Sarg; Nach dem Mittag sitz ein Weilchen, nach dem Abendessen geh ein Meilchen;* рус.: *Здоровье — всему голова, всего дороже;* также сказуемые могут выражать следственные отношения в русском и татарском языках: рус.: *Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век допюна; Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем;* тат.: *Багучыга барма, башыңа кайгы алма.*

Синтаксическими способами соединения однородных второстепенных членов выступают союзы *but, and, or* — в английском языке: *The head and feet keep warm, the rest will take no harm; Mind other men, but most yourself; The peacock has fair feathers, but foul feet;* союзы *sondern, und* — в немецком языке: *Wir wollen nichts Überflüssiges, sondern nur das Nötigste; Guter Gruß freut den Gast und ehrt den Wirt;* союзы *a, da, u* — в русском языке: *Держи голову в холоде, живот — в голоде, а ноги — в тепле; Любви, огня да кашля от людей не утаишь; Человек умирает не от труда, а от болезни;* союзы *да/дэ, белән* — в татарском языке: *Ай йөре дэ сау йөре;* также встречается бессоюзная связь в немецком и татарском языках: нем.: *Den Kopf halt kühl, die Füße warm, das macht den besten Doktor arm;* тат.: *Буген аякта, иртәгә таякта.*

Схема односоставных предложений связана с типом сказуемого, оформляемого средствами соответствующей части речи. Следовательно, тип предложения сводится к форме сказуемого, форма сказуемого — к морфологической характеристике класса слов, которыми она выражена [10].

Наиболее часто встречающимся типом односоставных предложений в ФЕ в русском и татарском языках являются обобщенно-личные предложения, в которых в качестве главного члена употребляется глагол 3-го лица множ. числа настоящего времени. Главный член стоит в конце предложения: рус.: *Горьким лечат, а сладким калечат; Не лечат, а калечат (о врачах); От здоровья не лечатся; С поста не мрут, а от обжорства мрут; Свою болячку чужим здоровьем не лечат; Противным лечат, а приятным часто губят*; тат.: *ачы белән төзәталәр, тәмле белән бозалар; ашап үлмиләр, чирләп үләр*; в русском языке — также в середине предложения: *Где просто, там живут лет со сто*. В английском языке данному типу предложений соответствуют ФЕ, в которых в качестве формального подлежащего используется местоимение 3-го лица множ. числа *they*: *They die well that live well*. В немецком предложении употребляется специальное местоимение *man*, которое в Akkusativ (Винительный падеж) и в Dativ (Дательный падеж) превращается, соответственно, в *einen, einem*: *Vor dem Tode stirbt man nicht; Man soll sich auf sein Schicksal verlassen und nicht verzagen; Was einer früh um viere tut, das kommt ihm nachts um neun zugut; Was einem wehtut, davon redet er auch*.

По объему высказываний односоставные предложения с глаголом 2-го лица ед. числа будущего времени делятся на следующие подгруппы:

а) двучленные предложения: рус.: *Здоровья не купишь*.

б) трехчленные предложения: рус.: *Брюхом добра не наживешь; С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь; Здоровья за деньги не купишь*.

в) четырехчленные предложения: рус.: *Боль отбудешь и так померишь; Ешь, да не жирей — будешь здоровей; Здоров будешь — все добудешь; Кроме смерти, от всего вылечишься*; тат.: *Уйламый сөйләсәң, авырмый үләрсең*.

г) пятичленные предложения: рус.: *Дай боли волю — полежав да умрешь; Дай боли волю — умрешь раньше смерти*; тат.: *Ашаганнан үлмәссең, куп яхшылык та күрмәссең*.

Данный вид предложений широко распространен в русском языке, но отсутствует в английском и немецком языках. В татарском языке встречаются четырехчленные и пятичленные обобщенно-личные предложения.

Главный член, выраженный глаголом 2-го лица ед. числа повелительного наклонения может стоять как в препозиции, так и в постпозиции: англ.: *Eat at pleasure, drink by measure; Feed by measure*

and defy the physician; Seek your salve where you get your sore; Do not touch the sick, he will start moaning; Go to bed with the lamb, and rise with the lark; рус.: *Не ходи к знахарю, не наживай себе горя; Береги честь смолоду, а здоровье под старость; Болен — лечись, а здоров — берегись; Дай боли волю — уморит; Не спрашивай у больного здоровья; Держи голову в холоде, брюхо в голоде, не знай докторов — и будешь здоров*; тат.: *Уйламый сөйләсәң, авырмый үләрсең; Багучыга барма, башыңа кайгы алма; Врач икәнсең, үзеңне үзең дәвала*.

В данных конструкциях интерпозиция глагола встречается чаще, чем в предложениях с глаголами в изъявительном наклонении: англ.: *The head and feet keep warm, the rest will take no harm; After dinner rest awhile, after supper walk a mile; If your body is healthy, do not say that you are poor; If your soul is sound, do not say that you are ill; If your eyes hurt, keep your hands; If your stomach hurts, restrain your appetite*; нем.: *Den Kopf halt kühl, die Füße warm, das macht den besten Doktor arm; Nach dem Mittag sitz ein Weilchen, nach dem Abendessen geh ein Meilchen; Willst du lang' leben und bleiben gesund, iß wie die Katze und trink wie der Hund*; рус.: *Свою болезнь ищи на дне тарелки; Если хочешь долго жить и быть здоровым, ешь, как кошка, и пей, как собака; Болят глаза — придержи руки, болит живот — уйми свой рот; На болячку не молись, а лечись; Больного не трогай — стонать будет*; тат.: *Ай йөре дә сау йөре; Күзең авыртса, кулың тый, эчең авыртса, авызың тый*. В немецком языке глагол занимает только интерпозицию.

Необходимо указать, что главный член односоставных предложений может быть выражен также глаголом 3-го лица ед. числа настоящего и прошедшего времени: рус.: *Лечит да в могилу мечет; Без болезни и здоровьем не рад; Начал за здравие, а кончил/свел за упокой*; тат.: *Баскан эздән су чыгара*; формой 1-го лица ед. и мн. числа настоящего времени: рус.: *Хвораю — ем по караваю; Хвораю — ем по караваю, немогу — ем по пирогу; Других лечить беремся, а сами больны*; тат.: *Ятсам йокым керми, капсам ашым үтми*. Данных конструкций немного, и они не характерны для ФЕ. В английском языке в таких случаях в качестве формального подлежащего выступает местоимение 3-го лица ед. числа *he*: *He who is born a fool is never cured*. В английском и немецком языках также встречаются ФЕ с формальным подлежащим в форме местоимения 2-го лица ед. числа: англ.: *You can only die once*; нем.: *Nach dem Essen sollst du stehen, oder tausend Schritte gehen*.

Исследование ФЕ, выражающих болезнь — здоровье, в анализируемых языках позволило сделать вывод, что безличные предложения в ФЕ со структурой простого предложения мало употребительны. Для английского языка свойственно употребление безличных предложений, в которых в качестве формального подлежащего выступает личное местоимение *it*: *It is ill healing of an old sore; It is better to be healthy and go on foot rather than be ill and ride a horse*. В немецком языке в безличном предложении в качестве формального подлежащего употребляется местоимение *es* (*оно*): *Mit Saufaus ist's bald aus; Es geht nicht ums Fett, es geht ums Leben; Es ist gut/schlecht um j-n, etw./mit j-m bestellt; Es kommt immer bunter*. В русском и татарском языках безличные предложения определяются как предложения, грамматической основой которых является один главный член — сказуемое, морфологические характеристики которого исключают подлежащее: рус.: *В добром здоровье и хворать хорошо; Плохо болеть, еще хуже заболеть вторично; Нельзя исцелить, так можно отрубить; Здоровому лечиться — наперед хромать поучиться*. В ФЕ татарского языка со значением болезнь — здоровье безличные предложения отсутствуют.

Сопоставительное изучение структурно-грамматических особенностей ФЕ со структурой простого предложения, репрезентирующих болезнь — здоровье, в английском, немецком, русском и татарском языках, позволило выявить общие и специфические черты исследуемых языков. Различия в грамматических характеристиках ФЕ английского, немецкого, русского и татарского языков обусловлены внутриструктурными признаками и различным строем данных языков [12]. Таким образом, в английском, немецком, русском и татарском языках в роли подлежащих в ФЕ преобладают имена существительные, подлежащее во всех четырех языках может быть также выражено инфинитивом, прилагательным, местоимениями. В русском языке в роли подлежащего выступают также причастия. В анализируемых

языках простое глагольное сказуемое может быть выражено глаголом 3 лица ед. и мн. числа настоящего времени, будущего времени, 2 лица ед. числа повелительного наклонения. В татарском языке также глаголом прошедшего времени ед. числа. Функцию именной части составного именного сказуемого во всех языках могут выполнять существительные и прилагательные, в немецком и русском языках — также инфинитив. Конструкциями, осложняющими предложение, являются однородные члены: однородные подлежащие, предикаты, второстепенные члены. Безличные предложения в синтаксисе ФЕ со структурой простого предложения мало употребительны. Широко распространенным типом обобщенно-личных предложений в ФЕ русского и татарского языков являются односоставные предложения, главный член которых выражен глаголом 3-го лица множ. числа настоящего времени, 2-го лица ед. числа будущего времени, 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. В английском и немецком языках встречаются обобщенно-личные предложения с главным членом в форме глагола 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Обобщенно-личным предложениям, в которых главный член представлен глаголом 3-го лица множ. числа настоящего времени в русском и татарском языках соответствуют предложения с формальным подлежащим в форме местоимения 3-го лица множ. числа *they* в английском языке и местоимения *man* в немецком языке. В английском языке выявлено значительное количественное превосходство двусоставных предложений над односоставными. Стремление английских ФЕ к двусоставности объясняется недостаточностью парадигм глагола данного языка, форма которого не всегда указывает на субъект, вследствие чего требует его наличия, поэтому безличные предложения в английском языке строятся при помощи формального безличного подлежащего, не обозначающего реального субъекта, но присутствующего в предложении.

Список литературы

1. Бухтоярова, Г. Ю. Отображение феноменов болезнь и здоровье в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Г. Ю. Бухтоярова. — Москва, 2010. — 257 с.
2. Гафарова, К. Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / К. Т. Гафарова. — Душанбе, 2007. — 164 с.ил.
3. Грицко, М. И. Глагольные фразеологизмы русского, английского и французского языков в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук / М. И. Грицко. — Новосибирск, 2005. — 150 с.
4. Денисова, Г. И. Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук / Г. И. Денисова. — Саранск, 2003. — 196 с.

5. Джордж, М. Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: дис... канд. филол. наук / М. Джордж. — Москва, 1999. — 322 с.
6. Осатюк, Е. Н. Когнитивные модели метафор «болезнь» и «смерть» как отражение авторского мировидения: на материале романов Т. Манна: дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Осатюк. — Ставрополь, 2007. — 185 с.
7. Сакаева, Л. Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности: на материале русского, английского, таджикского и татарского языков: дис. ... д-ра филол. наук / Л. Р. Сакаева. — Казань, 2009. — 408 с.ил.
8. Сакаева, Л.Р., Фаткуллина, Ф.Г., Ялалова, Р. Р. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь—здоровье в английском, немецком и русском языках / Л. Р. Сакаева, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Р. Ялалова // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 22., № 3. — С. 735—739. — URL: <http://bulletin-bsu.com/arch/2017/3/>; http://bulletin-bsu.com/archive/files/2017/3/28_5312_Sakaeva_v2_735—739.pdf
9. Самылина, Е. В. Структурные и семантические свойства процессуальных фразеологизмов со значением физической деятельности и физического состояния в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Самылина. — Челябинск, 2008. — 256 с.ил.
10. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. — Петрозаводск, 1999. — 446 с.
11. Тимошенко, Л. О. Скалярно-антонимический комплекс концепта «здоровье» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Л. О. Тимошенко. — Уфа, 2005. — 190 с.
12. Ялалова, Р. Р. Фразеологические единицы, характеризующие болезнь — здоровье, в английском, немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р. Р. Ялалова. — Казань, 2014. — 307 с.
13. Sakaeva, L.R., Yalalova, R. R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease — health in the English, German and Russian languages / L. R. Sakaeva, R. R. Yalalova. // Life Science Journal. — 2014. — Vol.11, is. 5. — P. 547—550. — URL: <http://www.lifesciencesite.com>. 82
14. Sakaeva, L.R., Yalalova, R.R., Yahin, M. A. Structural-grammatical analysis of substantive and adjectival phraseological units characterizing disease — health / L. R. Sakaeva, R. R. Yalalova, M. A. Yahin. // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. — 2017. — Special Edition. — P. 693—697 — URL: <http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL.html>; http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL_files/tojdac_v070ASE169.pdf

Сведения об авторе

Ганиева Рина Раффовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германских языков и методик их преподавания, Набережночелнинский государственный педагогический университет. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия. anira1988@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 52—58.

STRUCTURAL-GRAMMATICAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE STRUCTURE OF A SENTENCE CHARACTERIZING DISEASE — HEALTH IN THE ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES

R.R. Ganieva

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, the Republic of Tatarstan, Russia. anira1988@mail.ru

The aim of this article is comparative study of structural-grammatical features of phraseological units (PU) with the structure of a simple sentence characterizing disease – health in the English, German, Russian and Tatar languages. The material of the research is a list of PU of the English, German, Russian and Tatar languages taken from monolingual, bilingual and multilingual dictionaries. The main methods are the method of complete selection of material and the comparative-typological method. The article is devoted to the investigation of the ways of expressing the subject and the predicate, detection of components that complicate the structure of the sentence. Also the article explores the structure of one-member sentences, considers impersonal sentences which are not widely used in the PU with the structure of a simple sentence.

Keywords: *phraseological unit, simple sentence, subject, predicate, homogeneous parts, one-member, impersonal.*

References

1. Bukhtoyarova G.Yu. *Otobrazhenie fenomenov bolezni i zdorov'e v russkoj yazykovoj kartine mira* [Showing the phenomena of disease and health in the Russian language picture of the world]. Moscow, 2010. 257 p. (In Russ.).
2. Gafarova K.T. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinit s zoonimami i fitonimami v tadzhikskom, nemetskom i russskom yazykakh* [Comparative analysis of phraseological units with zoonyms and phytonyms in the Tajik, German and Russian languages]. Dushanbe, 2007. 164 p. (In Russ.).
3. Gritsko M.I. *Glagol'nye frazeologizmy russkogo, anglijskogo i frantsuzskogo yazykov v sopostavitel'nom aspekte* [Verb phraseological units of the Russian, English and French languages in a comparative aspect]. Novosibirsk, 2005. 150 p. (In Russ.).
4. Denisova G.I. *Somaticheskie frazeologicheskie edinitsy ehryzanskogo i nemetskogo yazykov* [Somatic phraseological units of the Erzya and German languages]. Saransk, 2003. 196 p. (In Russ.).
5. Dzhordzh M. *Strukturnye i semanticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinit s somaticheskim komponentom v russskom yazyke v sopostavlenii s anglijskim* [Structural and semantic features of phraseological units with a somatic component in the Russian language in comparison with the English language]. Moscow, 1999. 322 p. (In Russ.).
6. Osatyuk E.N. *Kognitivnye modeli metafor «bolezni» i «smerti» kak otrazhenie avtorskogo mirovideniya: na materiale romanov T. Manna* [Cognitive models of the metaphors «disease» and «death» as a reflection of the author's worldview: on the material of T. Mann's novels]. Stavropol', 2007. 185 p. (In Russ.).
7. Sakaeva L.R. *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinit antropotsentricheskoy napravlenosti: na materiale russskogo, anglijskogo, tadzhikskogo i tatarskogo yazykov* [Comparative analysis of phraseological units of anthropocentric orientation: on the material of the Russian, English, Tajik and Tatar languages]. Kazan', 2009. 408 p. (In Russ.).
8. Sakaeva L.R., Fatkullina F.G., Yalalova R.R. *Strukturno-grammaticheskaya harakteristika substantivnykh i adektivnykh frazeologicheskikh edinic, harakterizuyushchih bolezni — zdorov'e v anglijskom, nemeckom i russskom yazykakh* [Structural-grammatical characteristics of substantive and adjectival phraseological units characterizing disease–health in the English, German, and Russian languages]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. [Bulletin of Bashkirsk University], 2017, vol. 22, № 3, pp. 735—739, <http://bulletin-bsu.com/arch/2017/3/>; http://bulletin-bsu.com/archive/files/2017/3/28_5312_Sakaeva_v2_735—739.pdf (In Russ.).
9. Samylina E.V. *Strukturnye i semanticheskie svojstva protsessual'nykh frazeologizmov so znacheniem fizicheskoy deyatel'nosti i fizicheskogo sostoyaniya v russskom i anglijskom yazykakh* [Structural and semantic properties of procedural phraseological units with the meaning of physical activity and physical condition in the Russian and English languages]. Chelyabinsk, 2008. 256 p. (In Russ.).
10. Tarlanov Z.K. *Russkie poslovice: sintaksis i poehtika* [Russian proverbs: syntax and poetics]. Petrozavodsk, 1999. 446 p. (In Russ.).
11. Timoshenko L.O. *Skalyarno-antonimicheskij kompleks kontsepta «zdorov'e» v russskom i anglijskom yazykakh* [Scalar-antonymic complex of the concept «health» in the Russian and English languages]. Ufa, 2005. 190 p. (In Russ.).
12. Yalalova R.R. *Frazeologicheskie edinicy, harakterizuyushchie bolezni — zdorov'e, v anglijskom, nemeckom i russskom yazykakh* [Phraseological units characterizing disease — health in the English, German and Russian languages]. Kazan, 2014. 307 p. (In Russ.).
13. Sakaeva L.R., Yalalova, R.R. *Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease — health in the English, German and Russian languages*. *Life Science Journal*, 2014, vol.11, is. 5, pp. 547—550, <http://www.lifesciencesite.com>. 82
14. Sakaeva L.R., Yalalova R.R., Yahin M.A. *Structural-grammatical analysis of substantive and adjectival phraseological units characterizing disease — health*. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, 2017, special edition, pp. 693—697, <http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL.html>; http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL_files/tojdac_v070ASE169.pdf

КОМПЛЕКСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ВНУТРИСЛОВНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Х. М. Данешианишахрбаф

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются семантические модели, характерные для комплексных значений слов денотативных сфер «Спорт» и «Движение». Отмечается специфика рассмотрения комплексной семантики в пределах денотативной классификации лексики. Выделены группы комплексных моделей: классическая модель совмещенного типа, классическая и неклассическая модели включенного типа. Произведено обобщение признаков, участвующих в семантических моделях со стороны двух различных денотативных сфер.

Ключевые слова: *комплексная семантика, денотативная сфера, внутрисловная парадигма, лексическое значение, семантическая модель, сема, идеографический словарь, спорт, движение*

Проблемы комплексной семантики непосредственно связаны с вопросами классификации лексики и компонентным анализом лексического значения. Существует достаточно большое количество лексико-семантических вариантов слов, которые невозможно «вписать» в рамки только одного семантического класса. Для пояснения сравним значения глагола *бежать*:

1. Быстро продвигаться в определённом направлении, попеременно отталкиваясь ногами от земли <...>

2. Участвовать в соревнованиях по бегу. *Б. стометровку. Б. с эстафетой. Б. четыреста метров. Б. на лыжах, на коньках* (толкование приведено по БТС [4]).

Если первое, основное значение глагола следует однозначно отнести к классу «Движение, перемещение», то второе значение имеет не менее важный социальный компонент, который заставляет связать этот глагол одновременно и со сферой «Спорт». При этом «двигательный», физический признак в лексическом значении сохраняется. Такие сложные по характеру значения называют комплексными — см. об этом в [1; 2; 9; 13] и др. источниках. В то же время нужно заметить, что интерпретация самого термина «комплексная семантика» имеет свои вариации в словообразовательном аспекте [8], а также в аспекте метафорического синкретизма [10].

С одной стороны, существование комплексной семантики затрудняет создание словарей-тезаурусов и, вообще, категоризацию лексического состава. В целом это проблема моделирования макроструктуры лексикографических источников, которые строятся по семантическому принципу.

С другой стороны, возникает вопрос моделирования микроструктуры таких значений и в том числе — представления этой микроструктуры в конкретных статьях толковых словарей.

Итак, комплексное значение возникает на стыке семантических классов. Внутрисловная семантическая парадигма в таких случаях содержит элементы (семы), которые можно связать с этими классами ('движение' и 'спортивное соревнование' в применении к слову *бежать*). Статус этих семантических признаков для различных значений не всегда легко однозначно определить. В указанных работах Л. Г. Бабенко, А. М. Плотниковой, а также других представителей Уральской семантической школы (Екатеринбург, Уральский федеральный университет) [14; 15] рассматриваются комплексные значения двух типов — совмещенного и включенного. Первые в составе семемы содержат как минимум две равноправные категориально-лексические семы и равнозначно относятся более чем к одному семантическому классу. Таков, например, глагол *нанизать* («соединить какие-л. маленькие предметы (камешки, бусинки и т. п.), прокалывая их и надевая подряд на нитку, проволоку, леску и т. п.» — см. [5]), в котором «наряду с основной пропозицией соединения в качестве включенных пропозиций присутствуют пропозиции нарушения целостности объекта, созидательной деятельности» [2. С. 7]. Иначе говоря, в словаре-тезаурусе такой глагол может оказаться одновременно в рубриках «Соединение» и «Нарушение целостности, повреждение объекта».

Вторые предполагают наличие главного, категориального, и одновременно второстепенного семантического признака. В качестве примера проф.

Л. Г. Бабенко приводит глагол *разместиться* (т. е. «найти для себя где-л. какое-л. место в пространстве и занять его»), в значении которого «ситуации поиска пространства и замещения его находятся в отношении логической последовательности» [там же]. Исходя из доминирующего признака такие значения попадают только в один семантический класс.

Следует отметить, что эта концепция разработана и подтверждена в первую очередь на материале глагольной семантики и словаря классического семантического типа [5]. Несмотря на всю сложность рассмотрения глагольных значений, в их структуре достаточно последовательно выделяются полипропозициональные структуры. «Совмещение пропозиций и включение их в лексическую семантику глагола носит не случайный характер, оно отражает наши знания о наиболее устойчивых, повторяющихся связях ситуаций в действительности, имеющих закономерный характер. Например, ситуация звучания регулярно сопрягается с ситуациями эмоционального состояния (*вопить, стонать, выть* и т. п.) <...> внешнего выражения эмоций (*аплодировать, хлопать, цокать* и т. п.)» [2. С. 8]. Таким образом, анализ сводится к рассмотрению двух только процессуальных (т. е. в важном смысле однотипных).

Несколько по-иному представляется изучение комплексной семантики на материале классификации денотативного характера, представленной в словарях [6; 16] и др. Здесь семантический анализ осложняет существование в одном денотативном классе, т. е. — в терминологии проф. Л. Г. Бабенко [3], — денотативной сфере и денотативно-идеографической группе, слов разных частей речи, а также соотношение конкретно-физических и социальных классов в общей структуре тезауруса. Например, денотативный класс «Движение, перемещение» явно пересекается с такими социальными сферами, как «Спорт», «Транспорт», «Военная служба» и др. В этих случаях в структуре конкретного значения могут сочетаться процессуальные, предметные, признаковые семы, которые обусловлены существованием разных сфер. Такова структура значений спортивного термина *жим*:

- Поднятие штанги над головой до полного выпрямления рук;

- Физическое упражнение, при котором спортсмен лежа опускает штангу до касания с грудью и поднимает до выпрямления в локтевом суставе.

Конкретно-физическая сфера «Движение, перемещение» определяет наличие в значениях сем

‘опустить’, ‘поднять’, ‘выпрямить’ — иначе говоря, собственно ‘движение’, ‘направление’ и некий ‘характер движения’. Социальная сфера «Спорт» реализуется в семах ‘упражнение’, ‘спортивный снаряд’ и в целом — ‘занятие спортом’. В таких случаях моделирование внутрисловной семантической парадигмы и определение статуса разнородных сем является дополнительной проблемой. Проявляется эта проблема и в сложности классификации значений в идеографическом словаре.

Данная статья посвящена выявлению внутрисловных семантических моделей, реализованных в лексических значениях слов с комплексной семантикой отношения к сферам «Движение» и «Спорт». Несколько сотен слов, соответствующих условию отбора, были распределены в семь денотативно-идеографических групп. Часть этих групп, несмотря на присутствие в них слов разных частей речи, условно соответствует представлениям о «процессуальной доминанте»: «Виды спорта и спортивных игр», «Движения и способы движения в спорте», «Спортивные состязания и их этапы», «Спортивные упражнения». У другой части выражена «предметная доминанта»: «Спортивное сооружение или его часть, место проведения спортивных мероприятий», «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления», «Человек, занимающийся спортом, имеющий отношение к спорту». Более подробно о составе групп см. в [12].

Поскольку все эти группы относятся к спортивной сфере, мы предполагаем, что в структуре значений всех входящих в нее слов на категориальном уровне должна выделяться базовая сема ‘спорт’ или ‘отношение к спорту’, а семантика движения должна соответствовать также категориальному уровню (в значениях совмещенного типа) или дифференциальному уровню (в значениях включенного типа). Анализ материала (конкретных внутрисловных семантических парадигм) показывает, что эта концепция нуждается в уточнении и развитии.

Рассмотрим три группы семантических моделей, наиболее характерных для лексических значений слов перечисленных групп сферы «Спорт».

1. Классическую модель совмещенной семантики реализуют многие слова «процессуальных» групп. Приведем в пример лексику со значением «Виды спорта и спортивных игр» — это слова типа *бег*, (спортивная) *ходьба*, *плавание*, *прыжки*, *гонки* и др. Семы ‘вид спорта’ и ‘движение’ имеют в их внутрисловной парадигме равный статус. Кроме того, в качестве дифференциальных сем со стороны конкретно-физической сферы в структуру

лексических значений избирательно входят такие семы, как 'среда', 'скорость', 'способ' движения. Со стороны спортивной сферы в структуре значений могут участвовать такие распространители, как, например, 'спортивный инвентарь'. Это справедливо для слов *лыжи, коньки, гребля* и др., — рассматриваемых в соответствующих значениях. Ср.: *лыжи* — «Разг. Вид спорта, хождение, бег на таких полозьях» (т. е. лыжах — здесь и далее толкования приводятся по БТС [4]).

Естественно, что совмещенная модель преимущественно характерна для глаголов и производных от них слов. Кроме отмеченной группы, она встречается в группах «Движения в спорте» (*бросок, мах*), «Спортивные упражнения» (*приседание, отжимание*) и «Спортивные состязания» (*забег, заплыв*).

2. Классическая модель включенной семантики реализуется тогда, когда сема 'движение' является дифференциальной и уступает по статусу категориальной спортивной семантике. Так, в значении слова *зарядка* («Совокупность оздоровительных физических упражнений»), а следовательно, «ряд специально выработанных движений») на дифференциальном уровне проявляются семантические признаки, связанные с движением и оздоровлением.

Слова с включенной семантикой не называют собственно движение, но предполагают актуализацию его различных аспектов. Рассмотрим слова *старт* и *финиш* (группа «Спортивные состязания и их этапы»), а также производные прилагательные *стартовый, предстартовый, финишный*. Старт — это «начальный, после определённого сигнала, момент спортивного состязания (в беге, плавании и т. п.)». В структуре этого и других слов сема 'движение' находится на дифференциальном уровне, а в ситуации движения актуализируется признак 'время' (т. е. начальный или конечный момент). В словарных дефинициях семантический признак 'движение' может быть выражен имплицитно. Например, так формулируется в БТС значение слова *финиш*: «Заключительная часть спортивного состязания на время». В таких случаях для установления всех семантических признаков необходим компонентный анализ. Заметим, что для производных значений слов *старт* и *финиш* (начальный или конечный пункт, место начала или конца состязания) актуальным является не временной, а пространственный признак движения.

3. Неклассическая модель включенной семантики. Как уже говорилось ранее, денотативный принцип классификации заставляет расширить

представление о «классических» моделях комплексной семантики. В первую очередь это касается групп «предметного» типа. Например, для слов с общим значением «Человек, занимающийся спортом» или «Спортивный инвентарь», категориальным является признак 'человек' или 'инвентарь' (или — шире — 'предмет'). С традиционной точки зрения, и признак 'спорт', и признак 'движение' в такой парадигме должны занимать позиции дифференциальных сем. Категориально-лексическая сема формирует обычные лексико-семантические группы, и с этой точки зрения все слова, называющие человека, должны образовывать единый семантический класс — см. об этом в [11]. Это соображение не совместимо с принципами денотативной классификации и выделением денотативно-идеографических классов [3]. Любая лексико-семантическая или идеографическая группа является результатом категоризации и, значит, имеет базовую понятийную категорию. Рубрики «Спортивное сооружение или его часть, место проведения спортивных мероприятий», «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления» и «Человек, занимающийся спортом, имеющий отношение к спорту» мы относим к денотативному классу «Спорт». Это означает, что сема 'спорт' должна быть непременной составляющей этой базовой понятийной категории. Таким образом, группы типа «Человек...» формируются на основании составного категориально-денотативного признака, включающего на равных основаниях, с одной стороны, семы 'человек', 'сооружение', 'место, пространство', 'инвентарь' и др., а с другой, — обобщенно, 'спорт' или 'отношение к спорту'. Зафиксируем базовый категориально-денотативный признак в виде формулы типа '[человек, связанный со спортом]' (или, еще точнее, '[человек, занимающийся спортом]'), '[спортивное сооружение]', '[спортивное приспособление]' и т. п.

Во всех этих случаях в применении к лексическим значениям конкретных слов сема 'движение' будет занимать место дифференциального признака. Так, в значениях существительных *лыжник, конькобежец, автогонщик, гимнаст, фигурист* (и соответствующих феминитивов типа *лыжница, фигуристка*) в качестве опорного, образующего группу выделяется категориально-денотативный признак '[человек, занимающийся спортом]'. Все остальные признаки являются дифференциальными. Из них ситуация движения представлена в этих словах собственно семой 'движение', а кроме того —

‘среда’, ‘направление’, ‘скорость’ и др. Спортивная составляющая реализуется путем добавления сем ‘снаряжение’, ‘соревнование’ и др.

Поскольку конкретно-физическая семантика, по сравнению с социальной, является более объективной (как бы первичной), отношения между рассматриваемыми сферами оказываются асимметричными. Сферу «Спорт» в силу ее специфики можно считать «заказчиком» или «получателем» семантических признаков. Сферу «Движение» — наоборот, семантическим «донором». Результатом взаимодействия набора признаков и является конкретное лексическое значение слова.

Проведем обобщение признаков, которые участвуют в семантических моделях со стороны двух различных по характеру денотативных сфер.

Вместе с семой ‘движение’ в лексическое значение рассмотренных слов попадают различные признаки ситуации движения — в первую очередь пространственные — направление или место движения (*приседание, трасса*) и временные — скорость, продолжительность (*гонка, бег, спринтер, марафон*), а также характеристики различных способов движения или перемещения (*рывок, подтягивание* и т. д.). Из признаков, поставляемых сферой «Спорт», наиболее значимые — спортивные ‘инвентарь, приспособление’ (*диск, гантели*), ‘сооружение’ (*каток, велотрек*) и др. Кроме того, в ряде слов реализуются «целевые» признаки, определяемые спортом: укрепление здоровья (*физкультура, упражнение*), победа в соревновании (названия спортивных состязаний) и др.

Таким образом внутрисловная семантическая парадигма слов с комплексной семантикой может быть представлена как модель, формирование которой определяется как минимум двумя денотативными классами (в нашем варианте — «Движение» и «Спорт»). Базу внутрисловной парадигмы составляет или два категориальных признака (совмещенный тип семантики), или один категориальный признак (включенный тип семантики). Во втором случае в качестве единого можно считать составной категориально-денотативный признак, в который включена основная сема, объединяющие все слова, непосредственно относящиеся к сфере «Спорт».

В качестве дифференциальных признаков в лексическое значение «заходят» с конкретно-физической стороны различные характеристики ситуации движения и перемещения. Со спортивной стороны в лексическом значении фигурируют различные аксессуары и факторы целеустановки спорта и физической культуры в целом. Каждое слово с комплексным значением является частной реализацией указанных семантических моделей, т. е. представляет в лексическом значении индивидуальное сочетание конкретно-физических и социальных признаков.

Мы считаем, что такое моделирование устройства внутрисловной семантической парадигмы можно распространить на комплексную семантику, порождаемую взаимодействием других денотативных сфер и групп. Кроме того, возможно, что такими методами решается и проблема соположения в тезаурусе слов разных частей речи.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Глава 1. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики / Л. Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург, 1997. — С. 30—44.
2. Бабенко, Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения / Л. Г. Бабенко // Денотативное пространство русского глагола. — Екатеринбург, 1998. — С. 3—11.
3. Бабенко, Л. Г. Эволюция идеографической интерпретации лексики в уральской семантической школе: от словаря глаголов к универсальному идеографическому словарю / Л. Г. Бабенко // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций. — М.; Екатеринбург, 2014. — С. 3—7.
4. БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб., 2000.
5. БТСРГ — Большой толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008.
6. БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М., 2008.
7. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие / И. М. Кобозева. — М., 2000. — 352 с.
8. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — М., 1981.

9. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие.— 2-е изд., испр. и доп. / Э. В. Кузнецова. — М., 1989.— 216 с.
10. Курапова, Е. С. Комплексная семантика темпоральных существительных в русском языке / Е. С. Курапова // Вестн. СамГУ.— 2015.— № 4 (126). — С. 79—83.
11. Лексикология русского языка. Учебник / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2008. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1689/1/1335042_schoolbook.pdf (дата обращения: 10.01.2019).
12. Мухин, М. Ю. Лексическая пересекаемость денотативных сфер «Спорт» и «Движение»: проблемы комплексной семантики / М. Ю. Мухин, Х. М. Данешияншахрбаф // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». — 2018. — Т. 15, № 4. — С. 37—43.
13. Плотникова, А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. — Екатеринбург, 2006.
14. Русская глагольная лексика: денотативное пространство / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург, 1999.
15. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург, 1997.
16. СТРП — Словарь-тезаурус русских прилагательных. Распределение по тематическим группам / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М., 2016.

Сведения об авторе

Данешияншахрбаф Хоссейн Мортеза — аспирант кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. hosein.dani@bk.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 59—64.*

COMPLEX MEANING AND INTRA-WORD SEMANTIC MODEL

H.M. Daneshianshakhrbaf

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. hosein.dani@bk.ru

The article reviews semantic models typical of complex lexical meanings of words belonging to the «Sport» and «Movement» denotative spheres. The specificity of complex semantics within denotative classification of vocabulary is noted. Three groups of intra-word semantic models typical of vocabulary with complex semantics are distinguished: 1) the classical model of the combined type with equal category features belonging to different denotative spheres; 2) the classical model of the included type with a leading categorical seme and a less significant differential one; 3) a non-classical model of the included type, which implies the integration of two semes into a single categorical-denotative feature such as ‘sports equipment’ or ‘people involved in sports’. The generalization of features involved in intra-word semantic models of two different denotative domains is made.

Keywords: *complex semantics, denotative sphere, intra-word paradigm, lexical meaning, semantic model, seme, ideographic dictionary, sport, movement*

References

1. Babenko L.G. Glava 1. Glagoly kompleksnoj polipropozitivnoj semantiki [Chapter 1. Verbs of complex polypropositive semantics]. *Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm: Pamyati Ery Vasil'evny Kuznetsovoj* [Russian Verbal Lexicon: Crossability of Paradigms] / ed. by L.G. Babenko. Ekaterinburg, 1997, pp. 30—44. (In Russ.).
2. Babenko L.G. Denotativnoe prostranstvo russkogo glagola: aspekty i perspektivy izucheniya [Denotative Space of Russian Verb: Aspects and Perspectives of Studying]. *Denotativnoe prostranstvo russkogo glagola* [Denotative Space of Russian Verb]. Ekaterinburg, 1998, pp. 3—11. (In Russ.).

3. Babenko L.G. Evolyuciya ideograficheskoy interpretacii leksiki v ural'skoj semanticheskoy shkole: ot slovarya glagolov k universal'nomu ideograficheskomu slovaryu [Evolution of the Ideographic Interpretation of Vocabulary in the Ural Semantic School: From the Dictionary of Verbs to the Universal Ideographic Dictionary]. *Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: evolyuciya interpretacij* [Theoretical Semantics and Ideographic Lexicography: The Evolution of Interpretations]. Moscow, Ekaterinburg, 2014, pp. 3—7. (In Russ.).
4. *BTS* — *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of Russian]. Ed. by S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg, 2000. (In Russ.).
5. *BTSRG* — *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih glagolov* [Great Explanatory Dictionary of Russian Verbs]. Ed. by L.G. Babenko. M., 2008. (In Russ.).
6. *BTSRS* — *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonymy* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Ed. by L.G. Babenko. M., AST-PRESS KNIGA, 2008. (In Russ.).
7. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, 2000. (In Russ.).
8. Kubryakova E.S. *Tipy yazykovykh znachenij: Semantika proizvodnogo slova* [Types of Linguistic Meanings: Semantics of a derivative word]. Moscow, 1981. (In Russ.).
9. Kuznetsova E.V. *Leksikologiya russkogo yazyka: Ucheb. posobie* [Lexicology of the Russian Language]. Moscow, 1989. (In Russ.).
10. Kurapova E.S. Kompleksnaya semantika temporal'nyh sushchestvitel'nyh v russkom yazyke [Comprehensive Semantics of Temporal Nouns in the Russian Language]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, V. 4 (126), pp. 79—83. (In Russ.).
11. *Leksikologiya russkogo yazyka. Uchebnik* [Lexicology of the Russian language. Textbook]. Ed. by L.G. Babenko. Ekaterinburg, 2008. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1689/1/1335042_schoolbook.pdf (accessed: 10.01.2019). (In Russ.).
12. Mukhin M. Yu., Daneshianshakhraf H.M. Leksicheskaya peresekaemost' denotativnyh sfer «Sport» i «Dvizhenie»: problemy kompleksnoj semantiki [Lexical Crossability of Denotative Spheres «Sport» and «Movement»: Problems of Complex Semantics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics], 2018, V. 15, № 4, pp. 37—43. (In Russ.).
13. Plotnikova A.M. *Mnogoznachnost' russkogo glagola: kognitivnoe modelirovanie (na materiale glagolov sotsial'nykh dejstvij i otnoshenii)* [Polysemy of Russian Verbs: Cognitive Modeling (a Case Study of the Social Activities and Relations Verbs)]. Ekaterinburg, 2006. (In Russ.).
14. *Russkaya Glagol'naya Leksika: Denotativnoe Prostranstvo* [Russian Verbal Lexicon: Denotative Space]. Ed. by L.G. Babenko. Ekaterinburg, 1999. (In Russ.).
15. *Russkaya Glagol'naya Leksika: Peresekaemost' Paradigm: Pamyati Ery Vasil'evny Kuznetsovoj* [Russian Verbal Lexicon: Crossability of Paradigms]. Ed. by L.G. Babenko. Ekaterinburg, 1997. (In Russ.).
16. *STRP* — *Slovar'-tezaurus russkih prilagatel'nyh. Raspredelenije po tematicheskim gruppam* [Dictionary-thesaurus of Russian Adjectives Distributed According to Thematic Groups]. Ed. by L.G. Babenko. M., 2016. (In Russ.).

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ ХОДЖЕЙЛИЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН

А. Е. Есемуратов

*Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. г. Нукус. Узбекистан*

Изучение топонимов Ходжейлийского района Республики Каракалпакстан берет начало с 50—60-х годов прошлого столетия. В данном направлении проводились исследования в форме толкования и классификации топонимов. В настоящее время требуется проведение исследования топонимов по районам Республики Каракалпакстан отдельно. Топонимы Ходжейлийского района Каракалпакстана нами впервые исследуются в монографическом плане с структурно-семантической точки зрения. Местные топонимы были проанализированы согласно семантико-тематическим особенностям топонимов

Ключевые слова: *топонимы, Ходжейлийский район Каракалпакстана, историко-лингвистическая характеристика, словообразование, структурно-семантическая классификация*

Топонимические материалы обогащают ценнейшими сведениями самые различные отрасли науки, проливая свет на историю, географию, язык, особенности экономической и политической жизни живущих на данной территории народов [20. С. 109—110]. Они дают ценную научную информацию, связанную с ландшафтом, гидрографией, рельефом, природными зонами и т. д.

Для лингвистики и географии далеко не безразличны как этимология, позволяющая выявлять некоторые особенности физикогеографических условий прошлого, так и данные суффиксального анализа, теснейшим образом связанные с географией населения. Особенно плодотворно взаимодействие географии и лингвистики в области изучения местных географических названий.

Географические названия — это культура, быт и мировоззрение проживавших здесь когда-то народов, их имена, традиции и обычаи. Кроме того, это история нашего языка. Дошедшие до нас и полезное для науки, они могут рассказать о многом, если своевременно и бережно записаны и верно расшифрованы, так как каждое название — это слово, которое развивается по законам языка.

Географические названия окружают нас повсюду и повсеместно. Об этом писал известный географ В. А. Жучкевич: «Невозможно представить жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Все на земле имеет свой адрес, этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живет, город, стра-

на — все имеют свои имена. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развитие науки приводят к новому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке» [9. С. 18].

Топонимия обладает своеобразными структурными свойствами. Топонимические названия не появляются случайно, они возникают закономерно, системно. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего знать, что оно возникло не изолированно, а лишь в определенном ряду других названий [14. С. 58]. Таковы названия *Қаратерең* — озеро (Тахтакупырский район), *Қараой* — местность (Тахтакупырский район), *Қаратоқлы* — остров (Муйнакский район), *Қарабуура* — остров (Муйнакский район), *Қарашуңгил* — озеро (Муйнакский район), *Қараөзек* — проток (Караузьякский район), *Қаражар* — местность (Муйнакский район), *Қарайдын* — озеро (Муйнакский район) с компонентом *қара* «черный», составляющие ряд топонимических названий.

Средняя Азия с ее богатейшей и долгой историей, с ее многоязычием в топонимическом отношении представляется очень увлекательной территорией [12. С. 103—104].

Ходжейлийский район Республики Каракалпакстан является одним из древнейших исторических мест, занимающих особую роль в изучении генезиса каракалпакского народа. Здесь обнаруживаем исторические топонимы, как например, *Антакия*, древнее название города Ходжейли, *Кердер*, местность с памятниками древних культур,

Гәүирқала, территория, жители которого не исповедовали исламскую религию, и т. д.

Город *Ходжейли* расположен в Каракалпакии и является административным центром Ходжейлийского района. Его территория занимает земли у канала *Сүёнли* («рыба усач, сом») при впадении его вод в Амударью. Канал *Суенли* разделяет город на западную и восточную части.

Об основании города сложено немало легенд. По одной из версий на здешние земли 600 лет назад перебрался на постоянное место проживания Аминутдин-Ходжа. По истечению времени рядом с ним обосновались киргизы и узбеки, которые стали его учениками. В настоящее время находящаяся на городской территории гробница святого старца является почитаемым местом горожан. В конце XIX столетия в городе находилось более 300 лавок, пять мечетей, несколько школ, медресе, караван-сараяв, которые стали местом отдыха для приезжих купцов. Своё развитие получил рыбный промысел. В основном добывали сомов и сазанов.

Основы истории города *Хожели // Ходжейли* были заложены в XVII в. О происхождении названия города высказывались различные мнения. Даже в отдельных научных трудах встречаются такие поверхностные рассуждения, как, например, «город назывался Ходжейли, ибо здесь жили ходжи», «хивинский хан послал нескольких ходжей, поэтому и назывался Ходжейли...». Эти рассуждения основаны на внешней структуре слова и на народной этимологии.

Во время поездки по Хивинскому ханству А. Кун записал предание о городе Ходжейли, в котором говорится, что начало поселению Ходжейли положил выходец из Туркестана ийшан «мусульманский духовный наставник» Алемин ходжа.

В центральной части дельты Амударьи и южнее от истоков Карабайлы до Кубетау «названия местностей Ходжейлийского района» были землями кенегесов, разных родов каракалпаков. В округе Мазлумхан Сулу (другое название *Миздахкан, Мазлумхан*, имя девушки, *сулу* — дословно красавица) жили ходжи «ходжы, высокий сан мусульман».

К сожалению, история, культура, этнография, язык, топонимика архитектура и параметры этого поистине чудесного города, который славится материальными и духовными ценностями, до сих пор не стал предметом специального исследования. Чтобы составить культурно-историческую карту республики необходимо тщательно исследовать собранные материалы по топонимике.

Ходжейли или по-старому *ходжа эли* — название одного из объединений XV—XVIII вв., в составе которого находились конгыраты, кипчаки, мангиты и другие племена. Название племени состоит из слова *ходжа* в значении *ийе* «владелец», *хожейин* «хозяин», *жетекши* «ведущий», а слово «ел // эл» употреблялось и в значении «народ, имущество, земля» с суффиксом принадлежности *-и*, т. е. «эли» или «ели».

Название «*ходжа эли*» можно рассматривать как обобщенное название нескольких племен, представителю одного из которых было дано ханом или должностным лицом, приравненным к хану, звания или чина, позволявшее ему распределять общественное имущество.

Так, какие это были племена? Старцы-ходжейлийцы говорят: «*ходжаэли состоял из четырех арысов и двенадцати четвертей*». Значит, община племени *ходжели (ходжа эли)* состояла из четырех крупных племен и составляющих их двенадцати четвертей, т. е. родов. Имена отдельных племен сохранились в названиях аулов и мечетей Ходжейли. Это *ажыулы, таз, сурым, карашапак, курбанап, шора, кирпи, бегаул, кырык, сары* и т. д., отдельные из них были известны сто лет назад, другие — даже еще больше.

Четыре арыса, двенадцать четвертей — всего должно быть шестнадцать. Если одну четверть ходжейлийского союза составляли ходжи, то остается одиннадцать. К сожалению, нам до сих пор неизвестно, какие из родов считались (находились) или выполняли функции арыса в ходжейлийском союзе, а какие в роли четверти. Возможно четыре арыса ходжейлийского союза составляли *найманы, колапы, жалаиры, уйгуры* и другие крупные роды, а они, в свою очередь, может быть, разделились на *карашапак, ажыулы, таз* и другие малые роды. На территории Ходжейли имеются географические названия, данные по этническим подразделениям, такие как *Арка, Сурым, Найман аул, Шор аул, Колап аул, Сарыширик, Бозхаули, Байногай, Наймантуба* и др. А топонимические названия, как *Сарайкуль, Саманкуль, Сарышунгуль, Акишунгуль* и другие напоминают названия племен и родов. Если изучить их этимологию, то мы могли бы получить бесценные, богатые материалы и сведения [5].

По способу образования топонимы можно разделить на простые и сложные.

Аффиксация играет существенную роль в развитии современного каракалпакского языка. Подробно об этом говорится во второй части книги «Каракалпакский язык» Н. А. Баскакова [4. С. 170].

Производные топонимы в каракалпакском языке образуются путем прибавления какого-либо аффикса к корневому слову. Но не все словообразовательные аффиксы участвуют в образовании топонимов, а, как отметил Г. И. Донидзе, только специальные аффиксы [7. С. 126].

Н. В. Подольская пишет, что « типовые основы (или корни) и типовые форманты на определенном этапе существования языка, сочетаясь друг с другом, складываясь в многочисленные комбинации, создавали все разнообразие лексем как в апеллятивах, так и в топонимах и антропонимах» [17].

Простые топонимы — это существительные в исходном падеже, а также производные прилагательные. Они делятся на подгруппы: корневые и суффиксальные. К первой подгруппе относятся топонимы, состоящие из корневых существительных, напр: *Абат* «благоустроенный», *Мәденият* «культура» и др. Корневыми простыми топонимами могут быть фамилии вождей, поэтов, писателей, героев и других знаменитых личностей: *Бердақ*, *Әжинияз*, *Күнхожа*, *Фурқат*, *Зульфия*.

Число безаффиксных топонимов быстро возрастает, и этот вид является наиболее продуктивным [13. С. 32].

Ко второй группе относятся простые суффиксальные топонимы. В каракалпакском языке не все аффиксы участвуют в топонимообразовании.

Так, аффикс *-шы // -ши* образует слова, обозначающие род занятий, профессии: *балықшы* «рыбак», *арбашы* «извозчик», *суушы* «поливальщик». От названия профессии слова с *-шы* могли перейти к названию населенного пункта, где живут люди данной профессии: *Тандыршы*, в Ходжейлийском районе. *Тандыршы* < *тандыр* + *шы* *тандыр* «печь, в которой пекут лепешки», *тандыршы* «человек, который кладет тандыр. Профессия человека постепенно превратилось в название местности.

Аффикс *-лы // -ли* указывает на обладание или изобилие растений, животных; образует имена прилагательные со значением наличия того, обладания тем, что названо в исходной основе [4; 18; 21. С. 46]. Аффикс *-лы/-ли* является многозначным и широко используется в образовании как простых, так и сложных топонимов. Уровень участия аффикса *-лы* и его вариантов в образовании топонимов высокий. Так, О. Т. Молчанова указанный аффикс в топонимии Горного Алтая считает основным [11]. Однако все значения до единого не могут участвовать в образовании географических названий.

Нужно учитывать семантику основы, присоединяющей этот аффикс:

а) исходная основа — названия различных животных и птиц, растений и деревьев: *Қамыслы*, *қамыс* «камыш, тростник», *терек* «дерево», *терекли* «заросли, но не лес, где растут много деревьев», *гүжим* «карагач», *гүжимли* «место, изобилующее карагачом»; б) *Сүуенли*, *сүуен* «усач, сом», *Доңызлы*, *доңыз* «кабан, свинья» и др.

б) основа — существительные, обозначающие те или иные особенности рельефа. Образует географические названия, значение которых характеризуется указанными особенностями: *Таслы*, *тас* «камень», *Томарлы*, *томар* «пень», *Бөгетли*, *бөгет* «запруда» и др.

В составе указанных производных топонимов аффикс *-лы* обозначает множество однородных предметов, имеет собирательное значение, и такая особенность лежит в основе вышеперечисленных топонимов. Здесь значение аффикса *-лы/-ли* приближается к значению аффикса *-лық // -лик // -лақ*. Необходимо отметить, что семантическое сближение аффикса *-лы // -ли* в составе топонимов с аффиксом *-лық // -лик // -лақ* закономерно. Это реликт одной из древних особенностей словообразовательных средств в тюркских языках. Аффикс *-лы // -ли* в древнетюркских письменных памятниках употребляется в форме *-лыг* [18. С. 71—72]. Они являются исторически результатом фонетического развития аффикса *-лыгъ // -лигъ*, характерного для многих тюркских языков. Еще более древняя форма этого аффикса в якутском языке *-лаақ // -кееқ* в том же значении обладания [3]. Эта форма сохранилась в современных каракалпакских топонимах типа *Таслақ* «каменистая местность», *Қумлақ* «песчаный».

Все простые топонимы, образованные с помощью аффикса *-лы // -ли*, в настоящее время заметно субстантивировались.

Словообразовательный аффикс *-лық // -лик // -лақ* существует в каракалпакском языке с древних времен. В современном каракалпакском языке этот аффикс является наиболее продуктивным [21. С. 23; 16. С. 20]. По истечении времени древний аффикс *-лық // -лақ // -луқ*, как отмечают ученые, разделился на *-лық // -лик // -лақ* и *-лы // -ли* [10. С. 44].

Аффиксы *-лық*, *-лик*, *-лақ*, как и аффикс *-лы // -ли*, передают признаки недифференцированного множества, собирательности. В некоторых топонимах аффикс *-лық // -лик* придает предметам абстрактное значение, напр.: *Саламатлық* «здоровье», *Еркинлик* «свобода», *Жаслық* «юность», *Дослық* «дружба», *Орайлық* «центральный», *Шадлық* «радость» и т. п.

В настоящее время данные топонимы прочно вошли в наш язык.

Изменяются в языке и способы образования новых слов: одни суффиксы отмирают, становятся непродуктивными; им на смену приходят другие — как старые (ранее утраченные, но затем переживающие «вторую молодость»), так и новые — суффиксы, которые получают широкое распространение [15. С. 38].

В современном каракалпакском языке способность создавать новые слова у аффикса *-лақ* ограничена.

Иногда аффиксы *-лык*, *-лик* придают названиям уменьшительное значение: *Көлатлык* «озерцо», *Тайлақ* «верблюжонок».

Аффиксы *-кеш*, *кор // -кар* в составе топонимов каракалпакского языка являются иранскими. Присоединяясь к именам, они образуют названия профессий, лиц, занятий, напр.: *Түйекеш* «возчик на верблюдах», *Пахтакор* «хлопкороб».

Аффиксация встречается не только в составе простых топонимов, но и в составе сложных топонимов, напр.: *Жиллиқум* «бешеный песок», *Таслы жап* «каменистый канал», *Нурлы жол* «лучезарная дорога».

Сложные топонимы образуют местные географические названия, которые характерны для общетюркской топонимики. Они отличаются многообразием типов и характеризуются наличием двух или более корневых морфем и единством грамматического оформления.

Сложные топонимы по способу образования делятся на три группы: топонимы словосложения, топонимы словосочетания и парные топонимы.

Топонимические словосочетания образуются путем слияния двух основ: определения и определяемого: *Ақтерек* «серебристый тополь», *Жаңажер* «новая земля». Данные топонимы легко расчленимы на составные части, так как здесь каждый компонент составной части имеет самостоятельное лексическое значение. Такие топонимы являются наиболее распространенным видом сложных названий. В каракалпакском языке имеется и другая группа сложных названий, таких как *Антакия*, *Жалайыр*, *Нариман*, *Хатеп*, *Миздақхан*, *Маңғыт*, компоненты которых невозможно расчленимы на составные части. Топонимы подобного типа относятся к более древнему периоду возникновения.

Сложные названия по структурно-грамматическим признакам делятся на несколько типов:

а) существительное + глагол: *Арқасүрим* «северная пашня», *Шаудыр айланба* «шаудыр — имя

человека, айланба «кольцевая». Глагольные образования — отличительный признак тюркских топонимов;

б) прилагательное + существительное: *Жаңажап* «новый канал», *Қаракөл* «черное озеро», *Арқаауыл* «северный кишлак», *Ақжап* «белый канал», *Жаңақала* «новый город», *Жиллиқум* «бешеный песок», *Тереңсай* «глубокий овраг», *Аққум* «белый песок», *Сарышүңгил* «желтая глубина»; в качестве определяемого здесь выступают географические термины, так называемые ключевые слова: *жап* «канал», *көл* «озеро», *ауыл* «кишлак», *қала* «город», *қум* «песок», *сай* «овраг», *шүңгил* «глубокий» [19. С. 37];

в) производное прилагательное + существительное: *Нурлыжол* «лучистая дорога», *Таслыжап* «каменистый канал», *Жийделі Байсын* «место, богатое джидой»;

г) существительное + существительное: *Машынжап* «машинный канал», *Саманкөл* «солома» + «озера», *Каналсаға* «исток канала», *Дийқан ауыл* «кишлак крестьянина», *Шегежап* «песчаный канал», *Сарайкөл* «дворцовое озеро», *Қумбыз ауыл* «қумбыз, печь для обжигания кирпича и гончарных изделий, ауыл «кишлак», *Түркмен ауыл* «аул туркменов», *Сәбикауыл*, *сабик*, этноним, *Ханжап* «канал хана», *Бегжап* «канал бека», *Салыжап* «рисовый канал», *Найманкөл*, *найман*, этноним, *көл* «озеро», *Наймантуба*, *туба* «заводь», *Найманауыл*, *ауыл* «кишлак», *Дуканауыл*, *дүкан* «магазин», *Уйғырауыл*, *уйғыр*, этноним, *Мәхремауыл*, *мәхрем* «прислужник». В качестве первого компонента антропонимы: *Иванжап*, *Нуркеауыл*, *Жамбылауыл*, *Телегенайдын*, «блестящая светлая поверхность воды, гладь», *Хәмийдуллаауыл*, *Төрежанауыл*, *Есжанауыл*, *Ақпанауыл*, эти ойконимы всегда имеет форму падежа принадлежности, т. е. родительного падежа;

д) числительное + существительное: *Бестам* «пять домов», *Төрткүл* «четырёхугольник», *Бесқала* «пять городов», *Қырқыз* «сорок девушек»;

е) числительное + производное существительное: *Қыркүйли* «сорок домов»;

ж) порядковое числительное: *Қырқынышы* «сороковой».

Для тюркских языков характерно то, что в подобных сочетаниях определяемое всегда имеет форму единственного числа.

Большую группу местных топонимов составляют словосочетания, отличающиеся некоторыми специфическими признаками:

а) компоненты словосочетания, еще не слившиеся полностью в единой форме, пишутся раздельно:

Халықлар дослығы «дружба народов», Нефтебаза поселкасы «поселка нефтебазы», Автомобиль жолы «автомобильная дорога»;

б) географические термины *таў «гора», қыр «хребет», төбе «холм», жар «обрыв», ой «низина», қала «город», аўыл «кишлак», көл «озеро» дәрья «река»* в топонимических словосочетаниях выступают в составе названий: *Шегежап, шеге «песчаный канал», Наймантуба найман*, этноним, *туба «заводь»;*

в) компоненты топонима невозможно заменить другими словами как это делается в свободных и в некоторых фразеологических словосочетаниях, а также невозможна и перестановка компонентов. Таким образом, слова, входящие в состав топонима, становятся как бы связанными, теряя свою нарицательную значимость: *Сарышүңгил «желтая глубина»;*

г) слова, входящие в состав топонимов, теряют конкретные значения и становятся знаками данного объекта. Например, конкретное значение топонима *Аққум «белый песок»* передавало цвет песка, но со временем стал выражать только знак объекта, т. е. населенного пункта.

Устойчивость топонимических названий не следует отождествлять с постоянством, ибо в обществе происходят разного рода переименования, изменение названий в процессе деятельности людей.

Особую группу сложных названий составляют парные топонимы, образованные разными корнями, имеющими равную значимость: *Нөкис-Хожели жолы «дорога Нукус-Ходжейли», Хожели-Қоңырат жолы «дорога Ходжейли-Кунград»* и др.

Синтаксический способ образования лежит в основе каждого топонимического названия, возникшего посредством парных и сложных сочетаний.

Анализ семантики местных названий может способствовать изучению не только основного словарного фонда каракалпакского языка, но и социальных и экономических отношения людей, географических особенностей данной местности.

По семантике местные названия можно разделить на следующие группы.

1. Топонимы, образованные от собственных имен. К данной группе относятся названия объектов, принадлежавших в определенный период одному конкретному лицу: *Айдос бий, Муртаза бий, Жамбыл аўыл, Иван жап, Төлеген айдын, Хәмийдулла аўыл, Төрөжан аўыл, Есжан аўыл.*

2. Топонимы, образованные от названий родов и других этнонимов, именами которых названы десятки кишлаков, сел, о чем свидетель-

ствует классификация Т. А. Жданко в монографии «О родоплеменной системе каракалпаков Хорезма в конце XIX-начале XX вв» (*Туркмен аўыл, Сәбик аўыл, Уйғыр аўыл, Әлим аўыл, Қыят аўыл, Уйшин, Кенегес, Жалайыр*) [8. С. 37].

3. Топонимы, в основе которых лежит хозяйственная деятельность людей: *Қумбыз аўыл «қумбыз — печь для обжигания кирпича и гончарных изделий», Дийқан аўыл «Крестьянское село», Түйекеш «возчик на верблюдах», Тандыршы «пекарь», Газши «газовик», Байланышы «связной», Багманлар «садовники», Балықшы «рыбак», Кемесазлар «ремонтники судов», Көпіршилер «мостовики».*

4. Местные названия, отражающие растительный и животный мир:

а) растительность: *Байтерек «название многолетнего дерева», Терекли «местность, где растет много деревьев», Алмабаг «яблоневый сад», Мәжнүнтал «дерево, где встречаются любящие друг друга люди», Жийдели Байсын «место, богатое на джиду», Қаратал «осокорь», Қарагаиш «карагач», Алмазар «яблонник», Жүзимзар «виноградник»;*

б) животный мир: *Сүеңли, Шағалакөл, шағала «чайка»;*

1. Исторические названия: *Антакия, Кердер, Гәуирқала, Едиге*, имя человека — *Маманбий* (Маман — имя человека, бий — титул), *Қырққыз*;

2. Топонимы, характеризующие социальные различия и уровень материальной жизни деревни: *Байногай «богатый ногой».*

3. Названия населенных пунктов, возникшие сравнительно недавно: *Агартыў «просвещение», Азатлық «свобода», Еркіндәулет «свободное государство», Наурыз «мусульманский новый год», Айдынлар «блестящая светлая поверхность воды, гладь», Ақалтын «белое золото»;*

4. Названия населенных пунктов, отражающие характер поверхности: *Қумаўыл «песчаный кишлак», Тасаўыл «каменистый кишлак», Қайыраўыл «илистый грунт», Аққум «белый песок»;*

5. Гидронимы, характеризующие:

а) цвет воды: *Қаракөл «черное озеро», Ақжап «белый канал», Ақшүңгил «белое глубина», Сарышүңгил «желтое глубина»;*

б) глубину воды: *Тереңсай [—глубокая ложбина];*

в) этногидронимы: *Наймантуба, Найманкөл;*

г) поверхность почвы: *Саманкөл «солома озеро», Таслыжап «каменистый канал», Шегежап «песчаный канал»;*

д) по использованию: *Шалыжап «рисовый канал»;*

е) определенные события: *Машинжап* «машинный канал», *Байжап* «богатый канал», *Сарайкөл* «дворцовое озеро», *Ханжап* «канал хана»;

ж) названия, характеризующие сооружения: *Тарнаў* «запруда», *Каналсага* «водоспуск»;

б. оронимия, характеризующая горную и песчаную поверхность:

а) по цвету: *Аққора* «белый загон», *Аққум* «белый песок», *Қызылгүнде* «красная соха», *Қаракөл* «черное озеро», *Сарышыйрин*;

б) по особенностям рельефа: *Жиллиқум*, *Шегежап*, *Тасаўыл*, *Қайыр* «илистый грунт», *Тереңсай* «глубокий овраг», *Қумаўыл* «песчаный кишлак».

Как видно, компоненты *ақ*, *қара* наиболее часто используемые в местных названиях, имеют прямые и переносные значения.

Таким образом, в процессе изучения топонимов Ходжейлийского района Республики Каракалпакстан мы рассмотрели некоторые важные на наш

взгляд вопросы структурно-семантического анализа. По своему происхождению и структуре топонимы исследуемого региона заметно отличаются от топонимов других районов Республики Каракалпакстан.

Нами впервые собраны материал по микро- и макротопонимии Ходжейлийского района, определены их семантико-тематические группы, исследованы грамматический строй, структура, активные и пассивные модели топонимов, выявлены основные мотивы названий объектов, проведены наблюдения, раскрывающие смысл и этимологию названий, а также изучено своеобразная специфика топонимического языка данной территории.

Топонимы Ходжейлийского района Каракалпакстана впервые изучается с структурно-семантической точки зрения и анализируется согласно семантико-тематическим особенностям топонимов тюркского происхождения, а также с позиций иранского языка.

Список литературы

1. Абдумуратов, К. О необходимости составления словаря топонимов Каракалпакии / К. Абдумуратов // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистана. — Нукус, 1971. — № 3. — С. 80—84.
2. Аслонов, А. С. Лингвистический анализ микротопонимии Шафирканского района / А. С. Аслонов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ташкент, 2005.
3. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык / Н. А. Баскаков. — М., 1958. — Ч. II.
4. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология / Н. А. Баскаков. — М., 1952. — Т. II. — Ч. II — 170 с.
5. Беласаров, Д. Хожели / Д. Беласаров. — Нөкис: Каракалпакстан, 2011. — 177 б.
6. Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. — М.-Л.: АН СССР, 1948. — 280 с.
7. Донидзе, Г.И. О грамматической характеристике тюркских топонимов / Г. И. Донидзе // Ономастика Поволжья. — Горький, 1971. — вып. 2. — С. 122—126.
8. Жданко, Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков / Т. А. Жданко. — М., 1950.
9. Жучкевич В. А. Общая топонимика / В. А. Жучкевич. — Москва: Высшая школа, 1968.
10. Заляй, Л. Татар теленен тарихи морфологиясе. (Очерклар) / Л. Заляй. — Казан: Фикер, 2000. — 271 б.
11. Молчанова, О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая / О. Т. Молчанова. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. — 256 с.
12. Мурзаев, Э. М. О происхождении названия «Нукус» / Э. М. Мурзаев // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистана. — Нукус, 1967. № 2. — С. 103—104.
13. Никонов, В. А. Славянский топонимический тип / В. А. Никонов // Географические названия. — М., 1962.
14. Никонов, В. А. Закон ряда в географических названиях / В. А. Никонов // Ономастика. — Краков, 1958. — № 6. — С. 58.
15. Откупщиков, Ю. В. К истокам слова / Ю. В. Откупщиков. — Москва: Просвещение, 1986.
16. Пахратдинов, Қ. Каракалпак тилиндеги сөз жасаўшы аффикслер / Қ. Пахратдинов, И. Сейтназаров. — Нөкис: Каракалпакстан, 2010.
17. Подольская, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1983. — 160 с.

18. Севортьян, Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке / Э. В. Севортьян. — М.: Наука, 1966. — 437 с.
19. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий / Б. А. Серебренников. // ВЯ, 1959. — № 6. — С. 37.
20. Сейтниязов, К. М. Распространение типов географических названий в Каракалпакстане / К. М. Сейтниязов // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. — Нукус, 2001. — № 3. — С. 109—110.
21. Хэзирги қарақалпақ әдебий тилинің грамматикасы. — Нөкіс: Билим, 1994.

Сведения об авторе

Есемуратов Абдимурат Есемуратович — докторант Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Каракалпакстан, г. Нукус, Узбекистан. abdi.esemuratov@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 65—72.*

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF TOPONYMS OF THE KHOJEYLI DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN

A.E. Esemuratov

*Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan,
Nukus, Uzbekistan. abdi.esemuratov@mail.ru*

One of the most important tasks facing toponymists is a comprehensive study of the geographical names of a particular region. The study of the toponyms of the Republic of Karakalpakstan, including the Khodzheili region, dates back to the 1950-1960s. It was mainly carried out in the form of interpretation and classification of toponyms. Currently it is necessary to conduct a study of toponyms for individual territories separately. The toponyms of Khodzheili district of Karakalpakstan were first studied monographically from a structural-semantic point of view. Toponymic materials enrich diverse branches of science with most valuable information, shedding light on history, geography, language, features of the economic and political life of the peoples living in a given territory, provide valuable scientific information related to the landscape, hydrography, topography, natural areas, etc. Local toponyms were analyzed according to the semantic and thematic features of toponyms. In addition to independent scientific significance, toponymic knowledge is now also needed to streamline geographic names that have changed since independence. The article is devoted to a brief coverage of this problem in the light of the requirements of modernity.

Keywords: *onomastics, Turkic toponym, ethnotoponym, anthrotoponym, phytotoponym, zootonim, topoforant, toponymy, microtoponym, macrotoponym, toponymic basis, appeal, necronym, anthrotoponym, toponym of the Republic of Karakalpakstan, study, analysis and classification of toponyms.*

References

1. Abdumuratov K. O neobhodimosti sostavlenija slovarja toponimov Karakalpakii [On the need to compile a dictionary of place names of Karakalpakia]. Vestnik Karakalpakskogo otdelenija Akademii nauk Respubliki Uzbekistana [Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan]. Nukus, 1971. No. 3. 80-84 p. (In Rus.).
2. Aslonova, A.S. Lingvisticheskij analiz mikrotoponomii Shafirkanskogo rajona [Linguistic analysis of microtoponym of the Shafirkan district]. Tashkent, 2005. (In Rus.).
3. Baskakov, N.A. Karakalpakskij jazyk [The Karakalpak language]. M., 1958. Part 2. (In Rus.).
4. Baskakov, N.A. Karakalpakskij jazyk Fonetika i morfologija [The Karakalpak language. Phonetics and morphology]. M., 1952. Vol. II Part 2. 170 p. (In Rus.).
5. Belasarov, D. Hodzheili [Khojeyli]. Nukus: Karakalpakstan, 2011. p. 177 (In Karakalpak).

6. Dmitriev, N.K. Grammatika bashkirskogo jazyka [Grammar of the Bashkir language]. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. 280 p. (In Rus.).
7. Donidze, G.I. Grammaticheskoy harakteristike tjurkskih toponimov [On the grammatical characteristic of the Turkic toponyms]. Onomastika Povolzh'ja [Onomastics of the Povolga region]. Gorkiy, 1971. Vol. 2. P. 122-126. (In Rus.).
8. Zhdanko, T.A. Ocherki istoricheskoy jetnografii karakalpakov [Essays on the historical ethnography of Karakalpak]. M., 1950. p. 37. (In Rus.).
9. Juchkevich, V.A. Obshhaja toponimika [General toponymics]. M., 1968. (In Rus.).
10. IZalyay, L. Istoricheskaja morfologija tatarskogo jazyka (ocherki) [Historical morphology of the Tatar language (essays)]. Kazan: Fiker, 2000. 271 p. (In Tatar).
11. Molchanov, O.T. Strukturnye tipy tjurkskih toponimov Gornogo Altaja [Structural types of Turkic toponyms of Gorny Altai]. Saratov: Publisher Sarat. Univ., 1982. 256 p. (In Rus.).
12. Murzaev, E.M. O proishozhdenii nazvanija «Nukus» [On the origin of the name “Nukus”]. Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. Nukus, 1967. №2. P. 103.104. (In Karakalpak).
13. Nikonov, V.A. Slavjanskij toponimicheskij tip [Slavic toponymic type]. Geograficheskie nazvanija [Geographical Names]. M., 1962. (In Rus.).
14. Nikonov, V.A. Zakon rjada v geograficheskikh nazvanijah [Series law in place names]. Onomastica [Onomastics]. Krakow, 1958. No. 6, p. 58. (In Rus.).
15. Otkupshchikov, Yu.V. K istokam slova [To word sources]. Moscow: Education, 1986. (In Rus.).
16. Pakhratdinov, K., Seitnazarova, I. Slovoobrazovatel'nye affiksy v karakalpakskom jazyke [The word formative affixes in the Karakalpak language]. Nukus: Karakalpakstan, 2010. (In Karakalpak).
17. Podolskaya, N.V. Tipovye vostochnoslavjanskije topoosnovy. Slovoobrazovatel'nyj analizy [Typical East Slavic topobasov. Word formation analysis]. M.: Science, 1983. 160 p. (In Rus.).
18. Sevortyan, E.V. Affiksy imennogo slovoobrazovanija v azerbajdzhanskom jazyke [Affixes of nominal word formation in the Azerbaijani language]. M.: Science, 1966. 437 p. (In Rus.).
19. Serebrennikov, B.A. O metodah izuchenija toponimicheskikh nazvanij [On the methods of studying toponymical names]. WL, M., 1959. No. 6. p. 37. (In Rus.).
20. Seitniyazov, K.M. Rasprostranenie tipov geograficheskikh nazvanij v Karakalpakstane [The distribution of types of geographical names in Karakalpakstan]. Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. Nukus, 2001. No. 3. P.109-110. (In Rus.).
21. Grammatika sovremennogo karakalpakskogo literaturnogo jazyka [Grammar of the modern Karakalpak literary language]. Nukus, 1994. (In Karakalpak).

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ПИСЬМАХ И. С. ТУРГЕНЕВА

Ю. Г. Захарова

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

В статье рассматриваются широкий и узкий подходы к пониманию термина *иноязычные вкрапления*; классификации и функции иноязычных вкраплений. Иноязычные вкрапления анализируются с точки зрения кодового переключения и языкового перекодирования, выполнения ими прагматических и номинативных функций. Номинативные функции связываются с лакунарностью лексико-семантической системы русского языка середины и второй половины XIX в.

Ключевые слова: *иноязычное вкрапление, кодовое переключение, межъязыковое перекодирование, лексическая лакунарность, письма русских писателей XIX в.*

В современной лингвистике существует широкое и узкое понимание термина *иноязычное вкрапление*. В узком смысле это переданные иноязычной графикой беспереводные слова и выражения, которые используются в языке-реципиенте в начале своего существования в нем. На следующем этапе адаптации в языке они получают статус варваризмов: «На первых ступенях заимствования слова чужого языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений, сохраняя свой иноязычный облик, а если они (обычно как проявление моды) получают более или менее регулярное употребление, то их называют варваризмами» [5. С. 158]. Исследуя такие слова в семиотическом аспекте, т. е. с точки зрения переключения языковых кодов, Е. А. Проценко относит их к иносистемной — не заимствованной, а используемой лексике чужого языка [19. С. 97]. При широком подходе под иноязычными вкраплениями понимают слова, словосочетания, предложения, фрагменты текста на чужом языке, полностью или частично включенные в русский текст, а также формы передачи иностранного акцента средствами русской графики [25. С. 187—188]. С этой точки зрения выделяют 1) полные иноязычные вкрапления — вставленные без изменений в русский текст слово или фрагмент текста на иностранном языке; 2) частичное иноязычное вкрапление — языковая единица (слово, словосочетание предложение), фонетически или морфологически ассимилированная в русском языке и/или включенная в синтаксические отношения в принимающем тексте; 3) контаминированное вкрапление — русская языковая единица, употребленная по законам другого языка; 4) нулевое вкрапление — русский переводной текст, включенный в оригинальную русскую речь [10. С. 7—9].

Иноязычные вкрапления могут выполнять в языке два типа функций: номинативные и прагматические.

Номинативные функции связаны с лакунарностью лексико-семантической системы языка. Под лакуной в лексике понимают «некий семантический «участок» языка, не имеющий однословного обозначения» [14. С. 40—41]. Можно выделить два типа лакунарности: понятийную и лексическую. Понятийная лакунарность связана с отсутствием в языке-реципиенте соответствующего понятия, связанного с национально-специфическими реалиями другого народа: явлениями социальной жизни, культуры, быта и т. д. Лексическая лакунарность — это отсутствие в принимающем языке однословного обозначения какого-либо существующего понятия. Значение иноязычного слова при этом можно передать только описательно, словосочетанием или предложением: «Несмотря на то, что слово и словосочетание (синтаксическая номинация) соотносятся с одним и тем же денотатом, они по-разному обозначают понятие о нем: слово обозначает нерасчлененное понятие, тогда как словосочетание — расчлененное понятие. По сравнению с соотносительным словосочетанием иноязычное слово <...> обладает важным коммуникативным преимуществом — краткостью» [14. С. 59—60]. Такие иноязычные вкрапления могут служить средством восполнения недостающих звеньев лексико-семантической системы русского языка.

Прагматические функции иноязычных вкраплений, как правило, рассматривают на материале художественных текстов. К ним относят функцию документализации, которую выполняют иноязычные топонимы; функцию создания местного колорита,

ее выполняют языковые средства, выступающие в роли социокультурных маркеров; функцию экзотизации (использование слов-экзотизмов с определенными стилистическими целями); функцию эвфемизации (иноязычные вкрапления могут служить субститутами русских вульгаризмов); функцию средства создания комического эффекта и др. [13. С. 95—98].

В последние годы появился ряд работ, посвященных типам и функциям иноязычных вкраплений в письмах русских писателей — А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. А. Жуковского, Ф. М. Достоевского [3, 6, 7, 12, 20, 22]. Письма И. С. Тургенева в этом аспекте практически не изучены. Они охватывают более полувека — с 1831 по 1883 г. В течение долгих лет И. С. Тургенев был в центре русского и в целом европейского литературного движения, постоянно переписывался почти со всеми выдающимися деятелями культуры России и Западной Европы. Его письма касаются важнейших событий мировой истории, в них отражено научное и литературное движение в России и в странах Европы, развитие искусств в этих странах — музыки, живописи, скульптуры, театра [24. Т. 1. С. 42]. Иноязычные вкрапления занимают в письмах писателя большое место, поскольку он владел (с разной степенью полноты) несколькими европейскими языками, был русско-французским билингом, подолгу жил в европейских странах. В письмах встречаются вкрапления из французского, итальянского, немецкого, английского, латинского языков. Большую часть из них составляют полные вкрапления, частичные и контаминированные встречаются реже.

Для многих писем И. С. Тургенева характерно свободное кодовое переключение с русского на другие языки. К кодовому переключению относят высказывания, которые содержат иносистемные единицы, употребленные внутри предложения (внутрифразовые) или как отдельные предложения (межфразовые). Переключение кодов свойственно речи человека, владеющего одним или несколькими иностранными языками или пользующегося отдельными иноязычными единицами (лексемами, фразеологизмами и др.) [12. С. 93]. Широкая лингвистическая эрудиция позволяла писателю использовать большое количество узальных иноязычных вкраплений, составляющих международный лексико-фразеологический фонд: латинские крылатые выражения и цитаты (*ore rotundo, quos ego!, ex abrupto, in infinitum*), европейские этикетные формулы (*addio* (ит.), *willkommen*

(нем.)), термины культуры и искусства (*andante, écorché*), устойчивые сочетания (*e tutti quanti* (ит.), *battle of life* (англ.), *carte blanche, profession de foi, arrière-pensée* (фр.)) и др.

Письма И. С. Тургенева отличает большое языковое разнообразие. Окациональные иноязычные вкрапления могут свободно употребляться в одном контексте с разговорными, областными словами. Так, в одном из писем писатель использует диалектное (рязанское и орловское) слово *кура* («вьюга») и галлицизм *avant-goût* («предвкушение»): «<...> на дворе такая страшная *кура* и метель, что дает самый лучший *avant-goût* предстоящих зимних наслаждений» (П. В. Анненкову, 1852 г.).

В письмах И. С. Тургенева встречаются разные способы перекодирования иноязычной лексики. Под межязыковым перекодированием понимают процесс кодирования единиц одной языковой системы в соответствии с правилами другого языка [21. С. 147]. Частичное перекодирование представлено в письмах комбинированным способом, при котором к нетранслитерированному иноязычному слову после апострофа добавляется русское окончание: «Ты будешь завтра <...> иметь удовольствие быть обрызганным с головы до ног каретой какого-нибудь *landesherr'a* (*landesherr* — нем. «помещик»), (А. П. Ефремову, 1840 г.); «Никакого *asile'y* ей не нужно было — ибо никто ее не требовал» (*asile* — фр. «убежище») (П. В. Анненкову, 1871 г.). При частичном перекодировании может меняться графический облик слова, но отсутствует морфологическая адаптация к системе русского языка: «Одно меня несколько ободряет: ведь и тебя партия молодых *рефюжиэ* пожаловала в отсталые и в реаки; расстояние между нами и поуменьшилось» (*réfugiés* — фр. «беженцы») (А. И. Герцену, 1867 г.). Полное перекодирование осуществляется с помощью транскрипции или транслитерации слова и придания ему русскоязычного морфологического облика: «Проклятая моя подагра опять разыгрывается — и я боюсь *решюты*» (*rechute* — фр. «рецидив») (А. А. Фету, 1871 г.); «еще мгновенье — и поглотит нас навсегда немая глубина *нихтзейн'a* (*Nichtsein* — нем. «небытие») (А. А. Фету, 1864 г.).

Поскольку И. С. Тургенев многие письма писал из-за границы, в них используются иноязычные вкрапления, передающие национальный колорит той или иной европейской страны, особенности ее культурной или социальной жизни, в которую писатель оказывался вовлечен. Например, находясь в Германии, И. С. Тургенев использовал

слова *landesherr* и *гульдигунг*. Слово *гульдигунг* упоминается при описании коронации в Пруссии Фридриха Вильгельма IV. Писатель расценивает *гульдигунг* как специфически немецкое понятие, для которого нет точного обозначения в русском языке: «А у вас торжества, леминации, изливания гражданских сердец, изливания королевских сердец, трогательное единодушие, восторженные восклицания по программе, речи в стихах, слезы умиления и т. д. Все это очень хорошо; но моя болезнь <...> не дала мне насладиться трогательным зрелищем *гульдигунга*. К моему удивлению, замечаю, что у нас, вечно челом бьющих славян, нет слова для перевода "*Huldigung*"» (А. П. Ефремову, 1840 г.). В этом контексте *гульдигунгом* называется принесение народом присяги на верность королю.

В письмах из Франции встречаются слова *reveillon*, *demi-monde*. «А Мельгунов, вообрази (только это между нами), дал накануне Нового года *reveillon*, который стал ему, наверно, франков триста» (А. И. Герцену, 1856 г., Париж). *Reveillon* — это название праздничного ужина во Франции в рождественскую или новогоднюю ночь. «Мельгунов, с свойственной ему флегматической важностью, отвел меня в сторону и держал следующую речь: «Здесь Вы можете видеть то, что называется в Париже — *demi-monde*: но, предупреждаю Вас, не судите о нем по этому образчику, ибо здесь находящиеся лоретки или стары, или некрасивы» (А. И. Герцену, 1856 г., Париж). Слово *demi-monde* получило распространение во Франции в 1856 г., когда было написано письмо И. С. Тургенева. Это один из первых примеров употребления слова в русском языке. Существительное *demi-monde* («полусвет») стало употребляться благодаря выходу пьесы А. Дюма-сына с одноименным названием и обозначало социальный слой Парижа, состоявший из лореток, игроков и подобных людей, которые во внешнем виде и образе жизни стремились подражать высшему свету (бомонду), т. е. аристократии и буржуазной верхушке [16. Т. 2. С. 19]. Позже слово стало использоваться и по отношению к российскому обществу, появились словосочетания *петербургский demi-monde*, *губернский demi-monde* и т. п. [1. Т. 1. 349].

Особый интерес в историко-лексикологическом отношении вызывают иноязычные вкрапления, появление которых в письмах И. С. Тургенева связано с лексической лакунарностью русского языка XIX в., с невозможностью передать какое-либо понятие одним словом. Судьба этих иноязычных вкраплений была различной: одни со временем

приобрели статус безэквивалентных заимствований, другие были вытеснены в связи с появлением русских неологизмов, третьи архаизировались, поскольку оказались не востребованы лексической системой русского языка.

Слово *protégé* появляется в письмах И. С. Тургенева с 1860 г.: «Как только приеду, примусь хлопотать о Вашем *protégé*: отсюда ничего не сделаешь»; «Я не знаю, право, как Вас благодарить за все Ваши хлопоты по делам моих *protégés*, но Вам это не в диво» (Е. Е. Ламберт, 1860 г.). Это существительное во французской графике впервые фиксируется в 1866 г. словарем иностранных слов А. Д. Михельсона: «*Protégé* фр. Находящийся под покровительством» [15. С. 620]. Фиксацию в кириллической графике оно впервые получает в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1894 г.). Н. М. Шанский полагал, что слово было заимствовано в русский язык в XX в. [27. С. 258]. Однако, на наш взгляд, существительное *протезе* перешло в разряд заимствований гораздо раньше: судя по материалам Национального корпуса русского языка, оно активно использовалось в кириллической графике в разных источниках (художественной литературе, мемуарах, письмах) с середины XIX в.

Французское слово *arrière-gout* сопровождается в одном из писем метаязыковым замечанием: «Я к ним (стихам Н. А. Некрасова — Ю.З.) чувствую нечто вроде положительного отвращения: их «*arrière-gout*» — **не знаю, как сказать по-русски** — особенно противен: от них отзывает тинной, как от леща или карпии» (Я. П. Полонскому, 1870 г.). Для передачи этого понятия можно было бы использовать слова *послевкусие* или *привкус* в переносном значении «чувство, которое остается после какого-либо опыта», «отенок, отпечаток чего-либо», но они еще отсутствовали в русском языке. Оба существительных представляют собой словообразовательные кальки с иноязычных слов: *послевкусие* — калька с французского *arrière-gout*, *привкус* — с немецкого *Beigeschmack*. Слово *привкус* впервые фиксируется в третьем издании словаря В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртенэ (1907 г.) [4. Т. 3 С. 1052], там приводится и оригинальное немецкое слово. Определить точное время появления в русском языке лексемы *послевкусие* не представляется возможным: в академических толковых словарях XIX — XX вв. она не фиксируется, а первые примеры употребления в Национальном корпусе датируются концом XX в.

Слово *réfugié* употребляется в письмах с 1867 г. во французском и транслитерированном варианте — *рефюжиэ*. Точное соответствие ему, существительное *беженец*, появилось в русском литературном языке в конце XIX в. Так, в Словаре русского языка Императорской Академии наук (1895 г.) оно фиксируется в качестве неологизма: «Слово, недавно вошедшее в употребление. Беглец с оттенком невольного, вынужденного каким-нибудь бедствием удаления» [23. Т. 1. С. 315]. В этом же словаре зафиксировано диалектное сибирское слово *беженец* со значением «беглый каторжник». По всей вероятности, сфера употребления диалектного слова к концу XIX в. расширилась, оно было заимствовано литературным языком, но пережило метафоризацию лексического значения.

По причине отсутствия в русском языке XIX в. существительного *платежеспособность* И. С. Тургенев употреблял в письмах галлицизм *solvabilité*: «В доказательство моей *solvabilité* — прилагаю Вам письмецо, которое прошу Вас переслать к дяде» (П. В. Анненкову, 1864 г.); «За вашу *solvabilité* я поручился более, чем за свою собственную» (М. М. Стасюлевичу, 1874 г.). Слово *платежеспособность* впервые фиксируется в толковом словаре Д. Н. Ушакова (1939 г.), первый пример его употребления в Национальном корпусе русского языка датируется 1914 г. [17].

В одном из писем И. С. Тургенева встречается французское существительное *pruderie*: «Вы, увидавши меня с одной известною Вам девицей — едва ли бы вздумали толковать о моей *pruderie* — а толку все-таки никакого» (Е. М. Феокистову, 1851). Слово *pruderie* (*прюдерия*) толкуется в энциклопедическом словаре 1876 г. как «преувеличение скромности, деликатности в разговорах и умении держать себя» [2. Т. 4. С. 607]. Этому слову не нашлось адекватной замены в русском языке (при наличии понятия), на что обращалось внимание в «Одесском альманахе» 1831 г.: «Весьма странно, что мы в русском языке до сих пор не имеем слова для точного выражения понятий: *pruderie*, *prude*; а, кажется, добродетель сия или недостаток, как угодно, известнее у нас, нежели где-нибудь» [18. С. 280—281]. Наличие лакуны в русском языке подтолкнуло Ф. М. Достоевского к созданию производного от французского *prude* глагола *прюдствовать* со значением «проявлять ложную скромность, преувеличенную стыдливость» [8. С. 55].

Иноязычные вкрапления могли выполнять в письмах И. С. Тургенева функцию эвфемизмов, если затрагивалась политическая или интимная

тема. 15 февраля 1861 г. русские войска в Варшаве расстреляли польскую патриотическую демонстрацию. Говоря об этом, писатель избегает экспрессивных русских слов *насилие*, *зверство*, *животная ярость* и, пытаясь смягчить тон письма, использует французское *brutalité*: «Пока ничего нет: в Варшаве хотят попробовать русские меры кротости (*brutalité* была слишком велика даже для русской администрации — даже ей стыдно стало), но попробуй поляки завести речь о конституции — и увидят они, какие выставятся кулаки» (А. И. Герцену, 1861 г.). С. И. Карцевский писал, что прилагательное *брутальный* стало употребляться в газетных текстах с начала XX в. [9. С. 30]. Вторая волна заимствований с этим корнем (*брутальный*, *брутальность* и др.) отмечалась в русском языке конца XX в., вероятно, из английского языка. В качестве эвфемизма использует И. С. Тургенев и французское устойчивое сочетание *faire l'amour*: «У меня на окне два голубя — *font l'amour* и очень много *font* — это мне давало «des distractions» — отчего и письмо мое должно быть не совсем складно» (П. В. Анненкову, 1853). По всей вероятности, выражение *faire l'amour* было калькировано в английском языке (*to make love*), а из него снова проникло в русский язык в конце XX в. в переводе *заниматься любовью* [11. С. 33].

В письмах И. С. Тургенева встретился один пример контаминированного вкрапления — предложение, в котором смешаны латинизированные русские слова и собственно латинские. Эта вставка выполняет шутливо-ироническую функцию: «Что это я такое написал? Чебурду, сказал бы Фет, *Fethius philosophus atque tschudacus grandiflorus*» (*Фет — философ и пышноцветный чудак*) [В. П. Боткину, 1859]. В латинизированной форме употребляются слова *Фет* и *чудак* (переданы латинской графикой и имеют латинское окончание *-us*), из латинских корней создано окказиональное слово *grandiflorus*.

Таким образом, иноязычные вкрапления в письмах И. С. Тургенева можно рассматривать в следующих аспектах: прагматическом — с точки зрения коммуникативных целей автора, стилистическом — как важную специфическую черту эпистолярного дискурса писателя, семиотическом — с точки зрения переключения языковых кодов или языкового перекодирования и историко-лексикологическом — иноязычные вкрапления могут свидетельствовать о первом этапе адаптации иноязычного слова, об особенностях развития лексико-семантической системы русского языка XIX в.

Список литературы

1. Бабкин, А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 2 т. / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. — М.-Л., 1966.
2. Березин, И. Н. Русский энциклопедический словарь. Отд. 3, т. 4. / И. Н. Березин. — СПб., 1876. — 694 с.
3. Вишнякова, Е. А. Иноязычные вкрапления в эпистолярной прозе В. А. Жуковского / Е. А. Вишнякова // Уч. зап. Орлов. гос. ун-та. — 2017. — № 4 (77). — С. 60—65.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — 3-е изд., испр. и доп. / В. И. Даль / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М., 1903—1909.
5. Добродомов, И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 158—159.
6. Доровских, Л. В. Латинские вкрапления в переписке А. П. Чехова / Л. В. Доровских // Филологический класс. — 2010. — № 24. — С. 60—66.
7. Захарова, Ю. Г. Иносистемные языковые единицы в письмах Ф. М. Достоевского / Ю. Г. Захарова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2016. — № 1 (7). — С. 60—65.
8. Захарова, Ю. Г. Иноязычная лексика в письмах Ф. М. Достоевского / Ю. Г. Захарова // Русский язык в школе. — 2017. — № 12. — С. 53—57.
9. Карцевский, С. О. Язык, война и революция / С. О. Карцевский. — Берлин, 1923. — 72 с.
10. Краснова, Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Краснова. — Воронеж, 2009. — 25 с.
11. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопр. языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27—34.
12. Ломакина, О. В. Иноязычная фразеология и паремиология в текстах Л. Н. Толстого: особенности переключения языкового кода / О. В. Ломакина // Вестн. Черепов. ун-та. — 2014. — № 7. — С. 93—96.
13. Манина, С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений / С. И. Манина // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2010. — № 1. — С. 95—98.
14. Маринова, Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие / Е. В. Маринова. — М., 2012. — 288 с.
15. Михельсон, А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / А. Д. Михельсон. — М., 1866. — 771 с.
16. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. / Под ред. Ф. Толля. — СПб., 1863—1866.
17. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 1.02.2019).
18. Одесский альманах на 1831-й год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. — Одесса, 1831. — 411 с.
19. Проценко, Е. А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения / Е. А. Проценко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2006. — № 2. — С. 92—99.
20. Проценко, Е. А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Проценко. — Воронеж, 2002. — 230 с.
21. Проценко, Е. А. Прагматические аспекты межъязыкового перекодирования (на материале русизмов во французской прессе) / Е. А. Проценко // Филол. науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 3. — С. 146—149.
22. Сасимович, Е. Р. Иноязычные вкрапления в эпистолярном дискурсе А. И. Герцена / Е. Р. Сасимович, И. А. Лешутина // Вестн. Брян. гос. ун-та. — 2012. — № 2. — С. 314—318.
23. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. — 3-е изд. — СПб., 1891—1916.
24. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в восемнадцати томах / И. С. Тургенев. — М., 1982—2003. — Т. 1—14.
25. Фельде, О. В. Иноязычные вкрапления / О. В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. : электрон. изд. / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск, 2014. — С. 187—188.

26. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. — СПб., 1894. — 989 с.
27. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. — М., 1994. — 400 с.

Сведения об авторе

Захарова Юлия Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела, Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск, Россия. zug1977@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 73–79.*

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE LETTERS OF I.S. TURGENEV

Yu.G. Zakharova

Pacific State University, Khabarovsk, Russia. zug1977@inbox.ru

The article discusses the wide and narrow approaches to the understanding of the term *foreign language inclusions*. We analyze the correlation of terms *foreign inclusions*, *barbarisms*, *another system vocabulary*. There are two main types of functions of foreign inclusions: nominative and pragmatic. Foreign inclusions, as reflected in the letters of I. S. Turgenev, are considered from the point of view of code switching and language transcoding (at the graphic-phonetic level), and their performance of pragmatic and nominative functions. Nominative functions are associated with the lacunarity of the lexical-semantic system of the Russian language in the middle and second half of the XIX century; the terms *conceptual* and *lexical* lacunarity are distinguished. The fate of the inclusions used by the writer is traced: some eventually acquired the status of a equivalent-lacking borrowing, others were ousted due to the emergence of Russian neologisms, some survived the process of secondary borrowing from the English language and came to be used as synonyms of Russian words or expressions, some became archaisms as they turned out to be not demanded by the lexical system of the Russian language.

Keywords: *foreign language inclusions, code switching, interlingual transcoding, lexical lacunarity, letters of Russian writers of the XIX century.*

References

1. Babkin, A. M. Slovar' inoyazychnyh vyrazhenij i slov, upotreblyayushchihsya v russkom yazyke bez perevoda : V 2 t [The dictionary of foreign expressions and words used in Russian without translation in 2 vol.]. Moscow, 1966. (In Russ.).
2. Berezin, I. N. Russkij ehnciklopedicheskij slovar' [The Russian encyclopedic dictionary]. Sep. 3, vol. 4. SPb., 1876. 694 p. (In Russ.).
3. Vishnyakova, E. A. Inoyazychnye vkrapleniya v ehpistoлярной proze V. A. Zhukovskogo [Foreign inclusions in epistolary prose by V. A. Zhukovsky]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Orel State University], 2017, no. 4 (77), pp. 60–65. (In Russ.).
4. Dal', V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t [The explanatory dictionary of the living great Russian language in 4 vol]. 3 edition. Moscow, 1903–1909. (In Russ.).
5. Dorovskikh, L. V. Latinskie vkrapleniya v perepiske A. P. Chekhova [Latin inclusions in the correspondence of A. P. Chekhov]. Filologicheskij klass [Filologicheskij klass], 2010, no. 24, pp. 60–66. (In Russ.).
6. Dobrodomov, I. G. Zaimstvovanie [Borrowing]. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. Pp. 158–159 (In Russ.).
7. Zakharova, Yu. G. Inosistemnye yazykovye edinicy v pis'mah F. M. Dostoevskogo [Inosystem language units in the letters of F. M. Dostoevsky]. Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya [At the intersection of languages and cultures. Actual questions of humanitarian knowledge], 2016, no. 1 (7), pp. 60–65. (In Russ.).
8. Zakharova, Yu. G. Inoyazychnaya leksika v pis'mah F. M. Dostoevskogo [Foreign vocabulary in the letters of F. M. Dostoevsky]. Russkij yazyk v shkole [Russian language at school], 2017, no. 12, pp. 53–57. (In Russ.).

9. Karcevskij, S. O. *Yazyk, vojna i revolyuciya* [Language, War and Revolution]. Berlin, 1923. 72 p. (In Russ.).
10. Krasnova, T. V. *Inoyazychnye vkraplениya v russkoj literaturnoj rechi nachala XX veka* [Foreign language blotches in Russian literary speech of the beginning of the 20th century]. Abstract of the dis. ... cand. of ph. Voronezh, 2009. 25 p. (In Russ.).
11. Krysin, L. P. *Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletij* [Lexical borrowing and tracing in the Russian language of the last decades]. *Voprosy yazykoznanіya* [Questions of linguistics], 2002, no. 6, pp. 27–34. (In Russ.).
12. Lomakina, O. V. *Inoyazychnaya frazeologiya i paremiologiya v tekstakh L. N. Tolstogo: osobennosti pereklyucheniya yazykovogo koda* [Foreign phraseology and paremiology in the texts of L. N. Tolstoy: features of language code switching]. *Vestnik Cherepoveckogo universiteta* [Bulletin of the University of Cherepovets], 2014, no. 7, pp. 93–96. (In Russ.).
13. Manina, S. I. *Pragmaticheskie funktsii inoyazychnykh vkraplenij* [Pragmatic functions of foreign language inclusions]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyge State University. Series 2: Philology and Art History], 2010, no. 1, pp. 95–98.
14. Marinova, E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobie* [Foreign language vocabulary of the modern Russian language: study guide]. Moscow, 2012. 288 p. (In Russ.).
15. Mikhel'son, A. D. *30000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkij yazyk, s objyasnenіem ikh kornej* [30000 foreign words that came into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow, 1866. 771 p. (In Russ.).
16. *Nastol'nyj slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya (spravochnyj ehnciklopedicheskij leksikon) : v 3 t. / Pod red. F. Tollya* [Desktop dictionary for references in all branches of knowledge (reference encyclopedic lexicon): 3 vol. / Ed. F. Toll]. Saint-Petersburg, 1863–1866. (In Russ.).
17. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian language]. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>, accessed 1.02.2019.
18. *Odesskij al'manakh na 1831-j god, izdannij P. Morozovym i M. Rozbergom* [Odessa Almanac for 1831, published by P. Morozov and M. Rozberg]. Odessa, 1831. 411 p. (In Russ.).
19. Procenko, E. A. *K probleme klassifikacii leksiki inoyazychnogo proiskhozhdeniya* [To the problem of classification of foreign origin vocabulary]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya»* [Bulletin of the Voronezh State University. Series «Linguistics and Intercultural Communication»], 2006, no. 2, pp. 92–99. (In Russ.).
20. Procenko, E. A. *Mezhjazykovoe perekodirovanie v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Interlanguage Recoding in the works of F. M. Dostoevsky]. The dis. ... cand. of ph. Voronezh, 2002. 230 p. (In Russ.).
21. Procenko, E. A. *Pragmaticheskie aspekty mezhjazykovogo perekodirovaniya (na materiale rusizmov vo francuzskoj presse)* [Pragmatic aspects of interlanguage recoding (on the material of russianisms in the French press)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2016, no.12 (66): in 4 parts. Part 3, pp. 146–149. (In Russ.).
22. Sasimovich, E. R. *Inoyazychnye vkraplениya v ehpistolyarnom diskurse A. I. Gercena* [Foreign language inclusions in the epistolary discourse of A. I. Herzen]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2012, no. 2, pp. 314–318. (In Russ.).
23. *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk* [The dictionary of the Russian language, compiled by the Second division of the Imperial Academy of Sciences]. 3 edition. Saint-Petersburg, 1891–1916. (In Russ.).
24. Turgenev, I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v tridcati tomakh. Pis'ma v vosemnadcati tomakh* [Complete works and letters in thirty volumes. Letters in eighteen volumes]. Moscow, 1982–2003. Vol. 1–14. (In Russ.).
25. Fel'de, O. V. *Inoyazychnye vkraplениya* [Foreign language inclusions]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii). Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie* [Effective speech communication (core competencies). Dictionary reference. Electronic edition / Ed. A. P. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk, 2014, pp. 187–188. (In Russ.).
26. Chudinov, A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. Saint-Petersburg, 1894. 989 p. (In Russ.).
27. Shanskij, N. M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1994. 400 p. (In Russ.).

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ИНТЕРВЬЮ-ПОРТРЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Е. Ю. Ионкина, В. В. Тихаева

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

В статье рассматриваются коммуникативные неудачи как маркер неуспешного коммуникативного взаимодействия в портретном интервью. Выявленные типы коммуникативных сбоев непосредственно соотносятся с полным или частичным непониманием высказывания одним из коммуникантов в ходе интервью и обнаруживаются в конкретных типах реакций адресата. Возникновение коммуникативных неудач напрямую зависит от исходного тактического хода журналиста и обусловлено определенными причинами.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, интервью-портрет, речевая интенция, интеракция, реакция адресата, полное/частичное непонимание.

Возросший в последние десятилетия интерес к проблемам речевого общения затрагивает также такой прагматический аспект как успешность/неуспешность коммуникативного взаимодействия. Успешность речевого общения во многом определяется слагаемыми прагматического характера и трактуется как достижение говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного речевого взаимодействия. Неуспешность, неэффективность речевого общения приводит к явлению, которое в лингвистической литературе именуется коммуникативной неудачей.

Проблема успешного/неуспешного коммуникативного взаимодействия затрагивает разные виды дискурса, в том числе и массмедийный дискурс в его различных жанровых типах. В сфере массовой коммуникации все большую популярность приобретает интервью как жанр публицистического дискурса. В современной журналистской практике термином «интервью» называется один из самых популярных жанров во всех видах СМИ: текст, оформленный в виде беседы журналиста с социально значимым собеседником и включенный в оборот текстов СМИ, т. е. вышедший в эфир или опубликованный. Е. И. Голанова характеризует интервью как «жанр свободной беседы журналиста с определенным лицом или группой лиц, тема которой представляет общественный интерес и предназначается для масс-медиа» [4. С. 256]. Исследуя разновидности жанра интервью, В. И. Коньков отмечает, что в стилевом аспекте можно выделить два его типа: интервью, «ориентированное на получение информации, характер которой не имеет прямого отношения к личности интервьюируе-

мого в ее полном объеме» (т. е. информационное), и интервью портретное, «которое имеет цель дать представление о личности интервьюируемого». Второй тип чаще всего «имеет место в тех случаях, когда общество наблюдает процесс творческой самореализации личности в сфере науки, техники, политики, искусства, шоу-бизнеса, <...>. Здесь представляет интерес внутренний мир человека, его пристрастия, привычки, речевая манера и т. д.» [8. С. 178]. В своих видовых модификациях интервью получает широкое распространение в современной немецкой прессе, поскольку с помощью него реализуются практически все цели журналистского творчества.

Изучению эффективного речевого взаимодействия коммуникантов в массмедийном дискурсе посвящены, например, исследования Ю. С. Лавренченко, П. Н. Босога, Н. В. Муравьевой. Тем не менее, интервью как публицистический жанр, представленный в печатных СМИ, а также дифференциальные признаки его успешности/неуспешности, не всегда попадают в поле зрения лингвистов и остаются недостаточно изученными. В связи со сказанным актуальность данной работы обусловлена малоизученностью проблемы неуспешного коммуникативного взаимодействия в интервью как жанре массмедийного дискурса. Объектом настоящего исследования стали фрагменты немецких портретных интервью, содержащие ситуации коммуникативных неудач. Предмет исследования — коммуникативные неудачи, возникающие в портретном интервью, а также их лингвопрагматические особенности. Цель настоящего исследования заключается в выявлении

типов коммуникативных неудач, специфики их проявления и причин возникновения, характерных для немецкого интервью-портрета.

Исследование проводилось на материале текстов портретных интервью, размещенных на страницах электронных версий современных немецких печатных изданий, таких как Spiegel Online, Focus Online, Neue Osnabrücker Zeitung (NOZ), Berliner Zeitung, Playboy, die Welt, die Zeit и др., а также на сайте «Планета интервью» (planet-interview.de). Основными методами исследования в данной работе стали метод прагмалингвистического анализа, который сочетает в себе наблюдение, описание, интерпретацию и обобщение материала, и метод контекстуального анализа.

Явления коммуникативного непонимания и связанных с ними феномен коммуникативных неудач в диалогическом взаимодействии были изучены в работах как отечественных, так и зарубежных ученых: И. М. Кобозевой, Б. Ю. Городецкого, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, И. Г. Сабуровой, Н. К. Къневой, Т. В. Шмелевой; В. Фолкнера, Дж. Ф. Аллена, С. Макрой и Г. Херста, Б. Гудмана, Ф. Хинненкампа и др.

Так, к примеру, Б. Ю. Городецкий, рассматривая диалог как чередование речевых произведений, создаваемых коммуникантами, определяет коммуникативную неудачу как такой сбой в общении, при котором речевые произведения не выполняют своего предназначения [5. С. 23]. Опираясь на существующие классификации коммуникативных неудач, Б. Ю. Городецкий обобщил основные принципы их типологии. По его мнению, коммуникативные неудачи по числу последствий и источников могут быть простыми и сложными. С точки зрения последствий выделены глобальные коммуникативные неудачи, предполагающие прерывание общения и неудовлетворительный результат, и частные коммуникативные неудачи, предусматривающие отклонения от темы для преодоления возникшего непонимания. Типология на основе источника предполагает учет тезауруса коммуникантов и особенностей процесса общения (уровень вербализации и понимания). Выделены два вида источников: отдаленные, то есть рассеянность коммуниканта, предвзятость, мнительность, необычность темы, и ближайшие, то есть нарушения в рамках какого-либо компонента коммуникативного акта [5. С. 5]. Формулировка определения О. Н. Ермаковой, Е. А. Земской наиболее широко раскрывает понятие коммуникативной неудачи. Коммуникативной неудачей называется «полное

или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [6. С. 31]. Сюда же относится и непредусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление. При этом О. Н. Ермакова и Е. А. Земская разделяют причины коммуникативных неудач на три класса: «1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими факторами» [6. С. 33]. А. А. Романов рассматривает коммуникативные неудачи (или «коммуникативное рассогласование») как разновидность прагматического непонимания партнеров в процессе реализации типовой цели диалогического взаимодействия [11].

У зарубежных исследователей, занимающихся проблемами коммуникативного непонимания, можно встретить такие термины, как Missverstehen (неправильное понимание) или Missverständnis (недоразумения). С точки зрения своего внешнего проявления в речи все недоразумения (Missverständnisse) подразделяются на три группы: «явные недоразумения, которые для себя обнаруживают сами партнеры по коммуникации; скрытые или косвенные недоразумения, о которых они подозревают, но явно не обнаруживают; наконец, недоразумения, которые полностью остаются незамеченными, и которые может обнаружить и расшифровать только опытный наблюдатель» [13. С. 15]. Критерии отнесения какого-либо недоразумения к тому или иному типу находятся в конкретно рассматриваемом участке диалога.

Таким образом, термин «коммуникативная неудача» в лингвистических исследованиях получает различную смысловую наполненность, имеет широкий диапазон понимания. В рамках нашего исследования под «коммуникативной неудачей» (далее КН) в интервью-портрете следует понимать *возникшее в условиях конкретной интеракции коммуникантов массмедийного дискурса несоответствие коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим, т. е. полное или частичное непонимание высказывания одним из участников коммуникации и/или возникающий при этом непредусмотренный эмоциональный эффект*. Как следует из определения, важную роль в процессе речевого взаимодействия и его успеха играет интенциональность. Речевую интенцию или намерение мы вслед за Н. И. Формановской определяем как «намерение, замысел сделать нечто,

выполнить действие с помощью такого инструмента, как язык — речь — высказывание, т. е. осуществить речевой акт» [12. С. 35]. Говорящий вкладывает определенную интенцию в свое речевое произведение, а роль слушающего заключается в правильном распознавании данной интенции, что немаловажно для успешного продолжения коммуникации. Поскольку в интервью-портрете, как и в большинстве других типов интервью, роли говорящего и слушающего поочередно выполняют журналист и собеседник, это означает, что оба участника интервью могут быть причастны к возникновению неудачи, поскольку коммуникативный акт представляет собой результат мыслительной и речевой деятельности как говорящего, так и слушающего. При изучении КН нами применялся коммуникативно-прагматический подход, в рамках которого происходит анализ коммуникативной ситуации, включающей в себя участников и условия коммуникативного акта, а также проблем, возникающих при передаче смыслового содержания сообщения.

За единицу исследования мы принимаем диалогическое единство (ДЕ), состоящее из исходной реплики журналиста и ответной реплики собеседника, представляющее фрагмент ситуации интервью с наличием элемента полного/частичного непонимания. Анализ ДЕ в рамках коммуникативно-прагматической ситуации общения помогает установить причинно-следственную связь возникновения КН.

В ходе исследования были выявлены те коммуникативные ходы журналиста, которые представляют наибольший риск возникновения КН при неправильной интерпретации коммуникативного намерения со стороны собеседника. К ним относятся следующие структурно-семантические типы высказываний: провокационный вопрос/утверждение; личный вопрос; вопрос/утверждение с ироничным подтекстом; оценочное утверждение (одобрение/похвала) + вопрос; оценочное утверждение (неодобрение/упрек) + вопрос; оценочный вопрос; комплимент; утверждение-ввод новой темы; утверждение-мнение + вопрос (это мнение о собеседнике может быть сформировано журналистом, самим собеседником, третьим лицом, СМИ, также используется апелляция к слухам). Перечисленные типы высказываний используются журналистом если не в каждом, то в большинстве проанализированных нами портретных интервью. Характерно, что реакция адресата на данные типы реплик журналиста не всегда бывает ожидаемой

и свидетельствует о полном понимании коммуникативного намерения интервьюера. В связи с этим все КН можно разделить на *полные КН* и *частичные КН*.

О частичной КН следует говорить в том случае, когда коммуникативное намерение журналиста реализуется не в полной мере, и реакция собеседника обнаруживает некоторый элемент не(до)понимания. Недопонимание снимается либо самим собеседником в ответной реплике, либо с помощью корректирующей реплики журналиста по ходу интервью, что приводит к успешному коммуникативному взаимодействию.

Как показало исследование, причиной возникновения частичной КН может стать неуместное использование лексической единицы журналистом и как следствие неудачная формулировка вопроса. Непонимание возникает в данном случае на лексическом уровне языка и приводит к таким реакциям собеседника как вопрос-удивление, вопрос-переспрос, корректировка лексической единицы или всего вопроса, несогласие с постановкой вопроса, реплика, обозначающая непонимание вопроса. Однако ход общения не нарушается, и собеседник зачастую дает развернутый, аргументированный ответ. В следующих примерах ответные реплики адресата содержат корректировку лексической единицы (1) и вопрос-переспрос (2), что свидетельствует о возникновении частичного непонимания:

(1) — *Das heißt, Sie haben Hemmungen, intime Fragen zu stellen?*

— *Hemmungen ist falsch, es ist eher eine Art von Anstand. Ich bin manchmal beschämt, wenn ich Sendungen sehe, wo ich das Gefühl habe, da entblößt sich jemand ohne Not im Fernsehen — mir ist das peinlich. Das muss nicht sein. <...> [SM].*

(2) — *Sie haben viele Songs über Berlin geschrieben. Ist es eine Art Hassliebe, die Sie mit Ihrer Heimatstadt verbindet?*

— *Was heißt Hassliebe? Wenn ich in Bielefeld lebe, würde ich auch unglaublich über die Oetker-Halle herziehen. Aber ich liebe natürlich auch meine Stadt. Ich bin da geboren, hier ist mein Kiez, mein kleines Kino und der Krämerladen. <...> [KH].*

В первом примере для снятия непонимания используется коммуникативный ход перефразирования, который, по мнению О. А. Плотниковой, часто принимает вид синонимической трансформации. «Тем самым интервьюируемый вносит семантические и стилистические коррективы относительно речевого выбора интервьюера» [10. С. 17]. Во вто-

ром примере имеет место использование адресатом вопроса-переспроса, или уточняющего вопроса, который формируется с учетом детализации элемента семантической структуры предыдущего высказывания, задается с целью получения добавочной информации, необходимой для дальнейшего развития коммуникации [1. С. 49].

Важную роль в процессе развертывания интервью играют прагматические (или ситуативные) пресуппозиции, которые Н. Д. Арутюнова рассматривает как те «предпосылки и предварительные условия, которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют достигнуть коммуникативной цели» [3. С. 85]. Пресуппозиции как представления говорящего о степени осведомленности адресата речи создают «общую почву» для общения, а правильная оценка пресуппозиций каждым из собеседников способствует полноценному развитию диалогического взаимодействия.

Как было установлено, такие реакции адресата как вопрос-удивление и вопрос-уточнение причины являются следствием различия пресуппозиций коммуникантов и также свидетельствуют о возникновении частичной КН. Данные типы реакций обычно следуют на утверждения с положительной/отрицательной оценочной семантикой (похвала, упрек), также на утверждения, выражающие чье-либо мнение. Собеседник не знает, на чем основывается вопрос или утверждение журналиста, не знаком с информацией, предоставляемой ему интервьюером. Причиной КН в таком случае может являться ложная информированность журналиста о своем «герое», использование недостоверных источников информации, т. е. недостаточная коммуникативная компетенция.

Еще одной причиной коммуникативного недопонимания становится неуместное использование журналистом высказываний определенного типа, которые не вписываются в коммуникативную ситуацию и вызывают неоднозначную эмоциональную реакцию собеседника: смех, иронию, удивление. Например, довольно часто собеседник реагирует вопросом-удивлением на ироничное утверждение или вопрос с семантикой неодобрения, а также на комплимент с ироничным подтекстом в самом начале портретного интервью. Данный прием установления контакта является специфическим для интервью-портрета, не всегда ожидаем для собеседника, поэтому и приводит к КН.

В следующем отрывке интервью исходную реплику журналиста можно рассматривать как кос-

венный упрек, который сразу же вызывает вопрос-удивление со стороны собеседника. Однако с помощью корректирующей реплики в форме уточняющего вопроса, в котором перечислены возможные варианты ответа, журналисту удается снять коммуникативное недопонимание и получить исчерпывающий ответ.

(3) — *Herr Henckel von Donnersmarck, wenn ein deutscher Regisseur, der einen Oscar gewinnt, nach Hollywood auswandert und anschließend drei Jahre lang nichts von sich hören lässt, erregt das Verdacht.*

— *Verdacht auf was?*

— *One Hit Wonder. Kreative Blockade. Oscar-Fluch?*

— *Nein, ich musste mich nur ein wenig einleben [FHD].*

Таким образом, частичные КН в целом не нарушают процесс общения в портретном интервью, но создают некоторые помехи в коммуникативном взаимодействии, которые нейтрализуются по ходу интервью и не приводят к смене темы. Частичное недопонимание (частичная КН) обнаруживается в ситуациях, когда имеют место следующие реакции адресата: вопрос-удивление, вопрос-переспрос, корректировка вопроса, вопрос-уточнение причины, уклончивый ответ/ирония, несогласие + аргументированный ответ, восклицание-удивление + несогласие.

Полная КН имеет место тогда, когда коммуникативное намерение журналиста остается нереализованным, а реакция собеседника обнаруживает элемент полного непонимания. Дополнительные корректирующие ходы журналиста не помогают устранить возникшее непонимание и не приводят к успешному коммуникативному взаимодействию на проблемном участке интервью.

Как показал анализ материала, в портретном интервью нежелание собеседника обсуждать какую-либо тему может стать причиной таких реакций, как перебивание и отказ отвечать. Данные реакции, как правило, следуют на вопросы провокационного характера, а также на утверждения, с помощью которых журналист пытается ввести новую тему. По мнению Т. М. Николаевой, к коммуникативной неудаче может привести «коммуникативный саботаж» (или «принцип некооперации»), предполагающий установку на навязывание собеседнику своего мнения со стороны интервьюера, и нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос, стремление уйти от обмена информацией со стороны интервьюируемого [9. С. 226]. Разграничивая эти два явления, В. Ю. Андреева

говорит о непреднамеренном характере коммуникативной неудачи в диалогическом взаимодействии, тогда как коммуникативный саботаж представляет собой интенционально организованный сбой в коммуникации [2. С. 67]. Этот тип речевого поведения направлен на то, чтобы прекратить коммуникацию или сменить тему разговора и используется адресатом намеренно. В рамках портретного интервью эти два речевых явления нам представляется возможным рассматривать как причину и следствие коммуникативного непонимания.

Если прямой отказ отвечать может сочетаться со смеховой реакцией и краткой аргументацией, то перебивание обычно сопровождается яркой эмоциональной реакцией возмущения, раздражения, негодования, о чем свидетельствует восклицательная форма предложения. Сам факт прерывания общения трактуется как угроза «потери лица» собеседника, как негативный речевой акт. Прерывание разговора само по себе рассматривается как невежливое, и даже враждебное речевое действие [7. С. 230]. В следующем примере собеседник своей ответной репликой дает понять, насколько неприятна ему выбранная журналистом тема и прерывает общение:

(4) — *Sie werden im Sommer 60 Jahre alt ...*

— *Hören Sie bloß auf, das überhaupt nur zu erwähnen! Ich hasse Geburtstage. Und ich werde auch diesen Tag so verbringen, als wäre es ein ganz gewöhnlicher Tag.*

— *Hollywood-Legende Mae West sagte: «Altwerden ist nichts für Feiglinge» ...*

— *Wie Recht sie hat! Wenn ich könnte, wäre ich gern noch einmal 29 — allerdings nur mit dem Wissen und der Erfahrung von heute. <...>. Da fühle ich mich in meiner heutigen Haut schon wesentlich wohler [LN].*

В приведенном отрывке интервью имеет место нарушение дистанции общения, поскольку собеседник ведет себя довольно агрессивно, стремится доминировать и перехватывает инициативу в диалогическом взаимодействии. Главные прагматические принципы, регулирующие межличностные взаимоотношения, принцип Кооперации и принцип Вежливости, адресат также не соблюдает. Журналист пытается смягчить ситуацию и приводит следующую формулировку по теме, с которой собеседник вынужден согласиться и аргументировать свой ответ. Однако введенная журналистом первоначальная тема «юбилей (60 лет) героя интервью» не получает дальнейшего разви-

тия, полное взаимопонимание на данном участке интервью не достигнуто.

В ходе исследования было также установлено, что использование высказываний с оценочной семантикой, таких как похвала и комплимент, в портретном интервью тоже не всегда приводит к успешному коммуникативному взаимодействию. Вместо положительной ответной реплики могут последовать такие реакции собеседника, как опровержение оценки, непринятие похвалы, обвинение, оправдание/»преуменьшение заслуг», упрек в неискренности. Реплика похвалы не выполняет своего функционального предназначения, когда журналисту не удастся поддержать положительный имидж своего собеседника, который считает высказанную ему похвалу неуместной и излишней. Наиболее распространенная реакция на комплимент «принятие с благодарностью» тоже следует далеко не всегда. Если журналист выходит далеко за рамки формального общения и использует неприкрытую лесть, то такой тактический ход может приводить к КН, как видно из следующего отрывка интервью:

(5) — *Uns ist jeder Millimeter Nora Tschirner lieber ist als keine Nora Tschirner.*

— *Siehste! Und da haben euch bis jetzt die ganzen anderen Mäuslein einfach völlig missverstanden.*

— *Also, für mich bist du einfach die tollste Erscheinung, seit es deutschen Film gibt. Oder überhaupt Kameras. Oder Schauspielerinnen. . .*

— *Ich habe so das Gefühl, dass du dir das vorher überlegt hast.*

— *Das ist doch wohl klar, wenn man jemanden verehrt. Ich habe alles von dir gesehen [NT].*

В приведенном примере на первую реплику комплимент собеседник реагирует восклицанием-удивлением и дает уклончивый ответ. Не добиваясь нужной реакции, интервьюер прибегает ко второму комплименту, намеренно восхваляя своего собеседника. Но и в этом случае собеседник не принимает комплимент, а упрекает журналиста в неискренности. Явная лесть и ироничный подтекст, содержащиеся в комплиментах журналиста, а также нарушение дистанции общения являются причиной неуспешного коммуникативного взаимодействия на данном участке портретного интервью.

Таким образом, полные коммуникативные неудачи свидетельствуют о некотором сбое коммуникативного взаимодействия и являются препятствием для тематического хода общения в портретном интервью. Используемые журналистом коррек-

тирующие высказывания для преодоления КН не имеют положительного эффекта и приводят в итоге к смене темы интервью. Полное непонимание (полная КН) в ситуациях диалога-интервью проявляется в следующих реакциях адресата: опровержение оценки, непринятие похвалы, обвинение, оправдание/«преуменьшение заслуг», упрек в неискренности, перебивание, отказ отвечать.

Как показало исследование, КН в портретном интервью носят частный характер, не прерывают общение в целом, но создают «смысловые помехи» или приводят к некоторой стагнации развития беседы. КН являются явными, поскольку об их наличии сразу же свидетельствует ответная реплика собеседника. Возникновение КН в портретном интервью обусловлено определенными причинами, которые нам представляется наиболее удобным классифицировать по следующим группам:

1. КН, обусловленные коммуникативной деятельностью журналиста, его недостаточной коммуникативной компетенцией и нарушением им коммуникативной нормы, могут быть связаны: с неадекватным выбором языковых средств для правильного формулирования мысли; с тематическим ходом беседы: неудачный выбор темы, неумение развивать тему и основную мысль с учетом ситуации общения; с использованием недостоверных источников информации: ложная информированность; с неуместным использованием высказывания, несоответствующего коммуникативной ситуации; с несоблюдением принципа вежливости: слишком навязчивый характер высказываемой похвалы, использование лесты в форме комплимента;

2. КН, обусловленные коммуникативным поведением собеседника, его когнитивными способностями и интерпретационной деятельностью могут быть связаны: с неумением понимать значение слов, словосочетаний, речевых оборотов, интонации, структуры высказывания; с желанием сохранить свое «лицо», поддержать имидж; с некомпетентностью, незнанием темы, предмета речи; с несоблюдением принципа кооперации: нежела-

ние обсуждать определенную тему («коммуникативный саботаж»).

3. КН, обусловленные прагматическими факторами ситуации общения, могут быть связаны: с необычностью темы, сложностью вопроса; с различием пресуппозиций коммуникантов: общий фонд знаний, уровень информированности собеседника; с различием во взглядах, мнениях коммуникантов: несоответствие между оценочным суждением журналиста и личным мнением (о себе) героя интервью; с психологическими особенностями адресата: «ложная» скромность, самокритичность, адекватность самооценки собеседника; с нарушением дистанции общения одним из коммуникантов, норм речевого поведения.

Все возникающие в портретном интервью КН условно можно разделить на два типа в соответствии со степенью несоответствия между коммуникативным намерением журналиста и его интерпретацией собеседником: частичные КН, при которых наблюдается недопонимание, и полные КН, при которых обнаруживается полное непонимание исходной реплики журналиста. Данные типы КН проявляются в конкретных коммуникативно-прагматических ситуациях диалога-интервью, и об их наличии свидетельствуют ответные реакции адресата, которые, в свою очередь, напрямую зависят от структурно-семантического типа исходной реплики интервьюера. Можно утверждать, что коммуникативная ситуация интервью с присутствием в ней того или иного структурно-семантического типа реплики как исходного тактического хода журналиста и соответствующей ответной реакции собеседника при определенных прагматических условиях будет потенциально содержать в себе элемент полного или частичного непонимания, т. е. относится к «зонам риска» в портретном интервью. Знание соответствующих «зон риска» может помочь журналисту в выборе тех коммуникативных тактик, которые будут способствовать более эффективному взаимодействию с собеседником и более успешному ведению интервью.

Список литературы

1. Аведова, Р. П. Вопрос-переспрос как реактивная реплика в англоязычном диалогическом единстве: функционально-семантический и прагматический аспекты: монография / Р. П. Аведова. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. — 248 с.
2. Андреева, В. Ю. Коммуникативный саботаж в сопоставлении с языковым насилием, языковым сопротивлением, коммуникативной неудачей, манипуляцией и речевой демагогией / В. Ю. Андреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. — 2013. — № 4. — с. 65—71. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21240984_99793679.pdf

3. Арутюнова, Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. — Т. 32. — 1973. — № 1. — с. 84—89.
4. Голанова, Е. И. Публичный диалог вчера и сегодня: коммуникативно-речевая эволюция жанра интервью / Е. И. Голанова // Русский язык сегодня. — М., 2000. — Вып. 1. — С. 251—259.
5. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Наука, 1989. — Вып. 24. — С. 5—31.
6. Ермакова, О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 30—64.
7. Ерманова, Б. Б. Прерывание речевой коммуникации как следствие коммуникативной неудачи / Б. Б. Ерманова // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 3 (40). — С. 230—232. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19129665_80236642.pdf.
8. Коньков В. И. Речевая структура газетного текста / В. И. Коньков. — М.: Наука, 1997. — 198 с.
9. Николаева, Т. М. О принципе «некооперации» или категориях социолингвистического воздействия / Т. М. Николаева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. — М.: Наука, 1990. — С. 225—231.
10. Плотникова, О. А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. А. Плотникова. — Омск, 2007. — 23 с.
11. Романов, А. А. Коммуникативное рассогласование как разновидность прагматического непонимания в диалоге / А. А. Романов // Понимание и рефлексия. — Тверь: Изд-во ТГУ, 1992. — Ч. 1. — С. 44—48.
12. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: монография / Н. И. Формановская. — М.: Русский язык, 2002. — 216 с.
13. Hinnenkamp, V. Mißverständnisse in Gesprächen: Eine empirische Untersuchung im Rahmen der Interpretativen Soziolinguistik: Leseproben aus der Monographie. — Opladen; Wiesbaden: Westdt. Verl. — 1998. — 333 S.

Источники

14. *SM* — TV-Talkerin Sandra Maischberger im Interview — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tv-talkerin-im-interview-sandra-maischberger_id_4813934.html (дата обращения 23.10.2018).
15. *KH* — Chansonier Klaus Hoffmann stellt sich existenzielle Fragen — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/1317/1603-wojo-interview-hoffmann> (дата обращения 23.10.2018).
16. *FHD* — Florian Henckel von Donnersmarck im Interview — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/interview/tid-20742/florian-henckel-von-donnersmarck-wozu-falsche-bescheidenheit_aid_581625.html (дата обращения 30.10.2018).
17. *LN* — Schauspieler Liam Neeson im Interview — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-25477/schauspieler-liam-neeson-im-interview-ich-bin-zwar-nicht-schoen-aber-hoellisch-attraktiv_aid_735912.html (дата обращения 05.11.2018).
18. *NT* — Nora Tschirner im Interview — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-30288/interview-mit-nora-tschirner-wenn-kein-sex-vorkommt-lass-ich-mich-doubeln_aid_947913.html (дата обращения 23.10.2018).

Сведения об авторах

Ионкина Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет. Волгоград, Россия. [katya_dzhandalie@mail.ru](mailto:katy_a_dzhandalie@mail.ru)

Тихаева Виктория Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет. Волгоград, Россия. tilsitka@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 80—88.*

COMMUNICATIVE FAILURES IN THE PORTRAIT INTERVIEW (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

E.Yu. Ionkina

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. ikatya_dzhandalie@mail.ru

V.V. Tihaeva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. tilsitka@yandex.ru

The article deals with communicative failures in a portrait interview as a mark of unsuccessful communicative interaction. The identified types of communicative failures are directly correlated with complete or partial misunderstanding of the utterance by one of the communicants during the interview and are found in specific types of recipient responses. The emergence of communicative failures in the portrait interview directly depends on the initial utterance type used by the journalist and on the degree how correctly the intention inherent in this utterance is interpreted by the interlocutor. There are three groups of reasons that may lead to the emergence of communicative failures in the portrait interview. Communicative failures may be caused by the communicative activities of the journalist; speech behavior of the interlocutor; pragmatic factors of speech interaction. The results of the given study are of practical importance and can be used in the field of journalism in order to increase the efficiency of the interviewing process.

Key words: *communicative failure, portrait interview, speech intention, interaction, recipient response, complete/partial misunderstanding*

References

1. Avedova, R.P. *Vopros-perespros kak reaktivnaja replica v anglojazychnom dialogicheskom edinstve: funkcyonal'no-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty* [The questioning as a response in the English dialogic unity: functional semantic and pragmatic aspects]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2014. 248 p. (In Russ.).
2. Andreeva, V.Yu. Kommunikativnyj sabotazh v sopostavlenii s jazykovym nasiliem, jazykovym soprotivlenijem, kommunikativnoj neudachej, manipuljaciej i rechevoj demagogiej [Communicative sabotage versus language violence, language resistance, communicative failure, manipulation and speech demagogy]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Lingvistika i Pedagogika"* [Proceedings of the South-Western State University. Series "Linguistics and Pedagogy"], 2013, no. 4, pp. 65–71. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21240984_99793679.pdf, accessed 14.09.2018. (In Russ.).
3. Arutjunova, N.D. Ponjatie pressupozicii v lingvistike [The concept of presupposition in linguistics]. *Izvestija AN SSSR. Serija "Literatura I Jazyk"* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series "Literature and Language"], 1973, vol. 32, no. 1, pp. 84–89. (In Russ.).
4. Golanova, E.I. Publichnyj dialog vchera I segodnja: kommunikativno-rechevaja evoluzija zhanra intervju [Public dialogue yesterday and today: the communicative speech evolution of the interview genre]. *Russkij jazyk segodnja* [Russian language today]. Moscow, 2000, issue 1, pp. 251–259. (In Russ.).
5. Gorodezkiy, B.Yu. Komp'juternaja lingvistika: modelirovanie jazykovogo obschenija [Computer linguistics: modeling of the language communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in the foreign linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1989, issue 24, pp. 5–31. (In Russ.).
6. Ermakova, O.N. K postrojeniju tipologii kommunikativnyh neudach (na material estestvennogo russkogo dialoga) [To the construction of a typology of communicative failures (on the material of the natural Russian dialogue)]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspects.]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 30–64. (In Russ.).
7. Ermanova, B.B. Preryvanije rechevoy kommunikacii kak sledstvie kommunikativnoy neudachi [Interruption of speech communication as a result of communicative failure]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*

[The world of science, culture, education], 2013, no. 3 (40), pp. 230–232. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_19129665_80236642.pdf, accessed 25.09.2018. (In Russ.).

8. Kon'kov, V.I. *Rechevaja struktura gazetnogo teksta* [Speech structure of newspaper text]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 198 p. (In Russ.).

9. Nikolaeva, T.M. O Principe “nekooperacii” ili kategorijah sociolingvističeskogo vozdeystvija [On the principle of “non-cooperation” or categories of sociolinguistic influence]. *Logičeskij analiz jazyka: Protivorečivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of the language: Discrepancy and anomaly of the text.]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 225–231. (In Russ.).

10. Plotnikova, O.A. *Strategii kontrolja dialogičeskogo vzaimodejstvija v interv'ju: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The controlling strategies of dialogic interaction in the interview. Abstract of thesis]. Omsk, 2007. 23 p. (In Russ.).

11. Romanov, A.A. Kommunikativnoe rassoglasovanie kak raznovidnost' pragmatičeskogo neponimanija v dialoge [Communicative discrepancy as a kind of pragmatic misunderstanding in the dialogue]. *Ponimanie i refleksija* [Consideration and reflection]. Tver', Tver' St. University Publ., 1992, part 1, pp. 44–48. (In Russ.).

12. Formanovskaja, N.I. *Rechevoe obsčenie: kommunikativno-pragmatičeskij podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 2002. 2016 p. (In Russ.).

13. Hinnenkamp, V. *Mißverständnisse in Gesprächen: Eine empirische Untersuchung im Rahmen der Interpretativen Soziolinguistik : Leseproben aus der Monographie*. Opladen, Wiesbaden, 1998. 333 p. (In Germ.).

Sources

14. *SM* – TV-Talkerin Sandra Maischberger im Interview. – Electronic text data. – Available at: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tv-talkerin-im-interview-sandra-maischberger_id_4813934.html, accessed 23.10.2018. (In German).

15. *KH* – Chansonnier Klaus Hoffmann stellt sich existenzielle Fragen. – Electronic text data. – Available at: <https://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/1317/1603-wojo-interview-hoffmann>, accessed 23.10.2018. (In German).

16. *FHD* – Florian Henckel von Donnersmarck im Interview. – Electronic text data. – Available at: http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/interview/tid-20742/florian-henckel-von-donnersmarck-wozu-falsche-bescheidenheit_aid_581625.html, accessed 30.10.2018. (In German).

17. *LN* – Schauspieler Liam Neeson im Interview. – Electronic text data. – Available at: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-25477/schauspieler-liam-neeson-im-interview-ich-bin-zwar-nicht-schoen-aber-hoellisch-attraktiv_aid_735912.html, accessed 05.11.2018. (In German).

18. *NT* – Nora Tschirner im Interview. – Electronic text data. – Available at: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-30288/interview-mit-nora-tschirner-wenn-kein-sex-vorkommt-lass-ich-mich-doubeln_aid_947913.html, accessed 23.10.2018. (In German).

КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ НА ШКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ЯЗЫК-ОБЩЕСТВО-КУЛЬТУРА

С. М. Калинин, З. И. Комарова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Статья посвящена генезису категории темпоральности на шкале исторического времени, выявленному через анализ логико-философских и лингвистических воззрений на данную категорию. Рассмотрены концепции, которые находятся на «пиках» исторического времени. В статье обоснована перспективность изучения категории темпоральности в функционально-семиологическом аспекте, на базе когнитивной пропозициональной модели, которая синтезирует лексическую и грамматическую концептуализацию и категоризацию мира.

Ключевые слова: категория темпоральности; когнитивно-дискурсивная парадигма; функционально-семиологический подход; пропозициональная модель.

Разработка данной проблемы является важнейшим аспектом в исследовании вопроса о соотношении языка и мышления, поиски ответа на который ведутся учеными уже много столетий, начиная с трактата Аристотеля «Категории» [3]. Однако парадокс заключается в том, что, несмотря на длительную традицию изучения и огромную, практически необозримую литературу вопроса, эти глобальные межнаучные проблемы и сейчас далеки от решения [15. С. 78—82].

Наше обращение к категории темпоральности определяется следующими основными факторами:

- значимостью категорий как основного формата знания [20. С. 117; 7. С. 29; 23];
- необходимостью и возможностью категории времени передавать универсальные транскультурные знания, которые одновременно национально, культурно, и субъективно детерминированы [11. С. 8];
- универсальным характером бытийных категорий пространства и времени, которые относятся к числу центральных в системе базисных представлений человека о мироустройстве Универсума: пространство «как априорное условие существования внешнего мира» и время «как априорная форма организации внутреннего мира человека» [19. С. 58]; и соотношением времени и среды: «время — это та среда, в которую обыденное сознание «помещает» вещи и сознание» [34. С. 15].

Исходя из этого, *цель данной статьи* состоит в том, чтобы раскрыть генезис категории темпоральности на шкале исторического времени с учетом социокультурной специфики общества.

Решение заявленной крупной междисциплинарной проблемы базируется на *четырёх основных методологических установках*: 1) системно-деятельностном подходе к языку, предполагающем применение принципов системологии и синергетики; 2) социокультурной детерминированности науки и научной деятельности; 3) концептуального синтеза разного предметного знания и 4) интеграции антропоцентризма и системцентризма.

Отметим, что статья структурируется в соответствии с основными этапами периодизации истории науки и философии. Поскольку «*вопрос о периодизации истории науки и философии и ее критериях по сей день является дискуссионным и активно обсуждается в отечественной и зарубежной науке*» [27. С. 78], поэтому мы опирались на культурно-исторические типы науки [30. С. 44—47] и периодизацию истории и философии науки [Там же: 30—32], что социокультурно детерминировано.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Категория времени в античной философии (VI в. до н. э. — III в. н. э.)

Несмотря на то, что первые попытки рассмотрения парадоксов времени существовали еще во времена досократиков, а первая их формулировка принадлежит Зенону Элейскому [12], вернее всего начать описание концепций, объясняющих феномен темпоральности, со времени Античной Греции, и в частности, с выявления таких выдающихся древнегреческих мыслителей, как Платон и Аристотель, с именами которых связано возникновение первых по-настоящему самобытных

и достаточно разработанных теорий, объясняющих данный феномен, потому что данный период обозначен в истории науки как «высокий интеллектуализм» [17. С. 209].

1.1. Концепция времени, разработанная *Платоном* (427—347 г. до н. э.), в целом соответствует его теории об *эйдосах* (идеях) как первоначальных прообразах всего сущего. По Платону, феномен времени следует рассматривать в рамках деления всего сущего на *бытие* и *становление* [12]. Первое существует вечно, а, следовательно, *бесвременно* и недоступно человеческому познанию. Второе является образом вечности, находящимся в постоянном *движении* и *становлении*, связано со временем и доступно человеку.

1.2. Одним из ключевых вопросов, которым задается *Аристотель* (384—322 г. до н. э.) в рамках своего размышления над данной категорией, является вопрос о соотношении *души* и *времени*: «*Может возникнуть сомнение: будет ли в отсутствие души существовать время или нет?*» [2. С. 223].

В данном высказывании Аристотель поставил проблемный вопрос о сущности времени, с которым столкнулся сам философ, когда пытался определить принадлежность феномена времени либо к *сознанию человека*, либо к *внешней объективной реальности*. Эта выявленное философом противоречие не потеряет своей актуальности в спорах философов и ученых еще спустя долгое время после смерти Аристотеля и является, таким образом, *важным в рамках рассмотрения данной проблемы*.

В целом можно отметить, что для античности характерна *онтологически-гносеологическая* трактовка феномена времени. В соответствии с основными концептами этой эпохи *время* было принято связывать с *существованием*, т. е. с вечно изменяющейся *субстанцией*, а также с *душой человека*, в чем проявилась двойственность в понимании времени.

2. Категория времени в средневековой философии и эпохе Возрождения (IV—XVI века)

Следующий этап в рассмотрении феномена времени относится к Средневековью. В плане рассмотрения категории времени данный этап характеризуется отходом от традиционного для античности приписывания феномену времени космической природы и выявлением новых аспектов данного феномена: *психологического* и *исторического* Время

все чаще ассоциируется с *душой* и на первый план выходит связь времени с *памятью*.

2.1. *Августин* (354—430 гг.) в работе «*Исповедь*» (М., 1991) развивает идею Платона о взаимосвязи души и времени и выделяет три модуса времени: *память*, *созерцание* и *ожидание*: «*Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это **память**; настоящее настоящего — его **непосредственное созерцание**; настоящее будущего — его **ожидание***». Все три модуса удерживаются человеческим сознанием и не могут существовать вне него.

Более поздней схоластике менее свойственны психологичность и историчность в рассмотрении феномена времени. Усилилась *телеологичность*, поскольку основополагающим концептом является Бог [17. С. 219]. В рамках данного этапа время было принято рассматривать *логико-онтологически*.

2.2. Вся философия эпохи Ренессанса (Николай Кузанский, Леонардо да Винчи, Николо Макиавелли, Мишель де Монтень и др.) имеет *антропологический характер*, т. к. основной проблемой становится сам человек, а потому развитие концепции времени обусловливается возрождением неоплатонизма, аристотелизма, эпикуреизма и скептицизма [27. С. 117; 17. С. 223]. Но при этом гуманизм эпохи Возрождения роднит ее не столько с античностью, сколько с Новым временем, поэтому эпоху Возрождения очень часто считают начальным этапом Нового времени [17. С. 219].

3. Категория времени в философии Нового времени (XVII — XIX века): классический этап

В условиях западной культуры произошла научная революция XVII века, заключающаяся в радикальной смене основных компонентов содержательной структуры науки [27. С. 70—75] и определившая лицо новой цивилизации — *техногенной*.

3.1. Понятие *длительности* является одним из ключевых в исследованиях мыслителей данной эпохи, представителей классической механики. Особенно примечательно в этом отношении учение *Исаака Ньютона* (1643—1727) об *абсолютном* и *относительном времени*.

При этом И. Ньютон подчеркивал, что движение атомов и тел представляется как их *перемещение в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени*, что составляет основу механи-

стической картины мира, классической механики и математики, центральным понятием которых стало *время* [41. С. 58].

Время И. Ньютон определяет как *длительность, протекающую равномерно, безотносительно к чему-либо внешнему* и выявляет восемь свойств *абсолютного истинного (математического) времени*. Вот список этих свойств: 1) время существует само по себе, и ничем не определено; 2) ход времени подчиняет себе все физические явления и тела, которые не влияют на него; 3) ход времени везде и всегда одинаков (с психологическим временем это правило не работает); 4) ход времени одинаков и равномерен в прошлом, настоящем и будущем; 5) время неограниченно простирается от настоящего назад в прошлое и вперед в будущее; 6) время обладает одним измерением; 7) промежутки времени отмеряются, складываются и вычитаются как отрезки евклидовой прямой; 8) существует связь времени и пространства [41. С. 59—60].

3.2. В этот период особое значение приобретает противопоставление *субстанциональной концепции* времени И. Ньютона и *реляционной концепции Готфрида Вильгельма Лейбница* (1646—1716), который не считал пространство и время самостоятельными субстанциями. Время, по ГВ. Лейбницу, «*есть форма отношений между явлениями*» [18. С. 232].

3.3. При обсуждении различных концепций времени невозможно не остановиться на концепции *Иммануила Канта* (1724—1804), мыслителя, чьи идеи оказали глубочайшее влияние на философов и ученых, живших позже.

В процессе создания своей теории *априорного времени* И. Кант ставил под сомнение *эмпирико-психологическую* трактовку феномена времени, разрабатываемую такими учеными, как Дж. Локк, Дж. Беркли и Д. Юм. Таким образом, Кант отрицал тот факт, что идея времени, как и все идеи вообще, возникает из чувственного опыта. В данном случае созерцания — это наблюдения за последовательно сменяющимися состояниями: «*Дело в том, что я не понимаю, что обозначает слово **после**, если ему уже не предшествует понятие времени. Ведь происходящее одно **после** другого есть то, что существует в разное время, так же как существовать **совместно** — значит существовать в одно и то же время*» [20. С. 372].

Также Кант отвергал и ньютоновско-онтологическое обоснование категории времени: «*Время не есть что-то объективное и реальное: оно не субстанция, не акциденция, не отношение,*

а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону...» [Там же: 372].

Подводя итоги данного периода, следует отметить, что, во-первых, на базе основной научной концепции (*субстанциональной концепции времени И. Ньютона*, противопоставленной *реляционной концепции Г.В. Лейбница*), сформировалась сложная концепция, обогащенная идеей *априорной природы времени* И. Канта; во-вторых, при актуализации античной, прежде всего, аристотелевской, традиции осмысления времени была создана *классическая теория темпоральности*.

4. Категория времени в философии: неклассический этап (начало XX в. до 70-х годов XX века)

Ряд научных революций и кризис классической науки и философии обусловил переход к новому этапу — *неклассической науке и философии*, начавшийся с третьей научной революции, которая охватывает период с конца XIX века до середины XX.

4.1. Одним из ключевых философов этого периода, без которого обсуждение концепций философии XX века было бы неполным, является *Эдмунд Гуссерль* (1859—1938). Уделив внимание психологическому аспекту концепции времени, Гуссерль разработал свою уникальную теорию времени.

Согласно данной теории, время может быть разделено на две большие категории: *объективное* и *имманентное*. Данные категории описывают три возможных временных протекания: *трансцендентное объективное время, имманентное время длительности временного объекта и имманентное время самого потока восприятия*.

Предметом феноменологического анализа может стать только имманентное время. Э. Гуссерль в своих рассуждениях довольно стандартно делит линию времени на три отрезка: точка «*теперь*» — первоначальная импрессия, прошлое, которое воспринимается как ретенциональное сознание, как удержание в рамках трансцендентального сознания, истекших моментов «теперь», и будущее, которое представляет собой потенцию или предвосхищение. Отличительная особенность данной теории состоит в том, что в каждый конкретный момент «теперь» присутствуют ретенциальные моменты происходящего в данный момент события.

4.2. Такой позиции придерживаются и другие философы. Так, *Морис Мерло-Понти* (1908—1961)

считает, что время — это не объект нашего знания, но измерение нашего бытия, «*операционный феномен бытия человека*» [Мерло-Понти 1999].

Адри Бергсон (1859—1941) как философ-интуист полагал, что наука брэнности бытия противопоставляет *опространственно-временные формы*, а потому он различал *абстрактное измеренное время часов* и *подлинное время* как творческую текущую *длительность*, связанную со свободой воли человека.

В подобном ключе рассматривает время Бертран Рассел (1872—1970), который в работе «*История западной философии*» (Новосибирск 2001), под *объективным временем* понимал время историческое и время физическое, а под *субъективным* — *перцептуальное в восприятии человека и концептуальное*, определяющее наш взгляд на мир.

Ганс Рейхенбах (1891—1953) в работах «*Направление времени*» (М., 1962) и «*Философия пространства и времени*» (1985) дает развернутую характеристику времени с позиций человека, в которой акцентируется, что 1) движение времени идет от прошлого к будущему через настоящее; 2) человек не может изменять прошлое, которое детерминировано, но может изменять будущее, т. к. оно не фиксировано и 3) время имеет мета-моментную структуру.

Таким образом, *антропоцентричность времени* составляет два фокуса внимания, которые реализуются одновременно: *время — субъект* (как сущность бытия человека в мире) и *время — объект* (как объект интерпретации мира человеком), т. е. имеет двойственную *субъектно-объектную природу*.

Резюмируя, подчеркнем характерные особенности этого периода: 1) множественность понимания времени; 2) его объективно-субъективную природу и 3) антропоцентричность концепции времени и темпорологичность человека.

5. Категория темпоральности и язык

Анализ философской категории темпоральности на первом этапе позволяет выявить *обобщенное (т. е. концептуализированное, категориальное)* знание об этой категории. На данный момент обоснована многомерная и многофокусная, объективно-субъективная и антропоцентрическая природа категории темпоральности, являющаяся операциональным метаконцептом, с помощью которого осмысливается сущность бытия человека в мире как *темпорологического*, само бытие и одновременно способ интерпретации мира человеком, *объекти-*

вированные в языке. На этом этапе были выявлены и описаны *категориальные свойства* разных форм времени, *представленные в языках*.

Исходя из этого, к описанным формам *нефизического времени* относим и *лингвистическое время*, которое не акцентировано в научной литературе по философии и науковедению и намечается лишь в лингвистике XX в., в том числе в когнитивной лингвистике (О. В. Агрова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Кравченко, В. Б. Гошилик).

Переходим ко второму этапу характеристики категории темпоральности с позиции конкретных наук (субнаук), в нашем случае — *с лингвистической позиции*.

5.1. На втором, лингвистическом этапе разработки проблемы категория и язык — первый «пик» связан с работой *Отто Эсперсена* (1860—1943) «*Философия грамматики*» (1928), в которой он вводит в научный оборот терминованное понятие «*понятийные категории*» как внеязыковые, которые являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко выражаются в этих языках «*ясным и недвусмысленным образом*» [13. С. 57—58]. При этом, не исключая традиционного подхода к изучению языков — от формы к содержанию (семасиологического), Эсперсен, как и его современники (Ф. Брюно, Г. Пауль и т. д.), считает важным метод исследования языков с внутренней стороны, изнутри, идя от содержания к форме — ономасиологический подход, который позже Е. С. Кубрякова назовет «*предкогнитивным*».

5.2. Второй «пик» связан с трудами академика *Ивана Ивановича Мещанинова* (1883—1967), который в работе «*Понятийные категории в языке*» (1945) и ряде других работ усилил роль понятийных категорий как «*мыслительного субстрата языков*», что осознал уже В. Гумбольдт, а различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер и касаются в основном *формы экспликации содержания*, в то время как такие понятия, как *предметность* и *действие, субъект, предмет, атрибуты* с их *модальными оттенками* и т. д. оказываются общими для всех языков.

Взаимодействие понятийных и языковых категорий через «*понятийные пункты*» — семантические категории в концепции И. И. Мещанинова/Э. Бенвениста дают возможность методологического вывода о том, что сложность описания языковых категорий состоит в том, что, опираясь на понятийные категории, являющиеся по сути своей *семантическими*, а значит подлежащими компетенции

лингвистов, они имеют различное содержание: логико-философское, психологическое и различные типы языкового в синкретизме.

5.3. Этот вывод подкрепляется и на третьем «пике», который для нашего исследования связан с трудами Соломона Давыдовича Кацнельсона (1907—1985). Эту проблему С. Д. Кацнельсон разрабатывает применительно к трем основным направлениям лингвистических исследований: общая грамматика и теория частей речи; типологическое сопоставление языков и проблема порождения высказывания и речемыслительные процессы.

С. Д. Кацнельсон предлагает термин пропозиция — исходная структура порождения речи, которая является основным, базисным понятием процесса речепорождения. Она понимается в качестве некоего мыслительного содержания, выражающего определённое «положение дел», событие, состояние как отношение между логически равноправными объектами [21. С. 135]. В составе пропозиции выделяются носители отношения и связывающий их реляционный предикат. При этом каждый из членов пропозиции сам по себе не является ни подлежащими, ни сказуемым, ни дополнением или каким-либо другим членом предложения, а в составе возникших на основе пропозиции предложений может оказаться в любой из таких синтаксических функций [Там же: 108].

5.4. Интересной представляется в плане рассматриваемой нами проблемы концепция Александра Владимировича Бондарко (р. 1930) — четвертый «пик». Он считает необходимым различать собственно понятийные ментальные категории и двусторонние языковые единства типа установленных им функционально-семантических полей (ФСП). ФСП — это группировки разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общностей их *семантических функций* и выражающих вариант определенной *семантической категории*.

Так, поле *темпоральности*, грамматическим центром которого является *категория глагольного времени*, охватывает и другие компоненты.

При этом понятие ФСП соотносится с понятием *категориальной ситуации*, трактуемой как один из аспектов «общей ситуации», передаваемой высказыванием, одна из его категориальных характеристик, например, аспектуальная (*Убеждал, да не убедил*); таксисные: «длительность-наступление факта» или «предшествование-следование» и т. п.; ситуации бытийные (*На свете существует справедливость*); посессивные (*У них есть всл*) и т. д. [8].

На этой базе начали складываться методики изучения категорий, прошедшие три основных этапа: структурный (по типу оппозиций); функциональный (полевой), подготовившие когнитивный (прототипический) [29; 28. С. 140—145; 7. С. 37]. Данные этапы получили свою интерпретацию в ряде работ [24. С. 372—473].

5.5. *Пятый «пик»* относится к периоду постнеклассической науки и философии постиндустриального информационного общества [25; 26] и покоится на синтезе двух ведущих парадигм современной полипарадигмальной лингвистики: коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной, поскольку мы базируемся на «коммуникативно-прагматических моделях языка, обогащенных идеями когнитивизма» [24. С. 460]. При этом господствующей для нас является отечественная (когнитивно-семантическая и функционально-когнитивная) версия Елены Самойловой Кубряковой (1927—2013), принятая в современной русистике [Парадигмы научного знания в лингвистике 2006: 40—48].

В целом же этот когнитивный подход, характеризующийся новым взглядом на *категории*, обусловлен пересмотром ментальной деятельности человека Джорджем Лакоффом (р. 1941), который предложил взамен логических классификаций новую форму структурирования — *категоризацию*, принятую и в русистике [28; 7], поскольку именно в основе категоризации лежит действие общих для всех людей когнитивных механизмов, которые проявляются в виде определенных *идеализированных когнитивных моделей* (ИКМ) четырех основных типов: 1) пропозициональные модели; 2) схематические модели; 3) метафорические модели и 4) метонимические модели [29. С. 12—51].

Мы избираем *пропозициональную* ИКМ, потому что, по мнению Дж. Лакоффа, *большая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей* [Там же].

Пропозициональная ИКМ — это такая когнитивная модель, которая строится на базе п р о п о з и ц и и, т. е. это сложный (комплексный и динамический) конструкт, образуемый базовым предикатом и его аргументами, в котором не используются механизмы воображения человека, т. е. метафора, метонимия или ментальная образность. Иначе говоря, это *первичные, глубинные механизмы* человека, напрямую связанные с пространственно-временным бытием человека, которое является *событийным*; т. к. историческое время человека — *событийно* [1. С. 60].

Николай Николаевич Болдырев (р. 1955) (почетный президент Российской ассоциации лингвистов-когнитологов) *первичность*, а потому *базовость* пропозициональной ИКМ объясняет так: **«Пропозициональная структура, или пропозиция — наиболее распространённый способ концептуальной организации нашего знания. Она представляет собой модель события как определенной области нашего опыта, в которой вычлняются элементы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, — даются их характеристики, указываются связи между ними. Семантические отношения между аргументами представляются в виде определенных семантических функций: агенс, пациенс, экспериенцер, бенефактив, инструмент и т. д. Данные концепты имеют объективный, логический характер, поскольку передают те или иные сущности с их свойствами и реально существующими отношениями. Осознавая собственный опыт событий в терминах пропозиции, человек как бы намекает на его определенную концептуальную структуру — модель в виде базового предиката и его аргументов»** [6. С. 54].

«Только пропозиция фиксирует важнейшие составные части события именно так, как их «рисует» себе языковое сознание», — отмечает Н. Н. Болдырев [Там же: 144], опираясь на мнение Уоллеса Чейфа (р. 1927) [40. С. 237].

Все это дает основание полагать, что в когнитивной лингвистике **пропозиция** имеет более широкое понимание как «отражающая некие онтологические отношения между предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека» [28. С. 138]. Пропозиция «формируется в концептосфере говорящего человека» [36. С. 82; 33. С. 11].

Потому следует исходить в изучении категории темпоральности из лингвокогнитивного понимания пропозиции как «единицы хранения знаний, а система пропозиций — способ моделирования цельной картины мира в этнокультурном сознании человека» [1. С. 55] для «вербального получения, хранения и передачи информации» [Там же: 61].

Таким образом, пропозициональная ИКМ позволяет выстроить следующую последовательность кодирования (фиксации и осмысления) в нашем обыденном языковом сознании познаваемой действительности: *реалия*→*факт*→*событие*→*пропозиция*→*семантические сети*→*картина мира*→*семантическое пространство языка* [1. С. 61]. Исходя из этого

можно дать ответ на вопрос: *как языки конструируют время?* [10. С. 199]

Анализ научной литературы по категории темпоральности свидетельствует о значительном интересе к проблеме: «*Время является ключевым объектом исследования во многих научных направлениях*» [11. С. 82].

Раскрывая особенности темпоральной интерпретации мира в английском и русском языках, О. В. Бронникова, описывает степень разработанности научной проблемы времени и выделяет более десяти направлений: *тематические концепты времени, концептуальные метафоры, способы упорядочения темпоральной лексики, лингвокультурологические особенности концептов; связь времени и пространства и др.* [11. С. 4—6; 82—84] В своем исследовании как О. В. Бронникова выделяет лексические и грамматические средства экспликации времени через метафорические и метонимические модели. Роль пропозициональной модели приводится в самом общем плане: «*реализует особенности интерпретации событийности*» [11. С. 216], которая «*национально и социокультурно окрашена*» [Там же: 212].

Полагаем, что это не случайно. В очень интересной работе «*Взгляд на русский язык XXI века сквозь призму когнитивной лингвистики*» Т. В. Белошапкина ставит вопрос об изменениях в «*архитектуре когниции*», которые заключаются в *перераспределении механизмов, обеспечивающих осуществление когнитивных функций*» [5. С. 370]: если в дискурсе XIX века использовались *пропозициональная и образно-схематическая ИКМ, то в XX и XXI веках господствуют метафорические/метонимические и образно-схематичные ИКМ* [Там же: 369], что, по мнению автора, объясняется воздействием на обыденное языковое сознание людей современного общества так называемого «клипового» сознания, «*где все, как в рекламе, передается посредством видеоряда*» [Там же: 370].

Для анализа категории темпоральности считаем продуктивным и перспективным принятый в научной школе Н. Н. Болдырева *функционально-семиологический подход*, использование которого позволяет выявить, какие концептуальные характеристики лежат в основе формирования конкретного смысла высказывания и за счет каких языковых механизмов это обеспечивается [6. С. 199].

В основе этого подхода лежит *функциональная категоризация* — это многофакторный процесс,

в рамках которого обеспечивается взаимодействие лексики и грамматики (лексикализованная грамматика), лексической и грамматической категоризации, взаимодействие когнитивной семантики и семантического синтаксиса, языковых и неязыковых знаний [6. С. 197—198], «схваченных знаком», т. е. с позиции «семиотизированного внутреннего мира познающего человека» [32. С. 400].

А поскольку границы (объем) и семантическая глубина (уровень погружения в действительность), а значит, и *динамический характер* смыслового содержания пропозиции детерминирована *глагольным предикатом* [22. С. 458; 1. С. 60], то в нашем исследовании категории темпоральности необходимо учитывать уникальность «*процессуально-событийно-временной сущности*» семантики глагола, выявленной проблемной группой «Русский глагол» [Русская глагольная лексика 1997: 73].

Наконец, глубинная связь глагола и имени в пропозиции через детерминированность глаголом-предикатом именных актантов требует включения в нашу концепцию «ролевой, или *падежной грамматики*» (У. Филлмор, У. Л. Чейф, Л. Теньер, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова, Ю. А. Левицкий, М. В. Никитин, А. А. Уфимцева), которая была «одной из «горячих точек» современной лингвистики» [Лингвистика на исходе XX века 1995: 127] и вызвала ренессанс «падежной грамматики» и в третьем тысячелетии.

Заключение

1. Из шести тысяч лет исторического, «*ноосферного*» (по В. И. Вернадскому) времени познающий и говорящий Человек как минимум 27 столетий занимается изучением *суперкатегории темпоральности*. Нами выявлены и описаны основные концепции, находящиеся «на пиках» исторического времени.

2. Генезис категории темпоральности (на первом этапе исследования) в *логико-философском аспекте* позволил выявить обобщенное (*концептуализированное*) знание этой категории. На данный момент обоснована многомерная и многофокусная, объективно-субъективная, абсолютная и относительная, а также антропоцентрическая природа категории темпоральности, являющаяся *операциональным метаконцептом*, с помощью которого осмысливается сущность бытия человека в мире как *темпорологического*, само бытие и одновременно способ интерпретации мира человеком, объективированные в языках, где язык является «домом бытия».

3. Анализ понимания категории темпоральности (на втором этапе) в аспекте субнаук, а конкретно *лингвистики* доказывает *многовекторность* и *многослойность*; *сверхмногозначность* и *сверхмноголикость суперкатегории языкового времени* (типы, формы, образы, лики и «маски» времени по определению М. М. Бахтина) с позиций Человека по определению Тейяра де Шардена, поэтому к двум моделям видения мира «сквозь время»: *лексической* и *грамматической* - добавляется акцентированная *модусная (интерпретирующая)* система знания о мире (*мнения, оценки, ценности, стереотипы*) в рамках индивидуальной и национальной *концептуальной системы человека*, в которой время осознается центральным понятием нашей культуры — *социокультурным феноменом*.

4. *Диалектика* (Г. В. Гегель — К. Маркс/Ф. Энгельс — А. Эйнштейн — С. Хакен), которая в наши дни формулируется как принцип *взаимодействия сверхабсолютной всеобщности*, как *меры все-связанности и все-направленности* (по А. П. Горбунову), а также теория *визуализации абстракций* позволяет выдвинуть гипотезу о *двойственной роли* суперкатегории темпоральности (в широком ее понимании). С одной стороны, она выполняет систематизирующую роль для других языковых категорий на этапе *созерцания* (И. Кант). С другой стороны, она выполняет структурирующую (партиитивную) функцию в формировании глубинной «скрытой» категории *имя-глагол* (Платон, Аристотель, К. С. Аксаков, М. В. Ломоносов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Б. А. Успенский Вяч. Вс. Иванов и др.).

5. Анализ научной литературы по проблеме свидетельствует о постоянном, неизбывном, возрастающем интересе лингвистов к исследованию *темпоральности*, что обуславливает актуальность нашего подхода к изучению этой категории в *функционально-семиологическом аспекте на базе пропозициональной когнитивной модели*.

6. Анализ категории темпоральности на шкале исторического времени позволяет утверждать, что эвристический потенциал *суперкатегории темпоральности* практически неисчерпаем, поэтому *перспективность дальнейших изысканий* по этой проблеме непреходяща, поскольку *сквозь ее призму* осуществляется «конструирование» Универсума через языковое существование Человека.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. — М., 2009. — 344 с.
2. Аристотель. Физика. Сочинения в 4-х томах / Аристотель. — Т 3. — М., 1976. — 613 с.
3. Аристотель. Категории / Аристотель. — М., 2002. — 71 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М., 1999. — 896 с.
5. Белошапкина, Т. В. Взгляд на русский язык XXI века сквозь призму когнитивной лингвистики / Т. В. Белошапкина // Когнитивные исследования в языке. — 2014. — Вып. XVIII. — С. 368—370.
6. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. — Тамбов, 2014. — 236 с.
7. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Болдырев Н. Н. // Когнитивные исследования языка. — 2009. — Вып. IV. — С. 25—77.
8. Бондарко, А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность / А. В. Бондарко. — СПб., 2003. - С. 34—87.
9. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко. — Л., 1987. — 340 с.
10. Бородини, Л. Как языки конструируют время / Л. Бородини // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. — М., 2015. — С. 199—215.
11. Бронникова, О. В. Особенности темпоральной интерпретации мира в английском и русском языках (на материале данных национальных корпусов) / О. В. Бронникова: дис. ... канд. филол наук: 10.02.20. — Тюмень, 2017. — 329 с.
12. Гайденко, П. П. Категория времени / Гайденко П. П. // Философская энциклопедия: в 4 т — М., 2010. — 2806 с.
13. Есперсен, О. Философия грамматики / пер. с англ / О. Есперсен. — М., 2006. — 408 с.
14. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — М., 2011. 440 с.
15. Иванов, Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 208 с.
16. Какзанова, Е. М. Современная языковая ситуация и современная языковая политика / Е. М. Какзанова, З. И. Комарова // *Kommunikacji Specjalistycznej*. — Варшава, 2017 — № 13/2017. — С. 79—92.
17. Канке, В. А. Философия для технических специальностей / В. А. Канке. — М., 2010. — 395 с.
18. Канке, В. А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь / В. А. Канке. — М., 2008. — 128 с.
19. Кант, И. Сочинения в 6 томах. Т. 2—3 / И. Кант. — М., 1964. — 510с и 799 с.
20. Кант, И. Критика чистого разума / Кант И. — СПб., 1993—477 с.
21. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышление: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон С. Д. — М., 2001. — 864 с.
22. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. — Л., 1986. — 320 с.
23. Комарова, З. И. Категория как формат знания в когнитивной лингвистике, когнитивном терминоведении и философии науки: история и современность / З. И. Комарова, А. С. Дедюхина // *Термінологічний вісник*. — 2011. — С. 28—46.
24. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З. И. Комарова. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2013. — 820 с.
25. Комарова, З. И. Философия лингвистического познания и образования: к постановке проблемы / З. И. Комарова // *Политическая лингвистика*. — Екатеринбург, 2017а. — Вып. 6 (65). — С. 24—37
26. Комарова, З. И. Информационные вызовы современного общества: лингвотерминоведческие и терминографические процессы / Комарова З. И. // *Политическая лингвистика*. — 2017б — Вып. 5(65). — С. 12—34.
27. Кохановский, В.П. и др. Основы философии науки / В. П. Кохановский. — Ростов, 2008. — 603 с.
28. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996. — 197 с.
29. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // *Новое в зарубежной лингвистике*. — Вып. XXIII. — М., 1988. — С 12—51.

30. Лебедев, С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории) / С. А. Лебедев. — М., 2008. — 692 с.
31. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — 685 с.
32. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб., 2000. — 435 с.
33. Маслова, В. А. Homo linguales в культуре / В. А. Маслова. — М., 2007. — 320 с.
34. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. — СПб., 2003. — 277 с.
35. Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М., — Т. 1. — 744 с.
36. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И.А Стернин. — М., 2007. — 314 с.
37. Режабек, Е. Я. Культурные границы языкового сознания: о вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры / Е. Я. Режабек // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 3 (009). — С. 28—42.
38. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. — Екатеринбург, 1997. — 520 с.
39. Философский энциклопедический словарь. — М., 1999. — 576 с.
40. Чейф, У. Л. Значение и структура языка/пер. с англ / Чейф У. Л. — М., 1975. — 432 с.
41. Чернин, А. Д. Физика времени / Чернин А. Д. // Вып. 59. — М., 1987. — 224 с.

Сведения об авторах

Комарова Зоя Ивановна — доктор филологических наук, профессор; кафедра иностранных языков; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: zikomarova@bk.ru

Калинин Сергей Михайлович — аспирант; кафедра иностранных языков; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: kalimer@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 89—99.

TEMPORALITY CATEGORY ON THE SCALE OF HISTORICAL TIME: LANGUAGE-SOCIETY-CULTURE

S.M. Kalinin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. kalimer@yandex.ru,

Z.I. Komarova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. zikomarova@bk.ru

The article is devoted to the genesis of the category of temporality on the scale of historical time, revealed through the analysis of logical, philosophical and linguistic views on this category on the basis of the sociocultural specifics of socio-political formation and its mode of constructing time. The analysis showed that the question of the essence of this category was the subject of attention of researchers for more than 27 centuries and conditioned the existence of a huge number of different concepts. Only those who are on the “peaks” of historical time are considered. The article proves the prospects and productivity of studying the category of temporality in a functional-semiological aspect on the basis of a cognitive propositional model that synthesizes the lexical and grammatical (morphological and syntactic) conceptualization and categorization of the world.

Keywords: *temporality category; cognitive-discursive paradigm; functional-semiological approach; propositional model.*

References

1. Alefirenko, N.F. «Zhivoye» slovo. Problemy funktsionalnoy leksikologii: monografiya [Problems of functional lexicology: monograph]. – M., 2009. 344 p. (In Russ.).
2. Aristotel. Fizika. Sochineniya v 4-kh tomakh [Physics. Works in 4 volumes]. T 3. M., 1976. 613 p. (In Russ.).
3. Aristotel. Kategorii [Categories]. – M., 2002. 71 p. (In Russ.).
4. Arutyunova, N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and human world]. – M., 1999. 896 p. (In Russ.).
5. Beloshapkova, T.V. Vzgl'yad na russkiy yazyk XXI veka skvoz prizmu kognitivnoy lingvistiki // Kognitivnyye issledovaniya v yazyke [A look at the Russian language of the XXI century through the prism of cognitive linguistics // Cognitive studies in language]. – Vyp. XVIII: Yazyk. poznaniye. kultura. – M.: IYa RAN. Tambov: TGU; Chelyabinsk, 2014, pp. 368-370. (In Russ.).
6. Boldyrev, N.N. Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. – Tambov, 2014. 236 p. (In Russ.).
7. Boldyrev, N.N. Kontseptualnaya osnova yazyka // Kognitivnyye issledovaniya yazyka [The conceptual basis of the language // Cognitive studies of the language] – Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kollektivnaya monografiya [Conceptualization of the world in language: a collective monograph]. – M., 2009, pp. 25-77. (In Russ.).
8. Bondarko, A.V. Invarianty i prototipy v sisteme funktsionalnoy grammatiki. Semanticheskaya invariantnost/variativnost [Invariants and prototypes in the system of functional grammar. Semantic invariance / variability]. – SPb., 2003, pp. 34-87. (In Russ.).
9. Bondarko, A.V. Teoriya funktsionalnoy grammatiki [Theory of functional grammar]. – L., 1987. 340 p. (In Russ.).
10. Boroditski, L. Kak yazyki konstruiruyut vremya // Yazyk i mysl. Sovremennaya kognitivnaya lingvistika [How languages construct time // Language and thought. Modern cognitive linguistics]. – M., 2015, pp. 199-215. (In Russ.).
11. Bronnikova, O.V. Osobennosti temporalnoy interpretatsii mira v angliyskom i russkom yazykakh (na materiale dannykh natsionalnykh korpusov) [Features of the temporal interpretation of the world in the English and Russian languages (on the material of data from national corps)]: diss...kand.filol. nauk: 10.02.20. – Tyumen. 2017. 329 p. (In Russ.).
12. Gaydenko, P.P. Kategoriya vremeni // Filosofskaya entsiklopediya v 4-kh tomakh [Category of time // Philosophical Encyclopedia in 4 volumes]. – M., 2010. 2806 p. (In Russ.).
13. Espersen, O. Filosofiya grammatiki / per. s angl [Philosophy of Grammar]. – M.: KomKniga. 2006. 408 p. (In Russ.).
14. Zolotova, G.A. Sintaksicheskiy slovar. Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa [Syntax dictionary. The repertoire of elementary units of Russian syntax]. – M., 2011. 440 p. (In Russ.).
15. Ivanov, Vyach. Vs. Lingvistika tretyego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu [Linguistics of the third millennium: Questions for the future]. – M., 2004. 208 p. (In Russ.).
16. Kakzanova, E.M., Komarova, Z.I. Sovremennaya yazykovaya situatsiya i sovremennaya yazykovaya politika // Kommunikatsii Spetsialistycznej [Modern language situation and modern language policy]. – Varshava. 2017a - №13/2017, pp. 79-92. (In Russ.).
17. Kanke, V.A. Filosofiya dlya tekhnicheskikh spetsialnostey: uchebnik [Philosophy for technical specialties]. – M., 2010. 395 p. (In Russ.).
18. Kanke, V.A. Filosofiya nauki: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar [Philosophy for technical specialties: textbook]. – M., 2008. 128 p. (In Russ.).
19. Kant, I. Kritika chistogo razuma [Criticism of reasoning]. – SPb., 1993. 477 p. (In Russ.).
20. Kant, I. Sochineniya v 6 tomakh [Collected works in 6 volumes.]. T. 2.3 – M., – 1964. 619 p. (In Russ.).
21. Katsnelson, S.D. Kategorii yazyka i myshleniye: Iz nauchnogo naslediya [Categories of language and thinking: From the scientific heritage]. – M., 2001. 864 p. (In Russ.).
22. Katsnelson, S.D. Obscheye i tipologicheskoye yazykoznanie [General and typological linguistics]. – L., 1986. 320 p. (In Russ.).
23. Komarova, Z.I., Dedyukhina, A.S. Kategoriya kak format znaniya v kognitivnoy lingvistike. kognitivnom terminovedenii i filosofii nauki: istoriya i sovremennost // Terminologichniy visnik [Category as a format of

knowledge in cognitive linguistics, cognitive terminology and philosophy of science: history and modernity // Terminological Bulletin]. – Kiyev, 2011. pp. 28-46. (In Russ.).

24. Komarova, Z.I. Metodologiya. metod. metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: uchebnoye posobiye [Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics: a training manual]. – 2-oye izd.. isp i dop. – M.: Flinta: Nauka. 2013. – (5-oye izd. 2017). 820 p. (In Russ.).

25. Komarova, Z.I. Filosofiya lingvisticheskogo poznaniya i obrazovaniya: k postanovke problemy// Politicheskaya lingvistika [The philosophy of linguistic knowledge and education: to the formulation of the problem // Political linguistics]. – Ekaterinburg. 2017a – Vyp. 6(65). pp. 24-37 (In Russ.).

26. Komarova, Z.I. Informatsionnyye vyzovy sovremennogo obshchestva: lingvoterminovedcheskiye i terminograficheskiye protsessy // Politicheskaya lingvistika [information challenges of modern society: linguistic terminology and terminographic processes // Political linguistics]. – Ekaterinburg. 2017b – Vyp. 5(65). –pp. 12-34. (In Russ.).

27. Kokhanovskiy, V.P. i dr. Osnovy filosofii nauki: uchebnoye posobiye dlya aspirantov [Fundamentals of the philosophy of science: a textbook for graduate students]. – Rostov, 2008. 603 p. (In Russ.).

28. Kratkiy slovar kognitivnykh terminov/pod obshch. Red. E.S. Kubryakovoy [A brief dictionary of cognitive terms / under Ed. E.S. Kubryakova]. – M., 1996. 197 p. (In Russ.).

29. Lakoff, Dzh. Myshleniye v zerkale klassifikatorov // Novoye v zarubezhnoy lingvistike [Thinking in the mirror of classifiers // New in foreign linguistics]. – Vyp. XXIII. – M., 1988. –pp. 12-51. (In Russ.).

30. Lebedev, S.A. Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnyye napravleniya. kontseptsii. kategorii) [The philosophy of science: a brief encyclopedia (main directions, concepts, categories)]. – M.: Akademicheskii proyekt. 2008. 692 p. (In Russ.).

31. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl.red. V.N. Yartseva [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., 1990. 685 p. (In Russ.).

32. Lotman, Yu.M. Semiosfera [Semisphere]. – SPb. 2000. 435 p. (In Russ.).

33. Maslova, V.A. Homo linguales v culture [Homo linguales in culture]. – M., 2007. 320 p. (In Russ.).

34. Nikitin, M.V. Osnovaniya kognitivnoy semantiki: uchebnoye posobiye [The foundations of cognitive semantics: a training manual]. – SPb, 2003. 277 p. (In Russ.).

35. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t [New philosophical encyclopedia: in 4 vol]. – M., – T 1. 744 p. (In Russ.).

36. Popova, Z.D. Sternin, I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. – M., 2007. 314 p. (In Russ.).

37. Rezhbek, E.Ya. Kulturnyye granitsy yazykovogo soznaniya: o vprisannosti grammaticheskikh kategoriy v evolyutsiyu kultury // Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Cultural boundaries of linguistic consciousness: on the integration of grammatical categories in the evolution of culture // Questions of cognitive linguistics]. – 2006. - №3 (009). pp. 28-42. (In Russ.).

38. Russkaya glagolnaya leksika: peresekayemost paradigm: Pamyati Ery Vasilyevny Kuznetsovoy [Russian verbal vocabulary: the intersection of paradigms: In memory of the era of Vasilievna Kuznetsova]. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta. 1997. 520 p. (In Russ.).

39. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar [Philosophical encyclopedic dictionary]. – M.,1999. 576 p. (In Russ.).

40. Cheyf, U.L. Znachenije i struktura yazyka/per. s angl [The value and structure of the language]. – M., 1975 (pereiz. 1982). 432 p. (In Russ.).

41. Chernin, A.D. Fizika vremeni // Seriya Bibliotekha «Kvant» [Physics of Time// Library series “Quant”]. Vyp. 59. – M., 1987. 224 p. (In Russ.).

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

М. В. Коновалова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается понятие и сущность когнитивной категории, изучаются общие и отличительные черты текстовых, функционально-семантических типов категорий, определяются когнитивные и языковые структуры, участвующие в построении медиадискурса. Выделяется когнитивная категория, дается определение, описываются когнитивные категории медиадискурса и языковые репрезентанты. При описании свойств когнитивной категории используется прототипический подход, изучается речевая ситуация и структура медиадискурса.

Ключевые слова: *категория, когнитивная категория, системный подход, прототипический подход, ситуация, медиатекст, медиадискурс.*

Мышление человека отличается когнитивной способностью к абстрактной классификации жизненного опыта, позволяющей справляться с огромным потоком информации об окружающем мире и категоризовать накопленный жизненный опыт в когнитивных единицах. В свою очередь, систематизированная концептуальная картина мира позволяет человеку осуществлять мыслительные операции, хранить и передавать знания другим в доступной и понятной форме.

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение категории: «любая группа смысловых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства, в строгом смысле это некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [ЛЭС. С. 215].

Таким образом, изучение смыслов и языковых значений, объединяемых в категории, предполагает системный и прототипический подходы, позволяющие исследователю моделировать различные категориальные типы, взяв за основу признак или прототип [10].

В современных лингвистических направлениях большое внимание уделяется изучению семантических, функционально-семантических, грамматических категорий, рассматриваемых в русле антропологической парадигмы филологических исследований, подразумевающей рассмотрение текста в качестве продукта речемыслительной деятельности человека [1; 2; 4; 5; 13 и др.]. С данной позиции любые смыслы, вербализованные в тек-

сте, могут стать текстообразующими категориями и способствовать продуцированию неограниченного количества сходных речевых произведений, поскольку участвуют в формировании смыслового единства текста. Такими категориями текста являются целостность, членимость, персональность, темпоральность, локативность, модальность и другие.

Способность текстовых категорий формировать концептуальное пространство текста сообщает им характер лингвистических универсалий, позволяющий трактовать их как некую «ступень абстрагирования его содержания, при которой вычлениются идеальные сущности, соотносимые с содержанием всех конкретных художественных текстов» [18. С. 6]. Более точные определения текстовых категорий даны С. Г. Ильенко и Т. В. Матвеевой, понимаемых как «специфические признаки речевого целого, отличающие это целое (текст) от других языковых явлений» [14. С. 364] или как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [15. С. 533].

Набор категорий, относимых к текстообразующим, варьируется в зависимости от уровня лингвистического анализа и подхода автора. Так И. Р. Гальперин выделяет десять текстовых категорий: информативность, членимость, когезия, пространственный континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция и завершенность [9]. Художественные тексты рассматриваются исследователями более подробно и обладают четырнадцатью категориями: цельность, связность, завершен-

ность, антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развернутость, последовательность, статичность, динамичность, напряженность, эстетичность, образность и интерпретируемость [17].

Подобное понимание категорий базируется на целостном представлении о тексте как о речевом произведении, однако некоторые типы категорий, семантические и грамматические, часто рассматриваются с позиции философского структурализма. Последняя точка зрения предполагает производность значимости отдельных знаков от системы оппозиций, что существенно сужает набор отличительных признаков, достаточных для распределения языковых значений по функционально-семантическим категориям.

Так грамматическая категория понимается А. А. Реформатским двояко, как совокупность грамматических явлений и однородных грамматических слов при различии форм [16]. Правда, неясным в данном определении остается языковая сущность понятия грамматического слова: грамматическое значение или грамматическая функция. С точки зрения философского структурализма таковым будет грамматическая функция формы слова, имеющего четкую парадигму словоизменения, с позиции теории прототипов — грамматическое значение, репрезентирующее некий набор сигнификативных признаков.

Подобное противоречие разрешается обращением к системному изучению языковой категоризации. Системный подход к изучению категоризации предполагает рассмотрение не только оппозиций и оппозитивных различий в системе естественной классификации, но и стратификации семантики, вариативности, межкатегориальных связей, а также структурных аспектов, воплощенных в схемах полевого строения категорий: центр — периферия — континуальность — частичные пересечения категорий [5. С. 299]. Необходимо подчеркнуть, что системный подход не исключает прототипического, поскольку структура категории может быть представлена в выделении прототипа языкового значения и его окружения.

При изучении категорий медиадискурса, являющегося результатом речемыслительной деятельности, воплощенном в медиатекстах, информирующих массового реципиента об общественно значимом событии, актуальным становятся и системный, и прототипический подходы [10]. Учитывая информативную функцию медиатекстов, основными дискурсивными категориями становятся ситуативные характеристики медиа-

дискурса, а также характеристики предполагаемого массового реципиента: категории языковой принадлежности реципиента, темпоральности, локативности, политической и экономической ситуации, виртуальности, творчества другие.

Перечисленные категории медиадискурса являются многоплановыми, репрезентированными на различных уровнях медиатекстов. Если обратиться к типологии текстовой информации И. Р. Гальперина, то преобладающей в медиатексте становится содержательно-концептуальная информация, раскрывающая содержательно-фактуальную информацию о репрезентируемом событии с авторским пониманием «причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа» [9. С. 28]. Данная репрезентация охватывает все уровни медиатекста и выражается в использовании глаголов и предикативов со значением информирования, выражения оценки и отношения: заявить, объявить, заметить, рассказать, сообщить и т. д. Например:

1. Капитан «Норда» рассказал, как ему удалось перейти границу (Вести)
2. «Какой позор для США»: В Сети *смеются* над венесуэльскими перебежчиками (Царьград)
3. Эксперт *объяснил* военные учения Венесуэлы угрозой вторжения США (Известия)
4. Гуайдо *осудил* попытки помешать доставке гуманитарной помощи в Венесуэлу (Голос Америки)
5. Россия *опровергла* просьбы о помощи от Венесуэлы (Lenta)

В приведенных примерах локативность и темпоральность выражаются в номинации места события: в Сети, в Венесуэле, венесуэльскими перебежчиками, от Венесуэлы и т. д., и через временную форму глаголов.

Таким образом, актуальными когнитивными категориями, репрезентирующими сведения о событии в медиадискурсе, являются языковая принадлежность, локативность, политическая и экономическая ситуация, виртуальность, а также категория массового реципиента, которую обязательно учитывает автор с целью достижения максимальной информативности медиатекста для конечного реципиента. Отличие когнитивной категории от семантической категории заключается в учете большего спектра сигнификативных значений, нежели предоставляет привычная система бинарных смысловых оппозиций, что так необходимо для более гибкой и полной репрезентации события различным целевым аудиториям.

Итак, когнитивная категория представляет собой объединение смыслов на основе некоторого признака или набора признаков, репрезентируемых вербальными или невербальными единицами. Когнитивная категория позволяет классифицировать жизненный опыт индивида и облекать его в языковую форму. Языковые единицы подразделяются на непересекающиеся классы, репрезентирующие общее свойство, признак или его значение. Рассмотрим когнитивные категории медиадискурса подробнее.

Как было упомянуто выше, в медиадискурсе репрезентированы несколько когнитивных категорий, принадлежащие коллективному сознанию реципиентов медиатекстов:

- этнос (культурно-историческая общность людей, определяющая языковую принадлежность);
- территория (пространство или локативность);
- время (исторический этап развития культурно-исторической общности);
- политическая и экономическая ситуация (уровень развития общества);
- творчество (виртуальное медиaprостранство);
- информационное пространство (медиаэмосис).

Этнос. Языковую принадлежность группы людей определяет когнитивная категория этнической обусловленности, культура исторически сложившейся общности, порождающая неограниченное количество смыслов и языковых репрезентантов. Любой смысл, значение возникают в контексте культуры, в совокупности концептуальных областей, существующих в картине мира реципиентов, принадлежащих к одной этнической группе. Языковые репрезентанты концептов также существуют в виде «концентрированного сгустка смысла» [8] и реализуются не только на локальном уровне семантики слова, но и в дискурсивном макромире.

Что подразумевает когнитивная категория этноса и какие семантические поля репрезентирует? Электронный ресурс «Русская семантика» предлагает следующее определение этноса: исторически сложившаяся общность людей — племя, народность, нация; народ. Здесь также названы репрезентируемые данной когнитивной категорией семантические поля:

1. Национальные, этнические, расовые, культурно-исторические общности, народы;
2. Расовые и культурно-исторические, этнические, национальные, территориальные, сословные, родовые общности;

3. Совокупности лиц;
4. Реальные лица, люди;
5. Названия лиц;
6. Названия лиц и животных;
7. Слова, именующие всё живое: человек (лицо), животное, растения и другие растительные организмы;
8. Слова, именующие конкретный предмет;
9. Слова, именующие предмет: всё живое, вещь, явление (имена существительные);
10. Слова именующие (имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, глаголы)»¹.

Итак, основным определяющим признаком когнитивной категории этноса является обозначение принадлежности к исторически сложившейся общности людей или репрезентация значимости событий для этноса, племени, нации, народа, страны.

Семантический потенциал языковых репрезентантов когнитивных структур раскрывается в общем смысловом пространстве культуры, в котором устанавливается семантическая связь слова с обозначаемым предметом. Сознание человека, вмещающее некий вариант информационного пространства определенной этнической культуры, служит хранилищем знаний, содержит миропонимание и мировоззрение народа. С подобной точки зрения одной из важных функций языка становится эпистемическая или функция накопления, хранения и передачи знаний о мире будущим поколениям.

Благодаря эпистемической функции языка языковые репрезентанты когнитивных структур становятся основным средством достижения понимания между людьми, обмена информацией, средством, позволяющим интерпретировать смыслы при помощи одного культурного кода. Медиадискурс или семантическое пространство смыслов медиатекстов также содержит этнически маркируемые когнитивные структуры или информационные концепты. Однако стремительное развитие виртуального медиадискурса создает благоприятные условия для взаимодействия множества культур, этносов и языков. При этом происходит соприкосновение нескольких кодов в диалоге культур, позволяющих изучить и воспринять другую культуру с опорой на собственные знания.

В процессе взаимодействия культур происходит обмен информацией, называемый межкультурной коммуникацией. На этапе знакомства и познания

¹ <http://русскаясемантика.рф/>

чуждой культуры осуществляемый обмен информацией характеризуется приданием большого значения поступающим сведениям. Собственно, это вполне естественный процесс, поскольку поступающая новая информация дополняет имеющуюся концептуальную картину мира, встраивается в когнитивные структуры, играет важную роль в общественной жизни. По мере усвоения новых знаний из концептуальной картины мира другой культуры поступающая информация перестает восприниматься как новая и чуждая, маркируется как собственное знание. Дальнейший процесс усвоения знаний и освоения новых смыслов в репрезентации средствами своего языка продолжается внутри воспринимающей культуры, среди представителей одного этноса. Преобразованные таким образом знания становятся частью концептуальной картины мира и получают языковое выражение в медиадискурсе.

Территория. Когнитивная категория локативности или территориальных знаний ориентирует автора и реципиента медиатекста относительно освещаемого события. Наряду с репрезентацией топографических знаний посредством топонимов она может указывать и на расположение автора медиатекста в виртуальном пространстве (электронный ресурс). Благодаря топонимике реципиент понимает, где произошло или происходит событие, а также определяет положение автора.

Когнитивная категория территории часто репрезентирует географическое положение стран, климатические условия, язык, культуру, отличительные национальные черты, международные отношения и прочее. В зависимости от фоновых знаний массового реципиента относительно топонимики того или иного события автор медиатекста вербализует некие территориальные параметры, предназначенные для более точной интерпретации медиатекста. Уточним их по признаку данной когнитивной категории и репрезентируемым семантическим полям.

«ТЕРРИТОРИЯ, и, ж. Земельное пространство, очерченное какими-н. границами. Равнинные, горные территории. Находиться на территории города, завода, двора. Захват чужих территорий. Государственная территория (спец.) — часть земной поверхности (суша, воды, недра) и воздушное пространство, находящиеся под суверенитетом данного государства. || прил. территориальный, ая, ое. Территориальные границы»¹.

Семантические поля концепта ТЕРРИТОРИЯ:

- Общие обозначения. Края, окрестности
- Участки земной поверхности, ее рельеф: горы, долины, углубления в земле. Водоёмы, реки, потоки. Лед, снежная масса. Леса. Места обитания животных
- Земля, её строение. Природные образования
- Космос. Земля. Природные образования
- Слова, именующие природные образования и продукты деятельности человека
- Слова, именующие конкретный предмет
- Слова, именующие предмет: всё живое, вещь, явление (имена существительные)
- Слова именующие (имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, глаголы)»².

Согласно приведенным выше сведениям определяющий признак когнитивной категории территории формулируется следующим образом: обозначение принадлежности ограниченного пространства географической и административной единице.

Кроме того, в медиатексте могут репрезентироваться и вторичные концепты, связанные с географическим положением автора, дополняющие содержание иных компонентов речевой ситуации. Например, использование диалектизмов в медиатексте может указывать на происхождение участников события или автора; неправильное употребление языковых репрезентантов укажет на то, что язык медиатекста неродной автору. Также и непривычный способ синтаксического построения фраз при полной грамматической грамотности свидетельствует от трудности репрезентации когнитивных структур на языке медиатекста.

Главным свойством языковых репрезентантов географического местоположения является способность концентрировать знания о территориальной принадлежности освещаемых событий. Концепт с территориальным значением используется в медиатекстах с целью описания пространства и разворачивающихся в нем действий. Реципиенты такой информации применяют полученные знания, чтобы ориентироваться в потоке событий, представить происходящее во всей полноте и интерпретировать медиатекст адекватно речевой ситуации. Дополнительные социокультурные характеристики территории способствуют более подробному описанию событий в медиатексте, сообщая реципиенту информацию проживающих людей, их быте, культуре, верованиях и так далее. Подобные когнитивные

¹ <http://русскаясемантика.рф/>

² Там же.

единицы знаний подкрепляются новой информацией из новостных медиатекстов, создавая целостные образы людей, сообществ, этносов.

Время. Когнитивная категория времени репрезентируется в различных типах дискурса и изучается целым рядом наук: философия, лингвистика, филология, физика и прочие. Как и понятие хронотопа в литературоведении, когнитивная категория времени рассматривается во взаимосвязи с категорией территории или пространства. Когнитивная категория времени в медиадискурсе репрезентирует не только хронологию событий, но и исторический смысловой компонент в случае необходимости таких знаний для интерпретации.

Территориальная принадлежность большой группы людей всегда имела большую важность: формирование социума исторически происходило в зависимости от первичного места проживания, объединения поселений. Многие традиции и обычаи складывались под влиянием условий проживания, ландшафта, климата, географического положения.

Исследованиями когнитивных категорий времени и территории занимаются многие ученые. Н. Н. Болдырев отмечает, что концепт пространства в обыденном сознании связан с понятием движения, материи, бесконечности [3]. При учете исторического формирования представлений о пространстве и времени на территории многолетнего проживания этноса, становится заметной взаимосвязь с ранними пластами знаний о мире. Таким образом, когнитивная категория времени формировалась в культурной и исторической динамике на протяжении исторического развития того или иного социума.

«Русская семантика» предлагает следующее определение понятия времени: необратимая и неповторимая последовательность существования, продолжительность, промежутки и определенный момент времени, период, грамматическая категория времени. Семантические поля концепта ВРЕМЯ:

1. «Бытие, материя, пространство, время: формы и сущностные характеристики реалий и явлений действительности;

2. Время; его ход, периоды и моменты его течения;

3. Отрезки, периоды времени, соотносимые с каким-н. состоянием, событием, деятельностью, действием;

4. Промежутки времени, характеризующиеся по заполненности или незаполненности; с определённым занятием, действием или их отсутствием, перерывом в них;

5. Произведения творческой мысли: науки, учения; искусства, религия;

6. Общественные, гуманитарные науки, учения;

7. Языкознание: языки и диалекты, лингвистические науки и их разделы; основные понятия языкознания;

8. Понятия грамматики: морфология, синтаксис;

9. Слова именуемые;

10. Слова, именуемые отвлеченное понятие: явление, ситуацию, событие;

11. Слова, именуемые предмет: всё живое, вещь, явление (имена существительные);

12. Слова именуемые (имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, глаголы)».

Определяющий признак понятия время — это сущностная характеристика предметов действительности, выражающая положение события или его участников относительно других событий.

Когнитивная категория территории часто содержит знания о нормах установления местонахождения одних предметов относительно других. Такими знаниями являются единицы измерений, ориентиры, стороны света, пространственные модели окружающей среды, свойственные определенной культуре или этносу. Собственные представления применяются представителями той или иной культуры к любой другой местности, однако специфика восприятия часто может исказить реальное положение вещей. Тот же эффект наблюдается при восприятии и интерпретации медиатекстов, имеющих хронологические и исторические маркеры освещаемых событий.

Политическая и экономическая ситуация.

Когнитивная категория политической и экономической ситуации в медиадискурсе репрезентирует знания о политическом и экономическом уровне развития общества. Большинство медиатекстов освещают множество политических и экономических событий, значимых для общественной жизни. Это жанры новостей, аналитических статей, политических и экономических имиджевых заметок и прочие. Научное изучение данной когнитивной категории возможно во взаимосвязи медиадискурса с политическим и экономическим дискурсами, поскольку слишком часто медиатексты заимствуют макро- и микроэлементы указанных типов дискурсов с целью наиболее точной репрезентации политических и экономических событий. Изучением политического и экономического дискурсов занимаются Э. В. Будаев, А. Б. Бушев, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и многие другие ученые [6; 7; 19]. Э. В. Будаев и А. П. Чудинов счита-

ют, что изучение политического и экономического дискурсов возможно и на материале медиадискурса [6]. Рассмотрим основные черты политического и экономического дискурса подробнее.

«Русская семантика» предлагает следующие дефиниции когнитивных категорий политики и экономики: политика — события и деятельность, связанные с общественной, государственной жизнью; экономика — производственные отношения, структура хозяйственной жизни общества. Таким образом, определяющий признак понятия политической и экономической ситуации формулируется следующим образом: события и деятельность, связанные с государственной и хозяйственной жизнью общества.

Политический дискурс представляет тип убеждающего дискурса, специфической чертой которого является применение манипулятивных техник с целью оказания речевого воздействия на массового реципиента и достижения персуазивного эффекта. Для современного политического дискурса чрезвычайно характерно обращение к убеждающим медиатекстам, репрезентирующим различные ожидания политического электората, и к информирующим медиатекстам, написанным с использованием PR-технологий (имиджевая статья, имиджевое интервью и пр.).

Экономический дискурс является институциональным типом дискурса и представляет «сложное неоднородное явление, представленное на языковом уровне текстами различной жанрово-стилевой принадлежности, соответствующими определенным коммуникативным ситуациям профессионального общения в сфере экономики и бизнеса» [12].

Творчество и информационное пространство. Когнитивные категории творчества и информационного пространства содержат знания из сферы искусства, литературы, живописи, скульптуры, музыки и прочих творческих сфер общественной жизни. Информационное пространство репрезентирует компонент виртуальной среды, в которой репрезентируются конечные вербализованные смыслы.

Наиболее точно отражает смысл когнитивной категории информационного пространства следующее определение: «Информационное пространство — совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации»¹.

¹ Добровольская, И. А. Понятие «Информационное пространство»: различные подходы к его изу-

Признаки когнитивных категорий творчества и информационного пространства можно перечислить кратко:

- творческая деятельность, направленная на создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей;
- сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами; информация или сообщение о фактах, событиях, положении дел, о состоянии чего-л., информация или средства массовой информации — пресса, радио, телевидение, электронные информационные системы; информация или сведения об окружающем мире и протекающих в нём процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством².

Определяющий признак когнитивных категорий творчества и информационного пространства формулируется так: совокупность медийных ресурсов для творческой репрезентации событий в СМИ. На формирование информационного пространства оказывают непосредственное влияние публикуемые медиатексты, их тематика, сведения, репрезентируемые ценности. Широкий спектр возможностей по передаче и сохранению информации позволяет охватывать большие пласты знаний по определенной тематике, что также влияет на содержание и способы вербализации когнитивных категорий в медиатекстах, публикуемых в виртуальности.

Таким образом, актуальными когнитивными категориями, репрезентирующими сведения о событии в медиадискурсе, являются этнос или языковая принадлежность, темпоральность или время, локативность или территория, политическая и экономическая ситуация, виртуальность или информационное пространство, а также категория массового реципиента, которую обязательно учитывает автор с целью достижения максимальной информативности медиатекста для конечного реципиента. Отличие когнитивной категории медиадискурса от общепринятого понимания семантической категории выражается в большем количестве сигнификативных значений, чем содержится в бинарных смысловых оппозициях, поскольку это необходимо для гибкой репрезентации события массовому реципиенту.

чению и особенности // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2014. № 4.

² <http://ozhegov.info/slovar/>

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. Б. Казарин. — Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2000. — 532 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев // М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. Ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с.
4. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. — Т. 1. — С. 4—13.
5. Бондарко, А. В. О системном подходе в изучении языковых значений / А. В. Бондарко // Русский язык: исторические судьбы и современность; II Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — с. 290—299.
6. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. 2008—248 с.
7. Бушев, А. Б. Языковые особенности экономического дискурса / А. Б. Бушев // Вестник Челябинского государственного университета. — Вып. 86. — № 37 (328) — С. 22—25.
8. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. Изд. 5, испр. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
9. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 140 с.
10. Демьянков, В. З. Прототипический подход / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 140—145.
11. Добровольская, И. А. Понятие «Информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности / И. А. Добровольская // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2014. — № 4. — С. 140—147.
12. Ильенко, С. Г. Русистика: избр. тр. / С. Г. Ильенко. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 674 с.
13. Куликова, О. В. Типы знаний и их взаимодействие в экономическом дискурсе / О. В. Куликова // Вестник МГЛУ. — 2013. — № 25 (685). — С. 34—41.
14. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2004. — 280 с.
15. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. — Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 172 с.
16. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский // Под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
17. Таюпова, О. И. Категории текста как лингвистические универсалии / О. И. Таюпова, У. Ф. Жаббарова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2013. — № 20 (311). — С. 98—100.
18. Чернухина, И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. — 157 с.
19. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... док. филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 440 с.

Словари и Интернет-ресурсы

20. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 688 с.
21. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с. — URL: <http://ozhegov.info/slovar/>
22. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией академика Российской академии наук Наталии Юльевны Шведовой. — М.: Отделение литературы и языка; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — URL: <http://русскаясемантика.рф/>

Сведения об авторе

Коновалова Мария Владимировна – канд. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета ЧелГУ. makonovalova@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 100–108.*

ON THE QUESTION OF THE COGNITIVE CATEGORY IN MEDIA DISCOURSE

M.V. Konovalova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. makonovalova@yandex.ru

The article is devoted to the issue of the concept and essence of the cognitive category, to the studies of the general and distinctive features of textual, functional-semantic category types, identifies cognitive and language structures involved in the construction of media discourse. A cognitive category is distinguished, a definition is given, cognitive categories of media discourse and language representatives are described. In describing the cognitive category properties, a prototypical approach is used, the speech situation and the structure of the media discourse are studied. Based on the empirical material observations, main cognitive categories are distinguished in a media discourse: ethnic and linguistic affiliation, temporality or time, territory or locality, political and economic situation, creativity and information space.

Keywords: *category, cognitive category, system approach, prototypical approach, situation, media text, media discourse.*

References

1. Babenko, L. G., Vasil'ev I. E., Kazarin YU. B. *Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of artistic text]. Ekaterinburg : Izd-vo Ur. un-ta, 2000. 532 p. (In Russ.).
2. Bahtin, M. M. *EHstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Moscow. Iskusstvo, 1979. 424 s. (In Russ.).
3. Boldyrev, N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie kognitivnyu lingvistiku: kurs lekcij* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures]. M-vo obr. i nauki RF, Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina, Ros. Associaciya lingvistov-kognitologov. Izd. 4-e, ispr. i dop. Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2014. 236 p. (In Russ.).
4. Bondarko, A. V. *Lingvistika teksta v sisteme funkcional'no-semanticheskikh kategorij* [Linguistic of the text in the system of functional semantic categories]. *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and semantic]. Moscow. 2001. no. 1. 4-13 pp. (In Russ.).
5. Bondarko, A. V. *O sistemnom podhode v izuchenii yazykovykh znachenij* [On the system approach in the study of linguistic meanings]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*; II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka: trudy i materialy / Sostaviteli M.L. Remneva, O.V. Dedova, A.A. Polikarpov. Moscow. Izd-vo MGU, 2004. p. 290-299. (In Russ.).
6. Budaev, EH. V., CHudinov A. P. *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* [Foreign political metaphorology]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. 2008. 248 p. (In Russ.).
7. Bushev, A.B. *Yazykovye osobennosti ehkonomicheskogo diskursa* [Language features of economic discourse]. Chelyabinsk. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. V. 86, no 37 (328), pp. 22-25. (In Russ.).
8. Vygotskiy, L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech] / L. S. Vygotskiy. Izd. 5, ispr. Moscow. Labirint, 1999. 352 p. (In Russ.).
9. Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow. Nauka, 1981. 140 p. (In Russ.).
10. Dem'yankov, V.Z. *Prototipicheskij podhod* [Prototypical approach]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms] / Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrac YU.G., Luzina L.G.

Pod obshchej redakciej E.S. Kubryakovoj. Moscow. Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. pp. 140-145. (In Russ.).

11. Dobvol'skaya, I. A. Ponyatie «Informacionnoe prostranstvo»: razlichnye podhody k ego izucheniyu i osobennosti [The concept of "Information space": various approaches to its study and features]. Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. Moscow. 2014. No 4. pp. 140-147. (In Russ.).

12. Il'enko, S. G. Rusistika [Russian Studies]. SPb., 2003. 280 p. (In Russ.).

13. Kulikova, O. V. Tipy znaniy i ih vzaimodejstvie v ehkonomicheskom diskurse [Types of knowledge and their interaction in economic discourse] Moscow. Vestnik MGLU. 2013. no. 25 (685). pp. 34-41. (In Russ.).

14. Makarov, M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow. Gnozis, 2004. (In Russ.).

15. Matveeva, T. V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorij [Functional styles in the aspect of text categories]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 172 p. (In Russ.).

16. Reformatskij, A. A. Vvedenie v yazykovedenie [Categories of the text as linguistic universals]. Pod red. V. A. Vinogradova. 5-e izd. Moscow, Aspekt Press, 1996. 536 p. (In Russ.).

17. Tayupova, O. I., Zhabbarova, U. F. Kategorii teksta kak lingvisticheskie universalii [Categories of the text as linguistic universals]. Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Chelyabinsk, 2013. no 20 (311). pp. 98-100. (In Russ.).

18. CHernuhina, I. YA. Obshchie osobennosti poehticheskogo teksta [General features of the poetic text]. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1987. 157 c.

19. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse] : avtoref. dis. ... dok. filol. nauk. Volgograd, 2000. 440 p. (In Russ.).

Dictionaries and Internet resources

20. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / gl. red. V.N. Yarceva. Moscow. Sov. ehncikl., 1990. 688 p.

21. Ozhegov, S.I. SHvedova, N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dop. Moscow: OOO «A TEMP», 2006. 944 p. Available at: <http://ozhegov.info/slovar/> accessed 17.02.2019. (In Russ.).

22. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij [Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings] / Pod obshchej redakciej akademika Rossijskoj akademii nauk Natalii Yul'evny Shvedovoj. Moscow. Otdelenie literatury i yazyka; Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Available at: <http://russkayasemantika.rf/> accessed 17.02.2019. (In Russ.).

**ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ЭССЕ
Р. БРЭДБЕРИ «ДЗЕН В ИСКУССТВЕ НАПИСАНИЯ КНИГ»)**

Е. С. Креницына

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье систематизированы подходы к изучению понятия «идиостиль». Рассматриваются общие и отличительные черты терминов «идиостиль» и «идиолект». Изучается понятие идиостиля в когнитивном аспекте. Определяются составляющие концептосферы писателя и способы формирования авторского идиостиля. Проводится анализ трансформации метаконцепта в концепт.

Ключевые слова: *идиолект, идиостиль, концепт, коцептосфера метаконцепт.*

Введение

Исследование художественного произведения с литературоведческой или лингвистической точек зрения непременно связано с изучением идиостиля. Каждое из этих направлений рассматривает индивидуальный стиль автора по-разному.

Для литературоведов главными являются такие составляющие, как: литературная школа, композиция произведения, способы развития сюжетной линии и т. п. В свою очередь лингвистов интересует выбор языковых средств, отступления от языковых норм данного периода и оправданность нарушения этих норм. Одной из главных проблем при анализе языка писателя является отсутствие единого взгляда на содержание понятия «идиостиль».

Вопросом определения понятия идиостиля и выявления его особенностей на протяжении многих десятилетий занимаются лингвисты и литературоведы. Первые попытки дать определение идиостиля предпринял в своих работах А. И. Ефимов: «Идиостиль — это индивидуальная система построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений» [6. С. 166]. Термин «идиостиль» включает в себя много параметров и очень часто пересекается со смежным ему понятием «идиолект». Одна группа исследователей считает, что идиостиль и идиолект составляют неразрывное целое (В.В. Леденева); другая группа ученых утверждает, что идиолект служит основой идиостиля писателя (Д. Кристалл, Д. Дэйви).

Рассмотрим подробнее определение понятия «идиостиль», которое предлагает Стилистический энциклопедический словарь русского языка:

«Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) — совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [11. С. 95]. В данной словарной статье представлено четкое разграничение терминов «идиостиль» и «идиолект». «Идиолект — это совокупность собственно структурных особенностей, имеющих место в речи отдельного носителя, в то время как идиостиль — это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической базы — как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой» [11. С. 96].

Кроме того, понятие «идиостиль» также связано с понятием языковой личности. Наиболее точное и полное определение термина «языковая личность» дал Ю. Н. Караулов: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [8. С. 3].

Ю. Н. Караулов выделяет три основных уровня языковой личности:

- 1) Вербально-семантический
- 2) Когнитивный
- 3) Прагматический.

Ключевым предметом вербально-семантического уровня являются лексические единицы, а также словосочетания и предложения. Здесь выявляются и определяются закономерности их

взаимодействия в рамках различных систем: синтаксических, грамматических и т. п.

На когнитивном уровне происходит трансформация обобщенных знаний и идей в концептосферу отдельной языковой личности или целой языковой группы, что включает в себя культурные ценности и языковые особенности.

Прагматический уровень предполагает идентификацию основных целей и мотивов, присущих определенной языковой личности [9].

Существует большое количество подходов к классификации языковой личности относительно различных параметров: социолингвистических, психолингвистических, языковых компетенций и т. д. Также при изучении языковой личности исследователи рассматривают устные и письменные тексты. Данная статья посвящена письменным текстам, а именно пишущей языковой личности. По мнению В. В. Наумова, письменные тексты характеризуются речевым поведением пишущей личности, что, в свою очередь, отражает черты, свойственные языковой личности автора, а также потенциальные коммуникативные способности [12].

Изучение языковой личности помогает раскрыть индивидуальные особенности языка личности и эпохи в целом. При характеристике речевого портрета личности лингвисты и литературоведы часто применяют термины идиостиля и идиолекта.

Определение идиостиля, данное В. В. Леденевой, резюмирует всё вышесказанное: «Идиостиль писателя — это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта» [10. С. 38—39].

Таким образом, мы видим, что идиостиль — это многоаспектное понятие, которое требует детального изучения сквозь призму лингвистических, стилистических и литературоведческих теорий и приемов.

Подходы к изучению понятия идиостиля

Существует много подходов к исследованию идиостиля. Так, ученые выделяют функционально-доминантный подход, целью которого является выявление доминант в работах автора, а также определение областей их функционирования (С. Т. Золян, Ю. Н. Тынянов, В. С. Андреева). Психолингвистический подход занимается изучением системы концептов-доминант творческой деятельности писателя (В. П. Белянин, В. А. Пищальникова). В исследовании

В. П. Белянина «Психолингвистические аспекты художественного текста» среди концептов-доминант выделяется уникальный писательский стиль: «Стиль писателя тем самым создает уникальный, глубоко личностный художественный мир произведения, формирует его эмоциональную сферу» [1. С. 20]. Психолингвистическая концепция изучения идиостиля строится на деятельностном аспекте, т. к. по мнению многих ученых в основе создания художественного произведения находится мотив и цель автора. Еще один подход к изучению идиостиля — стилометрический. В данном случае идиостиль автора представляет собой наиболее часто употребляемую писателем лексику. Этот подход сформировался в рамках популярных в лингвистике метода корпусной стилистики и сбора статистических данных. Метод количественного анализа лексических единиц, присущих тому или иному автору, помогает выявить основные идеи и темы творческой деятельности. Также выделяют коммуникативно-стилистический подход. В рамках этого направления идиостиль — это своеобразный коммуникативный процесс между писателем и читателем. «Идиостиль — это индивидуально-авторские особенности мировидения и текстовой деятельности, отраженные в тексте как форме коммуникации, включая организацию диалога с читателем» [3. С. 37—38].

Наиболее систематизированно данный вопрос представлен в работе Е. В. Старковой. Она выделяет пять подходов к анализу идиостиля:

1. Семантико-стилистический;
2. Лингвопоэтический;
3. Системно-структурный;
4. Коммуникативно-деятельностный;
5. Когнитивный [12].

Семантико-стилистический подход рассматривает идиостиль как систему индивидуального выбора писателем языковых средств и средств художественной выразительности, присущих определенному периоду развития литературы и языка в целом [5]. В рамках данного подхода ученые проводят семантический анализ лексических единиц и изучают их эстетические и стилистические формы реализации у конкретного автора. В контексте семантико-стилистического подхода появляется такое направление, как авторская лексикография создаются словари языка писателей (например: словарь языка А. С. Пушкина, словарь языка И. С. Тургенева и многих других).

Лингвопоэтический подход предлагает следующую интерпретацию термина «идиостиль»: идиостиль —

это сложная система художественных средств, которые образуют индивидуально-авторскую картину мира поэта [2]. Именно этот подход стал причиной появления большого количества новых исследований, изучающих идиостиль с разных точек зрения, в качестве базового элемента для сравнения произведений в рамках лингвопоэтической концепции было выбрано тропическое средство, т. е. исследователи находят троп, характерный для такого или иного автора. Данный подход имеет ряд преимуществ в исследовании идиостилей поэтов: подробный анализ стилистических средств и рифмообразующих элементов. Однако лингвопоэтический подход не применим в исследовании прозаических произведений.

В системно-структурном подходе идиостиль — это «особый модус лингвистического конструирования миров, некоторая функция, которая соотносит принимающие различные состояния языка с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» [7. С. 240]. В системно-структурном подходе исследователи выделяют доминанту творческой деятельности автора и определяют ее как основополагающий элемент эволюции идиостиля писателя. Представителями данного подхода являются С. Т. Золян, О. Г. Ревзина, О. И. Северская.

В основе коммуникативно-деятельностного подхода лежит концепция языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Согласно его теории любое художественное произведение отражает особенности характерные для определенного автора и определяет его как уникальную, индивидуальную языковую личность. Отличительные признаки писателя и поэта выявляются на всех уровнях: начиная от выбора лексических единиц и заканчивая способом описания героев, композиции и пр. [10]. Основополагающей идеей данного концепта является следующее утверждение: «Всякий анализируемый текст воплощает: а) фрагмент языковой картины мира автора (его лексикон, семантикон, грамматику, посредством которых моделируется художественный мир произведения, отражающий авторское видение окружающей действительности); б) информационный тезаурус создателя текста, отраженный в эстетической форме; в) цели и мотивы творца, побудившие его к созданию произведения и нашедшие отражение в идейно-художественных особенностях текста» [2. С. 38]. В данном случае идиостиль изучается сквозь призму текста, который, в свою очередь, является посредником в процессе коммуникативной деятельности между автором (адресантом) и читателем (адресатом).

Когнитивный подход предлагает рассматривать идиостиль как «систему средств выражения, которая соотносит внутренний мир поэта с художественной действительностью, художественным миром текста, творимым поэтическим языком». В центре этого подхода находится понятие концепт. Концепт представляет собой реализацию смыслов писателя, а также устройство его речемыслительных способностей. В рамках представленной концепции исследователи изучают средства моделирования концептосферы писателей.

Последние два подхода (когнитивный и коммуникативно-деятельностный) являются относительно новыми и перспективными направлениями лингвистики в изучении термина идиостиль. Они позволяют изучить внутренние механизмы формирования идиостиля писателя и исследовать развитие индивидуально-авторских концептов в процессе непосредственной деятельности.

Когнитивный аспект идиостиля писателя

В когнитивном подходе центральное место занимает так называемый индивидуально-авторский концепт и концептосфера писателя в целом. Рассмотрим данную идею более подробно на примерах, предложенных Р. Брэдбери в его работе «Дзен в искусстве написания книг».

Сборник эссе Рэя Брэдбери представляет собой компиляцию советов начинающему писателю. Автор делится своим личным опытом и тем самым помогает справиться с ошибками, которые могут возникнуть в начале творческого пути.

По мнению автора, будущему писателю трудно избежать подражания предшественникам или современникам, которые пишут в таком же жанре: «Проблема любого писателя в любом жанре заключается в том, что он действует в рамках ограниченных тем, что было сделано до него и что вот прямо сейчас печатается в книгах и журналах» [4]. Таким образом, формирование индивидуально-авторского концепта практически невозможно на начальном этапе творчества. Он появляется и эволюционирует по мере становления авторского «Я» в произведениях писателя.

«То, что ты делаешь, вырастает из твоей собственной жизни и ночных страхов. Ты оглядываешься вокруг и вдруг видишь, что создал что-то почти небывалое» [4].

Рассмотрим более детально, что представляет собой концептосфера писателя. Данный вопрос подробно изучен в работе И. А. Тарасовой «Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте»,

где она представила когнитивную модель идиостиля писателя. Когнитивная модель идиостиля схематически выглядит следующим образом:

Таким образом, мы видим, что концептосфера

Поэтический мир 1 Поэтический мир 2

(ментальный мир) (языковой мир) [14].

писателя состоит из двух вымышленных миров, в котором базовым является мир идей автора, воплощенный в реальность (языковой мир) с помощью лексических единиц и средств художественной выразительности.

Термин концепт И. А. Тарасова понимает как «единицу индивидуального сознания, <...> вербализованную в едином тексте творчества писателя (что не исключает возможности эволюции концептуального содержания от одного периода творчества к другому)» [14. С. 56].

В своей работе Р. Брэдбери предлагает несколько стадий создания индивидуально-авторской картины мира.

Первая стадия заключается в наблюдении за окружающим миром и поиском чего-то неординарного в привычной среде.

Автор сравнивает процесс поиска творческих идей с моментами из жизни животных. Так он предлагает в качестве примера для подражания в сфере наблюдения жизнь ящериц и птиц, их способность быстро двигаться и в определенный момент замирать.

«В замирании — мысль. Это время для того, чтобы отточить стиль, пока не гонишься за правдой — единственный стиль, который стоит того, чтобы падать замертво или ставить капканы на тигров» [4].

Таким образом, в процессе наблюдения начинает формироваться поэтический мир № 1, в котором зарождаются идеи, а в процессе замирания они преобразуются в мысли, некие метаконцепты. Под метаконцептом мы понимаем лингвоментальную единицу, которая содержит в себе обобщенные понятия. В процессе когнитивной деятельности писателя метаконцепты проходят несколько этапов трансформации и в конечном итоге образуют концепты авторской картины мира.

Исследователи говорят о так называемой генетической «креативной» памяти, которая присуща творческим личностям, и которая с детства начинает формировать компетенцию владения словом, что в дальнейшем составляет идиостиль писателя.

Помимо наблюдения за окружающим миром

Рэй Брэдбери считает, что формированию идейной картины писателя способствует составление списков слов и фраз, которые по своей сути также представляют собой метаконцепты, на основе которых уже строятся концепты и авторская концептосфера в целом.

«Я начал видеть закономерности в списках, в этих словах, которые я спонтанно изливал на бумагу, <...> Глядя на эти списки, я видел свои прежние любви и страхи...» [4]. Например, один из метаконцептов автора «старуха» превратился в два концепта о старой даме, и в результате дало основу для написания двух разных рассказов: «Жила-была старушка», где главная героиня отказывается умирать, противостоя Смерти, и «Сезон неверия», в котором дети не верят, что пожилая женщина когда-то тоже была ребенком.

Другой рассказ был написан после посещения больницы, и метаконцепт произведения содержался в диагнозе, озвученном лечащим врачом — «открытие гортани». Это дало почву к написанию истории ужасов в совершенно новом ключе, отличном от работ, созданных предшественниками Брэдбери.

Еще одной обязательной составляющей творческой деятельности писателя, которая имеет непосредственное отношение к идиостилю писателя — Муза. Муза является некой субстанцией, находящаяся в подсознании автора. Таким образом, можно заключить, что Муза писателя является источником креативных идей и концептов автора. Другими словами, это центральное ядро писательской концептосферы, в которой зарождаются метаконцепты и далее трансформируются в конкретные концепты. По мнению Рэя Брэдбери самое сложное в искусстве написания книг — удержать Музу. Автор считает, что для сохранения источника вдохновения нужно непрерывное творчество:

«Муза должна иметь формы. Чтобы придать ей формы, нужно писать по тысяче слов в день в течение десяти или двадцати лет, учиться грамматике и принципам построения сюжета — так, чтобы это вошло в подсознание, не сдерживая и не искажая вашу Музу» [4].

Следующий этап в формировании авторского идиостиля — это переход ментального мира, мира идей в языковой мир. Для этого процесса, по мнению Брэдбери, необходима непосредственная практика: «Вы научитесь без промедления садиться за пишущую машинку и сохранять вдохновение, перенося его на бумагу» [4]. Таким образом, концепты приобретают материальную форму — форму слова. В конечном итоге возни-

кает поэтический мир № 2. Вербализация концептов во многом определяет идиостиль писателя. Во время данного процесса происходит отбор стилистических и языковых средств, благодаря которым в дальнейшем можно идентифицировать того или иного автора.

Заключение

Таким образом, идиостиль писателя — это сложное многоаспектное понятие, которое включает в себя различные параметры: стилистические, языковые, психолингвистические, семантические, когнитивные и многие другие и, как следствие, требует изучения с различных сторон.

Индивидуально-авторская концептосфера представляет собой комплексную систему, которая состоит из двух поэтических (вымышленных) миров. При этом первичный поэтический мир включает в себя метапонятие (общую идею), который далее в процессе когнитивного мышления автора трансформируется в понятие (конкретная идея), на котором основывается будущее произведение писателя. Кроме того, при рассмотрении когнитивной модели ментального мира писателя следует учитывать такую составляющую, как

Муза или, другими словами, источник вдохновения автора. Это явление воплощено в форме идеи и существует исключительно в подсознании писателя. Данный компонент авторского сознания формируется и развивается на основе ряда экстралингвистических факторов. В первую очередь основой для появления новых идей и метапонятий служит наблюдение за окружающим социокультурным миром. Авторские концепты воплощают в себе языковые средства (список слов согласно Брэдли) и лексико-семантические поля данных слов. В процессе написания произведений происходит взаимодействие представленных элементов, смысловое насыщение понятий и в итоге их вербализация. В целом концептосфера автора основывается на личном опыте, мировоззрении и ценностных ориентирах автора, которые образуют ключевые или доминирующие мотивы творчества писателя. События из реальной жизни писателя находят свое отражение на всех уровнях творческой деятельности писателя: в выборе лингвистических и стилистических средств, в способе представления персонажей произведений и т. д.

Список литературы

1. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. — М., 1987. — 123 с.
2. Болотнова, Н. С. Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного средства. М., 2004. — 243 с.
3. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 384с.
4. Брэдли, Р. Дзен в искусстве написания книг. — Эксмо, 2017. — 192 с.
5. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. — 616 с.
6. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи. М., 1957. — 448 с.
7. Золян, С. Т. От описания идиолекта — к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX века: сб. науч. тр. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1989. С. 238—259.
8. Караулов, Ю.Н., Красильникова, Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3—11.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 261 с.
10. Леденёва, В.В., Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36—41.
11. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — 240 с.
12. Старкова, Е. В. Проблемы понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях. Киров, 2015. С. 76—79.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под. Ред. Кожиной М. Н., 2-е изд., испр. и доп. — М., 2006. — 696 с.
14. Тарасова, И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Саратов, 2004. — 483 с.

Сведения об авторе

Креницына Екатерина Сергеевна — преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск. Россия. katerina-krin@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 109—114.

PECULIARITIES OF WRITER'S IDIOSTYLE FROM THE COGNITIVE POINT OF VIEW (BASED ON THE COLLECTION OF ESSAYS BY R. BRADBURY 'ZEN IN THE ART OF WRITING')

E.S. Krinitsyna

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. katerina-krin@yandex.ru

The article considers the problems of defining the term idiolect. It presents peculiarities of idiolect and idiolect. Besides it gives overall review of all existing approaches to idiolect study. The group of the most common and systematized approaches to this subject includes semantic and stylistic, linguopoetic, system and structural, communicative and active and cognitive approaches. The main purpose of the article is to study writer's idiolect from the cognitive point of view. The material for it is the book by R. Bradbury 'Zen in the Art of Writing'. The article points out the writer's sphere of concepts components. There is a metaconcept, a concept and inspiration. The ways of author's idiolect transformation are shown. The process of transforming metaconcept into a concept is described.

Keywords: *idiolect, idiolect, concept, metaconcept, sphere of concepts.*

References

1. Belyanin, V.P. Psiholingvisticheskie aspekty hudozhestvennogo teksta [Psycholinguistic aspects of an artistic text]. – M., 1987. – 123 s. (In Russ.).
2. Bolotnova, N.S. Izuchenie idiolecta v sovremennoj kommunikativnoj stilistike hudozhestvennogo sredstva [Study of idiolect in the modern stylistics of literary means]. M., 2004. – 243 s. (In Russ.).
3. Bolotnova, N.S. Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-teaurus [Communicative stylistics of a text: Thesaurus]. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 384s. (In Russ.).
4. Bredberi, R. Dzen v iskusstve napisaniya knig [Zen in the Art of Writing']. – Eksmo, 2017. – 192 s. (In Russ.).
5. Vinogradov, V.V. Problema avtorstva i teoriya stilej [Problem of authorship and style theory]. M., 1961. – 616 s. (In Russ.).
6. Efimov, A.I. Stilistika hudozhestvennoj rechi [Stylistics of artistic speech]. M., 1957. – 448 s. (In Russ.).
7. Zolyan, S.T. Ot opisaniya idiolecta – k grammatike idiolecta [From description of idiolect to grammar of idiolect] // Yazyk russkoj poezii XX veka [The language of the Russian poetry of XX century]: sb. nauch. tr. M.: In-t rus. yaz. AN SSSR, 1989. S. 238-259. (In Russ.).
8. Karaulov, Yu.N., Krasil'nikova, E.V. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya [Russian linguistic person and problems of its study] // Yazyk i lichnost' [Language and a person]. M., 1989. S. 3–11. (In Russ.).
9. Karaulov, Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian language and Russian linguistic person] . - M.: Nauka, 1987. – 261 s. (In Russ.).
10. Ledenyova, V.V. Idiostil' (k utochneniyu ponyatiya) [Idiolect (specifying of the notion)] // Filologicheskie nauki. 2001. № 5. S. 36-41. (In Russ.).
11. Naumov, V.V. Lingvisticheskaya identifikaciya lichnosti [Linguistic identification of a person]. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. – 240 s. (In Russ.).
12. Starkova, E.V. Problemy ponimaniya fenomena idiolecta v lingvisticheskix issledovaniyah [Problems of understanding idiolect phenomenon in linguistic researches]. Kirov, 2015. S. 76-79. (In Russ.).
13. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic and encyclopaedic dictionary of the Russian language] . Pod. Red. Kozhinoj M.N., 2-e izd., ispr. i dop. – M., 2006. – 696 s. (In Russ.).
14. Tarasova, I.A. Poeticheskij idiolect v kognitivnom aspekte [Poetic idiolect from the cognitive point of view]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. – Saratov, 2004. – 483 s. (In Russ.).

РОЛЬ «ЧУВСТВА ЯЗЫКА» В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Н. В. Кулакова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

В статье рассматривается роль чувства языка (языковой интуиции) в процессе совершенствования лингвистических способностей младших школьников. Акцент сделан на разделе «Словообразование», поскольку изучение состава слова опирается на языковую интуицию ребенка, что способствует развитию чувства языка и его законов, а это, в свою очередь, влияет на уровень развития лингвистических способностей учащихся.

Ключевые слова: *чувство языка, языковая интуиция, словообразование, лингвистические способности, младший школьник.*

Одним из важнейших принципов обучения родному языку является опора на «чувство языка» и обращение к языковому опыту учащихся (К. Д. Ушинский, М. Р. Львов и др.), поэтому совершенствование лингвистических способностей учащихся также связано с понятием «языковая интуиция», чувство языка.

О необходимости развития чувства языка / языкового чутья писали Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, А. Р. Лурия, Л. В. Щерба и др. С. Ф. Жуйков, А. М. Шахнарович рассматривали физиологическую составляющую языкового чутья. Определяющее значение методической системы обучения представляют исследования, направленные на использование методов, опирающихся на языковое чутье в практике обучения младших школьников (Ф. И. Буслаев, К. Д. Ушинский, А. М. Пешковский, Л. П. Федоренко, Л. И. Айдарова, А. П. Еремеева, С. Ф. Жуйков, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов, С. И. Львова, Т. Г. Рамзаева, М. С. Соловейчик и др.).

Однако длительный период изучения феномена чувства языка не способствовал однозначному пониманию природы и содержания понятий, что привело к разнообразию терминов: языковая интуиция, чувство языка, языковое чутье, языковая способность.

В. А. Чибухашвили дифференцирует понятия «языковая интуиция» и «языковая способность», понимая под языковой способностью психофизиологический механизм, обеспечивающий овладение языком. А под языковой интуицией (языковым чутьем): «результат сложной работы сознания и речи, зарождающийся и развивающийся по мере интеллектуального и речевого развития ребенка» [13. С. 64].

В своей статье В. А. Чибухашвили также приводит определение, взятое в учебном словаре русского языка, культуры речи, стилистики и риторики Т. В. Матвеевой, где понятие «языковое чутье» сопряжено с понятием «языковой вкус»: «Языковой вкус основывается на языковом чутье — тех неформулируемых оценках, которые выносит личность в языковой области и в которых отражаются существующие в нем общественные речевые идеалы» [13. С. 64—65], отмечая, что в данном определении наблюдается оценочная позиция.

Отвечая на вопрос «Чувство языка — термин или научная метафора?» Е. Д. Божович предлагает вывод: «До тех пор, пока мы не договоримся о каком-либо ограничении содержания этого выражения, оно останется метафорой; им невозможно будет пользоваться как термином. Более того, не сможем уверенно соотнести это выражение с тем или иным понятием в психологии, например, — с понятием «интуиция». Прежде всего определим условия, в которых включение именно чувства языка, чутья, интуиции объективно необходимо и неизбежно» [5. С. 124]. Далее автор определяет эти условия, когда ученик при решении задач на материале родного языка: «1) может действовать безотчетно, но в основе его действий лежит не интуиция, а самостоятельно «открытое» или приобретенное в школе, но актуально не осознаваемое знание или навык; 2) может действовать «по чувству» при отсутствии знания, но в этом нет надобности — ему можно дать строго формулируемое знание как более надежную опору; 3) не может не действовать «по чувству», так как ему невозможно дать однозначно формулируемое знание» [5. С. 124].

В основе чувства языка, по мнению Божович, лежат определенные психологические процессы памяти, мышления (операции аналогии, ориентация на контекст) [5. С. 122]. Исследователь предлагает понимать под «чувством языка механизм выбора языковых единиц, контроля за их использованием и прогноза высказывания, когда соотношение семантического и грамматического носят объективно неформализованный, варьирующий характер. Такое соотношение наиболее отчетливо проявляется на высших уровнях языка — лексико-фразеологическом, синтаксическом, стилистическом» [5. С. 124—125].

Г. М. Богомазов рассматривает чутье языка как явление психолингвистики. Ученый, опираясь на взгляды А. М. Шахнаровича, предлагает следующую формулировку: «...под чутьем языка, чувством языка (языковой способностью) понимается суммарное (интуитивное) представление носителя языка о языковой системе, отраженное в его языковом сознании и использование такого рода представлений в его речевой практике» [3. С. 38].

Природа языковой интуиции позиционируется и как когнитивная, и как эмоциональная, бессознательная.

В работах Л. И. Айдаровой, С. Ф. Жуйкова, А. К. Марковой, О. В. Кукушкиной чувство языка рассматривается как результат лингвистического мышления ребенка, как его языковые эмпирические обобщения.

Иная точка зрения представлена в работах Н. В. Имедадзе, А. М. Орловой, Л. И. Божович. Так Л. И. Божович описывает феномен «чувство языка» как «особого рода обобщение ... которое не является результатом сознательного логического процесса (сравнения, сопоставления, умозаключения, вывода) ... это обобщение неясных впечатлений, связанных более с переживанием, чем с сознательной логической операцией ребенка (поэтому понятие «чувства», «чутья» языка здесь и уместно, оно психологически очень тонко обозначает внутренне нерасчлененный эмоциональный характер этого обобщения)» [4. С. 42]. На бессознательную природу языкового чутья указывает Л. П. Федоренко, подчеркивая роль данного феномена в речевом развитии человека. «Обучаясь речи, отмечает ученый-методист, дети запоминают, как принято говорить. Запоминание это происходит бессознательно, в процессе подражания говорящим; в результате его у человека и образуется так называемое чувство языка, или языковое чутье», которое обнаруживает человек

«в себе по отношению ко всем другим языковым явлениям в морфологии, синтаксисе, стилистике» [12. С. 34].

М. Т. Баранов рассматривает чутье языка как способность говорящего/ пишущего осознавать и оценивать свою речь, речь других людей на основе знаний, усвоенных от окружающих или под руководством учителя, «безошибочно следовать нормам речи» [12. С. 35]. Ученый в то же время указывает на дуалистический характер языкового чутья: «Данная способность может быть неосознанной или осознанной. Осознанной она является тогда, когда базируется на знании литературных норм и правил выбора языковых средств при создании текста — устного или письменного» [9. С. 50].

Объединяя противоположные позиции, М. М. Гохлернер и Г. В. Ейгер, рассматривают феномен языкового чутья как «разновидность интеллектуальных эмоций», признавая возможность «формирования чувства» в качестве побочного продукта особым образом организованного «знания» [7. С. 137].

Итак, осмысленное «чувство языка» связано с языком как системой. В процессе речевого развития у ребенка на подсознательном уровне формируются аналогии (обобщения), затем усваиваются закономерности (системные свойства языка), которыми он пользуется в практической деятельности.

При порождении речи чувство языка проявляется: а) в поиске наиболее точного вербального эквивалента, отражающего внеязыковую действительность; б) осознанной самокоррекции неудачного высказывания. При восприятии речи — в реакции на отклонение от нормы (понимание языковой игры).

В. А. Чибухашвили выделяет следующие функции языкового чутья: обеспечение симультанного обнаружения качественных особенностей высказывания; контроля и оценки воспринимаемых и продуцируемых высказываний; понимание подтекста высказывания; получение эстетического наслаждения от интересных лингвистических фрагментов письменных текстов или устных высказываний; прогноз языковой формы высказывания говорящего [13. С. 66—67].

Е. А. Аввакумова в своей статье ссылается на Л. И. Айдарову, указывающую следующие направления, в которых рассматривается чувство языка: во-первых, восприятие и использование языкового материала на основании практических речевых умений; во-вторых, навык, основанный на теоретическом знании и выполнении специаль-

ных упражнений; в-третьих, «развития чувствительности к значению целых слов как единых лексемных единиц»; в-четвертых, восприятие слова во всем семантическом многообразии. Таким образом, один термин используется в лингвистике для обозначения разнородных явлений языка [1. С. 1].

М. Р. Львов, В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев акцентируют внимание на роли языковой практики в развитии языкового чутья. В недрах речевого опыта возникают первые эмпирические обобщения фактов языка, которые представляют собой первоначальную форму знаний о языке [5. С. 126] и дальше... В процессе специального изучения родного языка в школе продолжается развитие этого чувства, уже как производного от строго знания и спонтанного накопленного опыта [5. С. 127].

Языковое чувство формируется под влиянием слышимой и читаемой речи, а также в результате собственной речевой деятельности. Определяющую роль в формировании языкового чувства играет речевая (языковая) среда, в которой происходит усвоение языка. По мнению Е. И. Негневицкой, А. М. Шахнаровича, языковая способность формируется рано, дальнейшее языковое развитие человека идет как раз по пути накопления новых частных языковых явлений [10].

Языковая интуиция, по мнению А. М. Орловой, обеспечивает образование у учащихся грамматических навыков. О. Есперсен отмечает роль «грамматического инстинкта», который позволяет применять языковые навыки в конкретной ситуации образования слов (положение заимствовано из Березина Ф. М.) [2].

Рассмотрение слова в курсе русского языка начальной школы с точки зрения морфемного состава и словообразования позволяет формировать чувство языка, чувство слова. С. И. Львова отмечает, что изучение состава слова должно опираться на языковую интуицию ребенка, что может способствовать развитию чувства языка и его законов.

Мы считаем, что языковая интуиция (чутье) создает основу для формирования лингвистической способности, которая предполагает готовность и склонность (скорость и легкость) к усвоению основ языка; «чувство языка» связано с уровнем развития лингвистической способности учащихся.

«Открывает лабораторию (закономерность) овладения речью» словотворчество [12. С. 34], помогающее ребенку в активной деятельности раскрывать те свойства морфем, которые ему не даны непосредственно. С. И. Львова предлагает использовать словообразовательную модель в качестве

эффективного приема, с помощью которого открывается морфемный канал и происходит усиление семантического аспекта в преподавании морфемики и словообразования. Также Светлана Ивановна указывает на то, что морфемный канал активно начинает работать в нестандартной ситуации, когда понимание незнакомого слова происходит благодаря опоре на его внутреннюю форму. Поэтому возникает необходимость создания «необычной учебной ситуации, требующей повышенного внимания к структурно-семантическому анализу слова» [11. С. 100].

Генерализация отношений составляет психофизиологическую основу словотворчества, но уже внутри слова как комплексного раздражителя. «Процесс этот можно себе представить так: сначала идет освоение словообразовательной модели, а затем применение ее для создания нового слова» [10. С. 45].

Учитывая вышесказанное, мы рассматривали анализ окказиональных слов как нестандартную учебную ситуацию, которая требовала повышенного внимания к структурно-семантическому анализу слов. При этом «Принцип развития чувства языка» [12. С. 33] определял выбор языковых образцов и организацию обучения, предоставляющую возможность почувствовать разницу между использованием окказиональных слов в качестве приема языковой игры и речевой ошибкой, выявить целесообразность использования новообразований [8. С. 79].

Ученикам были предложены следующие типы упражнений:

I. «Анализ готового материала» включал задания, направленные на умение выделять и определять значение морфем, анализировать текст с точки зрения целесообразности использования в нем окказиональных слов.

II. «Преобразование данного языкового материала». При выполнении данного типа упражнений учащиеся образовывали окказиональные слова по аналогии (конкретная модель); с опорой на знания законов / способов словообразования.

III. «Создание высказывания в стихотворной или прозаической формах». Учащиеся писали сочинения: по опорным окказиональным словам; на предложенную / самостоятельно сформулированную тему, содержащую окказиональное слово; по его началу/концовке (предложение содержало новообразование); составляли текст, содержащий самостоятельно образованный окказионализм [8. С. 80—81].

Приведем в качестве примеров некоторые упражнения данных типов.

I. Анализ готового материала

1. Укажи приставку, с помощью которой можно придать слову противоположное значение:

- нахмурься ото
- зажмурил вы
- проигрыватель по
- беспощадный бес
- пуговичный от

2. Отыщи слова с суффиксом *-ик*: хрустики, веселинка, прудик, ловильщик, пушистик.

3. Найди слова с приставками: обучательный, обижульки, обманизм, объявительный, объедаловка.

4. Установите, по какому словообразовательному образцу создано слово, взятое из произведения С. Михалкова «Если». В каком значении употреблено это слово? Как догадались об этом?

Если

Если взять все эти капли
И соединить в одну,
А потом у этой капли
Ниткой смерить толщину, —
Будет *каплища* такая,
Что не снилось никому,
И не приснится никогда
В таком количестве вода.

5. Знаете ли вы о собственных достижениях в освоении языка? (Ученица зачитала записи своих высказываний (в возрасте от двух до пяти лет), которые были зафиксированы ее мамой).

- Смотри, как *налужил* дождь.
- Ой, какой пузырь я *выпузырила*.
- Дай, я *распакетю* пакеты.
- Ах, как *обснегилась* улица.
- Мама сердится, но быстро *удобряется*.
- *Высоли* обратно.
- Я стала *пчелокушенная*.

Учитель: Каким способом были образованы слова?:

Ученики: *налужил* (после дождя образовались лужи) — от слова лужа — на — предел действия; л — пр. вр.;

выпузырила (выдуть пузырь) — от слова пузырь — вы — движение изнутри; л — пр. вр.;

распакетю (открыть пакет) — от слова пакет — рас — обратное действие;

обснегилась (покрылась снегом) — от слова снег — об — предел действия;

удобряется (становится доброй) — от слова добрый — у с ся — состояние;

высоли (не хочется есть соленую пищу) — от слова соль — вы — в значении от — удаление, устранение чего-нибудь;

пчелокушенная (укушенная пчелами) — сложное слово [8. С. 126].

Дети создают свои слова, которые не существуют в родном языке, используя при этом правильные модели (обычно высокопродуктивные). Это происходит потому, что язык не подразумевает изолированное использование различных слов. Язык — система, которая строится согласно логическим правилам. Сначала ребенок воспринимает язык как систему, а только потом начинает усваивать языковые нормы.

II. Преобразование данного языкового материала

Учитель: Как могут назвать мальчика, который любит ходить по лужам? (Лужелаз, лужеход.)

Учитель: По аналогии (типу) к какому слову вы смогли образовать эти слова? Какой модели соответствуют образованные слова? Назовите слова, которые соответствуют этой модели.

Учитель: Как могут назвать мальчика, который любит лазить по деревьям? (Древолаз.)

Учитель: В. Александров написал стихотворение о мальчике, у которого была «профессия» — лужелаз. (Работа с учебником: Упражнение № 134, с. 93 [6]. Учащиеся читают стихотворение, записывают в тетрадь первые восемь строчек, обозначают и объясняют знакомые орфограммы.

Бегут ручьи весенние,
От грязи нет спасения.
В сапожках тёти топают,
По лужам смело шлёпают.
Мой дед — подводник. Высший класс!
И я — подводник-лужелаз.
А если в сапогах вода —
Не хнычь, подводник, не беда!

А мне такой,
А мне такой,
Такой денёк и нужен,
Ведь я люблю,
Ведь я люблю

Апчхи!... ходить по лужам! (В. Александров)

На доске ученик разбирает слова по составу: подводник, денёк, лужелаз, древолаз.

На одном из уроков по теме: «Что мы уже знаем об имени существительном» мы проводили работу, направленную не только на развитие умения «творить» новообразования, но и составлять с ними предложения.

Учитель: Образуйте слово/слова, выполнив главное условие — слово/слова не должны принадлежать языку. Запишите предложение с данным словом/словами, обозначьте орфограммы.

Ученики: *Краноломщик, кефиродопиватель, газировковыпиватель, коферазливатель, ледолазы, обмановедение, хитрология.*

В кафе коферазливатель предложил нам чашечку горячего кофе.

Ледолазы начнут соревнование по ледолазанию в пятницу.

В лесной школе у маленьких лисят были уроки «обмановедение» и «хитрология» [8. С. 130—131].

Словообразовательный анализ окказиональных слов позволил усилить семантический аспект в преподавании морфемики и словообразования, поскольку мы обращали внимание на значение аффиксов, которые являлись строительным материалом для новых слов. Осознанное использование новообразований в качестве текстообразующего средства способствовало увеличению спектра упражнений, направленных на развитие речи учащихся.

III. Создание высказывания

в стихотворной или прозаической формах

В качестве примера приведем сочинения учащихся 3 класса.

1. Учащимся предлагалось задание: Написать текст, содержащий слово «Растишка» (Растишка — серия натуральных кисломолочных продуктов для детей дошкольного и школьного возраста, обогащенная кальцием и витамином D для его лучшего усвоения, которые помогают костям ребенка оставаться крепкими и здоровыми). На уроке ученики информацию о «Растишке» не получали.

Мальчишка и «Растишка»

Встретила на улице мальчишку,

Он сказал: «Я ем «Растишку»,

Чтобы сильным стать,

«Растишку» нужно поглощать». (Катя С.)

***

Если б не было «Растишки»,

Дети были б словно мышки.

Не хотите быть как мышки?

Значит, кушайте «Растишку» (Дима Б.)

Написать текст, содержащий слово «Быстрёнок».

***

В цирке жил тигрёнок,

В цирке жил слоненок.

Ели они кашу

С названием «Быстрёнок».

Стали быстро бегать

Во время представления

И решить примеры

Всем на удивление. (Катя М.)

***

Вдруг зайчонок съел «Быстренок»,

Быстро бегать стал зайчонок.

Убегает он от волка, убегает от лисы,

Хоть они, мы знаем точно, неплохие бегуны.

И никто не догонит зайчонка,

Потому что съел он «Быстренка». (Наташа К.)

2. Написать текст, который начинается с предложения: «А вчера я совсем *рекламнулся!*»

***

А вчера я совсем *рекламнулся!* «Зациклился на рекламе», — так говорят мои родители. «Совсем достал! Все рекламы выучил» — продолжает сестра. С самого утра я твержу: «Учил, учил, но забыл. Нам нужна идея. Вспомнил? Позвони!»

Папа не выдержал: «Успокойся, пожалуйста!» И я затих, но на время. Затем опять за свое: «Шок» — это по-нашему. «Злато» на чудеса богато. «Ионесси» — хорошая обувь...»

Скоро я выдохся и замолчал. Но завтра я снова продолжу освоение новых рекламных текстов. (Дина Ш.)

***

Я вчера совсем *рекламнулся*, жуя «Orbit» без сахара. А за стенкой было слышно, что кто-то орал: «Минтон». С улицы доносилось: «А кто пойдет за «Клинским?»». По телевизору говорили: «Гастал — в желудке все спокойно». Вот так я *обрекламился* (Никита М.).

***

А вчера я совсем *рекламнулась*. Отцу купили бритву «Braun». На завтрак мы ели кашу «Быстренок», но я не наелась (у меня был зверский аппетит) и еще съела «Сникерс». Папа сразу после завтрака сел читать «Комок» и одновременно ел батончик «Финт». А мама в это время поехала за хозяйками. Привезла мама зубную пасту «Aquafresh».

Вот и наступил вечер. Все жуют чипсы «Leys» и запивают «Кока-кола». Я села в кресле и стала смотреть телевизор.

Вот так реклама входит в мою жизнь. (Лариса К.) (Рекламнулся / рекламнулась / обрекламился — образованы от слова *реклама* (слова образованы от основы имени существительного, а не от глагольной основы — нарушение словообразовательной

модели). Слова обозначают «помешательство от количества рекламы», степень воздействия рекламы на мозг человека/влияния рекламы на сознание.)

2. Составить текст, включающий окказиональные слова (ученики придумывали слова самостоятельно).

Друзья

В лесу живет лисёнок
Зовут его *Хитрёнок*.
Он утром встал с кровати,
Почистил зубки лапкой,
А вместо физзарядки
Играл с друзьями в прятки.
Под елью ждал зайчонок
По имени *Быстрёнок*,
За пнем сидел *Добрёнок* –
Топтыжка- медвежонок,
И был ещё *Мудрёнок* –
Пушистый совёнок.
А всех искал *Храбрёнок* –
Зубастенький волчонок. (Катя М.)

Окказиональные слова (*Хитрёнок*, *Быстрёнок*, *Добрёнок*, *Мудрёнок*, *Храбрёнок*) образованы суффиксальным способом от основ имен прилагательных, а не имён существительных (нарушение закона словообразования). Кате удалось найти наиболее точный вербальный эквивалент, отражающий внеязыковую действительность: имена собственные отражают характерные качества, присущие животным. Топтыгин — народная кличка медведя (нарицательное имя «топтыга — «неуклюжий, тяжелый») послужила для создания имени: *Топтыжка* (использованы экстралингвистические знания).

***

На Новый год к нам приехал Дед Мороз. В этом году он был каким-то подаркодарительным, потому что каждый день преподносил нам сюрпризы...

После того, как мы встретили Новый год в 12 часов, пошли на улицу. Там мы катались на санках, а у моего брата была снеговиколепительная машина, поэтому мы начали лепить снеговика.

После прогулки нам так захотелось спать, и мы пошли домой. (Катя М.)

***

На Новый год Деду Морозу нужна была елка, и поэтому он сделал *елкоискатель*. После того как находили лесную красавицу, её срубали *ёлкосрубателем*. *Звереискатель* помогал в рассылке приглашений на новогодний бал. Около елки стоял аппарат для угощения.

Всем на празднике было очень весело. (Паша Ш.)

***

Скоро наступит мой любимый праздник — Новый год. *Волшебносказочный* Дед Мороз всех поздравит. Мы все превратимся в *подаркодарителей и подаркополучателей*. Начнутся каникулы — *развлекательные* дни. Все это я очень люблю. (Никита М.)

***

Сегодня утром мне не надо было самой заправлять постель, расчесывать волосы и даже одеваться, потому что родители купили *постелеубиратель, волосорасчесователь и одеждаодеватель*. И в классе ждал сюрприз: нам привезли *стулосниматель и стулоподниматель*, поэтому не пришлось надрываться. (Ярослава Н.)

Путешествие с *Городовичком*

Здравствуйте! Меня зовут *Городовичок*. Я живу в очень необычном городе *Сладкорядовандии*. Итак, начинаем нашу экскурсию.

Все в этом городе сделано из сладостей: дома построены из карамели, одежда сшита из зефира, а посуда сделана из сахара. Необычный город, правда? *Сладкорядовандия* богата полезными ископаемыми, которые находят *сладкоархеологи*.

Итак, друзья, мы отправляемся в музей. Этот музей построен из самого красивого торта — «Птичье молоко». Там находятся самые древние скульптуры, которые сделаны из самого красивого зефира. Картины нарисованы горячим шоколадом и посыпаны ореховой крошкой. Экспонаты животных сделаны из разнообразной выпечки. Выставка старинных часов пестрит *сладкокарамельками*, которые утопают в мармеладе, а стрелочки состоят из сливочных палочек.

Но мы покидаем музей. Выходим в замечательный сквер. Там находятся три красивейших фонтана, сделанных из ароматных пряников.

В таком замечательном городе я живу!

И на этой красивой ноте мы заканчиваем экскурсию. Но не расстраивайтесь, может, встретимся еще раз! (Катя М.)

***

Жила-была в маленькой норке маленькая мышка. Она была очень хитрая, наверное, именно за это её звали *Хитрёнок*.

— У меня дома есть *урокоreshательная* машина, — говорил *Хитрёнок*.

— Ничего у тебя нет! — отвечали друзья.

Но не знали мыши, что это все правда.

— Мама! Я изобрел машину, которая делает уроки! — закричал мышонок *Хитрёнок*.

— Ну-ка, покажи! — сказала мама, идя в его комнату.

Перед ней был серый ящик.

— Смотри! — продолжил *Хитрёнок*. — Надо положить в этот ящик задание и листок бумаги. И через полчаса с другой стороны выйдет листок с выполненным заданием.

— Умница, а сейчас пошли ужинать...

В ту же секунду послышался треск! Перепуганная мама влетела в комнату и увидела в перевернутом ящике своего старшего сына (брата *Хитренка*), которого она искала с самого утра, но не могла найти. Это он сидел внутри машины и выполнял задания.

— Ах, *Хитрёнок*! — засмеялась мама. (Лариса К.)

В текстах преобладает сложные слова, в которых комбинируются имена существительные с глаголами; с именами существительными.

Все новообразования оценивались с точки зрения аксиологии (образность, информативность, целесообразность использования), также разбирались способы образования слов.

Таким образом, рассмотрение слова в курсе русского языка начальной школы с точки зрения морфемного состава и словообразования позволяет формировать «чувство языка», что, в свою очередь, влияет на совершенствование лингвистической способности младших школьников. Языковая система может быть усвоена только благодаря хорошо развитым языковым способностям, языковой интуиции (языковому чувству). «Само это чувство формируется уже как производное от взаимодействия речевого опыта и знаний о языке, приобретенных в школе. Отсутствие достаточного внимания к семантической или коммуникативной сторонам языка может тормозить развитие этого чувства или, по крайней мере, не способствовать его прогрессу [5. С. 126].

Список литературы

1. Аввакумова, Е. А. Интуиция и чувство языка как составляющие языковой способности / Е. А. Аввакумова URL: <http://study-english.info/article085.php>
2. Березин, Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. — М., 1984.
3. Богомазов, Г. М. Соотношение понятий чутье языка, чувство языка, языковая компетенция, языковая способность / Г. М. Богомазов // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 33—39.
4. Божович, Л. И. Значение осознания обобщений в обучении правописанию / Л. И. Божович // Известия АПН РСФСР. 1946. — Вып. 3. — С. 42.
5. Божович, Е. Д. Учителю о языковой компетенции школьников: Психолого-педагогические аспекты языкового образования / Е. Д. Божович. — М., 2002.
6. Бунеев, Р. Н., Бунеева, Е. В., Пронина, О. В. Русский язык. Учебник для 3 класса в 2-х ч. — / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, О. В. Пронина. — М., 2003.
7. Гохлернер, М. М., Ейгер, Г. В. Психологический механизм чувства языка / М. М. Гохлернер, Г. В. Ейгер // Вопросы психологии. — 1983. — № 4. — С. 137—142.
8. Кулакова, Н. В. Использование словообразовательных окказионализмов как текстообразующего средства при написании сочинений младшими школьниками: дис. канд. п. наук / Н. В. Кулакова. — Красноярск. 2005. — 193 с.
9. Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; Под ред. М. Т. Баранова. — М., 2000.
10. Негневицкая, Е. И., Шахнарович, А. М. Язык и дети. / И. Е. Негневицкая, А. М. Шахнарович. — М., 1981.
11. Работа над составом слова на уроках русского языка в начальной школе: Пособие для учителей / С. И. Львова. — М., 1995.
12. Федоренко, Л. П. Принципы обучения русскому языку: пособие для учителей / Л. П. Федоренко. — М., 1973.
13. Чибухашвили, В. А. Функциональные особенности интуиции и условия ее использования в речевом развитии школьников / В. А. Чибухашвили // Вестник Тамбовского университета. — 2009. — № 4 (72). С. 63—68. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?selid=13859836&issueid=740014>

Сведения об авторе

Кулакова Наталья Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск, Россия. kulakova-nv@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 115—123.*

FOSTERING THE “SENSE OF LANGUAGE” IN THE PROCESS OF IMPROVING THE LINGUISTIC ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

N.V. Kulakova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev,
Krasnoyarsk, Russia. kulakova-nv@yandex.ru*

The article discusses different points of view on the concept “sense of language”. The role of this phenomenon in the process of improving the linguistic abilities of younger students is indicated. Emphasis is placed on the aspect of word formation, since consideration of the word in the Russian primary school course from the point of view of morphemic composition and word formation allows forming a sense of language / word feeling among primary school students, which in turn affects the linguistic abilities of students. Examples of exercises corresponding to different types are given: a) analysis of the finished material (observations on specially prepared questions and assignments; selection and characterization of morphemes, etc.); b) transformation of this linguistic material (coinage of derivative occasionalisms on a specific model; coinage of occasionalisms based on the knowledge of the laws and methods of word formation, etc.); c) creating a statement in poetic or prose form (constructing a statement with the use of occasional words; writing a text containing a self-made occasional word or words, etc.). Reflected the creative work of younger students.

Keywords: *sense of language, linguistic intuition, word formation, linguistic abilities, junior schoolchild.*

References

1. Avvakumova, E.A. *Intuiciya i chuvstvo yazy'ka kak sostavlyayushhie yazy'kovoj sposobnosti* [Intuition and sense of language as components of language ability] Available at: URL: <http://study-english.info/article085.php>, accessed 09.01.19. (In Russ).
2. Berezin, F.M. *Istoriya lingvisticheskix uchenij* [The history of linguistic studies]. Moscow, Izdatel'stvo “Vysshaya shkola” [Publishing House “High School”], 1984. 319 p. (In Russ.).
3. Bogomazov, G.M. Sootnoshenie ponyatij chut'e yazy'ka, chuvstvo yazy'ka, yazy'kovaya kompetenciya, yazy'kovaya sposobnost' [The ratio of concepts of language, sense of language, language competence, language ability]. *Voprosy' psixolingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2007, no. 6, pp. 33-39. (In Russ.).
4. Bozhovich, L. I. Znachenie osoznaniya obobshhenij v obuchenii pravopisaniyu [The value of awareness of generalizations in teaching spelling]. *Izvestiya APN RSFSR* [News of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 1946. no.3, pp. 42. (In Russ.).
5. Bozhovich, E.D. *Uchitelyu o yazy'kovoj kompetencii shkol'nikov: Psixologo-pedagogicheskie aspekty' yazy'kovogo obrazovaniya* [To the teacher about the language competence of schoolchildren: Psychological and pedagogical aspects of language education]. Moscow –Voronezh, NPO «MODE`K», 2002. 288 p. (In Russ.).
6. Buneev, R.N., Buneeva, E. V., Pronina, O.V. *Russkij yazy'k. Uchebnik dlya 3 klassa v 2-x ch.* [Russian language. Textbook for class 3 in 2 hours]. Moscow, Balass, 2003. (In Russ.).
7. Goxlerner, M.M., Ejger, G.V. Psixologicheskij mexanizm chuvstva yazy'ka [Psychological Mechanism of Sense of Language]. *Voprosy' psixologii* [Issues of Psychology], 1983, no. 4. pp. 137-142. (In Russ.).

8. Kulakova, N.V. *Ispol'zovanie slovoobrazovatel'ny'x okkazionalizmov kak tekstoobrazuyushhego sredstva pri napisanii sochinenij mladshimi shkol'nikami: dis. kand. p. nauk* [The use of word-building occasionalisms as a text-forming tool when writing essays by younger students. Thesis]. – Krasnoyarsk. 2005. (In Russ.).
9. Baranov M.T, Ippolitova N. A., Lady'zhenskaya T. A., L'vov M. R. *Metodika prepodavaniya russkogo yazy'ka v shkole: Uchebnik dlya stud. vy'ssh. ped. ucheb. zavedenij* [Methods of teaching Russian at school: A textbook for students. higher ped. studies. Institutions]. – Moscow, «Akademiya», 2000. 368 p. (In Russ.).
10. Negneviczkaya E.I., Shaxnarovich A.M. *Yazyk i deti*. [Language and children]. Moscow, Science, 1981. 111 p. (In Russ.).
11. L'vova S.I. *Rabota nad sostavom slova na urokax russkogo yazy'ka v nachal'noj shkole: Posobie dlya uchitelej* [Work on the composition of the word in the Russian language lessons in elementary school: A Handbook for Teachers]. Moscow, TOO “Valent”, 1995. 191 p. (In Russ.).
12. Fedorenko L.P. *Principy' obucheniya russkomu yazy'ku: posobie dlya uchitelej* [Principles of teaching the Russian language: a manual for teachers]. Moscow, Enlightenment, 1973. 160 p. (In Russ.).
13. Chibuxashvili V.A. Funkcional'ny'e osobennosti intuiicii i usloviya ee ispol'zovaniya v rechevom razvitii shkol'nikov [Functional features of intuition and the conditions for its use in schoolchildren's speech development]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Bulletin], 2009. no. 4 (72). pp. 63-68. (In Russ.). URL:<https://elibrary.ru/contents.asp?selid=13859836&issueid=740014>, accessed 09.01.19. (In Russ.).

АНТРОПОНИМЫ В ЯЗЫКЕ КАРАКАЛПАКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Ш. М. Кунназарова

Нукусский филиал Ташкентского государственного аграрного университета, Нукус, Узбекистан

Статья посвящена употреблению антропонимов в языке каракалпакских народных сказок. Исследователь прослеживает различные аспекты употребления антропонимов. Языковой материал классифицируется с опорой на научные исследования по происхождению антропонимов. Акцент делается, в основном, на антропонимах арабского происхождения. С научной точки зрения дается лексико-семантический анализ указанных антропонимов, особенностей их употребления. В сопоставительном плане данные антропонимы анализируются с современным каракалпакским языком. Несомненно, работа представляет интерес для языковедов.

Ключевые слова: каракалпакский язык, антропонимика сказок, имена арабского происхождения, лексико-семантический анализ, этимология, употребляемость, классификация арабоязычных антропонимов.

К сегодняшнему дню имеется немало научных трудов, посвященных именам людей и их значениям, причинам их присвоения, морфологическим, историко-этнографическим и лексико-семантическим особенностям. В разностороннем изучении собственных имен людей, ценными источниками считаются труды, написанные Т. Жанузаковым о собственных именах людей в казахском языке [7], Э. Бегматовым в узбекском [2], О. Сайымбетовым в каракалпакском [16], Т. Кусимовой в башкирском [8] и А. В. Суперанской, которая изучала собственные имена людей в индоевропейских языках [18].

Но, если обозначить степень употребления собственных имен в языке сказок, то некоторые из них употребляются продуктивно, некоторые реже, а некоторые почти не употребляются, потому что эти собственные имена присущи только языку сказок. Учитывая все эти особенности, по степени употребляемости можно выделить следующие группы:

1. Часто употребляемые собственные имена людей: *Абат, Адил, Асан, Асен, Калимбет, Бийбисанем, Еркинбай, Есен, Кундыз, Зийба, Зийнеп, Тимур, Бахрам, Абдулла, Алламурат, Рустем, Аббаз, Тазабай, Маўлен, Назийра, Жузимгул, Ерлепес, Мадирейим, Дошнияз, Уалий* и др.

2. Собственные имена, которые употребляются редко или почти не употребляются: *Атамтай, Адешер, Арпамадиян, Нурыкша, Мейтин, Занай, Жансап, Кыран, Гулгахийха, Тысмат, Нуркызарын, Дат, Ундемес, Зайып, Акишахан, Менли* и др.

Эти антропонимы по своему строению делят-

ся на простые и сложные имена. В большинстве тюркских языков они представлены следующим образом:

1. Простые имена: *Тимур, Бахрам, Абат, Адил, Зийба, Зийнеп, Асан, Асен, Саят, Маўлен, Есим, Темир, Гул, Бахадыр, Махмуд, Амет, Тохир* и др.

2. Сложные имена: *Атамтай, Бийбисанем, Тазабай, Калбай, Бекимбет, Калимбет, Жалимбет, Токымбет, Кудабай, Кудайназар, Алламурат, Аденабай, Байнияз, Оразымбет, Тилепбай, Сейтмурат, Гулсара, Анаргул, Назархан* и др.

При изучении собственных имен из сказок установлено, что некоторые из них встречаются в легендах, связанных с исламской религией, другие — в исторических текстах и в художественных произведениях, третьи — только в сказках:

1. Собственные имена, встречающиеся в легендах, связанных с исламской религией: *Сулайман, Испандияр, Атамтай, Рустем, Зал, Рухатен, Кыдыр, Муўса, Даўыт* и др.

2. Имена исторических личностей: *Хаким Улыкпан, Искендер* и др.

3. Имена собственные, свойственные языку сказок: *Аккуўбай, Тулкибай, Кыран, Айыўлы-Алпан, Баяўлы арыс, Арпамадиян, Гударыша, Зергекбай, Кулак, Ешамак, Дошамак, Шинкилдек, Гуркирер, Баглан* и др.

В настоящее время существует более 500 собственных имен людей, используемых в языке сказок. Они различны по происхождению, некоторые из них являются антропонимами, заимствованными с арабского языка, а некоторые относятся к собственному словарному пласту.

Существует сто без одного, т. е. девяносто девять, имен всевышнего, если кто-либо при выборе имени для своего ребенка использует имя на основе имени всевышнего, то оно на основании требований исламской религии не должно быть выше или наравне по значимости с именем Аллаха. Поэтому в составе имен, произошедших от имени Аллаха, присутствует арабское слово «абд» (раб), т. е. слова, объединяющие понятия, близкие к этому значению [3. С. 12]. Также, в языке сказок есть имена, связанные с подобными религиозными понятиями, к ним можно отнести имя «Абдулла». *Абдулла* — по-арабски слуга, раб Аллаха [3. С. 25], пример из сказки: Бир күни *Абдулла* саўдагердин үйинде досты қонып отырып, оннан усыныша узак жасағанының сыры туўралы сорапты [= Однажды у *Абдуллы*-торговца заночевал его друг и спросил о секрете его долголетия] [14. С. 31].

Это имя состоит из двух частей, первая часть «абд», вторая часть «улла». Как говорилось выше, «абд» — раб, «улла» — многозначное понятие, всесторонне описывающее Аллаха, выражающее свое отношение к нему через имя ребенка, а также дающее понять, что именование ребенка — это божий дар, поэтому мы должны всегда быть благодарны Аллаху за это [3. С. 25].

Еще одно из имен, связанных с именем Аллаха — *Алламурат*. Это слово арабского происхождения и означает «цель, чаяния Аллаха» [6. С. 10]: *Алламурат* қассаптың үйинде үш күн жұмыс илейди [= *Алламурат* три дня работал в доме мясника] [14. С. 27].

Имена *Абдулла* и *Алламурат* состоят из двух компонентов, второй компонент которого на каракалпакском языке играет роль указателя пола, напр.: *Абд+улла*, *Алла+мурат* [20. С. 96].

К ряду имен, связанных с именем Создателя и обозначающих его качества, можно отнести имя *Мәулен*. Оно по-арабски означает «наставник, творящий добро, одно из качеств Аллаха» [6. С. 43]. Это имя тоже присутствует в языке сказок: Бурынғы өткен заманда Мысыр шәхринде бир патша болған екен. Бул патшаның *Мәулен* деген бир баласы болыпты [= Давным-давно, в Египте, жил-был один царь. У этого царя был сын *Маулен*] [14. С. 17].

Несмотря на то, что большинство собственных имен людей, имеющих арабское происхождение, составляют имена пророков и людей, связанных с религиозными понятиями, целый ряд из них часто употребляется и сегодня, подобно коренным словам каракалпакского языка, это такие име-

на, как: *Кыдыр*, *Сулайман*, *Мурат*, *Адил*, *Хаким*, *Полат*, *Қыран*, *Мыскал*, *Мейтин* и др.

Имя *Кыдыр* иногда употребляется в качестве имени пророка. Этот герой, являясь мифологическим персонажем, по мнению людей, оценивается как сверхъестественная сила, приносящая с собой благополучие, сытость, добро. Это слово, по мнению Рабгузи, означает «зеленый»: «*Хизр* маъноси *яшил* бўлур. Қаю тош узра *Хизр* олайхиссалам ултурса, ул тош яшарур эрди. Анинг учун *Хизр* атанди» [15. С. 68].

Имя *Кыдыр* также используется в языке сказки: Жигит балаға *Қыдыр* атаны излеп баратырғанын айтады ... депти де көзден ғайып болыпты. Жигит сонда баланың *Қыдыр* ата екенин билипти [= Парень сказал мальчику, что идет искать *Кыдыр ата* ... сказал он и исчез. Тогда парень понял, что это был сам *Кыдыр ата*] [14. С. 69].

Антропоним *Сулайман*, являющийся именем царя Израиля — могучего государства того времени, изначально имел форму *Шеломо*. Затем стали употреблять его как *Соломон*. В арабском языке данное слово подверглось фонетическим изменениям и перешло в форму *Сулайман* [15. С. 394]. Это слово означает «тихий, защищенный» [16. С. 21]. Подобные имена людей доцент О. Сайымбетов оценивает как «имена людей, относящиеся к историческим лицам, жившим в период до появления исламской религии» [16. С. 21]. Это имя в языке сказки используется в качестве имени пророка: Келип кебин таслаған ўақытта, өзиниң ашық болған қызыңның кебин усла да, олла-билласына инанба. *Сулайман пайғамбар* урсын дегенинше инанба [= Когда она скинет кожу, схвати кожу своей любимой и не верь ни одному её слову, пока она не поклянется именем пророка *Сулаймана*] [11. С. 111]. В этом примере имя *Сулайман* описывается как царь птиц, в качестве пророка птиц. Среди народа сохранились легенды и сказки о том, что он был царем птиц.

Антропоним *Хаким* изначально употреблялся в значении мудреца, а затем подвергся смысловым изменениям, стал означать целителя, лекаря [19. С. 567]. В языке сказок это слово употреблялось вместе со словом *Улыкпан*: Сонда ол адам: — Өттегене-ай, бул қыйын саўда екен. Буннан бир неше жыл бурын *Хәким* — *Улыкпан* деген адам өтип еди. Сол киси болғанда бул кеселиңниң даўасын табар еди, бирақ оны таўып алыў қыйынлаў-ғой, — депти. [= Тогда человек сказал: — Жаль, это очень трудный случай. Несколько лет назад был один человек по имени *Хаким-Улыкпан*. Вот он нашел бы

способ лечения этой болезни, но найти его будет трудновато] [13. С. 235].

— Бала шапқылап патшаға барып: — Таксыр, сизди көремен деп бир ғарры киси киятыр, — дейди. Патша сорады: — Оның аты ким екен? — деди. Бала атын сорамаған екен, атын билмей қалды. Кейнінен бир отыншы киси барып: — Патша сүйінши, *Хәким Улықпан* киятыр! — деди. [= Мальчик прибежал к царю и сказал: — Уважаемый, один старец хочет Вас осмотреть. Царь спросил: — Как его имя? Мальчик не знал имени старика. Затем подошел один дровосек со словами: Царь, хорошая новость, идет сам *Хаким Улыкпан!*] [13. С. 235].

При анализе примеров было выявлено, что в первом случае слово *Хаким* использовано в значении *лекаря*, а во втором — в значении *мудреца*. Можно сделать вывод о том, что слово *Улыкпан* является именем человека, а *Хаким* это слово, обозначающее титул этого человека. Значит, антропоним *Хаким* использовался в качестве имени человека, а также в качестве слова с собственным определенным значением. Это слово в языке сказок и в современном языке используется и в качестве должности, имеющего определенную власть, напр.: Биреу қаланың *хәкимине* айтып барыпты. *Хәким* буларды шақырып алып, қаланы үш айландырып урып-урып кууып жибереди. [= Кто-то дал знать *хакиму* города. *Хаким* вызвал их к себе. Приказал три раза обойти город, избивая их и выгнать] [14. С. 445].

В языке сказок среди арабских имен имеют место имена, связанные с пророком Мухаммедом и его сподвижниками. Одно из подобных имен — *Сейит*. *Сейит* — по арабски означает «свободный», «потомок Мухаммеда» [19. С. 369]: *Сейит* үйине келип, елин жыйнап той берип, Зарымға *асық жилик* услатыпты. [= *Сейит* вернувшись домой, созвал весь народ на той, отдал Зарыму асық жилик] [12. С. 29] (*асық жилик* — кусок мяса, предназначенный для самого дорогого гостя).

Еще одно имя, превращенное в имя пророка — *Юсуп*, арабская форма имени Иосифа, сына пророка Якова, в древнееврейском языке [19. С. 524], означает «умноженный», «приумноженный» [16. С. 21], напр.: [=В давние времена, в одном ауле жил бай по имени *Йусуп*] [14. С. 383].

Имя *Юсуп* на Востоке считается олицетворением прекрасного, красивого [19. С. 524]. И в легендах говорится, какое оно прекрасное и очень красивое. Эта его особенность передается в произведениях поэта-классика XIX века Бердаха следующим образом:

Жәхән маған хәўес етип карасын,
Хәзирети *Юсуптиң* хусни көркин бер.

[= Дай мне облик святого *Юсуна*,
Пусть весь мир завидует мне] [4. С. 49].

В языке сказок подобном легендарном качеством обладает и мужское имя *Атамтай*, которое олицетворяет богатого и щедрого человека: *Атамтай* жомарт бир күни өзінше ойланып, мен ғой хәр келген адамға бир ләген алтын беремен, меннен артық жомарт бай бармекен, сорап көрейин деген қыялға кетеди. [= Однажды *Атамтай*-щедрый задумывается о том, какой он щедрый, раздает каждому встречному по полному блюдцу золота. Дай-ка я спрошу, есть ли кто другой пощедрее меня?] [12. С. 142].

Имя *Атамтай* с арабского означает *очень щедрый* [19. С. 593]. Значение этого слова совпадает с его вышеуказанной характеристикой в сказке.

Основная особенность слов, пришедших из арабского языка, состоит в широте их значений, в многозначности [5. С. 70]. Это мы можем увидеть в имени *Саят*, использованном в языке сказок, напр.: Бир күнлери хаялы ул тууып, атын *Саят* қойыпты [14. С. 100] [=В один из дней жена родила сына и нарекли его *Саятом*]. *Саят* — по-арабски «охотник», а также «человек, умеющий угодить людям» [6. С. 54].

Охотник по имени *Саят* встречается в языке произведений поэта-классика XIX века Ажинияза, напр.: Туғырымда талпынған алғыр баз едим, Қәлпе, *сәйядларым* маман болмады. Здесь «*Сәйяд*» — человек, охотящийся при помощи птиц [1. С. 146].

Сәнәуар — арабское слово в значении *сосна*. А в языке это слово в переносном значении обозначает «красивое, прекрасное», в основном, используется в качестве женского имени [19. С. 376]. Но в языке сказок данное имя встречается и как мужское имя. Это также говорит о том, что арабские слова многозначны, напр.: *Сәнауар* жоқарыға қарағанында сыйқыршы басына топырақ шашты. Жигит кийикке айланыпты. [= Когда *Санауар* посмотрел вверх, волшебник посыпал его голову песком. Парень превратился в оленя] [14. С. 61].

О. Сайымбетов, исследовавший собственные имена людей в каракалпакском языке, указывает на то, что слова *мурат* и *адил* из апеллятивов перешли в антропонимы. Он относит эти онимы к группе продуктивно используемых в каракалпакском разговорном языке имен, образованных от арабских слов [16. С. 20]. В языке сказок они употребляются в качестве нарицательного слова

и в качестве собственного имени человека: Себеби халық Әдил патшаның әдиллигин еситип, сонда көшип кетипти [= Потому что народ, услышав о справедливости царя Адила, перебрался в те края] [11. С. 224]. В каракалпакском языке слово *Әдил* означает — *справедливый*.

Екеуи еки елди қосып *Муратқан Ақтас* пенен *Гулистан* елине патша болып, *мурат* мақсетине жетеди [= Объединив вдвоем два государства: *Ақтас* и *Гулистан*, *Муратқан* стал царем, и исполнились все его мечты] [11. С. 170].

Если слово *әдил* в первом примере означал «правильный, справедливый» [19. С. 14], то слово *мурат* означает «мечты, цели» [19. С. 593]. Эти слова в составе собственных имен имеют желательное значение.

Слово *мейтин* означает «крепкий, очень твердый» [19. С. 265]. В современном каракалпакском языке оно входит в состав композита *тасмийтин*, но не используется в качестве имени человека. А в языке сказок оно встречается в качестве собственного имени: Жолда киятырып барлық болған сырын шопанға айтып түсіндірди. Шопанның аты *Мейтин* екен [= По пути он всю свою тайну доверил пастуху. Звали пастуха *Мейтин*] [12. С. 65]. Значит, это слово перешло в имя человека в смысле пожелания быть крепким и выносливым.

Некоторые слова арабского языка перешли в собственные имена метафорически. Примером может послужить слово *мыскал*, означающее мизерное количество меры веса [195. С. 272].

В языке сказок *мыскал* употреблен в качестве имени человека, имеющего очень легкий вес: *Мысқал* перини күнде азанда патша өлшейди екен, ол қыз тууылғалы ауырлығы бир *мысқалдан* зыят болмайды екен. [= Царь каждое утро взвешивал пери *Мысқал*, но вес девушки с рождения не превышал одного *мыскала*] [11. С. 142]. Но это имя сегодня встречается редко.

Еще одно из подобных имен, возникших по метафорическому переносу — сравнению, приравниванию — *Қыран*. *Қыран* в арабском языке означает «объединение, соединение, встреча» [19. С. 535]. Оно приобрело значение «смекалистый, смелый, могучий, молниеносный» [6. С. 215].

Имя *Қыран*, встречающееся в языке сказок, олицетворяет образ быстрого, имеющего молниеносную скорость человека: Босатып жиберіуден ол көзден ғайып болды. Бул *Қыран* деген еді. Бул адамның жүйріклигі сондай, алты айшылық жолды, бир атлап кететуғын еді. [= Как только его освободили, он исчез из виду. Это был *Қыран*.

Его скорость была такой, что шестимесячный путь он преодолевал одним шагом] [13. С. 10]. Ал *Қыран* қарақшы хәр секиргенде сексен қырды асып түсетуғын еді. [= А разбойник *Қыран* за один прыжок преодолевал восемьдесят горных хребтов] [13. С. 19].

Так, слово *қыран* подверглось смысловому изменению, приобрело функцию, обозначающую качество, и превратилось в имя человека, имеющего данное качество. Это имя сегодня не используется, но встречается в составе титулов средневековья, напр., слово *Сақыбқыран* встречается в произведениях Бердаха в форме «Жети ығлым сахип-қыран» и присваивается лучшим царям в качестве прозвища, означающего «знающий, умный, смелый, дальновидный» [17. С. 26].

В быту каракалпаков XIX века слово *қыран* обозначало воина. Это мы можем увидеть в романе «Непонятные» трилогии «Дастан о каракалпаках» Т. Кайыпбергенова.

Итак, использование слова *қыран* в значении титула человека наряду со значениями «быстрый», «находчивый» и «воин» говорит о том, что арабские заимствования являются многозначными.

Среди арабских заимствований в языке сказок есть лексемы, употребляемые только в качестве имени человека, напр.: Әне, *Сәлимжан* атасынан қалған дүнья мүликті сатыстырып жеп жата берипти [= Вот, Салимжан живет, не тужит, распродалая имущество, оставленное отцом в наследство] [13. С. 229].

Сәлімтәри кептер болып ушып, жолға түсіпти [= Салимпари превратилась в голубя и пустилась в путь] [12. С. 36].

В приведенных примерах имя *Салим* означает «здоровый, неповрежденный» [16. С. 23] и используется в качестве мужского и женского имен: *Салим* — *Салима*. Подобно этому, имя *Жамийла* означает «красивый», «добродушный» [16. С. 23]: Есикти тасырлатып: — Әй, кел қошшым *Жәмийла*, аман саў барсаң ба? — дейди [= Эй, друг Жамийла, как поживаешь? — спросил постучавший в дверь] [13. С. 102]. Это имя тоже используется в качестве мужского и женского имен: *Жамийл* — *Жамийла*. Эти имена также вошли в группу имен, означающих пожелания.

Таким образом, изучив употребление арабоязычных заимствований в языке каракалпакских сказок, мы пришли к следующим выводам:

а) одна группа антропонимов, заимствованных из арабского языка, связана с именами пророков и религиозными понятиями;

б) другая группа образована от арабских апеллятивов;

в) арабоязычные антропонимы имеют различные абстрактные значения, среди которых преобладает значение пожелания его носителю;

г) арабоязычные антропонимы по употребляемости в современном каракалпакском языке делятся на популярные, редкоупотребляемые и исторические и экзотические, почти не употребляемые.

Список литературы

1. Эжинияз. Таңламалы шығармалары / Эжинияз. — Нөкис, 1988.
2. Бегматов, Э. Антропонимика узбекского языка: автореф. дис... канд. филол. наук / Э. Бегматов. — Тошкент, 1965.
3. Бегматов, Э. Исм чиройи / Э. Бегматов. — Тошкент, 1994.
4. Бердак. Таңламалы шығармалары / Бердак. — Нөкис, 1987.
5. Бердимуратов, Е. Хәзирги каракалпак тили. Лексикология / Е. Бердимуратов. — Нөкис, 1994.
6. Доспанов, О., Доспанова, Д. Исмиңиздиң сыры неде? / О. Доспанов, Д. Доспанова. — Нөкис, 2009.
7. Жанузаков, Т. Қазақ есімдерінің тарихы / Т. Жанузаков. — Алматы, 1971.
8. Кусимова, Т. Х. Древнетюркские антропонимы: автореф. дис... канд. филол. наук / Т. Х. Кусимова. — Уфа, 1975.
9. Кусимова, Т.Х. В мире имен: Словарь башкирских личных имен (на башкирском и русском языках) / Т. Х. Кусимова. — Уфа, 1991.
10. Каракалпак тилинің түсіндірме сөзлігі. — Нөкис, 1988. — Т. III.
11. Каракалпак фольклоры. — Нөкис, 1977. — Т. I.
12. Каракалпак фольклоры. — Нөкис, 1977. — Т. II.
13. Каракалпак халық ертеклери. — Нөкис, 1997.
14. Каракалпак фольклоры. Көп томлық. — Нөкис, 2014. — Т. 67—76.
15. Рабғузий. Рабғузий Қиссаси / Рабғузий. — Тошкент, 1991. — II китоб.
16. Сайымбетов, О. Каракалпак тилиндеги меншикли адам атлары / О. Сайымбетов. — Нөкис, 2000.
17. Сайтов, Д. Бердак ҳәм Эжинияз шығармаларының сөзлігі / Д. Сайтов. — Нөкис, 1970.
18. Суперанская, А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А. В. Суперанская. — Москва, 1969.
19. Рахматуллаев, Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати / Ш. Рахматуллаев. — Тошкент, 2003. — Т. II.
20. Шамшетов, Ж. Каракалпак тилиндеги шығыс тиллеринен кирген сөзлер тарихынан / Ж. Шамшетов. — Нөкис, 1984.

Сведения об авторе

Кунназарова Шолпанай Махсетбаевна — ассистент кафедрой «Каракалпакского, узбекского и иностранных языков», Нукусский филиал Ташкентского государственного аграрного университета. Нукус, Узбекистан. shirazova@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 124—129.

ANTHROPONYMS IN THE LANGUAGE OF KARAKALPAK FOLK TALES

Sh.M. Kunnazarova

Nukus branch of Tashkent State Agrarian University, Nukus, Uzbekistan. shirazova@mail.ru

The article deals with the usage of anthroponyms in Karakalpak national fairy tales. There is a classification of their origin. Attention is focused on anthroponyms borrowed from Arabic. We made their lexico-semantic analyses and identified usage differences. The analysis was based on comparison with the modern Karakalpak language. If we designate the boundaries of the use in modern language of proper names in the language of fairy tales, some of them are used productively, some less often and some are not used, because these proper

names are inherent only in the language of fairy tales. When studying proper names used in fairy tales, we gleaned that some of them are found in legends associated with the Islamic religion or historical events, they do not occur in historical works and are found only in fairy tales. Some of them are anthroponyms borrowed from the Arabic language and are genuine. Even though most proper names of people of Arab origin are names of prophets and people associated with religious concepts, a number of lexical units are often used today as root words in the vocabulary; some Arabic words through the similarity with the basic meaning having passed to persons' own name.

Key words: *anthroponym, people's proper names, Arab origin, lexico-semantic analysis, polysemy, figurative meaning, meaning of title, the use of anthroponyms, social change.*

References

1. Azhiniyaz. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Nukus, 1988. (In Karakalpak).
2. Begmatov, E. *Antroponomika uzbekskogo jazyka* [Anthroponims of uzbek language]. Tashkent, 1965. (In Russ.).
3. Begmatov, E. *Krasota imjon* [Beauty of name]. Tashkent, 1994. (In uzbek)
4. Berdakh. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Nukus, 1987. (In Karakalpak).
5. Berdimuratov, E. *Sovremennyy karakalpakskij jazyk* [Modern Karakalpak language]. Leksikologiya [Lexicology]. Nukus, 1994. (In Karakalpak).
6. Dospanov, O., Dospanova, D. *V chem sekret tvoego imeni?* [What is the secret of your name?] Nukus, 2009. (In Karakalpak).
7. Januzakov, T. *Istorija kazahskogo imena* [History of Kazakh names]. Almaty, 1971. (In Kazakh).
8. Kusimova, T.X. *Drevnetjurkskie antroponimy* [Anthroponim of old Turkey]. Ufa, 1975. (In Russ.).
9. Kusimova, T.X. *V mire imen: Slovar' bashkirskih lichnyh imen (na bashkirskom i russkom jazykah)* [Names in the world: Dictionary of Bashkirt personal names (in Bashkir and Russian languages)]. Ufa, 1991. (In Russ.).
10. *Tolkovyy slovar' karakalpakskogo jazyka* [Explanatory dictionary from karakalpak language]. Vol III. Nukus, 1988. (In Karakalpak).
11. *Karakalpakskij fol'klor* [Folklore of Karakalpak]. Nukus, 1977. Vol. I. (In Karakalpak).
12. *Karakalpakskij fol'klor* [Folklore of Karakalpak]. Nukus, 1977. Vol. II. (In Karakalpak).
13. *Karakalpakskie narodnye skazki* [Folk tales of karakalpak]. Nukus, 1997. (In Karakalpak).
14. *Karakalpakskij fol'klor* [Folklore of Karakalpak]. Mnogotomnik [A lot of parts]. Nukus, 2014. Vol 67-76. (In Karakalpak).
15. Rabguziy. *Rabota Rabguzij* [The story of Rabguziy]. II kniga [Book II]. Tashkent, 1991. (In Uzbek)
16. Sajymbetov, O. *Sobstvennye imena cheloveka v karakalpakskom jazyke* [Personal names in karakalpak language]. Nukus, 2000. (In Karakalpak).
17. Sajtov, D. *Slovar' proizvedenij Berdaha i Azhiniyaza* [Dictionary of Berdakh and Ajiniyaz's abstracts]. Nukus, 1970. (In Karakalpak).
18. Superanskaya, A.B. *Struktura imeni sobstvennogo* [Strukture of personal names]. *Fonologija i morfologija* [Phonology and morphology]. Moscow, 1969 (In Russ).
19. Rakhmatullaev, Sh. *Jetimologicheskij slovar' uzbekskogo jazyka* [Ethemologic dictionary of uzbek languages]. Tashkent, 2003. Vol II. (In Uzbek)
20. Shamshetov, J. *Iz istorii slov inojazychnogo proishozhdenija na karakalpakskom jazyke* [The history of oriental lingual words in the karakalpak language]. Nukus, 1984. (In Karakalpak).

РЕКЛАМНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ» В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Н. В. Лазеева, Л. П. Прохорова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Статья посвящена исследованию изменений речевого жанра «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала под влиянием рекламных интенций. Изменения структуры исследуемого речевого жанра коснулись основных параметров жанра: ролей адресата и адресанта, коммуникативной цели, прагматического потенциала жанра. Это привело к трансформации речевого жанра «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала.

Ключевые слова: *речевой жанр, дискурс глянцевого журнала, модификация жанра, трансформация жанра, реклама, рекламная интенция*

Проблемы жанроведения являются по-прежнему актуальными в современной лингвистике, хотя становление жанроведения началось ещё в 1979 г. с публикации классической работы М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [2]. В настоящее время жанроведы всё больше интересуют вопросы формирования новых речевых жанров, а также вопросы исследования различных изменений уже изученных речевых жанров, которые приводят к жанровой модификации или трансформации, последняя из которых влечёт за собой появление вторичных речевых жанров.

В данной статье объектом исследования является речевой жанр «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала, претерпевший определенные изменения под влиянием рекламного дискурса.

Речевые жанры печатных СМИ всегда становились предметом изучения целого ряда исследований. Так, в диссертационном исследовании Е. А. Никишиной «Речевой жанр писем читателей в газету» предлагается развернутая классификация поджанров писем читателей: письма-благодарности, письма-поздравления, письма-объявления, письма-жалобы, письма-отклики, письма-сообщения и др. Также Е. А. Никишина в своей работе определила, что «письма читателей в газеты представляют собой особый малый жанр, объединяющий тексты, разнообразные по своей коммуникативной направленности» [7. С. 4].

В исследованиях Е. Н. Беседы [3] и С. Х. Аргашоковой [1] объектом исследования становятся речевые жанры «Читательский отклик» и «Письмо редактору», которые относятся к письмам-откликам. Данные письма представляют собой реакцию

на текст, являющийся стимулом, то есть опубликованное ранее письмо или статью в газете или журнале.

В данной статье детальное изучение отводится речевому жанру «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала, содержащему вопрос читателя по определенной проблеме и ответ журналиста в рамках рубрики, название которой устанавливается редакцией журнала и иногда зависит от тематики вопросов, которые задают читатели. Если в российских версиях глянцевого журнала *Cosmopolitan* и *Men's Health* рубрика, включающая вопросы читателей и ответы журналистов, часто имеет общее название «Вопрос-ответ», то в британских печатных СМИ для обозначения такой рубрики существует определенный термин «*agony column*». Наряду с термином «*agony column*» в современных американских печатных изданиях для определения данного понятия используются такие синонимы, как «*advice column*», «*personal column*».

В разные периоды развития журналистики переписка между читателями и журналистами в печатных изданиях претерпевала ряд изменений. В середине XVIII века с целью привлечения широкой аудитории и повышения имиджа изданий редакторами журналов было принято решение создать обратную связь с массовой аудиторией и организовать переписку с читателями. Но первые попытки привлечения читателей к публикациям в журналах оказались unsuccessful. Поэтому редакторы как зарубежных, так и отечественных журналов нередко сами становились авторами писем читателей.

В конце XVIII века редакторы изменили элитарный характер журналов на массовый и начали учитывать информационные интересы разных слоев населения, стали ориентировать журналы на широкий читательский круг. В связи с увеличением круга читателей издатели возобновили организацию обратной связи с ними. «Издатели журналов, используя традиционную для периодики XVIII века форму переписки с читателями, добились достоверности, действительного «эффекта присутствия» читателя, задающего вопросы, высказывающего свою точку зрения, оценивающего журнал» [10. С. 27].

В настоящее время речевой жанр «Переписка с читателем» подвергается изменениям под влиянием рекламы, которая получила широкое распространение в дискурсе глянцевого журнала.

Цель данной статьи — выявление специфики трансформации речевого жанра «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала под влиянием рекламных интенций.

За последний период в теории речевых жанров особую значимость получили исследования проблем генезиса и развития жанров в границах определенного дискурса. В большинстве научных работ по жанроведению, в рамках которых используется диахронический подход, предметом изучения становятся системные жанровые изменения, обусловленные меняющимися социокультурными обстоятельствами функционирования жанров.

Динамика жанровой организации определенного дискурса описывается с помощью понятий «модификация» и «трансформация» жанра. Под модификацией речевого жанра, вслед за Т. Г. Рабенко, понимается «такое его преобразование, которое не сопровождается изменением сущности жанра (прежде всего, коммуникативной цели)». В ходе трансформации речевого жанра, с точки зрения Т. Г. Рабенко, «происходит изменение иллюкутивно-интенционального содержания жанра и соответственно изменение самого жанра, возникает новый речевой жанр, который может сохранять (наследовать) название первичного жанра. В результате остается только формальный признак жанра — наименование — чуть ли не самая устойчивая (консервативная) его черта, в то время как существенные (ядерные) признаки жанра «выветриваются» [8. С. 9].

Изменения жанровой организации затронули и дискурс глянцевого журнала. Являясь значимым сегментом современного медийного дискурса, дискурс глянцевого журнала разрабатывает и предлагает читателям эталон современных об-

разов и стилей жизни. В связи с реализацией основной функции глянцевого журнала, которая заключается в формировании потребности у читателей в обладании современными продуктами, относящимися к основным «глянцевым» ценностям, в глянцевых журналах большое внимание отводится рекламе товаров и услуг, направленных на формирование современного стиля жизни.

Современные глянцевые издания в полном объеме используют разрешенные 40% рекламной информации от общего количества страниц. В связи с внедрением рекламы товаров и услуг в материалы журналистов нерекламного характера, объем рекламной информации в глянцевых журналах резко возрастает. Это приводит к распространению скрытой рекламы в глянцевых журналах. Под скрытой рекламой, вслед за М. О. Кочетковой, понимаем «рекламу, размещенную под видом информационного или авторского материала, замаскированную под личное сообщение или иную информацию нерекламного характера» [6. С. 36]. В некоторых случаях объем прямой и скрытой рекламы может составлять до 80—90% от общего содержания глянцевого журнала [5. С. 220—221].

Такое воздействие рекламы на материалы нерекламного характера приводит к расширению видов жанровых интенций, в том числе для реализации рекламных интенций в речевом жанре «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала. Рекламные интенции определяют формирование отдельной ветви эволюции речевого жанра «Переписка с читателем», которая заключается в трансформации исследуемого жанра.

В ответной реплике журналиста на вопрос читателя начинает явно и скрыто использоваться рекламная информация, что влияет на характер адресант-адресатных отношений. Каждый участник коммуникации в речевом жанре «Переписка с читателем» выступает в роли адресата и адресанта поочередно. При этом контактоустанавливающая функция принадлежит читателю, который задает вопрос журналисту и играет роль адресанта. После получения вопроса журналист формулирует и направляет ответ читателю, при этом читатель и журналист обмениваются ролями, журналист играет роль адресанта, а читатель — роль адресата.

В ходе реализации обратной связи журналисты часто начинают выполнять роль модераторов, так как для построения компетентных ответных реплик они привлекают экспертов разных сфер деятельности: сотрудников компаний, профессионалов, использующих рекламируемую продукцию

в своей профессиональной деятельности (врачей, стилистов, парфюмеров, юристов, спортивных тренеров), известных людей и др.

Q: *My fine hair always falls flat, even when I blow-dry with a round brush. What's an easy way to create volume that lasts?*

A: *With hair still warm from the dryer, slide long, flat clips (at left, Goody Sectioning Clips, \$3.16) in 1-inch chunks across your head (see illustration), says stylist Morgan Willhite. Remove after 10 minutes, and lock in lift with Dove Style+ Care Strength & Shine Hair Spray, \$3.76. [12. P. 112].*

При построении реплики-реакции журналист включает рекламную информацию с учётом особенностей и потребностей адресата. При этом читатель, кроме выполнения роли адресата, приобретает ещё и роль потенциального потребителя или покупателя.

Так, в ответе на вопрос читателя журналистом в речевом жанре «Переписка с читателем» в дискурсе гляцевых журналов осуществляется подмена коммуникативных целей. При построении ответной реплики, которая согласно типовой интенции жанра должна иметь характер дружеского совета, журналист включает информацию рекламного характера. Воздействие журналиста на читателя смещается с традиционного совета и поддержания дружеской беседы на продвижение товаров и услуг в рамках построения ответной реплики на вопрос читателя. Реплика-реакция журналиста становится двуплановой: она содержит две коммуникативные ситуации — явную и скрытую.

С целью описания сокрытия рекламных интенций в ситуациях взаимодействия журналиста и читателя в речевом жанре «Переписка с читателем» воспользуемся предложенной В. В. Дементьевым [4] моделью диады и рассмотрим, как эти ситуации моделируются в ответных репликах журналиста.

Диада, по мнению В. В. Дементьева, является «семиотической моделью, состоящей из двух компонентов: левого и правого членов. При этом левый член диады — то интенциональное состояние говорящего, выражение которого должно было бы быть закреплено за формой планируемого высказывания, при помощи которого дает о себе знать результирующее интенциональное состояние — правый член. Правый член диады (план означаемого) — это интенциональное состояние говорящего, понятое как таковое слушающим» [3. С. 89].

Описываемый диадный механизм, который используется для сокрытия рекламных интенций в ответных репликах журналистов на вопросы

читателей, основан на противопоставлении явной и скрытой ситуаций. Под явной ситуацией понимается ситуация «получи совет», а под скрытой — ситуация рекламного характера. Сокрытие рекламных интенций за типовой интенцией жанра приводит к изменениям во взаимоотношениях участников коммуникации: вместо конструктивного, дружеского, доверительного общения между журналистом и читателем возникает общение в ролях продавца и потенциального покупателя/потребителя.

Рассмотрим данный процесс в ситуациях взаимодействия журналиста и читателя «получи совет» — «посмотри мини-каталог товаров и сделай свой выбор» на примере ответной реплики журналиста.

Q: *What's a good butter substitute? Spencer, Miami, FL*

A: *Why bail on butter? Sure, it's high in saturated fat, but a pat here and there isn't bad for your heart. That said, if you want to improve your heart health, consider one of the substitutes above — they taste like the real thing but act like spreadable medicine. «Spreads with plant sterols and stanols can help you slash your LDL,» says Lori Mosca, M.D., the director of preventive cardiology at New York-Presbyterian Hospital. «Those made with omega-3s or olive oil may lower your triglycerides». [16. P. 22].*

В приведенном примере происходит сокрытие рекламной интенции журналиста, прорекламировать заменители масла, за типовой интенцией жанра, дать совет читателю. В ответной реплике журналиста приводится общая информация о заменителях масла, но содержится форма прямой императивности **consider one of the substitutes above**, благодаря которой журналист призывает читателей перейти к просмотру мини-каталога и предлагает выбрать из перечня заменителей масла подходящий продукт и приобрести его.

С целью реализации рекламных интенций в речевом жанре «Переписка с читателем» в дискурсе гляцевых журналов характерно сознательное использование адресантом (журналистом) манипулятивной речевой стратегии. Применение данной стратегии в исследуемом речевом жанре способствует воздействию на мнение и поведение адресата (читателя), чтобы побудить его к осуществлению выбора рекламируемого товара и дальнейшей покупке предметов рекламы, представленных в ответной реплике журналиста.

Для реализации манипулятивной речевой стратегии, которая нашла своё отражение в речевом жанре «Переписка с читателем», обратимся к клас-

сификации манипулятивных речевых тактик рекламы, предложенной Е. В. Сергеевой:

— тактика манипулирования чувствами и потребностями адресатов. Данная тактика «не связана с содержанием высказывания, а оказывает воздействие на личностные слабости людей» [9. С. 91];

— тактика манипулирования информационным потоком связана с проведением специальной работы адресантом над излагаемой информацией с целью оказания скрытого влияния на адресата [9. С. 95].

Данная классификация манипулятивных речевых тактик, применяемая для изучения трансформации речевого жанра «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала, с целью обеспечения валидности исследования, требует дополнения тактикой манипулирования имиджем и авторитетом адресанта и уточнения тактики манипулятивной подачи информации о предмете рекламы. Каждая тактика реализуется с помощью определенных речевых приёмов, которые, в свою очередь, выражаются через языковые средства (фонографические, лексические, морфологические, синтаксические и др.).

Тактика манипулирования имиджем и авторитетом адресанта реализуется в речевом жанре «Переписка с читателем» с помощью речевых приёмов «ссылка на личный опыт адресанта», «ссылка на авторитетное мнение», эвфемизация и дисфемизация и обращение к историческим фактам. Перечисленные речевые приёмы способствуют созданию авторитетного образа адресанта (журналиста), который вызывает доверие у адресата (читателя). Рассмотрим использование речевого приёма «ссылка на личный опыт адресанта» в примере ответной реплики журналиста.

Q: *Is there a way to wear face powder without it looking cakey?*

A: *Make sure you wait at least five minutes after putting on lotion or foundation to apply powder, says Chanel makeup artist Rachel Goodwin. Otherwise, excess moisture on the skin is absorbed by the powder, making it crumble. Stick with a lightweight option. We like Chanel Poudre Cristalline, \$60.* [12. P. 110].

В приведенном примере ответной реплики журналиста прослеживается дружеское обращение журналиста с помощью местоимения *you*, а также представление рекламной информации посредством личного местоимения *we*. Данное местоимение *we* используется для передачи не только мнения одного журналиста о рекламируемом товаре, но и мнения целого коллектива глянцевого

издания, что увеличивает достоверность публикуемой информации. Положительная оценка предлагаемого товара группой журналистов выражается также с помощью глагола *like*.

Одной из наиболее значимых тактик, реализуемых в речевом жанре «Переписка с читателем», является тактика манипулятивной подачи информации о предмете рекламы, под которой понимается проведение специальной работы автором ответной реплики с излагаемой информацией с целью оказать скрытое влияние на адресата. Данная тактика в исследуемом речевом жанре воплощается в нескольких приемах, среди которых наиболее частотны приемы употребления специальной (терминов) и экспрессивной лексики, употребление экспрессивного синтаксиса и включение в текст цифровой информации. Обратимся к рассмотрению примера ответной реплики журналиста, в которую включена цифровая информация.

Q: *Is radon gas still dangerous? Jim, St. Cloud, MN*

A: *Radon is odorless, colorless, and deadly: it's the biggest cause of lung cancer after smoking, according to the EPA (U. S. Environmental Protection Agency). The agency estimates that cancer from radon kills 21,000 people a year. Test your home with a kit from the hardware store, says Brian Hanson, radon program coordinator at Kansas State University. This kit will likely cost about \$1,500, but the peace of mind is worth it.* [17. P. 17].

Автор ответной реплики воздействует на мнение читателя и побуждает к покупке товара с помощью данных, полученных в результате научных исследований: *radon kills 21,000 people a year*, а также с помощью идиоматического выражения *the peace of mind is worth it*. Таким образом, автор ответной реплики подчеркивает достоинства предмета рекламы при его относительно низкой цене, сравнивая стоимость предложенного товара с ценой человеческой жизни. Это приводит к повышению спроса на покупку рекламируемого товара.

Тактика манипулирования потребностями и чувствами адресата реализуется с помощью приёма индивидуализации, приёма эксплуатации потребности принадлежать к какой-либо общности в целом и к некоей привилегированной группе в частности, которые влияют на чувства уважения и собственного достоинства адресата. Манипулирование потребностями адресата осуществляется с помощью приёмов воздействия на потребность сохранить красоту, здоровье, безопасность, а также на потребность в удовольствии, удобстве и комфорте.

Наиболее распространенным речевым приёмом тактики манипулирования потребностями и чувствами адресатов является приём воздействия на потребность сохранить красоту. Чаще всего данный приём используется в ответных репликах журналистов, ориентированных на женскую аудиторию.

Q: *I'm a lip balm and brown eyeshadow kind of girl. How can I learn to love colour?*

A: *Easy! For a really pretty summer look, add a pop of eyeliner to your usual makeup ... Sophia (model) is rocking Urban Decay 24/7 Glide-On Eye Pencil in Graffiti, £9. Also try Shu Uemura Drawing Pencil in Light Blue, £14 [11. P. 156].*

Частным случаем реализации приёма воздействия на потребность сохранить красоту является следование моде и модным тенденциям. Авторы ответных реплик на вопросы читателей предлагают в основном модные рекламируемые товары. К языковым маркерам, реализующим данный приём, относятся лексические единицы «модный», «современный», «актуальный», «известный», «chic», «fashionable», «trendy» и пр.

Q: *What are good accessories for my first internship? Victoria Baker, 20*

A: *«A colorful carryall is a smart way to stash a change of shoes. Graphic flats will keep you comfy but*

chic. Finally, a watch signifies professionalism and is easy to glance at discreetly in meetings» Shoes, Joe Fresh, \$59; bag, Vince Camuto, \$248; watch, Michele, \$715 [15. P. 92].

Кроме этого, среди распространенных приёмов, реализующих тактику манипулирования потребностями и чувствами адресатов, является приём воздействия на потребность сохранить здоровье. Лексемы «здоровье», «здоровый», «health», «healthy» являются распространенными и встречаются практически в каждой реплике-реакции журналистов, ориентированной на женскую и мужскую аудиторию.

Q: *If I keep straightening my hair, will it eventually lose its curl?*

A: *... However, applying a lot of heat can change your texture permanently. Use heat-friendly products for healthy locks. We like the Tresemmé Thermail Creations Ine, \$4.49 [13. P. 92].*

Таким образом, выявленные изменения таких параметров речевого жанра «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журнала, как роли адресанта и адресата, коммуникативная цель, прагматический потенциал, позволяют сделать вывод о трансформации исследуемого речевого жанра, что приводит к формированию нового вторичного рекламного жанра «Переписка с читателем».

Список литературы

1. Аргашокова, С. Х. Дискурсивно-лингвистические характеристики жанра «Письмо редактору»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Х. Аргашокова. — Пятигорск, 2010. — 30 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва: Искусство, 1979. — 424 с.
3. Беседа, Е. Н. Лингвотекстовые особенности речевого жанра «Читательский отклик»: дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Беседа. — Курск, 2008. — 176 с.
4. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
5. Коломийцева, Е. Ю. Реклама в женских журналах как инструмент маркетинговой коммуникации / Е. Ю. Коломийцева // Вестник МГУКИ. — 2012. — № 2 (46). — С. 220—224.
6. Кочеткова, М. О. Блогосфера как рекламная площадка: динамика речевого жанра блога под влиянием рекламных интенций / М. О. Кочеткова // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 394. — С. 35—42.
7. Никишина, Е. А. Речевой жанр писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.): дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Никишина. — Москва, 2013. — 574 с.
8. Рабенко, Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Г. Рабенко. — Кемерово, 2018. — 50 с.
9. Сергеева, Е. В. Манипулятивная стратегия как инструмент воздействия в рекламном тексте / Е. В. Сергеева // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. Издательство: Алтайский государственный университет (Барнаул). — 2014. — № 12. — С. 89—98.
10. Якушин, Н. И., Овчинникова, Л. В. История отечественной журналистики (1702—1917). Выпуск 1. XVIII век — время становления русской журналистики: учебное пособие / Н. И. Якушин, Л. В. Овчинникова. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2009. — 71 с.
11. Cosmopolitan UK. — 2009. — № 5. — P. 156. — URL: <http://https://www.twirpx.com/file/235876/>

12. Cosmopolitan USA. — 2009. — № 9. — P. 110. — URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/209018/](http://https://www.twirpx.com/file/209018/)
13. Cosmopolitan USA. — 2009. — № 11. — P. 92. — URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/86770/](http://https://www.twirpx.com/file/86770/)
14. Cosmopolitan USA. — 2012. — № 3. — P. 112. — URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/737673/](http://https://www.twirpx.com/file/737673/)
15. Cosmopolitan USA. — 2014. — № 4. — P. 92. — URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/1369196/](http://https://www.twirpx.com/file/1369196/)
16. Men's Health USA. — 2010. — № 3. — P. 22. — URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/1607751/](http://https://www.twirpx.com/file/1607751/)
17. Men's Health USA. — 2017. — № 11. — P. 17. — URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/2359717/](http://https://www.twirpx.com/file/2359717/)

Сведения об авторах

Лазеева Наталья Васильевна — соискатель кафедры английской филологии Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия. lazeeva-natasha@mail.ru

Прохорова Лариса Петровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Кемеровского государственного университета. Кемерово, Россия. larpro@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 130—136.*

ADVERTISING ASPECT OF SPEECH GENRE “READER CORRESPONDENCE” IN THE DISCOURSE OF GLOSSY MAGAZINES

N.V. Lazeeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. lazeeva-natasha@mail.ru

L.P. Prokhorova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. 2larpro@rambler.ru

The paper focuses on the analysis of transformation of the speech genre “Reader Correspondence” in the discourse of glossy magazines under the influence of advertising discourse. It aims to reveal the extent to which core elements of the genre in question undergo significant changes as a result of advertising intent incorporation. Advertising intent in “Reader Correspondence” is realized through the implementation of manipulation speech strategy, which is represented by various tactics typical for advertising discourse. The authors of the article conclude that advertising intent replaces the typical genre intent of the “Reader Correspondence” speech genre thus changing its nature. Advertising penetrates both structural and content elements of this genre: the roles of the addresser and the addressee, the communicative intent, linguistic features and pragmatic potential of the genre in general. It leads to the transformation of the speech genre “Reader Correspondence” in the discourse of glossy magazines.

Keywords: *speech genre, discourse of glossy magazines, modification of genre, transformation of genre, advertisement, advertising intent*

References

1. Argashokova, S.Kh. Diskursivno-lingvisticheskie kharakteristiki zhanra «Pis'mo redaktoru» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Discursive and linguistic characteristics of genre “Letter to editor”]. Pyatigorsk, 2010. 30 p. (In Russ.).
2. Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979. 424 p.
3. Beseda, E.N. Lingvotekstovye osobennosti rechevogo zhanra «Chitateľ'skij otklik» : dis. ... kand. filol. nauk [Linguo-text features of speech genre “Readers’ feedback”]. Kursk, 2008. 176 p. (In Russ.).
4. Dement'ev, V.V. Nepryamaya kommunikatsiya [Indirect communication]. Moscow, Gnozis, 2006. 376 p. (In Russ.).
5. Kolomijtseva, E.Yu. Reklama v zhenskikh zhurnalakh kak instrument marketingovoj kommunikatsii [Advertisement in women’s magazines as an instrument of marketing communication]. Vestnik MGUKI [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. 2012, no. 2 (46). – pp. 220-224. (In Russ.).

6. Kochetkova, M.O. Blogosfera kak reklamnaya ploshchadka: dinamika rechevogo zhanra bloga pod vliyaniem reklamnykh intentsij [Blogosphere as an advertising platform: dynamics of speech genre of blog under the influence of advertising intents]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2015, no. 394. – pp. 35-42. (In Russ.).

7. Nikishina, E.A. Rechevoj zhanr pisem chitatelej v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.) : dis. ... kand. filol. nauk [The speech genre of letters of readers to the newspaper (on the material of emigrant and soviet newspapers of the 20s years of XX century)]. Moscow, 2013. 574 p. (In Russ.).

8. Rabenko, T.G. Zhanry estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi v variantologicheskom aspekte : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Genres of natural written Russian speech in variantological aspect]. Kemerovo, 2018. 50 p. (In Russ.).

9. Sergeeva, E.V. Manipulyativnaya strategiya kak instrument vozdejstviya v reklamnom tekste [Manipulative strategy as an instrument of influence in advertising text]. PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyj aspekt [PR and advertisement in the changing world: regional aspect]. Barnaul, Altajskij gosudarstvennyj universitet Publ. 2014, no. 12, pp. 89-98. (In Russ.).

10. Yakushin, N.I., Ovchinnikova, L.V. Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki (1702–1917). Vypusk 1. XVIII vek – vremya stanovleniya russkoj zhurnalistiki [History of domestic journalism (1702-1917) Vol. 1. XVIII century is the time of becoming of Russian journalism]. Moscow, IMPE im. A.S. Griboedova Publ., 2009. 71 p. (In Russ.).

11. Cosmopolitan UK. 2009, no 5. p. 156. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/235876/](http://https://www.twirpx.com/file/235876/) accessed 20.12.2018. (In English).

12. Cosmopolitan USA. 2009, no 9. p. 110. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/209018/](http://https://www.twirpx.com/file/209018/) accessed 20.12.2018. (In English).

13. Cosmopolitan USA. 2009, no 11. p. 92. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/86770/](http://https://www.twirpx.com/file/86770/) accessed 20.12.2018. (In English).

14. Cosmopolitan USA. 2012, no 3. p. 112. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/737673/](http://https://www.twirpx.com/file/737673/) accessed 20.12.2018. (In English).

15. Cosmopolitan USA. 2014, no 4. p. 92. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/1369196/](http://https://www.twirpx.com/file/1369196/) accessed 20.12.2018. (In English).

16. Men's Health USA. 2010, no 3. p. 22. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/1607751/](http://https://www.twirpx.com/file/1607751/) accessed 20.12.2018. (In English).

17. Men's Health USA. 2017, no 11. p. 17. Available at: URL: [http:// https://www.twirpx.com/file/2359717/](http://https://www.twirpx.com/file/2359717/) accessed 20.12.2018. (In English).

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ (ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н. В. Мамонова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается проблема классификации постов в англоязычной социальной сети Инстаграм. Автором предлагаются два системообразующих параметра Инстаграм-дискурса: динамическое постоянство и актуальность для целевой аудитории. Рассматривается концепт как синергетическое смысловое образование в дискурсивном пространстве. Проанализирован массив англоязычных постов Инстаграм, предложена классификация постов в социальных сетях. В заключении приводятся результаты статистического анализа англоязычных Инстапостов.

Ключевые слова: лингвосинергетика, англоязычные посты, интернет-дискурс, сетевой фольклор, фрактальная самоорганизация, англоязычный Инстаграм.

Сегодня стремительно меняется и сам мир, и общее представление о нем. Народная культура выходит из классических и традиционных рамок и трансформируется в виртуальную. Популярные сетевые тексты, видео- и аудиоматериалы фиксируют и передают фольклорное творчество разных видов большей частью на английском языке. Необходимо отметить, что англоязычные посты создаются не только носителями английского языка, но и любыми пользователями Инстаграма. Ввиду того, что английский — язык международного общения, его чаще всего и выбирают пользователи социальной сети для написания постов, охвата большей аудитории и привлечения новых подписчиков по всему миру. В настоящем исследовании мы анализируем англоязычные посты, написанные исключительно носителями английского языка.

В сети наблюдается повсеместное распространение постов, на которых изображена картинка и небольшой текст, чаще подпись. Невероятное множество и разнообразие постов в интернет-пространстве позволяет нам говорить о потребности в упорядочении массивов информации в интернет-дискурсе и актуальности вопроса систематизации постов в социальных сетях.

Взаимодействуя с окружающим миром, человек органично осваивает виртуальное пространство. Посредством фольклора фиксируется новое знание и опыт в виде текстов разного рода. Это могут быть песни, припевки, байки, былички, анекдоты, поучительные истории и рассказы. Также популярны такие повествования, как слухи и сплетни, в бло-

гах и новостных лентах. Научная новизна данного исследования заключается в том, что проведена попытка классификации постов в социальных сетях (на материале англоязычной сети Инстаграм) с позиций лингвосинергетических принципов смысловой самоорганизации исследуемого дискурсивного пространства.

Целью исследования является распределение множества англоязычных постов социальной сети Инстаграм по группам согласно определенным признакам и критериям. Для этого необходимо реализовать ряд задач: проанализировать массив постов социальной сети Инстаграм, выявить их сходство и различия, подкрепить выводы примерами.

Основные текстовые характеристики сетевого фольклора перекликаются с характеристиками классических фольклорных текстов, а именно традиционность и в то же время поливариативность, анонимность и коллективное авторство, аксиологичность, воплощение наиболее общих представлений о современных реалиях, накопленном опыте и знаниях в художественных формах [2; 3; 8]. Стоит отметить, что в отличие от классического фольклора, сетевой фольклор имеет и свои особенности такие, как мультимедийность, опосредованность общения, интерактивность, гипер- и интертекстуальность и прочее.

Особенности коммуникации посредством сети интернет характеризуются возрастанием дистанции между коммуникантами и скоростью обмена информацией. Читатель и автор могут находиться в любой точке мира. Количество читателей, как

и авторов, возрастает в геометрической прогрессии. Границы стираются и формируют некоторую новую форму глобального сознания. Доступность входа в сеть закладывает огромный потенциал для каждого индивидуума. Как пишет Р. Барт, читатель «в конечном итоге не декодирует, а докодирует; он не дешифрует, а производит, накладывает друг на друга различные языки, он бесконечно и неустанно пронизывается ими; его суть в этой пронизанности» [1. С. 498]. Читатель получает возможность несколько преобразовать продукт автора и стать автором тоже. Один и тот же пост, многократно повторяясь и видоизменяясь, путешествует по всему миру. Количество просмотров, лайков, перепостов и подписчиков демонстрирует доминирующие ценностные ориентиры в коллективном сознании социума в целом и в частности. Наблюдается интенсивное обновление системы ценностей, ориентиров, общепринятых норм и представлений о том, что хорошо и плохо.

Для настоящего исследования особый интерес представляют фольклорные явления, специфика которых predetermined именно сетевым порядком их существования, т. е. «сетевой фольклор», который включает также и посты в социальной сети Инстаграм (Инстапосты), ставшей в последние годы популярной у пользователей смартфонов по всему миру.

В современной лингвистической парадигме классические научные исследования оказались недостаточны для описания ряда явлений и процессов в языковой системе. Лингвосинергетика предпринимает попытки синтеза пространства естественного и гуманитарного научного поиска, а также творческого математического подхода к решению современных проблем глобализации. Посредством лингвосинергетики весьма продуктивно описывать концепцию нестабильного неравновесного интернет-дискурса, феномен неопределенности и многоальтернативности его смыслового развития, идею возникновения порядка из хаоса. Выбор предмета исследования — интернет-дискурс (в частности, сетевой фольклор в социальных сетях), сам по себе представляет яркий пример нелинейности и спонтанной хаотичности.

Высокая скорость обмена информацией и повсеместная распространенность технологий делают интернет-дискурс интересным объектом исследования для многих ученых, в особенности для лингвистов, рассматривающих язык как открытую, неравновесную, нелинейную систему.

Безусловно, при исследовании сетевого фольклора приоритетным объектом исследования необходимо обозначить процессы самоорганизации в социальных сетях. Обилие необработанных информационных данных о языковых потоках, реализующихся в интернет-дискурсе, представляет когнитивным лингвистам обширное поле для исследования. Какие языковые феномены наблюдаются и частотность тех или иных явлений, причины и закономерности их возникновения, а также множество других вопросов открывается перед исследователем данного хаотичного дискурсивного пространства [6].

Информационная сеть представляет собой своеобразную модель, имеющую в своей структуре некоторое множество локальных концептов, самоорганизующихся под действием некоего системообразующего концепта. Эта структура может фрактально усложняться как через соотношения между структурами одного уровня, так и разных. Каждая из частей может оказывать смысловые влияния на соседние смысловые структуры, а те в свою очередь изменяться, находясь в динамичном смысловом равновесии.

В социальных сетях зачастую люди ориентируются на значимые мнения и оценки членов сети, к которой индивидуум себя относит. Возникает доминирующая точка зрения по какому-либо вопросу, то есть так называемое «коллективное бессознательное» по Карлу Юнгу [10]. Выбираются и уточняются нравственные ориентиры и культурные доминанты, репрезентирующиеся в ряде локальных концептов. Другими словами, «интернет-пространство, являясь принадлежностью культуры, всецело отражает те тенденции общественного сознания, которые в ней доминируют в данный период времени» [5. С. 90].

Новые реалии инициируют каскад действий, которые в свою очередь порождают новый опыт и знание. Все это в комплексе подвергает преобразованию устоявшуюся доминанту в коллективном сознании. Данное явление разрывает наработанные смысловые связи между интегральным образом концепта и его внешней формой в виде знака. В момент неустойчивости и неравновесности дискурсивной системы устанавливаются новые смысловые соответствия. Эта точка бифуркации запускает каскад смысловых преобразований в системе дискурса.

Реализация принципа нелинейности в системе дискурса отслеживается через систему смыслов дискурса, которая «может модифицироваться

(иногда и непредсказуемо) под влиянием любого из ее элементов и вызванных либо внутренними процессами, либо воздействием внешней среды функциональных колебаний» [9. С. 83]. Само преобразование реальности, отраженное в посте или в иной форме, порождается читателями, автором и общепринятыми нормами, ценностями и правилами, определяющими внутреннюю реальность каждого из участников акта коммуникации. Состояние неустойчивости смысловой системы, вызванное появлением новых смысловых компонентов и диссипацией некоторой части смыслов, как бы разрывает сформировавшуюся структуру концепта, изменяя ее или вовсе разрушая.

Рассмотрим материалы популярной социальной сети Инстаграм. Любой тип дискурса самоорганизуется по фрактальным принципам: самоподобие, итеративность, рекурсивность. Самоорганизация дискурсивной системы реализуется согласно лингвосинергетическим принципам, таким как нелинейность, нестабильность, иерархичность, эмерджентность, открытость, симметричность / ассиметричность [7].

Фрактальная самоорганизация дискурса происходит под влиянием определенных параметров исследуемой смысловой системы. На наш взгляд, следует выделить два главных системообразующих параметра Инстаграм-дискурса. Это динамическое постоянство и актуальность для целевой аудитории. Смысловые элементы системы исследуемого дискурса фрактально самоорганизуются относительно друг друга под действием креативных аттракторов системы. Ценностные ориентиры авторов и читателей, сублимирующиеся в локальные концепты, и формируют ее креативные аттракторы. Динамическое постоянство обеспечивает равновесность и устойчивость дискурсивной системы и поддерживается через различные механизмы регулирования. Например, через выбранный способ продвижения материала, его определённую форму подачи, регулярную активность автора и прочее. Актуальность раскрывает необходимость и обоснованность публикации какой-либо темы, ее востребованность читателями.

По целеполаганию все посты можно разделить на три основных вида: продвигающие заданную идею, развлекательные, информационно-образовательные.

В первом типе постов пользователь репрезентирует идею в выгодном свете, как бы «продает» ее, увлекая читателей. Продвигающие идею пу-

бликации популяризируют определенную мысль (знание, опыт) разными способами. Например: презентация услуги или товара, публикация фотографии (фотография со знаменитостью, победителей лотереи), анонсирование продукта или события, оповещение об акциях и скидках, публикация отзывов и прочее. Например:

“In the spirit of the @The Grammys, we want to know what you’re listening to right now! Tell us in the comments below to score a Nasty Gal gift card!” (В преддверии церемонии Грэмми мы хотим узнать, что вы слушаете прямо сейчас! Расскажите нам в комментариях ниже и выиграйте подарочную карту!);

“20% off store wide! Merry Christmas from BUNDIE!” (20% скидка во всех магазинах! С Рождеством от Банди!);

“Yes, it’s Friday! Shops are full of great new pieces and plants! Pop into one of our stores for some weekend inspiration!” (Да, это — пятница! В магазинах полно разных новых штучек и растений! Загляните в один из наших магазинов, чтобы наполниться вдохновением на все выходные!);

“So my buddy is selling his power wagon. If anyone is interested comment or slide into the dm’s. She’s rocking a 318 and manual trans. Dana 44/60. It’s definitely a fun truck. He bought it sight unseen off eBay and flew up to Washington with a bag of tools and drove it back home to SoCal. Tons of new parts to keep it on the road, reliably. 6300 or best offer. May entertain cool trades #dodge” (Итак, мой приятель продает свой мощный пикап. Если кого-то заинтересовало, пишите комментарий или пишите в личку. Он разгоняется до 318 и у него механическая коробка передач. Параметры 44/60. Это определенно классный авто. Он купил его, почти не глядя, на Ибэй и долетел до Вашингтона только с инструментами, и обратно приехал своим ходом. Тонны новых запчастей, чтобы доехать наверняка. 6300 или кто лучше предложит. Уместен небольшой торг. #додж);

“OMG we have NEW menu items debuting next week! Take a peek at our #dimsumcrunchyballs! Yep, #youreadthatright!” (О БОЖЕ МОЙ! У нас есть НОВЫЕ позиции в меню, дебютирующие на следующей неделе! Посмотрите на наши #хрустящиешарики! Да, #вычитаетеэтоправильно) [4].

Цель развлекательных постов — вовлечь и заинтересовать подписчиков, увеличить количество лайков и комментариев. Это могут быть опросы, конкурсы, мотивационные посты, юмор и мемы, поздравления, интересные истории из жизни.

Кроме того, популярен вирусный контент, которыми подписчики делятся с друзьями и знакомыми. Например:

“Never compare yourself. You are unique. BMW” (Никогда не сравнивай себя с другими. Ты уникален. БМВ.);

“Win a weekend dog sledding tour for two through the Wyoming backcountry, led by four-time Iditarod racer Billy Snodgrass” (Выиграйте тур выходного дня, поездку на собаках на двоих через Вайомингскую равнину, с четырехкратным победителем гонок на собачьих упряжках Аляски, г. Итидрод, Билли Снодгрэссом);

“Take a break and relax. #JoyofFreetoMove means you can do it anywhere you want. #LandCruiser #ТОУОТА” (Сделай перерыв и отдохни. #Радостьсвободыдвижения означает, что ты можешь это, где только захочешь. #ЛендКрузер #Тойота);

“Happy birthday, America (with sprinkles on top, of course)” (С днем рождения, Америка (с посыпкой сверху, конечно) — на фото мороженое);

“This is probably my favourite song to sing. It’s fast and fun. This is a hint for 2019 you will see this cover to some pretty sick #beats. Thanks for all the love and support I am trying to keep up to posting something new everyday. I feel #blessed to have already so many people who are taking interest in my music, life and stories. I want to share what I learn throughout my journey and share my passion and stories through music! Thank you all! Хох” (Это возможно моя любимая песня для исполнения. Она быстрая и смешная. Это — намек на 2019, Вы услышите этот #бит в новой обработке. Спасибо за любовь и поддержку, я стараюсь оставаться лучшей и постить что-то новое каждый день. Я чувствую уже себя #счастливой, имея такое количество людей, интересующихся моей музыкой, жизнью и историями. Я хочу поделиться тем, чему научилась, и выразить свою увлеченность и свои мысли через музыку! Спасибо всем! Целую!);

“Worlds of Glamour!! This is so true, all of you ladies are so beautiful!” (Мир очарования! Это на столько верно, ведь все вы, леди, так красивы!) [4].

Цель информационно-образовательных постов предоставить подписчикам важную и нужную для них информацию, вызывать доверие, сформировать имидж компетентности в заявленной области. Данные контент также разнообразен и представлен следующими вариациями: инструкциями и обучающими материалами, лайфхаками и сове-

тами, обзорами определенных групп и категорий, новостными событиями, примерами из личного опыта, консультациями специалистов, новостями, списками полезных фильмов, музыкальных подборок, списком мест, которые стоит посетить и прочее. Например:

“This #OOTD makes us to go back to school!” (Этот комплект одежды заставит вас вернуться в школьные годы!);

“Dyson’s new £250m technology campus opens today in Maimesbury, England. This latest phase of expansion extends the campus to 56 acres, providing 129 state of the art laboratories for 200 live technology projects” (Новый технологический кампус Дайсона за £250 миллионов открывается сегодня в Мэймесбери, Англия. Эта последний этап экспансии увеличивает площадь кампуса до 56 акров, обеспечивая 129 современных лабораторий для проведения 200 текущих технологических проектов);

“Definition (about sisterhood): A group of women with common interests, goals and passions who encourage and support each other on their journey through life. Mine is   @wearefempire” (Определение союза сестер: группа женщин с общими интересами, целями и увлечениями, которые поощряют и поддерживают друг друга в течение всей своей жизни. Это мое. @мыфеминоимперия);

“The #green #natural #mountains in Nuwaraleliya, also known as little UK for its climatic miracles. Which is also the district in the hisyory to produce best tea to the world” (#зеленые #природные #горы в Нуваралелии также известны, как маленькая Великобритания, своими климатическими чудесами. Это район в Хисуори, где производится лучший чай в мире);

“I’ve been practicing my conversation skills... i still suck... but the effort counts, right?♡” (Я практиковался в своем умении общаться... я до сих пор не научился... но попытка засчитывается, правильно? ♡);

“When was the last time you flipped a burger over and eaten it that way? You can do the same thing for your industry! As soon as you flip your industry on its head, everything changes. Try something new, try something different. All these successful companies like @uber and @airbnb didn’t change the ingredients, they just flipped the industry upside down! How can you get started by changing your perspective?” (Когда в прошлый раз, Вы перевернули бургер и съели его таким образом? Вы можете сделать то же самое для своего бизнеса! Как только Вы измените точку

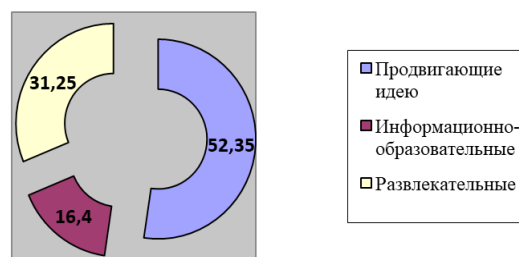
отсчета, все в корне изменится. Попробуйте что-то новое, попробуйте что-то иное. Все эти успешные компании как @uber и @airbnb не меняли состав, они просто перевернули ситуацию кардинально! А Вы можете начать, изменив Вашу перспективу на будущее?) [4].

При рассмотрении дискурса социальной сети Инстаграм на первый план выходит такая форма смыслового взаимодействия как *post*, то есть информационный блок, размещаемый в социальной сети. *Post* включает в себя текст и картинку (видеоряд или видеозапись), связанную по смыслу с текстом в разговорном стиле. Иногда сложно выделить четкие границы между постами, но все же в большинстве случаев это сделать возможно, по главной цели поста.

В ходе количественно-статистического анализа более 3 000 постов Инстаграм было выявлено, что наибольшее количество (52,35 %) составляют посты, продвигающие заданную идею (Диаграмма 1). Также популярны посты развлекательного характера (31,25%). Наименьшая часть публикаций англоязычной социальной сети Инстаграм представлена информационно-образовательными постами (16,4 %)

Итак, научная новизна данного исследования заключается в том, что нами в этой статье проведена попытка классификации постов в социальных сетях (на материале сети Инстаграм) с позиций лингвосинергетических принципов смысловой самоорганизации исследуемого дискурсивного

Диаграмма 1. Распределение постов по целеполаганию в англоязычной социальной сети Инстаграм

пространства. Мы полагаем, что всё многообразие постов подчиняется системообразующим параметрам дискурсивной системы. В Инстаграме это *динамическое постоянство* и *актуальность* для целевой аудитории. Автором был проанализирован массив постов социальной сети Инстаграм, выявлены их сходство и различия, предложена классификация постов в социальных сетях. Целеполагание является определяющим критерием, по которому можно выделить три типа постов: *продвигающих заданную идею, развлекательных, информационно-образовательных*.

Таким образом, процессы самоорганизации смысловых структур, их механизмы и закономерности динамического развития в режиме реального времени представляют интерес для исследователей с теоретической и практической точки зрения. Это обширное поле по фрактальному моделированию сетевого дискурса для исследователей-языковедов.

Список литературы

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. — Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. / Р. Барт. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. — 512 с.
2. Голованов, И. А. Аксиологические константы русской ментальности (на материале фольклорных текстов) / И. А. Голованов, Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2015. — № 1(42). — С. 13—24.
3. Голованов, И. А. Фольклорный текст как многоуровневая структура / И. А. Голованов // Вестник ЧелГУ, 2014. — № 7 (336). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornyy-tekst-kak-mnogourovnevaya-struktura> (дата обращения: 20.12.2018).
4. Инстаграм [Электронный ресурс] / URL: <https://www.instagram.com>.
5. Колистратова, А. В. Эпоха постмодерна и фольклор: отсутствие субъекта высказывания / А. В. Колистратова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011. — No 2 (9). — С. 88—90.
6. Мамонова, Н. В., Юхмина, Е. А. Линейный и нелинейные тексты в глобальной сети интернет / Н. В. Мамонова, Е. А. Юхмина // **Актуальные проблемы науки и образования в современном вузе** // Мат. III Междунар.научно-практ.конф., 7—10 июня 2017 г., Стерлитамак, Россия / отв.ред.: член-корр.РАН, д.физ.-мат.н., проф. А. И. Филлипов. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. — С. 33—38.
7. Олизько, Н. С. Постмодернистский художественный дискурс как лингвосинергетическая система / Н. С. Олизько. — Russian Linguistic Bulletin, 2015. — № 1(1). — С. 28—29.

8. Плахова, О. А. Семиотическая природа сказочного дискурса / О. А. Плахова. *Russian Linguistic Bulletin*, 2016. — № 1(5). — С. 17—18.
9. Храменко, Д. С. Нелинейность смыслового пространства как базовое свойство английского делового дискурса / Д. С. Храменко // *Filologos*. — 2013. -. № 19(4). — С. 82—86.
10. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / Пер. с англ. / К. Г. Юнг. — Издание 2-е.: Когито-Центр. — Москва, 2010. — 352 с.

Сведения об авторе

Мамонова Наталья Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. mamonova@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 137—143.*

CLASSIFICATION OF THE ENGLISH INSTAGRAM POSTS (LINGUOSYNERGETIC ASPECT)

N.V. Mamonova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. natalya-mamonova@rambler.ru

The article considers the problem of the classification of the English Instagram posts. The author underlines two system-forming parameters of the Instagram-discourse from the point of view of linguosynergetics. They are consistency and topicality for the target audience. The concept is viewed as the synergic sense forming element in the discourse. There are figured out some key characteristics of the network folklore texts, drawing them close to the classical folklore texts. Distinguishing features of the network folklore such as multi-mediality, intermediality of the communication, hyper and intertextuality etc. are given. The author analyzed a huge number of Instagram posts, identified their similarities and differences, and offered the classification of the posts in the social networks. Goal-setting is the defining criterion by which one can distinguish three types of posts: promoting a given idea, entertaining, giving information and education. In conclusion, there are presented the results of the statistical analysis of the Instaposts.

Keywords: *linguosynergetics, posts, internet-discourse, network folklore, fractal self-organization, English Instagram.*

References

1. Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. [System of Fashion. Articles on culture semiotics] - Per. s fr., vstup. st. i sost. S.N. Zenkina. / R. Bart. - M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2003. - 512 s. (In Russ.).
2. Golovanov, I. A. Aksiologicheskie konstanty russkoj mental'nosti (na materiale fol'klornyh tekstov) [Axiological constants of the Russian mentality (on the material of the folklore texts)] / I. A. Golovanov, E. I. Golovanova // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. – Tambov, 2015. – № 1(42). – S. 13 – 24. (In Russ.).
3. Golovanov, I. A. Fol'klornyj tekst kak mnogourovnevaya struktura [] / I. A. Golovanov // *Vestnik CHelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology], 2014. - №7 (336). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornyj-tekst-kak-mnogourovnevaya-struktura> (data obrashcheniya: 20.12.2018). (In Russ.).
4. Hramchenko, D. S. Nelinejnost' smyslovogo prostranstva kak bazovoe svojstvo anglijskogo delovogo diskursa [Non-linearity of semantic space as basic property of the English business discourse] / D.S. Hramchenko // *Filologos*. – 2013. -. №19(4). – S. 82-86. (In Russ.).
5. Instagram [Electronic resource] / URL: <https://www.instagram.com>.
6. Kolistratova, A. V. Yepokha postmoderna i fol'klor: otsutstvie sub'ekta vyskazyvaniya [The era of post-modernism and folklore: the absence of the subject of the utterance] / A. V. Kolistratova // *Filologicheskie nauki*.

Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of the theory and practice]. – Tambov: Gramota, 2011. – No 2 (9). – С. 88 – 90. (In Russ.).

7. Mamonova, N. V., Yukhmina, Ye. A. Linejnyj i nelinejnye teksty v global'noj seti internet [Linear and nonlinear texts in the global network Internet] / N. V. Mamonova, Ye. A. Yuhmina // Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v sovremennom vuze [Current problems of science and education in modern higher education institution] //Mat.III Mezhdunar.nauchno-prakt.konf.,7 – 10 iyunya 2017 g., Sterlitamak, Rossiya / otv. red.:chlen-korr.RAN,d.fiz-mat.n., prof. A. I. Fillipov. – Sterlitamak: Sterlitamakskij filial BashGU, 2017. – S. 33 – 38. (In Russ.).

8. Oliz'ko, N. S. Postmodernistskij hudozhestvennyj diskurs kak lingvosinergeticheskaya sistema [Post-modern literary discourse as a lingvosynergetic system] / N. S. Oliz'ko. Russian Linguistic Bulletin, 2015. – № 1(1). – S. 28 – 29. (In Russ.).

9. Plakhova, O. A. Semioticheskaya priroda skazochnogo diskursa [The semiotic nature of the fairy-tale discourse] / O. A. Plahova. Russian Linguistic Bulletin, 2016. – № 1(5). – S. 17 – 18. (In Russ.).

10. Yung, K. G. Psihologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious] / Per. s angl. / K. G. Yung – Izdanie 2-e.: KogitoCentr. – Moscow, 2010. – 352 s. (In Russ.).

ВАРИАНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Мизиев, С. М. Хуболов

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

Данная статья посвящена изучению вариативности фразеологических единиц (ФЕ) в карачаево-балкарском языке. В лингвистических исследованиях выделяются различные типы вариантов ФЕ. Исходя из фактического материала карачаево-балкарского языка, в работе выделены фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и лексические варианты ФЕ. Выявлено, что наибольшим функциональным потенциалом характеризуются лексические и морфологические варианты, детерминированные нейтрализацией слов-компонентов, спецификой семантических связей, формально-грамматическими изменениями различных компонентов ФЕ.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, фразеологическая единица, вариативность ФЕ.*

В последние годы среди исследователей карачаево-балкарского языка заметно возрос интерес к изучению различных аспектов фразеологии. Появляются статьи, в которых рассматриваются функционально-семантические особенности ФЕ [2; 12; 14], семантические типы некоторых их разрядов [13], синонимия в сфере фразеологии [10] и т. п. Но многие аспекты фразеологии ждут своего должного освещения, в числе которых и вопрос о варьировании ФЕ.

Вариативные возможности фразеологии в языке отражены в целом ряде исследований, однако вопросы, связанные с ней, до сих пор сохраняют свою актуальность и привлекают все большее внимание лингвистов. Как отмечает В. П. Жуков, «изучение вариантности помогает проникнуть в сферу семантики фразеологизма, выявить в отдельных случаях глубину семантических связей компонентов с одноименными словами свободного употребления и на этой основе обнаружить явление неравномерной деактуализации компонентов фразеологизма, определить долю участия варьируемых компонентов в формировании внутреннего образа фразеологической единицы, связать проблему тождества и различия фразеологизмов с явлением фразеологической синонимии и т. д.» [6. С. 178].

Большинство исследователей интерпретируют вариантность как лингвистический феномен, релевантный практически для всей системы языка, подчеркивая, что «вариантность является способом существования и функционирования всех языковых единиц» [11. С. 71].

Все лингвисты, исследующие проблему фразеологической вариантности, отмечают сложность

данного явления. Действительно, фразеологизм представляет собой такую единицу языка, в которой семантическая составляющая актуализируется его лексическими компонентами, что ведет к разнообразию фразеологической вариантности, которая охватывает все уровни языка. В контексте данного исследования релевантным представляется тот факт, что фразеологизмы имеют более сложную структуру, чем лексические единицы языка. Значит, у фразеологизмов появляется больше возможностей для варьирования. Фактический материал карачаево-балкарского языка убеждает нас в том, что вариантность в сфере фразеологии есть результат реализации универсальных закономерностей языка, присущих для всех его уровней, в пользу чего свидетельствуют даже работы, в которых данная проблема рассматривается спорадически [7].

По мнению А. В. Кунина, «фразеологические варианты — разновидности ФЕ, тождественные по качеству и количеству значений, синтаксическим и семантическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический вариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами и порядком слов» [9. С. 62]. В своих исследованиях автор актуализирует целый ряд вариантов ФЕ, которые имеют привязку к тому или иному уровню языка: 1) лексемные варианты — это варианты с различной комбинацией лексем; 2) морфологические варианты — варианты с формально-грамматическими изменениями; 3) синтаксические варианты — варианты с функциональными изменениями, возникающими при перестановке одного компонента;

4) позиционные варианты — варианты, в которых перестановке подвергаются различные компоненты ФЕ (при этом структура ФЕ не трансформируется); 5) варианты-квантитативы — варианты, имеющие различное количество конstituентов и образующиеся в результате их элиминации или присоединения компонентов [Там же].

Определяя вариантность ФЕ, лингвисты, как правило, обращают внимание на возможность их трансформации, то есть на изменение их форм и спектра значений. Как отмечается в лингвистических исследованиях, «варианты фразеологического оборота, это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности. Различие вариантов фразеологизма могут быть большими или меньшими, однако они не должны нарушать тождества фразеологизма как такового» [15. С. 55]. Релевантен и тот факт, что «вариантность лексического состава фразем — яркое проявление динамики единиц лексического и фразеологического уровней в синхронии, их функционально-семантического взаимодействия, вследствие чего происходит коммуникативно обусловленное усовершенствование фразеологической системы и ее развитие» [1. С. 41]. Несмотря на то, что фразеологизм как языковая единица характеризуется устойчивостью и воспроизводимостью, детерминируемыми константностью лексических составляющих и формальной структурой, он может и трансформироваться.

Как и лексемы, фразеологические единицы отмечены системным характером, в пользу чего свидетельствует их следующая таксономия: фразеологические единицы-варианты, фразеологические единицы-омонимы, фразеологические единицы-синонимы, фразеологические единицы-антонимы, фразеологические единицы-паронимы. Оманимичные ФЕ имеют одну формальную структуру, тогда как для других присуща семантическая или формально-семантическая общность [5. С. 95].

Рассматриваемые типы ФЕ не нашли должного отражения в имеющихся работах по тюркской фразеологии. Лишь в отдельных исследованиях отмечается их полисемичность и синонимичность, а вариантность, омонимия, антонимия и паронимия рассматриваются спорадически. Этим и обуславливается их недостаточная лексико-грамматическая разработка. Так, например, в лингвистических словарях тюркских языков присутствуют единичные случаи разграничения полисемичных, омонимичных, синонимичных и вариантных ФЕ. Это объясняется, по мнению известного специалиста

в области тюркской лексикографии Ж. М. Гузеева, тем, что «неумение различать фразеологические омонимы от фразеологических синонимов приводит к приравнению двух (и более) ФЕ к одной, неумение установить состав и формы ФЕ, наоборот, приводит к признанию одной ФЕ за две, а неразличение фразеологических синонимов от вариантов ФЕ приводит к тому и другому. Результатом же неумения отграничить лексическую полисемию от фразеологической является приравнение нефразеологического, номинативного, значения ФЕ к ее собственно фразеологическому значению» [4. С. 124].

Как показывает материал карачаево-балкарского языка, вариантность ФЕ связана с различными уровнями языка (фонетикой, словообразованием, морфологией, синтаксисом и лексикой). При этом имеет место сокращение компонентного состава ФЕ и количества варьируемых компонентов в них.

Наличие фонетической вариантности в карачаево-балкарском языке предопределяется заменой какого-либо звукового конstituента ФЕ, что можно заметить при сравнении карачаевского и балкарского вариантов литературного карачаево-балкарского языка. Фактический материал карачаево-балкарского языка свидетельствует о том, что фонетические варианты во фразеологии не получили широкого распространения, напр.: *тыбырда кьал* (балк.) / *тыбырда кьал* (карач.) «не испытать счастья замужества», *жарым чалгычы* (балк.) / *жарым чалкычы* (карач.) «слабый косарь», *бауурун кьыртыхша берди* (балк.) / *бауурун кьырдышша берди* (карач.) «лечь лицом вниз» и др.: *Мен тыбырда кьаллыгыма ишекли туююлме* (Н.К.) «Уверена, что я не испытала счастья замужества». *Ол атдан тюшюп, аны кишенледди, сора бауурун кьыртыхша берди* (Ж.Т.) «Спрыгнув с лошади, он стреножил ее и упал на траву». *Сабийле, суудан чыгып, бауурларын кьырдышша берип жатадыла* (М.Б.) «Выбравшись из водоема, дети легли на траву лицом вниз». Хотя и редко, такого рода примеры обнаруживаются и в одном из вариантов карачаево-балкарского литературного языка: *ийманына жый* (балк.) / *ийматына жый* (балк.) «задать страху»: *Аскерни тамата кьарындашы алайгьа келген Даулет бийни ийманына жыйды* (Т.З.) «Старший брат Аскера задал страху подошедшему туда князю Даулету». *Сослан кесин тыймагьан Хажбатырны ийматха жыйды* (С.Ш.) «Сослан задал страху Хаджибатыру, который никак не мог успокоиться».

Словообразовательные варианты во фразеологии характеризуются присоединением к некоторым компонентам ФЕ словообразовательных аффиксов и представлены еще меньше, о чем свидетельствуют примеры типа *ал* (*алгыбы*) *бурун* «изначально, в первую очередь», *бедишге* (*бедишликге*) *кьал* «опростоволоситься», *жылы* (*жыллыгыбы*) *келген* «взрослый, пожилой, в возрасте», *кьайши* (*кьайшилик*) *ал* «содрать кожу, живого места не оставить на ком», *аууз чайкьам* (*чайкьамды*) *эт* «вмешивать кого-л. в неприятный разговор, унижать» и др.: *Ахмат Алимден сора жыллыгыбы келген жан элемеди* (М.Т.) «Ахмат, за исключением Алима, не заметил ни одного взрослого». *Айшат жылы келген, эсли кьатынды* (Б. Г.) «Айшат взрослая, степенная женщина». *Асхат эрлай Кьасботну аууз чайкьам этди да кьойду* (М.Т.) «Асхат быстро вмешал Касбота в неприятный разговор». *Кьатынла, даулаша кетип, бир бирлерин аууз чайкьамды этдиле* (Ш.) «Женщины споря друг с другом, влипли в неприятный разговор».

В карачаево-балкарском языке морфологические варианты отмечены большим функциональным потенциалом, что детерминируется присоединением к некоторым компонентам ФЕ, употребляющихся в основной форме, маркеров склонения (*анасына жангы* (*жангыдан*) *тууду* «испытать радость», *сан* (*санда*) *бирде* «порой, редко», *зурнай* (*зурнайны*) *тарт* «реветь белугой», *Аллах* (*Аллахны*) *хакьына!* «клянусь Аллахом»), посесивности (*хазна* (*хазнасы*) *кьалмай* «едва-ли», *ал* (*аллы*) *бурун* «сперва, первым делом»), квантитатива (*бир-бирде* (*бирледе*) «моментами, кое-когда, время от времени», *кьоллары* (*кьолу*) *алтын* «искусник»), *айып этме* (*этмегиз*) «прости, не обессудь», *борбайындан* (*борбайларындан*) *ал* «сильно притеснить, загнать в тупик») и т. д.: *Жаннет санда бирде эгечин келип кьорючюдю* (М.Т.) «Изредка Жаннет навевывает сестру». *Жаш сан бирде бир затла мурулдай, асламысында тынгылап тура эди* (Б.Г.) «Юноша практически не встречал в разговор, изредка что-то бормоча». *Асыры ачыуундан не зат этерге билмей, Кьаншау зурнай тартады* (М.Т.) «От злости, не зная, что делать, Каншау ревет белугой». *Анасыны ызындан жибермегенлеринде, жашчыкь зурнайны тартды* «Когда не пустили вслед за матерью, мальчик заревел белугой». *Мекамны кьорулушу хазна кьалмай бошала турады* (Х.К.) «Строительство дома подходит к концу». *Жигитлени хазнасы кьалмай огьурсуз сермешде жан бергендиле* (К.С.) «Почти все мужчины погибли в страшной битве». *Фатиматны*

туудугьуну кьолу алтынды (И.Г.) «Внук Фатимат мастер на все руки». *Хунерлини кьоллары алтын, жырычыны — ауазы* (погов.) «У мастера руки золотые, а у певца — голос». *Эллилерим, айып этмегиз, бир бьелек сьез айтайым!* (С.Ш.) «Сельчане, простите, я тоже хочу сказать!». *Ибрагим, айып этме, жашымдан туугьанла ючюн айланабыз!* (Х.Б.) «Ибрагим, не обессудь, мы тоже радеем за внуков!».

Имеет место вариация служебных слов *эт* и *бол* (*тарт-соз эт* (*бол*) «соперничать», *кьуш-муш эт* (*бол*) «шущукаться»), а также синонимичных между собой компаративного аффикса *-ча* (*-лай*) и служебного слова *кибик* (*кепге кьуйгьанча* (*кьуйгьанлай*, *кьуйгьан кибик*) «складный», *бурунундан тюшгенча* (*тюшгенлей*, *тюшген кибик*) «как две капли воды»: *Не кьуш-муш этерге кьалгьансыз?* «Что вы шущукаетесь?». *Кьонакьбайлагьа дыгалас кирди, кьуш-муш болдула* (Х.Ш.) «Хозяева дома засуетились и начали шептаться».

В ряде случаев наблюдается варьирование по линии залога глагола (*жюреги тарайды* (*таралады*) «сильно переживает», *алтын суу ичген* (*ичирилген*) «вызолоченный»), форм падежей (*алгыышха* (*алгыышда*) *айтыл* «стяжать славу, стать известным»), темпоральных глагольных форм (*ким биледи* (*билсин*) «как знать», *ананг ёлсюн* (*ёллюк*) «беодолага», *эшитмегенме* (*эшитмедим*) *деме* «не отнекивайся»), форм лица глагола: (*кьайдан билейим* (*билсин*, *билгин*) «откуда мне знать»), местоименных форм (*ант аныды* (*сениди*) «бог с ним (с тобой)») и др.: *Махмут алтын суу ичген кюмюш бел баугьа сейирсинеди* (О.Э.) «Махмут засмотрелся на вызолоченный пояс». *Кьабыргьада алтын суу ичирилген багьалы ушкок тагьылыпды, кьатында — жютю бычакь* (А.Ё.) «На стене висит вызолоченное дорожное ружье, рядом — острый нож». *Ахматны аты дайым алгыышха айтылгьанды* (З.Т.) «Ахмата постоянно ставили в пример». *Мухтар алгыышда айтыллыкьладанды* (А.А.) «Мухтар тот, кого можно ставить в пример». *Ким биледи, бираздан келечиле келирге да болурла* (З.Т.) «Кто знает, сваты могут пожаловать скоро». *Ким билсин, жашны башында не сагьышла бардыла* (А.С.) «Одному богу известно, что у парня в голове». *Сюе эсе, барсын, суймей эсе уа, ант аны кьурутсун!* «Хочет, пусть идет, не хочет, бог с ним!». *Адамгьа тынгыласанг ант сени кьурутханды!* (И.Б.) «Ну тебя к лещему, раз ты никого не слушаешься!». *Малланы саулай сакьляялмасанг, хакьындан тыярыкьма, эшитмегенме деде!* (Ж.З.) «Имей в виду, не сохранишь все поголовье, потом сам все восстановишь!». *Атлагьа*

кѣз гинжигеча сакъ болмасанг, эшитмедим деме! (И.Б.) «Пеняй на себя, если не будешь охранять коней как зеницу ока!».

В отдельную группу можно выделить ФЕ, образовавшиеся в результате нейтрализации пейоративной и мелиоративной форм, форм темпоральности глагольного компонента (*ант жетсин* (*жетмесин*) «чѣрт побери», *Аллах кѣреди* (*кѣргенден*) «Аллах свидетель») и 2-го и 3-го лица местоименных компонентов (*ант аныды* (*сениди*), *ант аны* (*сени*) *кѣрутсун* «черт с ним (с тобой)») и др.: Ай огъесе *ант жетмесин*, *шѣндюге дери къайда айланасыз?! (Х.Ш.)* «Черт бы вас побрал, где вас до сих пор носит?!». *Ант жетсин ол ѣтюрюкчю Къаспотха!* (О.Э.) «Черт бы побрал этого лгуна Каспота!». *Аллах кѣреди, анда мени бир терслигим да жокъду!* (Ж.Т.) «Аллах свидетель, моей вины в этом нет!». *Аллах кѣргенден, аны тилегин толтурур ючюн, бар онгларымы аямагъанма!* (И.Г.) «Аллах свидетель, я приложил все усилия, чтобы выполнить его просьбы!».

Как видно из представленного иллюстративного материала, на базе подобных ФЕ в карачаево-балкарском языке формируется «парадигма по лексическим временам» [8. С. 392].

ФЕ-предложения в исследуемом языке в плане варьирования характеризуются меньшими функциональными возможностями, чем остальные. В этом отношении С. К. Башиева пишет о том, что «при синтаксическом варьировании происходит изменение порядка слов, которое не отражается на синтаксических функциях ФЕ» [3. С. 57]: *ай бла кюн кибик* (*кюн бла ай кибик*) *ачыкъ болургъа* «раскрыть тайну», *айыпдан-гюнахдан* (*гюнахдан-айыпдан*) *кѣтулургъа* «исполнить обещание, долг», *атлы аты бла итли ити бла* (*итли ити бла атлы аты бла*) «всем миром», *ит бла кишитик* (*кишитик бла ит*) *кибик* «как кошка с собакой», *башы-аягъы* (*аягъы-башы*) *бла* «совсем, целиком, полностью, всецело», *башы-тюбю* (*тюбю-башы*) *бла* «полностью, целиком» и др.: *Бу атны башы-аягъы бла санга къояма* (*фольк.*) «Этого коня оставляю тебе насовсем». *Ким айтханымы этсе да, ырысхымы аягъы-башы бла анга къоярыкъма* (М.Т.) «Все имущество целиком оставлю тому, кто выполнит мою просьбу». *Бир арбаздача, къабыргъа хониула, ит бла кишитикча жашагъаныгъыз айып туююлмюдо!* (К.ж.) «Ближайшие соседи, вам не стыдно за то, что живете как кошка с собакой». *Ол кезиуден башлап, аланы аралары кишитик бла итча болгъан эдиле* (Ш.) «С того периода их отношения стали как у кошки с собакой».

Большим функциональным потенциалом отмечены ФЕ-лексические варианты, появление которых детерминируется заменой лексических составляющих фразеологизмов. При этом имеет место сохранение их инвариантного значения, хотя трансформации подвергаются их дифференциальные семемы. В ФЕ *арт этегин аллына айландыр* (*бур*) «давать духу, давать жару, давать жизни» замена, напр., базируется на общности сем глагольных компонентов (*айландыр*, *бур*) — «ругать, бранить кого-л.» и нейтрализации дифференциальных сем глагола *бур* — «сильно».

Лексические варианты ФЕ образуются в основном в результате формальной вариации их конститuentов с последующей семантической трансформацией.

Исходя из фактического материала языка, мы выделяем целый ряд лексико-семантических парадигм, обусловленных синонимической и тематической вариацией: *баш бла тюп бла жюрю* (*айлан*) «пресмыкаться, раболепствовать, ухищряться» (*жюрю-айлан* «ходить, ездить»), *жаным къор* (*кѣурман*) *болсун* «да отдам я душу за тебя» (*къор-кѣурман* «жертва»), *бир тилли* (*акъыллы*) *бол* «сходиться, приходиться к соглашению, сговариваться» (*тил* «язык» — *акъыл* «ум»), *кѣлю* (*жюреги*) *тартады* «ему по душе, сердце (душа) тянется к кому» (*кѣл* «душа» — *жюрек* «сердце») и др.: *Алим, баш бла, тюп бла да айланып, анга айтханын этдирди* (Ш.) «Всячески пресмыкаясь перед ним, Алим добился своего». *Сакинат, баш бла тюп бла да жюрюп, заводну директоруна тюбеди* (Ж.Т.) «Всяческими ухищрениями Сакинат удалось добиться встречи с директором завода». *Чалгъычыла, бир тилли болуп, къонакъны сынаргъа оноу этдиле* (М.Т.) «Косари, сговорившись, решили испытать гостя». *Иичиле бла аланы таматары бу вопросда бир акъыллы болдула* (Б.И.) «Рабочим и руководству в этом вопросе удалось достичь соглашения».

При трансформации дифференциальных признаков компонентов ФЕ лексические варианты возникают на базе метонимии и метафоры: *башына* (*мыйысына*) *жукъ кирмейди* «в голову ничего не лезет», *тырнагъына* (*табанына*) *да жетмейди* «мизинца, ногтя не стоит, в подметки не годится», *бир тилли* (*акъыллы*) *бол* «сговариваться, заключить соглашение» и др.: *Фатима дерслерине олтурса да, башына жукъ кирмейди!* (Х.Б.) «Фатима хотя и села за уроки, но ей в голову ничего не лезет». *Кюреше да турма, ол сылхырны мыйысына жукъ кирмейди* (Б.Г.) «Зря стараешься, у него

пусто в мозгах». *Сен аны не кёкге жетдиресе, ол сени табанынга да жетмейди!* (З.З.) «Зачем ты его так возносишь, он и в подметки (букв. «пятки») тебе не годится!». *Зухра, ол сени тырнагъынга да жетмейди!* (Х.К.) «Зухра, она гроша ломаного не стоит!».

Как отдельная группа выделяются ФЕ, количественное варьирование элементов которых связано с элиминацией компонентов: *башында (къара) къазан къайнайды* «сидеть как на иголках, не находить себе места, быть как на угольях», *ауурлугъу болгъан (тиширью)* «в интересном положении, на сносях», *ахыры бла (да)* «ни на йоту, ни чуточки, ни капельки, вообще, ни в какой мере» и др.: *Кимге къулакь саллыкь эди башында къара къазан къайнагъан Назир (С.Х.)* «К кому бы прислушался не находивший себе места Назир». *Ол хапарны эшитгенли, Аминатны башында къазан къайнайды (А.Т.)* «Как услышала эту новость, Аминат будто как на угольях сидит. *Аслан ахыры бла да адам айтханны этмей башлагъанды (Т.К.)* «Аслан вообще стал неуправляемым». *Арт кезиуде Азрет аракъыны ахыры бла къойгъанды (М.Т.)* «В последнее время Азрет ни капельки не пьет». Заключенные в скобки слова носят факультативный характер, не несут ни смысловой, ни стилистической нагрузки, в силу чего они элиминируются.

Небезынтересен тот факт, что в исследуемом языке та или иная лексическая составляющая ФЕ заменяется только одним словом. Подобные ФЕ характеризуются значительными функционально-семантическими возможностями: *айтып айталмазча (айтмазча)* «непередаваемо, неопишимо», *ал (алгъы) бурун* «изначально, спервоначалу», *бара баргъан дунияда (заманда)* «со временем, впредь, с течением времени», *темир бет (къан) ал* «прийти в ярость, дойти до белого каления, пылать гневом» и др.: *Бизни тау жерлерибизни ариулукълары айтып айталмазчады (С.Т.)* «Красоту наших горных мест словами не передать». *Нюржан айтып айтмазча ариуду (Д.К.)* «Нюржан неопишимо красива». *Аслижан, темир бет алып, ыразы бол-*

магъанын билдирир ючюн, баиша отоугъа кирди (Х.Б.) «Аслижан, изменившись в лице, выражая свое недовольство, удалась в другую комнату». *Мырзабек, темир къан алып, анга айталгъанын айтды (Б.Г.)* «Пылая гневом, Мырзабек высказал ему все что хотел».

Однако фактический материал языка свидетельствует в пользу того, что определенное слово в составе ФЕ может заменяться двумя и более лексемами: *баш бла, тюр бла да жюрю (айлан, жорт)* «угодничать, заискивать, прислуживать», *арт этегин аллына къапла (айландыр, бур, эт)* «задать головомойку, давать взбучку, дать по полной, прочистить мозги» и др.: *Магометни анасы арт этегин аллына къаплагъанды (Х.К.)* «Мать дала Магомеду взбучку». *Эрттенликде тамата къарындашым арт этегими аллыма этип жибергенди (Х.К.)* «С утра старший брат задал мне головомойку». *Харунну арт этегин аллына бурдула (М.Т.)* «Харуну дали по первое число». *Асият келинни арт этегин аллына айландырды (К.О.)* «Асият прочистила снохе мозги».

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать следующее: «ФЕ, характеризующиеся изменением грамматической формы или варьированием лексических компонентов, образуют фразеологические варианты. Отношения между ними тождественны как по семантике, так и грамматической структуре, что обеспечивает говорящему свободный выбор из существующих вариантов такого варианта, который наиболее соответствует ситуации общения, речевому поведению говорящего. Фразеологизмы-варианты позволяют избежать однообразных повторений устойчивых оборотов, обогащают язык» [3. С. 57].

Таким образом, фразеологизмы в карачаево-балкарском языке характеризуются наличием пяти основных вариантов: фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических. Среди них наибольшими функциональными возможностями отмечены лексические и морфологические варианты.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н. Ф. Алефиренко. — Волгоград, 1993. — 247 с.
2. Ахматова, М. А. Функционально-семантический потенциал фразеологизмов в карачаево-балкарском нартском эпосе / М. А. Ахматова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2017. — № 3 (17). — С. 15—20.
3. Башиева, С. К. Вариантность в карачаево-балкарской фразеологии / С. К. Башиева // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. — Нальчик, 1993. — С. 50—58.

4. Гузеев, Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков / Ж. М. Гузеев. — Нальчик: Эльбрус, 1984. — 160 с.
5. Гузеев, Ж. М., Мизиев, А. М. Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке / Ж. М. Гузеев, А. М. Мизиев. — Нальчик: Принт Центр, 2013. — 190 с.
6. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. — М.: Высшая школа, 1986. — 310 с.
7. Кетенчиев, М. Б. Формально-семантические модели именного предложения в современном карачаево-балкарском языке: дисс. ... канд. филол. наук / М. Б. Кетенчиев. — Нальчик, 1992. — 141 с.
8. Кетенчиев, М. Б. Парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям в карачаево-балкарском языке / М. Б. Кетенчиев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2014. — № 16. — С. 392—396.
9. Кунин, А. В. Английская фразеология / А. В. Кунин. — М.: Высшая школа, 1970. — 344 с.
10. Мизиев, А. М. О синонимии фразеологических единиц в тюркских языках / А. М. Мизиев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. — 2013. — № 4. — С. 37—39.
11. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. — М.: Наука, 1977. — 341 с.
12. Улаков, М. З., Хуболов, С. М. Конструкции с предикатами, выраженными одновалентными фразеологическими единицами со значением отношения, в карачаево-балкарском языке / М. З. Улаков, С. М. Хуболов // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2013. — № 50. — С. 80—83.
13. Хуболов, С. М. Фразеологизированные конструкции с предикатами движения в карачаево-балкарском языке / С. М. Хуболов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2010. — № 12. — С. 320—322.
14. Хуболов, С. М. Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке / С. М. Хуболов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2015. — № 1 (63). — С. 290—294.
15. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.

Сведения об авторах

Мизиев Ахмат Магометович — доктор филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии, Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия, khubol@yandex.ru

Хуболов Сахадин Магаметович — кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии, Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия, khubol@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 144—150.

VARIANCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

A.M. Miziev

Kabardino-Balkarian State University. Nalchik. Russia. khubol@yandex.ru

S.M. Khubolov

Kabardino-Balkarian State University. Nalchik. Russia. khubol@yandex.ru

This article is devoted to the variance of phraseological units (PhU) in the Karachay-Balkar language. The problem of variation is especially relevant for phraseological units, as for units of a more complex organization in comparison with a word, because the variation increases with the complexity of the structure of a language unit. This phenomenon is associated with almost all levels of language. In the available special linguistic studies, different types of variants of the PhU are distinguished. Based on the factual material of the Karachay-Balkar language, phonetic, derivational, morphological, syntactic and lexical variants of PhU are

distinguished in the work. It was revealed that the lexical and morphological variants thereof, determined by neutralization of word-components, specificity of semantic connections, formal-grammatical changes of various PhU components, possess the greatest functional potential.

Keywords: *the Karachay-Balkar language, phraseological unit, paradigm, variance, phonetics, vocabulary, word formation, morphology, syntax.*

References

1. Alefirenko, N.F. *Frazeologija v sisteme sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology In the system of the modern Russian language]. Volgograd, 1993. 247 p. (In Russ.).
2. Akhmatova, M.A. Funkcional'no-semanticheskij potencial frazeologizmov v karachaevo-balkarskom nartskom jepose [Functional-semantic potential of phraseological units in Karachay-Balkarian Nart epic] *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic Studies], 2017, no.3(17), pp. 15-20. (In Russ.).
3. Bashieva, S.K. Variantnost' v karachaevo-balkarskoj frazeologii [Variability in Karachay-Balkar phraseology] // *Voprosy leksikologii i grammatiki karachaevo-balkarskogo jazyka* [Questions of lexicology and grammar of the Karachay-Balkar language]. Nalchik, 1993, pp. 50-58. (In Russ.).
4. Guzeev, Zh.M. *Problematika slovnika tolkovyh slovarej tjurkskih jazykov* [Problems of the dictionary of explanatory dictionaries of Turkic languages]. Nalchik, Elbrus. 1984. 160 p. (In Russ.).
5. Guzeev, Zh.M., Miziev, A.M. Frazeologizacija svobodnyh slovosochetanj i predlozhenij v karachaevo-balkarskom jazyke [Phraseologization of free phrases and sentences in Karachay-Balkar]. Nalchik, Print Center. 2013. 190 p. (In Russ.).
6. Zhukov, V.P. *Russkaja frazeologija* [Russian phraseology]. Moscow, Higher School. 1986. 310 p. (In Russ.).
7. Ketenchiev, M.B. *Formal'no-semanticheskie modeli imennogo predlozheniya v sovremennom karachaevo-balkarskom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Formal-semantic models of the nominal sentence in the modern Karachay-Balkar language. Thesis ... candidate of philological sciences]. Nal'chik, 1992. 141 p.
8. Ketenchiev, M.B. Paradigmy prostogo predlozhenija po sintaksicheskim naklonenijam v karachaevo-balkarskom jazyke [Paradigms of a simple sentence on syntactic inclinations in Karachay-Balkar language]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2014, no.16, pp. 392-396. (In Russ.).
9. Kunin, A.V. *Anglijskaja frazeologija* [English phraseology]. Moscow, Higher School, 1970. 344 p. (In Russ.).
10. Miziev, A.M. O sinonimii frazeologicheskikh edinic v tjurkskih jazykah [On the synonymy of phraseological units in Turkic languages] *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij* [Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute], 2013, no. 4, pp. 37-39. (In Russ.).
11. Solntsev, V.M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie [Language as a system-structural formation]. Moscow, Science. 1977. 341 p. (In Russ.).
12. Ulakov, M.Z., Khubolov, S.M. Konstrukcii s predikatami, vyrazhennymi odnovalentnymi frazeologicheskimi edinicami so znacheniem otnoshenija, v karachaevo-balkarskom jazyke [Constructions with predicates, expressed by universal phraseological units with the relation value in Karachay-Balkar language] *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 50, pp. 80-83. (In Russ.).
13. Khubolov, S.M. Semanticheskie razrjady komparativnyh frazeologizmov v karachaevo-balkarskom jazyke [Semantic discharges of comparative phraseologisms in Karachay-Balkar language] *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 1 (63), pp. 290-294. (In Russ.).
14. Khubolov, S.M. Frazeologizirovannye konstrukcii s predikatami dvizhenija v karachaevo-balkarskom jazyke [Frazeologized structures with predicates of movement in Karachay-Balkar language]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2010, no. 12, pp. 320-322. (In Russ.).
15. Shansky, N.M. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow, Higher School. 1985. 160 p. (In Russ.).

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ВЫХОДА ИЗ КОНФЛИКТНЫХ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В. С. Нарчук

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Рассматриваются завершившиеся конфликтные ситуации в комментариях к публикациям на странице «My Life is MMA» социальной сети VK.com, посвященной боевым видам спорта. В результате исследования комментариев читателей страницы за 2016—2017 гг. были выделены коммуникативные тактики, используемые для завершения конфликтных ситуаций в социальной сети. Было выяснено, что пользователи страницы «My Life is MMA» используют тактики оправдания, согласия, убеждения, переключение внимания, предложения, шутки и отсрочки разговора для завершения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: *толерантность, социальные сети, коммуникация, диалог, конфликт, речевая ситуация, коммуникативная тактика, интернет, вербальная агрессия, рационализация.*

Социальные сети стали самым быстроразвивающимся сегментом интернета и важнейшей коммуникационной средой, оставаясь эффективным средством для межличностной коммуникации, представляя практические неограниченные возможности связи между людьми [3. С. 4]. Следовательно, публичные страницы в социальных сетях представляют особый интерес для лингвистического анализа.

Конфликтные речевые ситуации являются неотъемлемой частью общения в социальных сетях. Люди, общающиеся в социальных сетях, обычно вступают в быстрые коммуникативные акты, которые включают в себя минимум визуальной информации, и обычно не включают звуковую информацию. Коммуникации в социальных сетях свойственны молодежный сленг, жаргонизмы, просторечия, бранная лексика. Неформальный стиль общения в социальных сетях способствует быстрому возникновению конфликтов, которые могут также быстро разрешаться. При этом эмоции, полученные от противоположной стороны конфликта, которые могут остановить ссору на начальной стадии — при конфликте в социальных сетях отсутствуют. У пользователей может появиться желание проверить, чем может закончиться спор. Еще один фактор, который способствует развитию конфликтных речевых ситуаций в социальных сетях — анонимность, характерная для общения в интернете. Часть пользователей социальных сетей пользуется вымышленными именами, дополнительно защищая себя от возможных последствий

агрессивного речевого поведения. Последствием этого становится экспрессивная и эмоциональная коммуникативная среда социальных сетей.

Конфликтом в данном исследовании понимается особый вид коммуникативной ситуации, в которой разногласия интересов, целей, взглядов приводят к столкновению противоборствующих сторон. Любой конфликт — актуализировавшееся противоречие [6. С. 32]. Одна сторона конфликта начинает действовать в ущерб другой, понимая это, вторая сторона предпринимает ответные действия, которые могут выражаться соответствующими — негативными — средствами языка и речи. [1. С. 137]. Участники коммуникации могут начинать общение, находясь на разных социальных позициях, подходя к диалогу с разными целями и задачами. Это способствует появлению конфликтной речевой ситуации.

Конфликтная речевая ситуация сопровождается выплеском негативных эмоций и вербальной агрессией. Агрессия в этом случае определяется как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [10. С. 15]. Она получает вербальный выход. Данная речевая ситуация может не получить развития, если одна из сторон потенциального конфликта проявит терпение. Развитие конфликта зависит от эмоционального состояния коммуникантов и выбранной ими речевой тактики [1. С. 137].

Конфликт начинает назревать еще до начала акта коммуникации, когда у будущих субъектов

коммуникации происходит осознание своих потребностей, интересов, позиций, которые влияют на формирование целей общения и определяют намерения и выбор стратегических и тактических средств и способов взаимодействия [9. С. 10] Оба субъекта начинают ощущать конфликтность ситуации и готовы предпринять речевые действия друг против друга. Назревание конфликта может продолжаться и в начале коммуникативного акта, когда действия субъектов направлены на «разведку» ситуации: выявление позиции оппонента, возможностей разрешения противоречий и т. п. Исследователи выделяют основные стадии конфликта — созревание, пик и спад. Созревание конфликта характеризуется тем, что в этой стадии четко обозначаются противоречия, происходит их осознание, и обе стороны начинают действовать в своих интересах в ущерб другой стороне. Пик конфликта определяется применением наиболее агрессивных языковых и речевых средств: от прямого оскорбления до самых изощренных способов унижения чести и достоинства собеседника. Спад конфликта характеризуется речевыми действиями субъектов, связанными с различного рода уступками друг другу, частичным или полным согласием с противоположной стороной, сменой темы (сценария) разговора и т. п. Разрешение конфликта начинается в коммуникативной фазе, когда конфликтующие стороны приходят к какому-то решению и завершают контакт с помощью соответствующих коммуникативных тактик [9. С. 10].

Вопрос о выходе из ситуации конфликта остаётся мало изученным в отечественной лингвистике. В данной работе мы рассматриваем использование коммуникативных тактик выхода из конфликтных речевых ситуаций как один из способов разрешения конфликта и достижения коммуникативной гармонии. Под коммуникативной гармонией понимается согласование (взаимопонимание) как проявление эмоциональной чуткости, душевной восприимчивости. Как представляется, вся познавательная деятельность человека направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться (самоорганизовываться, адаптироваться, «гармонизировать») в этом мире на основе имеющихся и приобретаемых знаний (опыта) [8. С. 211].

Словарь лингвистических терминов предлагает следующее определение термина «коммуникативная тактика»: «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия.

Коммуникативная тактика соотносится с выполнением отдельных шагов по воплощению каких-либо частных целей» [2. С. 157]. Также под коммуникативной тактикой понимаются минимальные речевые действия, ведущие к достижению (макро) цели говорящего в рамках речевой стратегии в соответствии с избранным речевым жанром [4. С. 26]. Коммуниканты пытаются достичь своей коммуникативной цели, реализуя коммуникативные шаги, которые соотносятся с понятием коммуникативной тактики.

Коммуникативные тактики могут быть:

1. нормообразующими — в соответствии с общепринятыми нормами и представлениями типичного поведения и развития событий;
2. мотивирующими — тип поведения продиктован личными причинами коммуникантов;
3. нормонарушающими [7. С. 225].

Исследователями выделяются следующие коммуникативные тактики выхода из конфликтных речевых ситуаций: извинение, оправдание, согласие, игнорирование агрессии, предложение, убеждение, переключение внимания, шутки, молчание, отсрочка разговора [1. С. 138].

Нами были рассмотрены завершившиеся конфликтные ситуации в комментариях к публикациям на странице «My Life is MMA» социальной сети VK.com, посвященной боевым видам спорта. Данная страница была открыта в марте 2013 года. Подписчиками этой страницы являются более 250 тысяч человек из разных регионов России и стран СНГ. Выбор этого материала для исследования обуславливается большой популярностью боевых видов спорта в разных частях России и других стран. На страницах, посвященных боевым видам спорта, происходит постоянное пересечение разных культурных установок. Это связано с большой популярностью этих видов спорта в разных регионах. Стоит отметить, что неформальный стиль общения в социальных сетях в целом, и в данном сообществе в частности, позволяет коммуникантам использовать высказывания, которые были бы неуместными в других речевых ситуациях. Пользователям страницы понятна речевая норма, установившаяся в данном сообществе. Речевая норма понимается как представление культурных носителей языка о закономерностях его функционирования, отраженное в узусе и сформулированное в виде прагматических правил — речеповеденческих и текстовых [5. С. 264]. Если рассмотреть разновидность речевой нормы сообщества «My Life is MMA», то исходя

из определения Г. А. Копниной, речевая норма данного сообщества соответствуют принципу ситуативности — каждое высказывание должно в нем связано с конкретной ситуацией общения [5. С. 266]. Подписчики страницы «My Life is MMA» отталкиваются от установившейся речевой нормы в своей коммуникации.

Коммуникативная среда социальных сетей способствует возникновению коммуникативных конфликтов благодаря неформальному стилю общения. Общение пользователей социальных сетей обычно не приводит к конфликтным ситуациям, трансформирующимся в физические действия участников диалога. Это накладывает отпечаток на конфликтные речевые ситуации в социальных сетях — участники диалога в социальных сетях могут проявлять себя агрессивнее, чем в реальной жизни, ощущая отсутствие барьеров. Еще одна причина возникновения конфликтных речевых ситуаций на странице «My Life is MMA» является спортивная направленность данного сообщества. Подписчики страницы зачастую поддерживают разных спортсменов, которые являются представителями разных регионов. Это создает дополнительные условия для появления коммуникативных конфликтов. В результате исследования было выделено использование следующие коммуникативных тактик для рационализации конфликта: тактики оправдания, согласия, убеждения, переключение внимания, предложения, шутки и отсрочки разговора.

Коммуникативная тактика убеждения основана на поиске аргументов, способных убедить вторую конфликтующую сторону в неистинности или сомнительности ее знаний и идей, доказать ошибочность ее мнения. Оно сопровождается предложением альтернативной позиции, в которую верит убеждающий [1. С. 139]:

Александр: Илья, Вы свои подгузники обгадите сразу, если вас к нему на ринг кинут и крикнут: «Бой!»

Илья: Александр, зато не делаю из куска сала легенду)

*Александр: Илья, легендой его люди сделали. Благодаря этому человеку MMA так сильно и так быстро популяризировалось в России. Человек много сделал для спорта и делает. А всякие хейтеры типа курицы Азиевой поливают его как могут, абсолютно не зная ни о его достижениях, ни того, что он сделал для спорта. **Не уподобляйся дегенератам. Будь выше** (URL: https://vk.com/wall-49264394_1701073)*

Мы видим, как участник диалога убеждает своего оппонента в том, что ему нужно изменить своё поведение. Он делает с помощью прямого призыва к другому участнику диалога. На этом конфликт завершается.

Тактика отсроченного разговора. Данная тактика коммуникативного поведения предполагает пресечение речевой агрессии путем отказа говорящего продолжать обсуждение возникшей проблемы в агрессивной тоне [1. С. 139]. Участник диалога отказывается продолжать спор, используя агрессивную лексику:

Эдуард: Такой цирк! К чему эта полиция на сцене? Петухов разнимать?)))

Riffo: Эдуард, петухов? К чему ты это написал, чтоб снести яйцо?

*Эдуард: Riffo, ты кто такой вообще? **Создай страницу нормальную, поставь фото свое, потом поговорим**) Троллей не кормлю!* (URL: https://vk.com/wall-49264394_1273229)

В этом случае участник диалога пытается отстрочить разговор до выполнения своих условий. Именно в подобном виде тактика отсроченного разговора встречается в комментариях паблика.

Коммуникативная тактика предложения. Используя эту тактику коммуникант хочет закончить конфликтную ситуацию, для чего он предлагает: 1) конструктивное решение проблемы, апеллируя к третьей стороне для рационального разрешения конфликта; 2) забыть о разногласиях; 3) временно прекратить отношения [1. С. 140].

В данных случаях мы видим предложение о завершении диалога:

Максим: Да заткнись...

Ибрагим: Максим, листайте дальше, не читайте. Какие проблемы? Или это самореализация за счёт интернетного оскорбления человека, за его спиной? Тогда извините, что пишу вам.

Максим: Ибрагим, где оскорбления? Или пообщаться не с кем?

*Ибрагим: Максим, мне очень жаль, если для вас слова, которые вы написали, не являются оскорблением. Я думаю все дело в образе жизни, который вы ведёте. **Всего доброго.*** (URL: https://vk.com/wall-49264394_1771614)

Тактика переключения внимания. Используется коммуникантами для того, чтобы завершить конфликтную ситуацию с помощью смены темы разговора [1. С. 140]:

Муршид: Какое расторжение контракта?! О чем эти идиоты говорят вообще. Хабиб — это золотая жила для ЮФС в ближайшие 3—4 года....

Дмитрий: Муришд, Все знают, кто золотая жила, и это — не Хабиб. А чемпион двух дивизионов.

Сергей: Дмитрий, чемпион двух дивизионов этот Конорас сидит под юбкой своей жены, а Хабиб — настоящий чемп)

Муришд: Дмитрий, он уже не будет драться в ЮФС. Он забил на Дану Уайт. Так что цель на ближайшие годы будет на Россию и Хабиба будут раскручивать. Смотри, если бы тогда устроили бой Альдо и Эдди, Альдо так же мог стать чемпионом во второй весовой категории. Или так же, например, Вудли может побить Биспинга и т. д. Ух, самое трудное — это добираться до боя за чемпионский пояс. (URL: https://vk.com/wall-49264394_1738097)

В этом случае коммуникант решил сменить тему разговора, завершив конфликт таким образом.

Тактика оправдания. Используется коммуникантами для прояснения недоразумения, приведшего к конфликту: говорящий пытается дать дополнительную информацию об обстоятельствах, объясняющих причины его поведения в прошлом [1. С. 140]. Он надеется изменить отношение агрессивно настроенного:

Wladyslaw: Сравнил нулевого боксера и травюкура с Мейвезером, который является профессиональным боксером и чемпионом мира в 5 весовых.

Farick: Да я не говорю, что Мейвезер хреновый, я говорю про то, что Конору везет, и он реально крут, я про это. Ладно, забудем про Альвареза и Нейта, Альдо, хочешь ты того или нет, надо признать один точный удар и Альдо нет, он побит (URL: https://vk.com/wall-49264394_1743380)

На этом примере мы видим, как коммуникант решил дать дополнительную информацию, которая оправдывает его позицию.

Коммуникативная тактика согласия — это приглашение к кооперативному разрешению конфликта: говорящий сообщает о том, что принимает позицию собеседника, вследствие чего появляются условия для гармонизации мнений [1. С. 140]:

Слава: Михаил, чем хаять людей на свою шайбу глянь!

Михаил: Слава, поверь, нет. Не позорься, иди отсюда, мне не интересен спор с тобой, и твоя фраза про моего отца лжива, а также подумай о своем, у кого старее?))

Слава: Михаил, твой старшие меня точно)слился короче говоря!

Михаил: Слава, это — мое мнение.

Слава: Михаил, на каждое мнение есть другое мнение. Извини!

Михаил: Слава, извиняю. Я согласен. (URL: https://vk.com/wall-49264394_1077854)

Собеседник частично согласился со своим оппонентом (не с точной зрения — причиной конфликта, но с точкой зрения о возможности существования разных мнений). На этом конфликт был разрешен. В этом же примере можно увидеть использование коммуникативной тактики извинения — участник конфликта извиняется за своё поведение, а другой участник принимает его извинение. Еще один пример использования тактики извинения:

Расул: Женя, извиняюсь, значит, я твой комментарий не понял

Женя: Расул, все нормально.:) (URL: https://vk.com/wall-49264394_1020727)

Коммуникативная тактика шутки. Используется для снятия напряжения в конфликте. Обычно это шутка от коммуниканта, который не является частью конфликта, но хочет снять напряжение [1. С. 138]. Пример подобного использования шутки:

Айхан: Ильфат, что ты хочешь этим сказать? Вот не надо только недооценивать людей, добившихся таких высот в спорте

Ильфат: Айхан, вы легендами каждого второго называете

Ильфат: Айхан, Норткатт только улыбаться умеет во весь рот

Айхан: Ильфат, что ты несёшь, он в 20 лет — лучший боец в дивизионе, это — определённо легенда

Артём: легенды ММА — Норкат, Конор, Лобов, Гизант Сильва, Боб Сапп, Бадюк и Ронда (URL: https://vk.com/wall-49264394_1194126)

Стоит отметить, что эта шутка понятна участникам сообщества, посвященного боевым видам спорта.

В результате исследования было выявлено 110 завершённых конфликтных ситуаций. Мы определили, что пользователи страницы «My Life is MMA» чаще всего используют тактику предложения о завершении диалога — в очерченный временной период она была использована 55 раз. Чаще всего пользователи страницы просто хотят закончить конфликтную ситуацию, просигнализовав об этом.

Коммуникативная тактика убеждения была использована 21 раз. Эта тактика сопровождается предложением альтернативной позиции, в которую верит убеждающий. Её использование говорит о том, что вторым по популярности методом завершения конфликта является попытка «вразумить» оппонента, пытаясь перевести его мнение на свою сторону.

Тактика отсрочки разговора была использована 11 раз. При этом все примеры использования этой тактики говорили о её формальности — на самом деле коммуникант не собирался продолжать разговор в будущем, для этого он выставлял определенные требования.

Тактика переключения внимания была использована 8 раз. Пользователи страницы «My Life is MMA» редко останавливают конфликт, внося в разговор совершенно новую тему.

Тактика оправдания была использована 7 раз. Пользователи страницы «My Life is MMA» редко начинают оправдывать свою позицию, завершая конфликт вежливым путём.

Тактика шутки была использована 5 раз. При этом все обнаруженные примеры использования этой тактики указывали на внешнее воздействие на конфликт — человек, не участвующий в конфликте хочет снять напряжения с помощью шутки.

Тактика согласия была использована 3 раза. Это говорит о том, что обычно участники конфликта не готовы публично признавать правоту своего оппонента.

Стоит отметить, что часть конфликтов, возникающих на странице «My Life is MMA» завершаются

не с помощью коммуникативных тактик, а после удаления администрацией сообщества или удаления с помощью «фильтра запрещённых слов». Это происходит в случае самых злостных нарушений моральных норм, а также законодательства Российской Федерации.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Пользователи страницы «My Life is MMA» используют тактики оправдания, согласия, убеждения, переключение внимания, предложения, шутки и отсрочки разговора для завершения конфликтных ситуаций и достижения коммуникативной гармонии;

2. Наиболее предпочтительной в социальных сетях является тактика предложения о завершении диалога.

3. Самым непопулярным способом для завершения конфликтных ситуаций является тактика выражения согласия.

4. Коммуникативные тактики выхода из конфликтных ситуаций в социальных сетях носят, в основном, нормообразующий, а также мотивирующий характер.

Список литературы

1. Волкова, О. С. О тактиках толерантного речевого поведения в коммуникативной ситуации «Конфликт» / О. С. Волкова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. — 2008. — № 2. — С. 137—141.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило // Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. — 486 с.
3. Казнова, Н. Н. Трансформация языковой личности в интер-нет-коммуникации (на примере французской блогосферы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Казнова — Пермь, 2011. — 23 с.
4. Карпова, Н.А., Морева, А. В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) / Н. А. Карпова, А. В. Морева // Язык и культура. — 2010. — № 1. — С. 24—32.
5. Копнина, Г. А. Речевая норма: опыт системного осмысления понятия / Г. А. Копнина // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. — 2012. — № 1. — С. 263—267.
6. Муравьева, Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. // М.: МЭИ, 2002. — 264 с.
7. Тармаева, В. И. Основные положения теории когнитивной гармонии в языке / В. И. Тармаева // Монография. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. — 235 с.
8. Тармаева, В. И. Когнитивная гармония и асимметричный знак в повествовательном дискурсе / В. И. Тармаева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2010. — № 3. — С. 207—214.
9. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... д-ра филол. наук / В. С. Третьякова — Екатеринбург, 2003. — 301 с.
10. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина // М.: URSS, 2006. — 360 с.

Сведения об авторе

Нарчук Валентин Сергеевич — аспирант кафедры немецких языков и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия. val50993@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 4 (426). Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 151—156.

COMMUNICATIVE TACTICS USED TO END SPEECH CONFLICTS IN SOCIAL MEDIA

V.S. Narchuk

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. val50993@gmail.com

The article investigates finished conflict situations in the comment section of the «My Life is MMA» page from Russian social network «VK.com». This public page is dedicated to the combat sports and it's one of the largest of its kind. We have taken the opportunity to identify the communicative tactics that were used to finish conflict situations on that page during 2016/2017. Conflict is a special kind of communicative situation in which differences of interests, goals and attitudes lead to a clash of the opposing sides. There are a lot of communicative conflicts in the internet and social media due its informal communication style. There are different kinds of the communicative tactics. We found out that users of the «My Life is MMA» page use tactics of justification, consent, persuasion, attention switching, suggestions, jokes and postponement of conversation to finish conflict situations. We also found out that tactic of the proposal to end the dialogue is the most popular when it comes to finishing conflict situations.

Keywords: *tolerance, social media, communication, dialogue, conflict, speech situation, communicative tactics, the Internet, verbal aggression, rationalization.*

References

1. Volkova, O.S. O taktikah tolerantnogo rechevogo povedeniya v kommunikativnoj situacii «Konflikt» [About the tactics of tolerant speech behavior in the communicative situation of conflict]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of VolGU. The Linguistics Series], 2008, no. 2, pp. 137—141. (In Russ.).
2. Zhrebilo, T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Glossary of Linguistic Terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (In Russ.).
3. Kaznova, N.N. *Transformatsiya yazykovoy lichnosti v internet-kommunikatsii (na primere frantsuzskoy blogosfery): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Transformation of the linguistic personality in the Internet communication (on the material of French blogosphere)]. Perm, 2011. (In Russ.).
4. Karpova, N.A., Moreva, A.V. Kommunikativnye taktiki pobuzhdeniya v rechevom zhanre (na material administrativnogo ob'yavleniya v russkom i nemeckom yazykah) [The perceptive communicative tactics in a speech genre of administrative announcement (on material of russian and german)]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2010, no. 2, pp. 24—32. (In Russ.).
5. Kopnina, G.A. Rehevaya norma: opyt sistemnogo osmysleniya ponyatiya [Speech norm: experience of systematic understanding of concept]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva*. [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2012, no. 1, pp. 263—267. (In Russ.).
6. Murav'eva, N.V. *Yazyk konflikta* [The Language of Conflict]. Moscow, MEI Publ., 2002. 264 p. (In Russ.).
7. Tarmaeva, V.I. *Osnovnye polozheniya teorii kognitivnoj garmonii v yazyke* [The main points of the theory of cognitive harmony in the language]. Ulan-Ude, BGSKHA Publ., 2009. 235 p. (In Russ.).
8. Tarmaeva, V.I. Kognitivnaya garmoniya i asimmetrichnyj znak v povestvovatel'nom diskurse [The cognitive harmony and asymmetric sign in a narrative discourse]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva*. [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2010, no. 3, pp. 207—214. (In Russ.).
9. Tret'yakova, V.S. *Rechevoj konflikt I garmonizaciya obshcheniy: dis. ... d-ra filol. nauk* [Verbal conflict and harmonization of communication]. Ekaterinburg, 2003. (In Russ.).
10. Shcherbinina, Yu.V. *Verbal'naya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow, URSS Publ., 2006. 360 p. (In Russ.).

АРХИТЕКТУАЛЬНОСТЬ КАК ЖАНРОВАЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗЦОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ)

Н. С. Олизько¹, И. В. Сергодеев²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Снежинский физико-технический институт национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Снежинск, Россия

В статье исследуется проблема архитектурности на примере англоязычных поэтических текстов. Рассматривается понятие литературного жанра. Разграничиваются виды интертекстуальных отношений на авто-, пара-, ин- и архитектурность. Приводится концепция архитектоники культурного пространства. Обсуждается идея «архетекста». В выводах даётся многоаспектная подкреплённая практическим материалом трактовка понятия «архитектурность».

Ключевые слова: архитектурность, литературный жанр, поэтический текст, культура, архетекст.

Актуальность работы обоснована постоянным интересом учёных-лингвистов к теоретическим основам интертекстуальности. Существует большое количество примеров типологии интертекстуальных отношений, основанных на трудах З. Г. Минц, Л. Женни, И. П. Смирнова, Н. И. Бушмановой, П. Х. Торопа, Ж. Жанетта, Н. А. Фатеевой, Н. С. Олизько и др. В рамках данной статьи подробно рассматривается один из типов интертекстуальности — архитектурность. Новизна исследования заключается в том, что мы не ограничиваемся только лингвистическим аспектом исследования проблемы интертекстуальности, но производим синтез лингвистического, текстологического и культурологического подходов, в рамках которых обсуждается идея архитектоники культурного пространства и архетекста как первого текста или текста всех текстов.

К методам исследования относятся системный и структурно-семиотический подходы, принцип контекстно-смыслового обогащения семантического комплекса функциональных текстовых единиц, принцип идентичности и подобия, семантический и культурологический аспекты текстологии, теория референции, теория информации, теория интерпретации текста, логический метод строгой бинарной дизъюнкции.

Архитектурность является особым видом интертекстуальных отношений. В общем смысле архитектурность трактуется как: «<...> соотношение текста со своим архитекстом <...>» [2. С. 470], «<...> жанровая связь текстов <...>» [10. С. 121],

«отношение, которое данный отдельный текст поддерживает с родовой категорией, к которой он принадлежит» [9. С. 54], «<...> установление в отдельном тексте множества характеристик, отражающих парадигматические отношения текста или его частей с тем или иным прецедентным жанром <...>» [8. С. 23]. Таким образом, архитектурность сводится к смешению жанров, пренебрежению жанровым канонам, уже — к пародии.

Исследователи архитектурных отношений пишут о жанровом коде и его влиянии на структуру и семантику анализируемых произведений. М. М. Бахтин предлагает различать первичные и вторичные речевые жанры. К первичным жанрам учёный относит простые речевые ситуации типа бытового диалога, в случае вторичных жанров бытовой диалог помещается, к примеру, в роман, становясь при этом событием литературно-художественной жизни. Речевой жанр тесно связан со стилем. По мнению М. М. Бахтина, стиль входит в жанровое единство высказывания. Он неразрывно связан «с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [14]. Таким образом, жанр по М. М. Бахтину — это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний.

По мнению М. Н. Кожинной, под жанром следует понимать «род или тип (типизированная разновидность) речевого произведения, отличающийся единством компонентов содержательной формы (системным единством содержания, своеобразной

композиции, стиля, образности и так далее), а также устойчивостью, типизированностью этого образования (структуры, модели), его нормативностью при возможности индивидуального варьирования» [6].

Согласно Н. Ф. Алефиренко, жанр — это «типичная модель общения, которая, реализуясь в определенном дискурсивном пространстве, предполагает актуализацию всех процессов, связанных с порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений» [1. С. 46].

Н. С. Олизько вслед за А. Вежбицкой, В. В. Деметьевым, М. Н. Кожинной, К. Ф. Седовым, Н. Д. Тмарченко и Т. В. Шмелевой определяет жанр как «кодифицированную организационную форму использования языка, функционально-структурный тип воплощения темы, обобщенную модель типового текста, стандартизованный тип отбора и организации внеязыковых фактов и языковых средств» [8. С. 157]. В рамках данной статьи возьмём указанное определение за основу.

Рассматривая и сравнивая между собой различные подходы к определению речевого жанра, мы делаем вывод, что общее универсальное свойство всех жанров выражается в фиксированности, кодифицированности и стереотипности жанровых рамок. К литературным жанрам относим эпические (роман-эпопея, роман, повесть, рассказ, новелла, притча, сказка, миф), лирические (лирическое стихотворение, элегия, послание, ода, эпиграмма, эпитафия), драматические (комедия, трагедия, драма, трагикомедия) и лиропоэтические (баллада, поэма) жанры.

В качестве примера архитектуральных отношений можно привести распространённый эпический жанр мифа, на основе структуры которого строятся многие произведения литературы, в частности — поэтические тексты (далее — ПТ). Рассмотрим отрывок стихотворения «The Shield of Achilles» (1952) У. Х. Одена:

<...> The thin-lipped armorer,
Hephaestus, hobbled away,
Thetis of the shining breasts
Cried out in dismay
At what the god had wrought
To please her son, the strong
Iron-hearted man-slaying Achilles
Who would not live long [11].

<...> Тонкогубый кузнец
Гефест, хромя, ушёл прочь.
Из блестящей груди Фетиды
Вырвался тревожный крик
Из-за того, что бог выковал (щит),

Чтобы угодить её сыну, сильному

Бессердечному убийце Ахиллу,

Который не проживёт долго [перевод — наш].

Данный ПТ противопоставляет войну и любовь. Прототекстом данного стихотворения является эпическая поэма Гомера «Илиада» (IX — VIII вв. до н. э.). В оригинальном тексте мать Ахилла (Ахиллеса) Фетида просит Гефеста выковать её сыну щит для победы в Троянской войне. В ПТ У. Х. Одена Фетида смотрит на щит Ахиллеса с сожалением и ужасом («Thetis of the shining breasts/ cried out in dismay»), поскольку данный предмет был выкован для войны и убийств («To please her son, the strong/ Iron-hearted man-slaying Achilles»), в результате чего ей суждено потерять сына: «Who would not live long». Таким образом, основываясь на мифе об Ахилле, У. Х. Оден делает акцент не на гордости Фетиды за сына, его силу, славу, которые помогут ему привести греческий народ к радости и цивилизованности, а на страхе и горе от осознания неизбежной скорой смерти Ахилла. По У. Х. Одена Фетида просила Гефеста выковать щит, который спасёт её сына и станет символом любви и мира, но получила снаряжение, с которым Ахилл погибнет в бою.

Интересно отметить, что помимо рассмотренных выше жанровых характеристик архитектуральности и установления на основе них межтекстовых связей (как было показано на примере), учёные-лингвисты не предлагают формализованных классификаций единиц архитектуральности. Другими словами, архитектуральность сводится к жанровому заимствованию и пародии. Единицами архитектуральности в рассматриваемом нами ПТ выступают единицы интекстуальности, а именно — аллюзивные имена собственные: Hephaestus, Thetis, Achilles; а также аллюзивный сюжет, отсылающий реципиента к Илиаде Гомера. Другими словами, формальная классификация архитектуральных отношений заимствует единицы автотекстуальности (интертекстуальные связи между произведениями корпуса отдельного автора), паратекстуальности (отношения текста и его заголовка, введения, аннотации, авторского комментария и пр.) и интекстуальности (интертекстуальные связи между произведениями разных авторов).

Рассматривая особенности архитектуральности с культурологической точки зрения, мы обращаемся к понятию архитектоники культурного пространства. Данный термин понимается нами вслед за В. П. Большаковым. Учёный трактует культурное пространство как «поле (по аналогии

с физическими полями), порождаемое взаимодействиями и воздействиями ценностей культуры и их систем» [15]. Архитектонику (сочетание и сочетаемость культурных единиц) культурного пространства В. П. Большаков объясняет на примере концепции «дом», задача применения которой сводится к описанию специфики жизни в том или ином культурном пространстве. В результате культурологического эксперимента учёный оперирует как минимум десятью различными моделями «Дом» по отношению к России, а именно: дом-очаг, дом-крепость, дом-тюрьма, дом-кладбище, дом-вокзал, сумасшедший дом, дом-келья, дом-чаша, дом-любовь, дом-культура. На примере страны культура мыслится как дробное множество — регионы, области, города, люди, объединяющееся в цельную систему под влиянием культурных событий. В данном случае культура выполняет две функции: притяжение, сплочение и отдаление, разрозненное. Приводя параллели с теорией интертекстуальности, можно сказать, что культурное пространство способствует близости или, напротив, диалогической отдалённости, невозможности тех или иных текстов по пространственному, временному и культурному признаку.

Ю. В. Казарин в своём учебном пособии «Антропологические основы литературной деятельности» (2016) рассматривает архетипическую природу текста, а также архетипическую типологию текста в аспекте его замысла, создания и восприятия. В рамках данной типологии учёный выделяет архетекст — «глобальный, фундаментальный по отношению ко всем текстам «главный» текст, существующий в сознании текстотворца <...> Архетекст — это совокупность моделей всех возможных текстов; это системно-структурный, семиотический и функциональный ориентир — образец для любого сочинителя, автора etc» [4. С. 29]. Таким образом, всякий текст как продукт словотворчества априори интертекстуален (в той или иной степени), в особенности если мы рассматриваем данный текст с культурологических позиций. Отталкиваясь от понимания архитектуральности как жанрового подражания (средством единиц авто-, пара-, интекстуальности), архитектоники культурного пространства и, наконец, феномена архетекста, мы предлагаем выделить в архитектуральных отношениях случаи реминисценций не только к конкретным текстам или текстовым жанрам, а к собственно феноменам культуры: традициям, верованиям, народному творчеству, культурным и историческим

событиям, изобразительному искусству, музыке, театру, кинематографу, интернет-культуре и другим феноменам и культурным реалиям, напрямую несвязанным с текстоведением, по той или иной причине не имеющим автора или прототекста. Единицами архитектуральности в этом случае по-прежнему будут служить универсальные единицы авто-, пара-, интекстуальности. В качестве примера указанных особенностей архитектуральных отношений рассмотрим ПТ Э. Паунда «Notes for Canto CXX» (1956):

I have tried to write Paradise
Do not move
Let the wind speak
that is paradise.
Let the Gods forgive what I
have made
Let those I love try to forgive
what I have made [13].

Я попытался написать Рай

Не двигайся
Пусть ветер говорит
это — рай.
Пусть боги простят то,
что я совершил
Пусть те, кого я люблю, попытаются
простить то,
что я совершил [перевод — наш].

В представленном ПТ встречаем существительное «Paradise», которое формально является аллюзией (упоминанием элементов или событий, ассоциирующихся с этими же элементами или событиями прототекста). В данном случае единица «Paradise» является культурологической реминисценцией к множеству мифологических, религиозных и философских источников. Анализируя данную текстовую единицу в контексте рассматриваемого произведения, не ясно «рай» какой культурной традиции имеется в виду. Э. Паунд не даёт отсылку к какому-либо прототексту — он пишет о рае онтологически. Понятие рая встречается как минимум в античной (элизиум), славянской (ирий, вырий), армянской (драхт), германо-скандинавской (вальхалла), египетской (иару) мифологии и пр.; в религиозной традиции: иудаизм (эдем), христианство (царствие небесное), ислам (джаннат), буддизм (сукхавати) и пр. [7]

Другим примером служит ПТ Дж. Моррисона «Horse Lattitude»:

When the still sea conspires an armor
And her sullen and aborted
Currents breed tiny monsters

8. Олизко, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дисс. ... д. филол. н. / Н. С. Олизко. — Челябинск, 2009. — 343 с.
9. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-гро. — М., 2008.
10. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — М., 2007.

Электронные источники

11. Auden, W. H. The Shield of Achilles / W. H. Auden. Poets.org. — URL: <https://www.poets.org/poetsorg/poem/shield-achilles>, дата обращения 01.02.2018.
12. Morrison, J. Horse Latitude / J. Morrison // Genius. — URL: <https://genius.com/The-doors-horse-latitudes-lyrics>, дата обращения 01.02.2018.
13. Pound, E. Notes for Canto CXX / E. Pond // Poets.org. — URL: <https://m.poets.org/poetsorg/poem/notes-canto-cxx>, дата обращения 01.02.2018.
14. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Поэтика. М. М. Бахтин. — URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm, дата обращения 01.02.2018.
15. Большаков, В. П. Теория культуры / В. П. Большаков // Образовательные ресурсы интернета — Культурология. — URL: <https://alleng.org/d/cult/cult032.htm>, дата обращения 01.02.2018.
16. Моррисон, Дж. Лошадиные широты / Дж. Моррисон // Джим Моррисон и The Doors. — URL: <http://jimmorrison.ru/lyrics/horse-latitudes-perevod>, дата обращения 01.02.2018.
17. Самойлов, К. И. Морской словарь / К. И. Самойлов // Find-info.ru. — URL: <http://find-info.ru/doc/dictionary/nautical/index.htm>, дата обращения 01.02.2018.

Сведения об авторах

Олизко Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. olizko@yandex.ru

Сергодеев Илья Витальевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и лингвистики, Снежинский физико-технический институт национальный исследовательский ядерный университет МИФИ. Снежинск, Россия. moon_stone@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 157—162.*

ARCHTEXTUALITY AS GENRE AND CULTURAL CONNECTION OF TEXTS (ON THE SAMPLES OF ENGLISH LANGUAGE POETRY)

N.S. Olizko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olizko@yandex.ru

I.V. Sergodeev

*Snezhinsk physics and technology institute of national research nuclear university «MEPhI»,
Snezhinsk, Russia. moon_stone@mail.ru*

We discuss the problem of archtextuality through the examples of English language poetic texts: works by W.H. Auden, E. Pound and J. Morrison. The choice of practical material is proved by high level of textual and cultural reminiscences in the analyzed poems. The concepts of literary genres are viewed and defined. We observe the main types of intertextuality: authortextuality, paratextuality, intextuality and archtextuality. Archtextuality is defined from multiple linguistic and textual points of view. We provide synthesis of linguistic and cultural approaches by comparing known scientific linguistic and textual theories to the cultural concept of architectonics. The idea of archtext as the first universal text of all texts is under consideration. As a result we give a definition of the “archtextuality” concept based on analyzed practical material.

Keywords: *archtextuality, literal genre, poetic text, culture, archtext.*

References

1. Alefirenko, N.F. *Teoriya yazika* [Language Theory]. Moscow, 2007. (In Russ.).
2. Fateeva, N.A. *Intertekst v mire tekstov* [Intertext in the World of Texts]. Moscow, 2007. (in Russ.).
3. Genette, G. *Figuri* [Figures]. Moscow, 1998. (in Russ.).
4. Isanin, N.N. *Morskoy entsiklopedicheskiy spravochnik* [Sea Encyclopedic Guide]. Leningrad, 1987. (In Russ.).
5. Kalanob, N.A., Skryagin, L.N. *Anglo-russkiy slovar' morskikh idiom i zhargonov* [English-Russian Dictionary of Sea Idioms and Slang]. Moscow, 2013. (In Russ.).
6. Kazarin, Yu.V. *Antropolingvisticheskiye osnovi literaturnoy deyatelnosti* [Anthropolinguistic Basic Concepts of Literary Activities] Ekaterinburg, 2016. (In Russ.).
7. Kozhina, M.N. *Rechevedeniye i funktsionalnaya stilistika: voprosi teorii* [Speech Studies and Functional Linguistics: Theory Issues]. Perm, 2002. (In Russ.).
8. Cooper, J.C. *Entsiklopediya Simvolov* [Encyclopedia of Traditional Symbols]. M, 1995. (In Russ.).
9. Olizko, N.S. *Semiotiko-sinergeticheskaya interpretatsiya osobennostey realizatsii kategoriy intertekstualnosti i interdiskursivnosti v postmodernistskom hudozhestvennom discurse: diss. ...d. filol. n.* [Semiotic and Synergetic interpretation of implementation peculiarities of intertextual and interdiscursive categories in post-modern artistic discourse: Thesis of Phd in Linguistics]. Chelyabinsk, 2009. 343 p. (In Russ.).
10. Piégay-Gros, N. *Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti* [Introduction à l'intertextualité]. Moscow, 2008. (in Russ.).

Electronic Sources

11. Auden, W.H. The Shield of Achilles. Poets.org. Available at: <https://www.poets.org/poetsorg/poem/shield-achilles>, accessed 01.02.2018.
12. Morrison, J. Horse Latitude. Genius. – Available at: <https://genius.com/The-doors-horse-latitudes-lyrics>, accessed 01.02.2018.
13. Pound, E. Notes for Canto CXX, Poets.org. Available at: <https://m.poets.org/poetsorg/poem/notes-canto-cxx>, accessed 01.02.2018.
14. Bakhtin, M.M. Problema rechevikh zhanrov [Problem of Speech Genres]. Poetica M.M. Bakhtin [Poetics M.M. Bakhtin]. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm, accessed 01.02.2018. (In Russ.).
15. Bolshakov, V.P. Teoriya Kulturi [Theory of Culture]. Obrazovatelniye resursi interneta - Kulturologiya [Learning Recourses of the Internet - Culturology]. Available at: <https://alleng.org/d/cult/cult032.htm>, accessed 01.02.2018. (In Russ.).
16. Morrison, J. Loshadiniye shiroti [Horse Latitudes]. Jim Morrison i The Doors [Jim Morrison and the Doors] Available at: <http://jim Morrison.ru/lyrics/horse-latitudes-perevod>, accessed 01.02.2018. (In Russ.).
17. Samoylov, K.I. Sea Dictionary. Find-info.ru. Available at: <http://find-info.ru/doc/dictionary/nautical/index.htm>, accessed 01.02.2018. (In Russ.).

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ С УЧАСТИЕМ СОЧЕТАНИЙ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ BRINGEN В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

О. М. Рисаева

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан

Статья посвящена выявлению аспектуальных особенностей сочетаний с функциональным глаголом *bringen* в современном немецком языке. Анализ высказываний с участием сочетания с функциональным глаголом *bringen* показал, что оно может участвовать в организации различных типов аспектуальных ситуаций как терминативности, так и дуративности, которые в свою очередь могут сопрягаться с различными признаками аспектуального и неаспектуального характера.

Ключевые слова: сочетания с функциональными глаголами, аспектуальные ситуации, акционсартные признаки, аспектные признаки, терминативность, процессность, инхоативность, итеративность (многократность), финитивность, ингрессивность, каузативность.

Целью настоящей статьи является выявление и описание типов аспектуальных ситуаций (АС) в организации которых участвуют сочетания с функциональным глаголом (СФГ) *bringen*, типа *zum Ausdruck bringen*, *in Gang bringen*.

Под аспектуальными значениями мы понимаем значения, которые связаны с характером протекания какого-либо процесса во времени. К ним относятся: (а) наличие или отсутствие признака предела в значениях глагола или именного компонента (ИК), т. е. значения предельности/непредельности (П/НП), (б) значения достигнутой/недостигнутой предела (ДП/НДП) и (в) способы действия (СД) (например, начало, продолжение, прекращение, итерация процесса и т. д.). Признаки, связанные с категорией П/НП, мы относим к акциональной семантике. Аспектная семантика включает в себя значения ДП/НДП. Признаки, связанные со СД, мы относим к акционсартным значениям.

Одним из самых частотных предельных функциональных глаголов является глагол *bringen*, который как полнозначный глагол с лексико-семантической точки зрения относится к глаголам транспортирования (см. [27. С. 76]).

Семантические особенности сочетаний с функциональным глаголом *bringen* подвергаются анализу во многих работах (см. например, [24. С. 13—15]; [11. С. 54], [28. С. 76—78]). Г. И. Херингер проводит анализ валентностных особенностей ФГ *bringen* и *kommen*, отмечает изменение валентности основного глагола по отношению к ФГ. Вслед за Г. И. Херингером, И. Перссон исследует, главным образом, каузативный ФГ *bringen*

и его системные связи с ФГ *kommen*. Главным для И. Перссона является то, что каузативные СФГ *bringen* имеют предфазу, которая предшествует результату [23. С. 58].

И. Перссон различает три семантические группы СФГ *bringen*: (а) пространственное движение (*räumliche Bewegung*): *in Bewegung bringen*, *in Schwung bringen*; (б) эмоциональное движение (*emotionale Bewegung*): *in Rage bringen*, *in Wut bringen*; (в) отношения (*Relation*): *in Einklang bringen*, *in Übereinstimmung bringen*. И. Перссон отмечает, что при пространственном движении представлен процесс, а не состояние (позиция в пространстве) и, что в таких случаях вместе с предлогом *in* может употребляться также предлог *zu* (*ins Rollen bringen*, *zum Rollen bringen*). Если же представлен предикат состояния, то может употребляться только *zu* (**ins Stehen bringen aber zum Stehen bringen*). По И. Перссону в каузативном СФГ предикат должен обозначать процесс или состояние, а деятельность или действие автор исключает, так как они являются ориентированными на агенс («agensbezogen» sind) [23. С. 71].

Позиция Х. Винхарт по отношению к семантике полнозначного глагола *bringen* и ФГ *bringen* отличается от позиции И. Перссона. Она, вслед за И. Раппом [25], при толковании значения полнозначного глагола *bringen* исходит из трёхфазовой структуры. Автор различает предсостояние (*Vorzustand*), переходную фазу (*Übergangsphase*) и локальное последующее состояние (*Nachzustand*). При толковании ФГ *bringen* она исходит из того, что ФГ *bringen* не выражает

смены места, а «тематизирует переход из одного психического состояния в другое». По её мнению, в этом отношении конкретное пространственное измерение отсутствует в глагольной семантике и это позволяет обоснованно говорить о семантической «редукции» ФГ [28. С. 77].

По утверждению Х. Винхарт, из глаголов транспортирования ФГ *bringen* является самым частотным и отличается наибольшей широтой комбинаций с именами. Остальные глаголы транспортирования (*führen, tragen, (holen)*), кроме *ziehen (in Erwägung/zu Rate ziehen)*, являются в сочетаниях с номинализацией, скорее, маргинальными или идиоматическими (*Rechnung tragen, eine Abfuhr holen, zu Ende führen*) [28. С. 76].

В нашей картотеке в позиции именного компонента с ФГ *bringen* встретились имена существительные различной семантики. Имена, обозначающие: (а) пространственное движение субъекта (*in Gang, Bewegung, Schwung*); (б) психические состояния (*in Verdacht, Verlegenheit, Erinnerung, aus der Fassung, für Ärger*); (в) отношения (*in Verbindung, Einklang*); (г) результативное состояние предшествующих действий (*in Ordnung, zur Ruhe, zum Stehen*); (д) конечную точку в развитии процесса (*zu Ende*). В качестве основных предлогов при СФГ выступают *in* и *zu*. Не исключается, однако, и употребление предлогов *aus* и *für*.

Основным доминирующим признаком высказываний с СФГ *bringen* является признак терминативности. В высказываниях с СФГ *bringen* выражаются ситуации, где агенс своим воздействием на объект «приводит» его до начального или конечного состояния. Признаки терминативности и каузативности являются сопряжёнными. Рассмотрим АС, в которых в позиции именного компонента выступают имена процессуальной семантики, выражающие различного рода «движения». Ср.: (1) *Ob auch der Bildjournalist Adolf Schöner, den man erst am Aschermittwoch in einem Waldstück westlich der fröhlichen Stadt ebenfalls erschossen fand, ein Opfer der Blum gewesen war, galt eine Zeitlang als nicht unwahrscheinlich, später aber, als man eine gewisse chronologische Ordnung in den Ablauf gebracht hatte, als «erwiesen unzutreffend»* [6. С. 14]; (2) *Ich werde sie mal morgen frisch in Gang bringen ...* [18. С. 362]; (3) *Bei dem Gespräch brachte Lena die Dinger heftig in Bewegung, sie schwangen hoch und runter, aber alles umsonst* [13. С. 162]; (4) *In wenigen Wochen angestrengtester Arbeit hatte Allan die große Maschine in Schwung gebracht* [16. С. 89].

В примерах (2, 3, 4) неодушевлённые предметы волей агенса приводятся в новое состояние, т. е. здесь выражается переход из состояния покоя в состояние «движения». Здесь инхотативный признак сопрягается с признаком каузации. Во всех случаях имплицитно выражается признак начала и дальнейшего движения объекта (пациенса) под воздействием, не названных в высказывании, действий субъекта (агенса).

В примере (1) выражается значение доведения «состояния дел» до определённого уровня. Здесь на первый план выходит признак терминативности без импликации ингрессивности и дальнейшей процессности.

Перейдём к анализу высказываний, в которых в качестве именного компонента СФГ выступают имена, выражающие различные психические состояния субъекта. Ср.: (5) *Ich mußte mich zurückhalten, um vor dem Bahnhof in Bonn nicht ein Taxi heranzuwinken: diese Geste war so gut einstudiert, daß sie mich fast in Verlegenheit gebracht hätte* [5. С. 20]. В этом высказывании мы имеем АС инхотативной терминативности, в которой под воздействием неодушевлённого субъекта (*diese Geste*) выражается предполагаемое вступление объекта в новое состояние.

(6) *Frag mal Deinen Vater, ob er sich noch erinnert, was das mit seinen kleinen Brüdern täglich für Ärger gebracht hat* [8. С. 66]. В данном высказывании выражается значение неоднократного перехода объекта в новое состояние. Причина, в результате которой происходит многократный переход объекта в соответствующее состояние, остаётся невыраженной. Признак итеративности подчёркивается конкретизатором неоднократности *täglich*.

(7) *Eine bringt Leni Toews noch heute aus der Fassung* [19. С. 242]. Здесь также выражается переход из одного состояния в другое под воздействием со стороны в футуральном плане.

Обычно в высказываниях с рассматриваемым типом СФГ передаётся ситуация перехода объекта из неназываемого в предложении состояния в другое новое состояние, которое конкретизируется семантикой ИК СФГ. Как правило, это статическое состояние неодушевлённого предмета или состояние покоя, в котором находится одушевлённый объект (см. примеры выше). Однако, могут передаваться и такие ситуации, когда инхотативно-каузативный СД касается не называемых в высказывании действий и состояний, связанных с объектом воздействия. Обычно, в таких случаях выражается значение прекращения предшеству-

ющего состояния или действия. Значение прекращения передаётся семантикой ИК СФГ. Ср.:

(8) Kann der Rufer der Anklagen sich daraufhin noch nicht beschwichtigen, muß er stets weiter mahnen und drängen, so **bringt** man ihn schließlich **zur Ruhe** [1. С. 101]. Здесь выражается терминативность в сопряжённости с финитивным признаком, т. е. окончательное прекращение предшествующих действий субъекта под чужим воздействием. Ср., также пример: (9) Ein paar Kinder lärmen ungezügelt, **zur Ruhe** kann sie niemand **bringen** [1. С. 308].

В примере (10) мы наблюдаем явление так называемого аспектологического дуализма (амбивалентность в выражении аспектных значений, неопределённость). На фоне параллельного действия (sie sprach lebhaft auf ihn ein) происходит воздействие агенса на объект с целью «приведения» его к новому состоянию. Здесь наблюдается амбивалентность аспектной интерпретации, т. е. возможность двоякой интерпретации в плане достигнутой/недостигнутой предела действия. Ср.: (10) Einmal sah er Georgette neben sich auf den Balkon treten, sie sprach lebhaft auf ihn ein, und er hatte Mühe, sie **zur Vernunft zu bringen** [15. С. 309].

В высказываниях (11, 12, 13) выражаются действия, которые сопрягаются с такими признаками как «многократность» (итеративность), «обычность», «постоянство», «вневременность», позволяющие характеризовать их как процессные. Ср.: (11) Die Schnaderhüpfel hatten in Russland immer eine große gesellschaftskritische Bedeutung, weil sie oft überzogener Form die Stimme des Volkes **zum Ausdruck brachten** [13. С. 153]; (12) Erregungslust ist, neben der Fortpflanzung, der Aspekt, den die meisten Menschen als Erstes mit Sex **in Verbindung bringen** [7]; (13) Tatsächlich **bringen** manche den deutschen Überfall auf Russland im Sommer 1941 mit der Graböffnung **in Verbindung** [22. С. 134].

Значение каузации в сопряжённости с признаком терминативности наиболее ярко эксплицируется в тех случаях, когда в позиции ИК выступают имена, обозначающие результат предшествующих действий. Ср., например, Ordnung, Ruhe: (14) Arno und ich hatten in den Wintermonaten die Maschinen der Bauern **in Ordnung gebracht** [18. С. 26]; (15) Und erlauben Sie mir, daß ich unterdessen diese Sachen hier **in Ordnung bringe** [17. С. 82].

При СФГ *bringen* могут употребляться конкретизаторы интенсивности или кратности (schnell, sogleich), производимого агенсом терминативных действий. Ср.: (16) Schnell **brachte** er den Kontakt

in Ordnung und stellte den Apparat auf Empfang [3. С. 130]; (17) Vielmehr **brachte** er sie (die Worte) sogleich **in Zusammenhang** mit den Gerüchten, der Kaiser Nero lebe noch [9. С. 55]; (18) Um den Lebensunterhalt zu verdienen, **brachte** er den Bauern alle Art von Gerätschaften **in Ordnung**, und er erfand ihnen neue [26. С. 143]. Здесь мы имеем дело с АС процессности, сопряжённой с признаком многократности.

Рассматривая СФГ, *zur Entscheidung bringen*, П. Поленц отмечает, что глагол *bringen* обозначает деятельность, которая не является точечной, а имеет временную протяжённость. Благодаря соединению пунктуального (точечного) глагола *entscheiden* с глаголом, имеющим значение временной протяжённости, точечный процесс решения (der an sich momentane Vorgang des Entscheidens) временно растягивается. *Zur Entscheidung bringen* не является тем же, что и *entscheiden*, а обозначает как бы процесс подготовки к принятию решения и момент принятия решения «einer Entscheidung zu führen, eine Entscheidung herbei führen» oder «eine Entscheidung vorbereiten und treffen» [24. С. 14].

П. Поленц, анализируя СФГ с *bringen*, отмечает зависимость типа СД, выражаемого СФГ, от семантики ИК [24. С. 15]. Он отмечает, что конклюдивный СД является наиболее чётким, когда ФГ *bringen* сочетается с ИК, образованным от пунктуальных глаголов (zum Abschluß, Fall, zum Einsturz, zur Explosion, zum Spalten bringen). Подчёркивается, что при подобных СФГ наиболее чётко выражается подготовительная фаза (предфаза), которая ведёт к точечным (пунктуальным) процессам «завершения», «падения», «расщепления». В тех случаях, когда в роли ИК выступают имена, производные от дуративных глаголов, по мнению П. Поленца, соединение с ФГ *bringen* по-другому воздействует на СД. Здесь выражаются подготовительная (предворительная) фаза и начало процесса: *in Bewegung, zur Verdunstung, in Fluß, zur Sprache, zum Sprechen, zum Kochen, zum Schmelzen, zustande, zum Stillstand, zum Stehen bringen* (там же: с. 15). Интересно отметить, что такие схожие по своей семантике СФГ, как *zum Abschluß* и *zum Stillstand bringen*, по-разному трактуются в акционсартном плане: *zum Abschluß bringen* — конклюдивный СД, *zum Stillstand bringen* — начало процесса. С нашей точки зрения, в обоих случаях выражается значение прекращения предшествующего действия, сопряжённое с каузативным значением. Ср.: die Maschine zum Stillstand bringen — *сделать так, чтобы машина перестала работать*.

Особо следует рассмотреть СФГ, в составе которых в позиции ИК выступают имена, выражающие фазовое значение прекращения, т. е. конечную точку в развитии процесса. К таковым относятся имена типа *Abschluß, Stillstand, Ende*. Особенно употребительным является СФГ *zu Ende bringen*, которое выступает в высказываниях в качестве одной целостной семантической и функциональной единицы (функциональный эквивалент глагола) и «открывает место» для указания на то, какой именно процесс доводится до завершения. СФГ *zu Ende bringen* выступает в предложениях, где мы наблюдаем трёхчленный структурный минимум; оно сочетается с подлежащим, обозначающим активный агент, и субстантивным дополнением в винительном падеже. Бросается в глаза то, что в высказываниях с СФГ *zu Ende bringen* в роли переменного компонента выступают существительные, выражающие такие процессы (действия, события), завершение («выполнение») которых требует определённое (часто длительное) время. При этом, в позиции дополнения выступают не только имена, образованные от глаголов, но и имена существительные непроизводного характера. Так, в нашем материале встретились такие имена как: *Bericht, Strophe, Geschichte, Pferdegeschichte, Sache, Angelegenheit, Aufgabe, Spiel, Prozess, Flucht, Krieg, Pläne, Geschäft, Nacht, Katzbuckelei, Steinbuckelei, Furche*. Здесь представлены имена существительные, выражающие: (а) явления, действия, связанные с речевыми процессами (*Bericht, Strophe*); (б) физические действия и занятия в их абстрактном или конкретном представлении (*Spiel, Prozess, Flucht, Geschäft, Katzbuckelei*); (в) события (*Krieg*); (г) временные отрезки (*Nacht, Tag*); (д) обобщённые явления с элементом «местоимённости» (*Geschichte, Sache, Angelegenheit*); (е) конкретные материальные предметы (*Furche*). Приведём некоторые примеры: (19) ... **ich habe das Spiel** auch nicht aufgebracht, **ich möchte es nur zu Ende bringen**... [14. С. 463]; (20) Raubold ... **brachte seinen Bericht** von der nächtlichen Verhaftungsaktion **zu Ende** [4. С. 311]; (21) ... **Die Pläne** da seht! — **ich vollendete sie noch nicht** — **meine Hilfskraft ist noch nicht da, ohne die ich sie nicht zu Ende bringen kann** ... [12. С. 143]; (22) Ich habe **die Angelegenheit** in die Hand genommen und möchte **sie auch zu Ende bringen**, deshalb [17. С. 247]; (23) Deshalb war er bestrebt, **den Prozeß bald zu Ende zu bringen** [2. С. 340]; (24) Sie **brachten eine ganze Furche zu Ende**, ehe die Soldaten auf der Höhe angekommen waren... [4.

С. 25] — Здесь выражается значение доведения до конца действий, связанных с проведением борозды в поле, на «выполнение» которых требуется определённое время и усилия.

Имена, обозначающие временные отрезки, типа *Nacht, Tag*, могут восприниматься как заполненные каким-либо действием или состоянием субъекта или как «пустые», не связанные с каким-либо процессуальным явлением. Ср.: (25) Sie wußten nicht, wie sie **die Nacht zu Ende bringen** sollten, und nicht, wie sie den nächsten Tag **beginnen würden** [4. С. 265].

В подавляющем случае примеров с СФГ *zu Ende bringen* выражается значение доведения некоторого процесса до его запланированного конца. Встречаются и примеры, в которых с помощью СФГ *zu Ende bringen* выражаются ситуации, где активный агент прекращает (прерывает) какое-то, с его точки зрения, негативное явление. Ср.: (26) **Damit sei Schluß! Aus sei damit! Zu Ende hätte er die Katzbuckelei und Steinbuckelei gebracht** [4. С. 224]. Здесь окончательное прекращение негативного явления подчёркивается также наличием в ближайшем контексте таких финитивных средств как *Schluß sein* и *aus sein*.

СФГ *zu Ende bringen* может иметь при себе определения, которые придают СФГ оценочную (отрицательную или положительную) или темпоральную характеристику. Ср.: (27) Er war sicher, sie **brachten ihre Aufgabe zum guten Ende** [4. С. 222]; (28) Er fuhr nach Perpignan und **brachte ein verwickelndes Geschäft zu einem glücklichen Ende** [10. С. 78]; (29) Deshalb war er bestrebt, den Prozeß bald **zu Ende zu bringen**, die Mittagsstunde rückte heran [2. С. 340].

В высказываниях с СФГ *zu Ende bringen* в некоторых случаях прямое дополнение может обозначать «эфицируемый» объект. При этом акцентируется постепенность и вообще временная протяжённость его «выполнения». Ср.: (30) Die beiden dicken Leute im Saal hatten **eine weitere Nummer ihres Programms** unter hörbarem Atmen **zu Ende gebracht** [21. С. 75]; (31) Er **brachte die Strophe zu Ende** und richtete ... seinen verführerischen Dirnenblick unverwandt auf seine Geliebte [20. С. 444].

Заключение

Таким образом, анализ высказываний с участием СФГ *bringen* показал, что оно может участвовать в организации различных типов АС: 1) АСТ — аспектуальная ситуация терминативности; 2) АСП — аспектуальная ситуация

процессности; 3) АСП+АСТ — совокупность значений процессности и терминативности; 4) АСТ+И — совокупность значений терминативности и ингрессивности; 5) Н+П — совокупность значений начала и процессности; 6) САД — ситуация аспектологического дуализма (т. е. неопределённость, амбивалентность в выражении аспектных значений); 7) АСТ+Ф — совокупность значений терминативности и финитивности (прекращение процесса или доведение его до запланированного предела); 8) АСТ+М — совокупность значений терминативности и многократности (итеративности); 9) АСП+М — совокупность значений процессности и многократности (итеративно-

сти); 10) АСТ+К — совокупность значений терминативности и каузативности.

Кроме названных здесь признаков, следует отметить признак инхоативности, который часто сопрягается, с одной стороны, с признаком каузации, а с другой, с такими признаками неаспектуального характера как «обычность», «постоянство», «вневременность», позволяющие характеризовать соответствующие АС СФГ *bringen* как процессные. С точки зрения сочетаемостного потенциала, следует отметить, что ФГ *bringen* может участвовать в образовании целого ряда серий СФГ. Нами зафиксированы 47 имён существительных различной процессуальной семантики, которые выступают в качестве ИК при ФГ *bringen*.

Список литературы

1. Adler, H. G. Eine Reise. — Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 2002. — 359 S.
2. Apitz, B. Der Regenbogen. — Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1976. — 472 S.
3. Apitz, B. Nackt unter Wölfen. — Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1958. — 528 S.
4. Arnold Aufstand der Totgesagten. — Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1977. — 462 S.
5. Böll, H. Ansichten eines Clowns. — Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2009. — 303 S.
6. Böll, H. Die verlorene Ehre der Katharina Blum. — Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2017. — 189 S.
7. Die Zeit. — Zeitverlag Gerd Bucerius GmbH Co.KG, Hamburg. 25.04. 2013. № 18.
8. Dr., Mog P. Deutsche Erzählungen und Kurzgeschichten seit 1945. Internationale Sprachprogramme. — Universität Tübingen, 2001. — 110 S.
9. Feuchtwanger, L. Der falsche Nero. — Berlin: Aufbau-Verlag GmbH & Co. KG, 2013. — 291 S.
10. Feuchtwanger, L. Die Judin von Toledo. Jeftha und seine Tochter. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1977. — 734 S.
11. Heringer, H.-I. Die Opposition von «kommen» und «bringen» als Funktionsverben. Untersuchungen zur grammatischen Wertigkeit und Aktionsart. -Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1968. — 130 S.
12. Kaiser, G. Stücke. — Berlin: Henschelverlag, 1972. — 589 S.
13. Kaminer, W. Russendisko. — München: Goldmann Verlag, 2002. — 192 S.
14. Kant, H. Das Impressum. — Berlin, Verlag: Aufbau Digital, 2012. — 458 S.
15. Kellermann, B. Das Blaue Band. — Berlin: Verlag Volk und Welt, 1987. — 351 S.
16. Kellermann, B. Der Tunnel. — Berlin Verlag: BiblioBazaar, 2009. — 402 S.
17. Kellermann, B. Der Tor. — Berlin: Verlag Volk und Welt, 1976. — 442 S.
18. Kluge, M. Das Frühlingslesebuch. Ausgewählt und herausgegeben von Manfred Kluge. — München: Wilhelm Heyne Verlag, 1993. — 447 S.
19. Lachauer, U. Ritas Leute. Eine deutsch-russische Familiengeschichte. — Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, 2002. — 432 S.
20. Mann, H. Die Göttinnen. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1976. — 745 S.
21. Mann, H. Professor Unrat. — Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. — 248 S.
22. Peltz, J. Usbekistan entdecken. Trescher-Reihe Reisen. — Berlin, 2005. — 284 S.
23. Persson, I. Das System der kausativen Funktionsverbgefüge // Eine semantisch-syntaktische Analyse einiger verwandter Konstruktionen. Lunder germanistische Forschungen 42, CWK Gleerup. — Kristianstadt, 1975. — 167 S.
24. Polenz, P.v. Funktionsverben im heutigen Deutsch. Sprache in der rationalistischen Welt // Beihefte zur Zeitschrift «Wirkendes Wort». H. 5. — Düsseldorf, 1963. — 46 S.
25. Rapp, I. Fakultativität von Verbargumenten als Reflex der semantischen Struktur // Linguistische Berichte 172. 1997. — S. 490—529.

26. Seghers, A. *Der Räuber Woynok*. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1975. — 146 S.
27. Unverricht, K. *Verbale Analytismen in der französischen und deutschen Wirtschaftssprache // Fachsprache*. 1996. № 6. — S. 10—18.
28. Winhart, H. *Funktionsverbgefüge im Deutschen. Zur Verbindung von Verben und Nominalisierungen*. Dis. — Tübingen, 2005. — 201 S.

Сведения об авторе

Рисаева Оксана Маратовна — преподаватель Самаркандского государственного института иностранных языков факультета романо-германской филологии кафедры немецкого языка и литературы. Самарканд, Узбекистан. oksanarisaeva@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 163—169.*

ASPECTUAL SITUATIONS INVOLVING COMBINATIONS WITH THE FUNCTIONAL VERB BRINGEN IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

O.M. Risaeva

Samarkand State Institute for Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan. oksanarisaeva@mail.ru

The article deals with the problems connected with aspectual peculiarities of the combinations with functional verb in the modern German language. The analysis is devoted to the identifying and describing of aspectual situations, kernel components of which are the combinations with the limited functional verb bringen. In the process of analysis there are proposed different types of aspectual situations of processivity and signs of aspectual and actional characters dealing with it. The analysis showed that the combinations with the limited functional verb bringen participate in the organization of different types of aspectual situations. It is revealed, that the combination with the limited functional verb bringen expresses terminativity, processivity and the aspectual situation of aspectological dualism (ambiguity, ambivalence in the expression of aspect meanings), dealing with the signs of ingressive, finitivity (termination of the process or bringing it to the planned limit), iterativity, causativity.

Key words: *combinations with functional verbs, aspectual situations, actional signs, aspectual signs, terminativity, processivity, inchoativity, iterativity, finitivity, ingressive, causativity.*

References

1. Adler, H. G. *Eine Reise* [Journey]. Berlin, Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 2002. 359 p. (in German).
2. Apitz, B. *Der Regenbogen* [Rainbow]. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1976. 472 p. (in German).
3. Apitz, B. *Nackt unter Wölfen* [Naked among wolves]. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1958. 528 p. (in German).
4. *Arnold Aufstand der Totgesagten* [The Rise of the Dead]. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1977. 462 p. (in German).
5. Böll, H. *Ansichten eines Clowns* [Opinions of a clown]. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2009. 303 p. (in German).
6. Böll, H. *Die verlorene Ehre der Katharina Blum* [The Lost Honor of Catarina Bloom]. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2017. 189 p. (in German).
7. *Die Zeit* [Time]. Hamburg, Zeitverlag Gerd Bucerius GmbH Co.KG, 25.04, №18, 2013. (in German).
8. Dr., Mog P. *Deutsche Erzählungen und Kurzgeschichten seit 1945* [German narratives and short stories since 1945]. Universität Tübingen, 2001. 110 p. (in German).
9. Feuchtwanger, L. *Der falsche Nero* [The fake Nero]. Berlin: Aufbau-Verlag GmbH & Co. KG, 2013. 291 p. (in German).

10. Feuchtwanger, L. *Judin von Toledo. Jeftha und seine Tochter* [The Judin of Toledo. Jephta and his daughter]. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1977. 734 p. (in German).
11. Heringer, H.-I. *Die Opposition von „kommen“ und „bringen“ als Funktionsverben. Untersuchungen zur grammatischen Wertigkeit und Aktionsart* [The opposition of “kommen” and „bringen“ as functional verbs. Investigations on grammatical value and type of action]. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1968. 130 p. (in German).
12. Kaiser, G. *Stücke* [Pieces]. Berlin: Henschelverlag, 1972. 589 p. (in German).
13. Kaminer, W. *Russendisko* [Russendisko]. München: Goldmann Verlag, 2002. 192 p. (in German).
14. Kant, H. *Das Impressum* [The imprint]. Berlin, Verlag: Aufbau Digital, 2012. 458 p. (in German).
15. Kellermann, B. *Das Blaue Band* [The Blue Ribbon]. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1987. 351 p. (in German).
16. Kellermann, B. *Tunnel* [Tunnel]. Berlin Verlag: BiblioBazaar, 2009. 402 p. (in German).
17. Kellermann, B. *Der Tor* [The Gate]. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1976. 442 p. (in German).
18. Kluge, M. *Das Frühlingslesebuch* [The spring reading book]. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1993. 447 p. (in German).
19. Lachauer, U. *Ritas Leute. Eine deutsch-russische Familiengeschichte* [Rita's people. German-Russian family history]. Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, 2002. 432 p. (in German).
20. Mann, H. *Die Göttinnen* [The goddesses]. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1976. 745 p. (in German).
21. Mann, H. *Professor Unrat* [Professor Unrat]. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. 248 p. (in German).
22. Peltz, J. *Usbekistan entdecken* [Discover Uzbekistan]. Trescher-Reihe Reisen, Berlin, 2005. 284 p. (in German).
23. Persson, I. „Das System der kausativen Funktionsverbgefüge“ [The system of causative function verb structures], in: *Eine semantisch-syntaktische Analyse einiger verwandter Konstruktionen Lunder germanistische Forschungen 42* [A semantic-syntactic analysis of some related constructions Lunder germanistische Forschungen 42], CWK Gleerup, Kristianstadt, 1975. 167 p. (in German).
24. Polenz, P.v. „Funktionsverben im heutigen Deutsch. Sprache in der rationalistischen Welt“ [Combinations with the functional verbs in the modern German language], in: *Beihefte zur Zeitschrift „Wirkendes Wort“* [The language of rational world. Pedagogical publication], Düsseldorf, 1963. 46 p. (in German).
25. Rapp, I. „Fakultativität von Verbarargumenten als Reflex der semantischen Struktur“ [Facultability of Verbarargumenten as a reflection of the semantic structure] in: *Linguistische Berichte 172* [Linguistic Reports 172], 1997. Pp. 490-529. (in German).
26. Seghers, A. *Der Räuber Woynok* [The robber Woynok]. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1975. 146 p. (in German).
27. Unverricht, K. „Verbale Analytismen in der französischen und deutschen Wirtschaftssprache“ [Verbal analytisms in French and German business language], in: *Fachsprache* [Jargon] № 6, 1996. Pp. 10-18. (in German).
28. Winhart, H. „Funktionsverbgefüge im Deutschen. Zur Verbindung von Verben und Nominalisierungen“, [The combinations with functional verb in German. About the connection of verbs and nominalizations], in: *Philosophische Dissertation* [Dissertation on philosophy]. Tübingen, 2005. 201 p. (in German).

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ВИДЕОСТРИМОВ ЖАНРА «ЛЕТСПЛЕЙ»¹

Ал. А. Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья рассматривает дискурсивные особенности видеостримов жанра «летсплей», тематическую основу которых составляет описание процесса прохождения видеоигры. Автор статьи исследует коммуникативную структуру игровых видеостримов, подчеркивает особое значение визуализации для формирования креолизованного текста, выделяет режимы общения видеостримера. Анализируя дискурс видеостриминга, автор выделяет ряд лексических и стилистических особенностей, подчеркивающих уникальность данного типа дискурса и свидетельствующих о расширении границ использования языка «геймеров».

Ключевые слова: видеострим, дискурс, креолизованный текст, жанр, жаргон, термин, профессионализм.

Видеострим (от англ. video stream) — относительно новое, но набирающее популярность в России явление. Востребованность видеострима обусловлена возрастающей тенденцией визуализации коммуникативного пространства Интернета с ориентацией на «клиповое» сознание современной молодежи как основного потребителя информационных онлайн-продуктов. Например, известный публицист Лаура Форер указывает на то, что 82% людей предпочитают посмотреть видео в режиме реального времени, чем читать пост в социальных сетях [9]. При всем многообразии существующих в наши дни видов видеостриминга мы обратили внимание на жанр «летсплей» (от англ. let's play — давайте поиграем), в основе которого лежит интеракция коммуниканта и компьютерной игры.

Следует уточнить, что в данном контексте термин «жанр» имеет сугубо журналистское толкование, а не лингвистическое, то есть существует в рамках теории журналистики, а не продуцируется на основании теории речевых жанров М. М. Бахтина [1]. Как пишет А. В. Колесниченко, «жанры журналистики — это устойчивые формы журналистских произведений» [4. С. 14]. Подобное детальное обоснование термина необходимо во избежание возможной двусмысленности при описании коммуникативных особенностей рассматриваемого явления.

Непосредственно жанр «летсплей» подробно исследуется в трудах В. Е. Ивановой применительно

но к видеоблогам. Не смотря на то, что видеоблог и видеострим имеют определенные отличия (например, асинхронный режим интеракции у видеоблога и синхронный — у видеострима, сценарность и запланированность — у видеоблога и спонтанность — у видеострима), мы считаем, что тематический признак (темой служит компьютерная игра и процесс ее прохождения) позволяет нам распространить лексему «летсплей» и на видеостримы. Описывая особенности жанра, В. Е. Иванова приводит следующее толкование: «<...> летсплей <...> — это запись с экрана компьютера или любого другого цифрового устройства (телефона, планшета, телевизора) того, как человек проходит ту или иную видеоигру. Процесс может сопровождаться аудио-, видео- или аудиовизуальными комментариями» [3. С. 229]. Таким образом, опираясь на тематико-компонентный признак, мы считаем оправданным применение термина «летсплей» при описании жанро-видового разнообразия видеостримов.

Структурно видеострим в жанре «летсплей» представляет собой потоковую передачу данных в синхронном режиме с использованием двух диалоговых окон: одно из них является видеовоспроизведением процесса прохождения компьютерной игры с обязательным миниатюрным видеоизображением комментатора-игрока; другое — так называемый чат-бокс (от англ. chat box), используемый зрителями в качестве обратной связи с возможностью оставления комментариев и сообщений. Особое внимание создателем видеострима уделяется качественному воспроизведению графики и звука, поскольку тематическим центром видео-

¹ Автор благодарит Фонд перспективных научных исследований ЧелГУ за финансовую поддержку проведенного исследования.

стрима является видеоигра, процесс ее прохождения и особенности графики, звука и геймплея. Как правило, видеострим ограничен определенными временными рамками (в случае использования аккредитованного сайта в качестве трансляционной базы); теоретически видеострим может иметь любую продолжительность, установленную медиасоздателем (в случае самостоятельной трансляции с использованием бесплатных публичных онлайн-платформ).

Несмотря на сложную структуру видеострима (наличие двух диалоговых окон, необходимость одновременно следить за визуальным контентом и аудиальным сопроводительным комментарием, устно-письменный формат общения с использованием чат-боксов), весь демонстрируемый комплекс воспринимается как единое целое, элементы которого неразрывно связаны друг с другом, дополняют друг друга, выполняют взаимозависимые функции. Фактически коммуникант воспринимает транслируемое видео как часть коммуникативного процесса, являющегося одновременно поводом, площадкой и целью общения, что приводит нас к обновленному пониманию креолизованного текста, следующего за тенденциями визуализации.

Расширение границ иконического компонента креолизованного текста в интернет-среде закономерно, поскольку текст, попадая в виртуальное пространство, визуализируется, обрастает образами благодаря техническим возможностям онлайн-пространства и современным требованиям, предъявляемым аудиторией. Статические изображения, будучи традиционными для креолизованного текста, заменяются изображениями динамическими, как обладающими большим потенциалом для сохранения внимания потребителя контента. Таким образом, видео может и должно восприниматься как составляющая иконического компонента креолизованного текста, что и придает стройность, цельность и связность всему структурному комплексу видеострима, воспринимаемому как единый текст. Н. С. Валгина отмечает, что «основная задача автора заключается в том, чтобы обеспечить реципиенту <...> наиболее благоприятные условия для понимания текста. Поэтому, учитывая характер и назначение текста, автор может варьировать свое обращение к тем или иным средствам выражения» [2. С. 127], что мы и наблюдаем при создании видеостримов. Видеопотоковая передача информации, динамичная, синхронно развиваемая, приковывающая внимание зрителя определенной степенью интриги, является мак-

симально эффективным средством воздействия в условиях интернет-коммуникации. Как отмечает М. В. Поварницына, «многомерный взгляд на текст как поликодовое образование является следствием и отражением поликодового характера человеческой коммуникации на современном этапе. В качестве ее очевидной тенденции следует назвать эстетизации коммуникации, проявляющуюся в усиленной визуализации коммуникативного сообщения... Восприятие графической информации происходит быстрее и легче, чем текстовой...» [7]

Описывая режимы общения в компьютерной игре, П. Е. Кондрашов указывает на интересный формат коммуникации — «человек-машина» [5]. Действительно, сценарий видеоигры может подразумевать развернутый характер диалогов, когда игроку приходится делать выбор между несколькими возможными вариантами ответа, определяя тем самым дальнейшее развитие игрового процесса. Таким образом, при помощи построения диалога должным образом, пользователь может сам «создавать» необходимую ему сюжетную линию. Благодаря подобному «псевдо»-общению возникает ощущение инклюссии, вовлеченности в игровой процесс, чувство сопричастности происходящему. Западная научная литература называет данное явление людонарративным (от англ. ludic — игровой, narrative — повествовательный). Так, например, D. Murphy со ссылкой на R. Chipman, J. Dawn, C. Hawking и др. упоминает людонарративный диссонанс (ludonarrative dissonance), подразумевающая несоответствие игрового и повествовательного (сюжетного) компонентов видеоигры, что препятствует вхождению игрока в состояние «виртуальной реальности», приобщению к игровому сценарию, включая диалоговое общение между человеком и компьютером (игрой) [10. С. 3]. Интересны в этой связи размышления П. В. Часовского, который описывает игровое повествование следующим образом: «Наличие текстовой составляющей — диалогов героев, графических записей разного рода (инструкций, имен, названий), деления компьютерной игры на главы, с неизменным присутствием пролога и эпилога, с одной стороны, и аудиовизуального ряда (анимация игрового пространства, компьютерная графика) — с другой, позволяет сопоставить компьютерные игры с такими видами художественной коммуникации, как книги и кино» [8. С. 64]. Данное описание хоть и не использует термин «людонарративный», но очень хорошо отражает те мысли и эмоции, которые закладывают в это слово западные ученые.

Возможности многопользовательской онлайн-видеоигры позволили апробацию другого формата общения — «человек-человек». Современные компьютерные игры подразумевают коллективное прохождение сюжетного сценария, совместную организацию игрового процесса, что приводит к необходимости общения между игроками, реализованного как в виде чат-бокса в игровом окне, так и при помощи голосовых программ (например, «RaidCall» и «TeamSpeak»).

В видеостримере оба режима общения используются комментатором, поскольку ему необходимо реагировать на изменения игрового процесса, т. е. общаться с другими игроками при совместном прохождении игры и выполнять системные команды запуска определенных сценариев посредством выбора диалоговых запрограммированных фраз в рамках интеракции с видеоигрой. Однако помимо вышеописанного создатель видеоконтента прибегает к третьему формату общения — «человек-зритель», реагируя на комментарии и запросы аудитории, отображаемые в чат-боксе. Реакции комментатора могут быть двух типов: динамичные и вербальные. Динамичными можно назвать те, которые выполняются при помощи игровых действий (например, как ответ на просьбу подойти куда-нибудь или сделать что-либо), а вербальные, в свою очередь — это устно сопровождение игрового процесса, своеобразный диалог с аудиторией, ответы на вопросы или комментарии чат-бокса. Комплексная реализация трех режимов общения формирует дискурсивность видеостримера в жанре «летсплей».

Итак, мы видим, что дискурс видеостримера (создателя видеостримера) является сложным формообразованием, включающим тройственность режимов интеракции. Следовательно, дискурсивные практики подвержены влиянию как языка игры (сценарное повествование), так и языка других игроков и зрителей, что и создает некую уникальность видеостримера как платформы общения.

Особое место в дискурсе видеостримера в жанре «летсплей» занимает использование лексем, свойственных речи геймера, что вполне объяснимо: так как данный видеоконтент существует для игроков, при помощи игроков и благодаря игроку. Необходимость поиска неких общих коммуникативных основ приводит к обобществлению языка, понятного, с одной стороны, для целевой аудитории видеостримера и позволяющего, с другой стороны, более точно выразить определенные игровые реалии посредством вербальных средств.

Лингвистический статус подобных лексических единиц остается спорным и в наши дни. Они могут быть рассмотрены как термины, поскольку онлайн-игры в целом (киберспорт) и видеостримеринг в частности можно считать профессиональным видом деятельности, а использование подобных лексем необходимо для обозначения предметов и явлений виртуальной действительности. Однако полисемия большинства лексических единиц из языка «геймеров» и нарушение тождества «один предмет — одно слово» не позволяют однозначно толковать их в качестве терминов.

Жаргонизмы как обозначение данной группы слов также не кажутся нам удовлетворительными, поскольку характерны скорее для определенной социальной или возрастной группы людей, в то время как используемые в видеостримерах игровые лексемы возникают по принципу общности интереса.

На наш взгляд, для описания данного лексического пласта лучше всего подходит слово «профессионализм». В качестве доказательной базы следует упомянуть метафоричность данных лексем, использование в профессиональной сфере (поскольку и видеоигры, и видеостримеринг можно считать профессиональным родом деятельности), упрощение общения как конечная цель и эмоциональная окрашенность.

Интересно отметить, что изначально зародившиеся в рамках игрового контента слова проникают в другие сферы человеческой деятельности, так или иначе соприкасающиеся с игровой индустрией. Видеостримеринг как род деятельности относится к журналистике и медиакоммуникации, при этом тематический признак жанра «летсплей» обуславливает пополнение вокабуляра презентера средствами языка анализируемого явления. Именно к таким лексическим единицам относятся слова *нуб* (новичок), *фраг* (побежденный компьютерный персонаж), *раш* (бежать, торопиться), *стелс* (красться) и т. д. Условно их можно разделить на общие (характерные для дискурса видеостримеринга вообще) и частные (употребляемые применительно к описанию конкретной игры в силу существования в ней уникальных реалий). Так, например, слово «*абилка*» (от англ. ability) будет относиться к общей группе слов, а слово «стан» (от англ. stun) — к частной группе, поскольку описывает особое свойство персонажа, характерное лишь для видеоигры «Lineage II».

Как мы видим, большинство слов имеют англоязычное происхождение, что является еще одной характерной особенностью дискурса видеостри-

минга. В целом использование англоязычных лексем является, с одной стороны, результатом того, что многие игры не локализованы и не обладают русскоязычным переводом, а с другой стороны, необходимостью использовать англоязычные материалы для прохождения (инструкции, руководства и т. д.), в том числе и видеоматериалы. Определенное влияние оказывают и имена собственные (топографические объекты, фамилии и имена персонажей), используемые в игре, поскольку они, как правило, являются частью программного кода или графического дизайна и не могут быть руссифицированы даже в процессе локализации компьютерной игры. Довольно часто они создают определенную сложность в процессе речевого общения, поскольку коммуникант может затрудниться в подборе правильного произношения. Так, например, имя игрового персонажа *Mister Speargen* произносилось видеостримерами и игроками как «*мистер Сперджен*», «*мистер Спирджен*», «*мистер Сперген*» и так далее.

Для дискурса видеостриминга, как и для любого вида журналистской практики, характерны обращения к аудитории, поскольку одной из ключевых задач видеостримера является максимальное удержание внимания зрителей на демонстрируемом контенте. Обращаясь к аудитории и используя апеллятивную функцию дискурса, игрок как будто вовлекает ее в процесс, предлагает ей почувствовать себя не пассивными зрителями-потребителями информации, но участниками процесса, от которых может зависеть дальнейшее развитие сюжета видеострима. Для игрового видеостриминга характерны фамильярные формы обращения (*ты, народ, пипл, друзья*). Периодически автор видеострима может обращаться к самому себе («*А давай-ка положим эту вещь в инвентарь*», «*Нет, мы сюда не пойдём...*»), что является очередным признаком спонтанности сюжета и синхронного размышления создателя видеострима о своих дальнейших действиях.

В целом, неподготовленность и незапланированность сюжетной составляющей видеострима оказывают влияние на дискурс комментатора, значительно приближая его к разговорной речи. Так, в частности, видеостример может делать продолжительные паузы, оговариваться, запинаться, повторять слово или словосочетание, задавать риторические вопросы, интонировать, использовать просторечия, междометия и слова-«паразиты». Таким образом, стилистика видеострима соответствует разговорному стилю, неформальному общению.

Следует обратить внимание и на особенности дискурса зрителей, реализованного посредством чат-бокса. Устно-письменная форма общения, объединяющая в себе черты устной и письменной речи, характерна для интернет-коммуникации вообще, при этом видеострим не является исключением. Как справедливо подмечает О. В. Лутовинова, «... особенности речи пользователей Интернета свидетельствуют о том, что мы не можем рассматривать ее как письменную речь в традиционном понимании» [6. С. 64]. Действительно, анализ сообщений чат-бокса демонстрирует склонность зрителей приблизить письменную форму общения к устной. Динамичность видеострима не позволяет зрителям писать развернутые сообщения, поскольку они могут не успеть выразить свое мнение или просьбу в силу скорости прохождения игрового процесса. Следовательно, сообщения зрителей являются краткими в виде простых предложений, часто встречающихся эллипсов, подразумевающих общность понимания происходящего комментатором и другими зрителями, с обильным использованием эмодиконов, сокращений и аббревиатур.

Итак, жанр видеостримов «летсплей» является популярным для современного интернет-сообщества явлением, требующим всеобъемлющего анализа. С точки зрения коммуникации и дискурсивных практик структура видеострима представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, но при этом воспринимается как единое целое коммуникативно-дискурсивное пространство. Видео как основа любого видеострима (в том числе и жанра «летсплей») может рассматриваться как иконический компонент, обладающий динамикой, сюжетностью, смысловой нагрузкой и воздействием на аудиторию. В силу тематической специфики жанра «летсплей» можно выделить три режима общения, в которые вовлечен комментатор: человек-игрок, человек-машина и человек-зритель, что отображается на особенностях построения дискурса. Язык видеострима обладает специфическими особенностями: использование лексем из профессионального языка «геймеров», влияние игровых реалий на появление новых лексем, фамильярная апелляция к зрителям и игрокам, близость к разговорной речи. В целом, язык и стиль видеострима функционируют в рамках устно-письменной формы общения, характерной для интернет-коммуникации. При этом дискурс жанра «летсплей» является одной из наиболее ярких демонстраций проникновения языка «геймеров» в иные сферы общественной жизни (например, медиакommunikации).

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — С. 250—296.
2. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 173 с.
3. Иванова, В. Е. «Летсплей» как жанр видеоблога: видео- и аудиосоставляющие / В. Е. Иванова // Филологические этюды: сборник научных статей молодых ученых: в 3 частях. — Саратов, 2017. — С. 229—231.
4. Колесниченко, А. В. Прикладная журналистика / А. В. Колесниченко. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2008. — 192 с.
5. Кондрашов, П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. / П. Е. Кондрашов. — Краснодар, 2004. — 189 с.
6. Лутовинова, О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — С. 58—65.
7. Поварницына, М. В. Специфика креолизованных текстов в массовой интернет-коммуникации / М. В. Поварницына // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. — 2015. — № 6 (19).
8. Часовский, П. В. Семиотика «Easter eggs», или игровое начало в компьютерных играх / П. В. Часовский // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. — 2012. — Вып. 72, № 36 (290). — С. 63—66.
9. Forer, L. The Rise of Lifestreaming: Why People Watch, and How Brands Can Benefit [Infographic] / L. Forer. — URL: <https://www.marketingprofs.com/chirp/2017/32869/the-rise-of-live-streaming-why-do-people-watch-and-how-can-brands-benefit-infographic>
10. Murphy, D. Using Ludonarrative Dissonance for Political Critique / D. Murphy // Loading... The Journal of the Canadian Game Studies Association. — 2016. — Vol. 10 (15). — P. 1—12.

Сведения об авторе

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий учебно-научной лабораторией «Цифровые гуманитарные исследования» историко-филологического факультета, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет, магистрант 1 курса факультета журналистики Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 170—175.*

PECULIARITIES OF DISCOURSE IN VIDEO STREAMS OF “LET’S PLAY” GENRE

Al.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, alexsell@mail.ru

The article considers the discourse peculiarities in video streams of the genre “let’s play” with thematic background of description of video game progressing. The author of the article studies the communicative structure of game video streams, underlines the special meaning of visualization to form the creolized text, outlines the regimes of videostreamer’s communication. The author stresses that communication in video streaming goes in three directions: “player-to-player”, “player-to-computer” and “player-to-watchers”. Analyzing the discourse of video streaming, the author outlines a number of lexical and stylistic features, including the special language of gamers; the article succeeds pointing at the uniqueness of this discourse type and proving the expansion of margins of “gamers” language use.

Keywords: *video stream, discourse, creolized text, genre, jargon, term, professionalism.*

References

1. Bakhtin, M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [Problem of Speech Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetic of word art]. Moscow, 1986. pp. 250-296. (in Russ.).
Valgina, N.S. *Teoria teksta* [Theory of Text]. Moscow, 2003. 173 p. (in Russ.).
2. Ivanova, V.E. "Letsplay" kak zhanr videobloga: video- I audiosostavlyayushie ["Let's play" as a Genre of Videoblog: Video and Audio Components]. *Philologicheskie etudy* [Philological Essays]. Saratov, 2017. pp. 229-231. (in Russ.).
3. Kolesnichenko, A.V. *Prikladnaya zhurnalistika* [Applied Journalism]. Moscow, 2008. 192 p. (in Russ.).
4. Kondrashov, P.E. *Komputerny diskurs: sotsiolingvistichesky aspekt : dis. ... kand. filol. nauk* [Computer Discourse: Sociolinguistic Aspect]. Krasnodar, 2004. 189 p. (in Russ.).
5. Lutovinova, O.V. *Internet kak novaya "ustno-pismennaya" sistema kommunikatsii* [Internet as a New "Oral-Written" System of Communication]. *Izvestia RGPU im. A.I. Gertsena* [Bulletin of RSPU in honor of A.I. Gersten], 2008, no.71, pp. 58-65. (in Russ.).
6. Povarnitsina, M.V. *Spetsifika creolizovannykh tekstov v massovoy internet-kommunikatsii* [Specific of Creolized Texts in Mass Internet-Communication]. *Universum: Filologia I iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art Studies], 2015, no. 6 (19). (in Russ.).
7. Chasovsky, P.V. *Semiotika "Easter eggs", ili igrovoe nachalo v komputernykh igrakh* [Semiotic of "Easter eggs" or Play Origin in Computer Games]. *Vestnik Chelyab. gos. un-ta. Filologia. Iskusstvovedenie* [Herald of CSU. Philology. Art Studies], 2012, no.36 (290), pp. 63-66. (in Russ.).
8. Forer L. The Rise of Lifestreaming: Why People Watch, and How Brands Can Benefit [Infographic]. Available at: <https://www.marketingprofs.com/chirp/2017/32869/the-rise-of-live-streaming-why-do-people-watch-and-how-can-brands-benefit-infographic>, accessed 03.02.2019
9. Murphy D. Using Ludonarrative Dissonance for Political Critique. Loading... The Journal of the Canadian Game Studies Association, 2016, Vol. 10 (15), p. 1-12.

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНО ОПОСРЕДОВАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

Е. В. Скачкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

В статье рассматривается высокопродуктивный класс словообразовательных интенсификаторов и их факультативные значения. Кроме функции объективной оценки непроцессуального признака или параметрического показателя, эти форманты могут служить для выражения значений субъективной оценки и экспрессии. Иногда именно эти значения становятся основными, а значение высокой степени проявления признака отходит на второй план.

Ключевые слова: *русский язык, словообразование, интенсификаторы, экспрессивность, оценка*

1. Введение

Настоящее исследование посвящено анализу экспрессивных и оценочных компонентов значения словообразовательных интенсификаторов. Данные словообразовательные единицы входят в ядро функционально-семантического поля интенсивности (далее — ФСПИ), реализуемого в рамках семантической категории интенсивности (далее — СКИ). Мы, вслед за С. Е. Родионовой, считаем, что СКИ занимает промежуточное положение между объективными и субъективно-прагматическими семантическими категориями [11]. К последним относятся категории экспрессивности, эмотивности, оценки и образности. Изучение взаимосвязи СКИ с данными категориями необходимо для полноценного анализа словообразовательных средств интенсификации. Именно этому аспекту — соотношению экспрессии и оценочности в семантике изучаемых нами интенсификаторов — уделяется основное внимание в данной статье.

Словообразовательные интенсификаторы в современном русском языке представляют собой высокопродуктивный класс морфем, в котором можно выделить две группы формантов, различающихся по происхождению, — исконные (префиксы *пре-* и *раз-* / *рас-*, суффиксы *-ущ-* / *-ющ-*, *-охоньк-* / *-ехоньк-* и т. д.) и заимствованные (префиксы *супер-*, *гипер-*, *экстра-*, *архи-* и др.). Эти

две группы словообразовательных единиц будут в ряде случаев иметь разное соотношение значений степени проявления признака, с одной стороны, и экспрессивного / эмотивного / оценочного компонентов значения — с другой. В последующих разделах мы рассмотрим взаимосвязь СКИ с семантическими категориями экспрессивности и оценки.

Исследование выполнено на материале данных, извлеченных из Генерального интернет-корпуса русского языка (далее — ГИКРЯ), ограниченного при выборке подкорпусом социальной сети «ВКонтакте». Подобный языковой материал относится рядом исследователей к письменной, или компьютерно опосредованной, разговорной речи, подробнее об этом, см., например, [5]. Именно разговорная речь (и ее компьютерно опосредованные формы, в том числе) из всех функциональных стилей отличается наибольшим проявлением субъективного начала. Она «всегда экспрессивно окрашена, говорящий стремится к выразительности, так или иначе отражающей его эмоциональное состояние, настроение, внутреннюю самодостаточность или неудовлетворенность, одобрение или неодобрение происходящего <...>» [16]. Поэтому компьютерно опосредованная разговорная речь представляется тем языковым материалом, который отражает наиболее актуальные и яркие процессы во взаимодействии указанных семанти-

ческих категорий. В некоторых случаях для диахронической справки и оценки динамики продуктивности мы обращались также к Национальному корпусу русского языка (далее — НКРЯ).

2. Категория экспрессивности

Несмотря на большое количество научных работ, посвященных экспрессивности, не существует общепринятой дефиниции этого явления [1; 7; 12; 13 и др.]. В нашем исследовании мы опираемся на утверждение, что экспрессивная единица отличается необычностью формы: «В основе экспрессии лежит заведомое несоответствие каких-либо языковых или речевых средств языковым стандартам, т. е. наиболее регулярным устойчивым моделям» [15. С. 68]. С этой точки зрения, наиболее экспрессивным среди изучаемых единиц будет употребление двух словообразовательных формантов, которые только начинают развивать семантику интенсивности. Речь идет о заимствованных из английского и немецкого языков рефлексов одной морфемы — *овер-* и *убер-*. Мы считаем, что данные морфемы обладают высокой экспрессивностью за счет эффекта новизны, который свойствен еще не адаптированным заимствованиям. Указанные форманты и новообразования с ними не характерны для соответствующей лексикографической практики: обе морфемы не представлены в словарях словообразовательных аффиксов русского языка, словари неологизмов содержат лишь одну новую словарную единицу (*овертайм*), толковые словари также фиксируют только одну лексему, включающую в себя *овер-* (*оверлок*, данный пример, однако, не так однозначен — далеко не все носители языка, согласно небольшому лингвистическому опросу, распознают *овер-* как структурный элемент лексемы *оверлок*). Рассмотрим последовательно каждую из них.

Овер- появляется в XIX столетии в составе заимствованной лексики. НКРЯ дает нам только одну лексему, содержащую этот формант, — *оверштаг* — термин из области мореплавания. Продуктивность данной языковой единицы начинает расти в 90-х годах XX века, когда появляются другие заимствования с *овер-*: *оверлок*, *овертайм*, *овердрафт*. Постепенно данный префикс начинает участвовать в потенциальном словообразовании, в том числе и в значении интенсификатора, что подтверждается данными ГИКРЯ. Для префикса характерна модель *овер-* + имя прилагательное: *овербрутальный (фестиваль)*, *овердлинный (пост)*, *оверногодная (фотка)*, *овермногочисленные (ком-*

ментарии), *оверкрутой (плейлист)*, *оверпопулярные (группы)*, *оверотвратительное (качество)*, *овердраматичная (афиша)*, *овермедленный (человек)*. Тем не менее, нужно отметить, что и НКРЯ, и ГИКРЯ дает нам единичные примеры словообразовательной модели *префикс-интенсификатор* + *глагол*, не являющейся продуктивной для подобных формантов: *Она такая крошечная — Пушок, вот ей имя! Но Миллочка решила овердраматизировать ее имя; оверхайпнули*.

Препозитивный формант *убер-* представляется новым явлением для современного русского языка: он встречается исключительно в разговорной речи последнего десятилетия. Время его активизации мы можем установить весьма условно, т. к. *ruscorpora* не дает нам примеров, включающих данный структурный компонент. Согласно данным, извлеченным из ГИКРЯ, этот префикс является очень продуктивным. Он может участвовать в следующих словообразовательных моделях: 1) *убер-* + имя существительное: *уберкамера*, *уберкукурузник*, *уберболезнь*, *убер-бизнес*, *убермашина*, *убербойцы*, *уберкиллер*, *убербабушка*, *уберзлодей*, *убергонник*, *уберразгром*, *уберсила*, *уберзеркалка* и т. д. 2) *убер-* + имя прилагательное: *уберкосмический (полимер)*, *убермощный (компьютер)*, *уберреалистичное (не-что)*, *уберкрутой (трек)*, *убербрутальный (стиль)*, *убербджетный (планишет)*, *убергодная (книженция)*, *уберважное сочинение* и др. Для *убер-* также свойственна гиперпрефиксация, как и для других заимствованных словообразовательных формантов-интенсификаторов: *убермегатруфильмак*, *убермегакрутой*, *убермегаспойлер* и т. д.

Анализируя морфемы *овер-* и *убер-*, необходимо упомянуть о языковой единице *обер-*, которая также этимологически родственна указанным формантам, считается устаревшей, имеет несколько значений, одно из которых — «высшая степень качества кого-л. (обычно с отрицательным оттенком); заядлый» [4. С. 665]. В компьютерно опосредованной разговорной речи данный формант следует признать наименее частотным из трех перечисленных. Даже высокопродуктивная для всех заимствованных интенсификаторов модель *префикс* + *имя существительное*, где префикс вносит значение высокой степени качества, носителем которого является лицо, названное мотивирующим именем существительным, для него обнаруживает абсолютную непродуктивность — выгрузка ГИКРЯ дает лишь несколько примеров: *обер-вор*, *обер-идеолог*, *обер-жулик*, *обер-человек*. В качестве интенсификатора непродуктивного

признака формант *обер-* не выступает никогда — подобных примеров не дает ни одна выборка.

Одновременное существование трех препозитивных элементов, обладающих формальной близостью и схожей семантикой, как правило, ведет к тому, что в языковой системе останется только один из этих формантов. Например, в настоящее время мы можем наблюдать постепенное вытеснение префикс(оид)ов *овер-* и *обер-* словообразовательным формантом *убер-*.

Кроме того, проявлением экспрессивности может считаться многократная (или множественная) интенсификация, то есть такая, которая включает в себя несколько интенсификаторов (одного или разных уровней). Для компьютерно опосредованной разговорной речи можно выделить два типа такой интенсификации.

Первый тип характеризуется повторением интенсификаторов одного порядка — словообразовательных. Сюда входит гиперпрефиксация, т. е. нанизывание словообразовательных формантов друг на друга: *супер-мега-гипер-трогательный фильм*, *супер-мега-убер-омерзительный день* и т. д.

Подобный прием соответствует установке говорящего на повышение иллокутивной силы высказывания. Например, в предложении *Ты-то супер-мега-адекватный парняга, ни ради чего под бульдозер не полезешь*, говорящий, во-первых, фокусирует внимание адресата на качестве объекта, во-вторых, дополнительно маркирует информацию как достоверную — ‘точно адекватный, можете не сомневаться’. Значение высокой степени проявления признака здесь отходит на второй план, становится факультативным. В пользу этого в данном примере говорит и отсутствие полноценной градуальной семантики у имени прилагательного. Этот тип множественной интенсификации свойствен только заимствованным интенсификаторам.

Второй тип интенсификации связан с тем, что говорящий совмещает словообразовательные интенсификаторы с морфологическими и лексическими усилителями.

К морфологическим средствам выражения высокой степени проявления признака относятся суффиксы *-ейш-* / *-айш-*, образующие форму превосходной степени имен прилагательных. Данная грамматическая форма имеет несколько значений, одно из которых — значение безотносительно высокой степени качества (элатив, абсолютная превосходная степень). В компьютерно опосредованной разговорной речи наблюдаются следующие случаи неузуального употребления эла-

тива в комбинации со словообразовательными интенсификаторами: *суперзлейший враг*, *суперсильнейший фильм*, *суперинтереснейший бой*, *архиковарнейший эксперимент*, *архидобрейший человек*. Как мы видим, подобные образования характерны для интенсификаторов *супер-* и *архи-*. Это может свидетельствовать о том, что данные единицы наиболее интегрированы в русскую словообразовательную систему. Количество примеров интенсификации при помощи элатива и словообразовательных формантов невелико, хотя отмечается их некоторый рост. Что касается других заимствованных формантов, то примеров с ними не дает ни одна выборка. Напротив, такие образования с исконными префиксами более частотны и воспринимаются носителями языка как более узуальные: *преинтереснейший разговор*, *раскрасивейший раскидистый ярко-желтый клен*, *сверхумнейший доктор* и т. д.

Наибольшее количество единиц, обладающих значением высокой степени проявления признака, сосредоточено в рамках лексического уровня языка. Согласно некоторым исследованиям, словосочетания с интенсификаторами, «обладают более высокой частотностью, чем другие типы словосочетаний» [14. С. 5]. Многочисленность класса лексических интенсификаторов, способных количественно модифицировать непроцессуальный признак, приводит к тому, что они активно сочетаются с другими языковыми единицами ядра ФСПИ.

Наиболее употребительный из них (в соответствии с данными Нового частотного словаря русской лексики) — интенсификатор *очень* — позволяет нам проследить неузуальное употребление лексических и словообразовательных интенсификаторов: *очень супер-загадочные круги на полях*, *очень супер-официальные сведения*, *очень супер-разумная цена*, *очень мега-симпатичный медвежонок*, *очень раскрасивый визуал*, *очень пренеприятный сюрприз*, *очень высоченный дом*.

Как видно из примеров, такие конструкции более характерны для заимствованных интенсификаторов, исконные элементы встречаются значительно реже, некоторые совсем не участвуют в образовании подобных контаминаций (**очень сверхнадежный*, *очень злющий).

Мы проанализировали неинтенсификаторы в современном русском языке — *убер-* и *овер-*, установив их высокую продуктивность и типовые словообразовательные модели, в которых они участвуют. Кроме того, нами было описано

взаимодействие интенсификаторов с категорией экспрессивности, которое проявляется в многократной интенсификации. В первом типе данной интенсификации участвуют только заимствованные форманты, при сочетании морфологических и словообразовательных единиц более регулярными и узуальными представляются исконные форманты, при сочетании лексических интенсификаторов и словообразовательных — наоборот, заимствованные форманты будут более продуктивными.

3. Категория оценки

Говоря о взаимодействии категорий интенсивности и оценки, следует различать объективную оценку признака (например, *супербелая краска*) и субъективную, которая включает в себя положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету с выражением разнообразного спектра эмоций. Субъективная оценка исследователями признается частью экспрессии: «оценка всегда экспрессивна» [3. С. 18]. Более того, можно сказать, что все интересующие нас значения — интенсивности, экспрессивности и оценки — часто сливаются в единый семантический комплекс, о чем свидетельствует словарная характеристика ряда исконных словообразовательных интенсификаторов, для которых может быть выделена, например, «экспрессия ласкательности» [6].

Исконные интенсификаторы делятся на две группы в зависимости от того, могут ли они содержать эмоционально-оценочный компонент.

Первая группа — это те морфемы, которые никогда не приносят такой компонент в значение производного слова. Сюда можно отнести префиксоиды *много-*, *сильно-*, *высоко-*: *многоговорливый*, *сильноалкогольный*, *высокопродуктивный* и т. д. Оценочный компонент может быть заключен не в препозитивном элементе, а в производящем (как в первом примере *многоговорливый*). Как нам кажется, это может быть связано с тем, что, несмотря на растущую продуктивность в разговорной речи, они первоначально были характерны для словообразования в таких функциональных стилях, как официально-деловой или научный, в которых действует запрет на экспрессивную или оценочную лексику.

Вторую группу исконных формантов представляют суффиксы, для которых подобное значение не только обязательно, но и представляется основным. Сюда входят такие единицы, как *-уц-* / *-юц-* (*здоровуций*, *хитрюций*, *длиннюций*), *-охоньк-*

/-ехоньк (*белехонький*, *новехонький*), *-оньк-* / *-еньк-* (*легонький*, *молоденький* и т. д.). Отдельного комментария требует суффикс *-оньк-* / *-еньк-*, который, согласно «Словарю словообразовательных аффиксов современного русского языка», имеет значение ослабителя: «Употр. <...> при обозначении признака предмета малых размеров или явления, проявляющегося в слабой степени» [6. С. 606]. Отметим, однако, что в некоторых случаях он имеет обратное значение — значение интенсификатора. Среди новообразований с данным формантом встречаются устойчивые дериваты, зафиксированные в лексикографических источниках, например, лексема *легонький*. Интерпретация значения суффикса *-оньк-* / *-еньк-* зависит от семантики имени прилагательного, к которому он присоединяется. Если производящее имеет сему ослабленного признака или параметрического показателя, то данный словообразовательный формант относится к интенсификаторам. Так, уже упомянутая нами лексема *легонький* образована от прилагательного *легкий*, имеющего значение ‘небольшой вес’. Указанные исконные интенсификаторы обладают высокой экспрессивностью, что делает их более характерными для разговорной речи. Тем не менее, подобные форманты сложно назвать продуктивными при образовании потенциальных слов, возможно, вследствие трудностей, возникающих при присоединении суффикса к производящей основе (например, выбор орфографического варианта).

Для заимствованных словообразовательных интенсификаторов эмоциональная оценочность, как правило, несвойственна: *архиумный* (*мальчик*), *экстрасильная* (*фиксация*), *супердлинные* (*штаньы*), *супергляnceвая* (*бумага*), *ультралегкий* (*самолет*), *ультракороткое* (*платье*) и т. д.

Отдельного обсуждения в этой группе требует префикс(оид) *супер-*. Этимологически он родствен латинскому *super*, языковой единице, которая могла классифицироваться как предлог (‘сверх’), наречие (‘сверху’), префикс (‘превышение’ / ‘остаток, излишек’) [2]. Однако в русском языке под влиянием английского наречия *super* он приобретает значение положительной оценки объекта, которое, как мы видим, не характерно для языка-источника.

Это позволяет поставить вопрос о существовании в русском языке префикса-интенсификатора и омонимичного ему префиксоида, для которого значение положительной оценки качества будет основным. С нашей точки зрения, аффиксоиды — это «морфемы переходного типа, которые обладают

лексическим значением, сходным со значением корневых морфем (этимологически аффиксоиды являются корневыми морфемами, преимущественно заимствованными), но отличаются от последних не только связанностью, но и функциональным сходством с аффиксами — типовым характером значения и употребления, регулярностью соединения с целым рядом корней» [10. С. 427]. Как мы видим, одним из свойств аффиксоида является его соотнесенность с этимологически родственным корнем, таким корнем, возможно, является заимствование из английского языка. Формант *super-* появляется в русском языке в составе терминов и имеет то же значение, что и латинское *super-*. В середине XX века эта морфема развивает новое для себя значение, которого не было ни в русском языке, ни в латинском. В это же время появляются примеры употребления этой языковой единицы, позволяющие исследователям поставить вопрос о ее принадлежности к классу аналитических имен прилагательных.

Важным структурным отличием этих двух единиц будет то, что префиксоид участвует в образовании имен существительных, а не в адъективном словообразовании: *суперудачный гол* vs. *супергол*, *суперкрасивое платье* vs. *суперплатье*, *суперинтересная книга* vs. *суперкнига*. В то же время субстантивные образования с *super-* могут быть результатом эллипсиса, сворачивания конструкции, включавшей в себя имя прилагательное.

Под влиянием препозитивного элемента *super-* значение субъективной оценки развивается у форманта *мега-*: *мегаполезный йогурт* vs. *мегайогурт*, *мегаинформативный доклад* vs. *мегадоклад*, *мегахороший врач* vs. *мегаврач*. Отметим, что данное значение характерно только для заимствованных формантов: **сверхплатье*, **сверхкнига*, **сверхйогурт* (в русском языке есть продуктивная словообразовательная модель *сверх-* + имя существительное (*сверхчеловек*), но при этом *сверх-* не имеет значение субъективной оценки).

4. Заключение

Таким образом, словообразовательные форманты-интенсификаторы могут обладать экспрессивной и субъективно-оценочной семантикой (в ряде случаев подобные компоненты значения становятся основными). Наиболее экспрессивными формантами представляются препозитивные элементы *убер-* и *овер-*, характерные только для компьютерно опосредованной разговорной речи. Их экспрессивность определяется, главным образом, тем, что в роли интенсификаторов они выступают недавно, поэтому для носителей языка все еще необычны. Взаимодействие интенсификаторов с категорией экспрессивности заключается в многократной интенсификации. При этом подобный прием в рамках словообразовательного уровня характерен только для заимствованных интенсификаторов, а интенсификация, затрагивающая другие компоненты ядра ФСПИ (лексические и морфологические интенсификаторы), может осуществляться с участием и исконных, и заимствованных единиц. Субъективно-оценочная семантика интенсификаторов встречается и в группе исконных, и в группе заимствованных формантов. Среди исконных интенсификаторов субъективной оценочностью обладают только суффиксы (новообразования с препозитивными единицами этой группы приобретают подобное значение либо под влиянием контекста, либо вследствие особенностей семантики производящей основы). В ряду заимствованных формантов выделяется языковая единица *супер-*, которая в середине XX века развивает значение положительной оценки того, что названо мотивирующей основой, и формант *мега-*, который развивает указанное значение в настоящее время. Таким образом, тесная взаимосвязь семантической категории интенсивности с семантическими категориями экспрессивности и субъективной оценки реализуется в усложнении семантики словообразовательных интенсификаторов.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: учебник для вузов / И. В. Арнольд. — М.: Флинта Наука, 2004. — 302 с.
2. Большой латинско-русский словарь — URL: <http://linguaeterna.com/vocabula> (дата обращения: 04.12.2018)
3. Гиндлина, И. М. Экспрессивные словообразовательные средства в художественной речи и способы их передачи при переводе: дисс. ... канд. филол. Наук / И. М. Гиндлина. — М., 1999. — 215 с.
4. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 2009. — 1538 с.
5. Литневская, Е. И. Жанры письменной разговорной речи / Е. И. Литневская — М.: МАКС пресс, 2011. — 304 с.

6. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. — М.: Азбуковник, 2016. — 812 с.
7. Лукьянова, Н. А. Экспрессивность как семантическая категория / Н. А. Лукьянова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. — Новосибирск, 1991. — С. 3—23.
8. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. / Н. А. Лукьянова. — Новосибирск: Наука, 1986. — 230 с.
9. Новый частотный словарь русского языка — URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 04.12.2018)
10. Петрухина, Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке. / Е. В. Петрухина // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. — М., 2010. — С. 424—443.
11. Родионова, С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий / С. Е. Родионова // Славянский вестник. Вып. 2. — М.: МАКС пресс, 2004. — С. 300—313
12. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. / И. А. Стернин. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. — 156 с.
13. Телия, В. Н. Типы языковых значений. / В. Н. Телия. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
14. Убин, И. И. Словарь усилительных словосочетаний. / И. И. Убин. — М.: Р. Валент, 2007. — 552 с.
15. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова. / В. К. Харченко // Русский язык в школе, 1976, № 3. — С. 67—68.
16. Химик, В. В. Предисловие / В. В. Химик // Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> (дата обращения: 04.12.2018)

Сведения об авторе

Скачкова Евгения Владимировна — методист, кафедра русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. evgeniyaska4kova@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 176—182.*

EXPRESSIVE-ESTIMATED SEMANTICS OF WORD-FORMATION INTENSIFIERS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE¹

E.V. Skachkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. evgeniyaska4kova@yandex.ru

The paper focuses on the highly productive class of derivational intensifiers and their facultative meanings. In addition to the function of an objective assessment of a non-processual characteristic, these formants can serve to express the values of subjective assessment and expression. Sometimes these values become the main ones, and the value of a high degree of non-processual characteristic fades into the background. The interaction of intensifiers with the category of expressiveness consists in multiple intensification. Multiple intensification, that applied only to word-formation units, is used just for borrowed intensifiers. Intensification affecting lexical and morphological intensifiers can be carried out with both original and borrowed units. The subjective-estimated semantics of intensifiers to be contained in both native and borrowed formants. Among native intensifiers, only suffixes have a subjective assessment. Among borrowed formants, the linguistic unit *super-* stands out, which in the middle of the 20th century develops the value of a positive assessment, and formant *mega-*, which is developing the indicated value at the present time.

Keywords: *Russian language, word formation, intensifiers, expressiveness, assessment*

---

¹ This work was supported by the RFBR grant 17-04-00532-OGN “Native and borrowed formants and patterns in Russian word-formation against the Slavic background: semantic relations, types of interaction, stylistic potential”

References

1. Arnol'd, I.V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: uchebnyk dlya vuzov [The Stylistics of Modern English: a Textbook for Universities], Moscow, 2004. 302 p. (in Russ.).
2. Bol'shoy latinsko-russkiy slovar' [The Unabridged Latin-Russian Dictionary] Available at: URL: <http://linguaeterna.com/vocabula> 3, accessed 04.12.2018. (in Russ.).
3. Gindlina, I.M. Ekspressivnyye slovoobrazovatel'nyye sredstva v khudozhestvennoy rechi i sposoby ikh peredachi pri perevode: diss. ...kand. filol. nauk [Expressive Derivational Means in Literary Text and Methods of their Exchange through Translation. Thesis]. Moscow, 1999, 215 p. (in Russ.).
4. Kuznetsov, S.A. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Big Dictionary of the Russian language]. SPb, 2009, 1538 p. (in Russ.).
5. Litnevskaya, Ye.I. Zhanry pis'mennoy razgovornoy rechi [Genres of Written Informal Speech]. Moscow, MAKS Press Publ, 2011. 304 p. (in Russ.).
6. Lopatin, V.V. Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka. [Dictionary of Word-formational Affixes of the Modern Russian Language], Moscow, 2016, 812 p. (in Russ.).
7. Luk'yanova, N.A. Ekspressivnost' kak semanticheskaya kategoriya [Expressiveness as a Semantic Category] / N.A. Luk'yanova // Yazykovyye kategorii v leksikologii i sintaksise [Language categories in lexicology and syntax], Novosibirsk, 1991, pp. 3 – 23. (in Russ.).
8. Luk'yanova, N.A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki [Expressive Dictionary of Informal Use: Problems of Semantics]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 230 p. (in Russ.).
9. Novyy chastotnyy slovar' russkogo yazyka [New Frequency Dictionary of the Russian Language]. Available at: URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> 9. accessed 04.12.2018. (in Russ.).
10. Petrukhina, Ye.V. Vozmozhnosti, funktsii i konkurenty slovooproizvodstva v sovremennom russkom yazyke. [Opportunities, Functions and Competitors of Word-formation in Modern Russian] / Ye.V. Petrukhina // Novyye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovaniye: Doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov [New Phenomena in Slavic Word Formation: System and Functioning: Reports of the XI International Scientific Conference of the Commission on Slavic Word Formation at the International Committee of Slavists], Moscow, 2010, pp. 424-443. (in Russ.).
11. Rodionova, S.Ye. Intensivnost' i yeye mesto v ryadu drugikh semanticheskikh kategoriy [Intensity and its Place in a Number of Other Semantic Categories] / S.Ye. Rodionova // Slavyanskiy vestnik. [Slavic Bulletin], vol. 2, Moscow, 2004, pp. 300-313. (in Russ.).
12. Sternin, I.A. Problemy analiza struktury znacheniya slova [Problems of Analyzing the Structure of the Meaning of the Word]. Voronezh, Voronezh St. Univ. Publ., 1979. 156 p. (in Russ.).
13. Teliya, V. N. Tipy yazykovykh znacheniy [Types of Verbal Meanings] Moscow, Nauka Publ., 1981. 269 p. (in Russ.).
14. Ubin, I.I. Slovar' usilitel'nykh slovosochetaniy [Dictionary of Amplification Phrases], Moscow, 2007. 552 p. (in Russ.).
15. Kharchenko, V.K. Razgranicheniye otsenochnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova. [Differentiation of Evaluativity, Imagery, Expression and Emotionality in the Semantics of the Word] / V.K. Kharchenko // Russkiy yazyk v shkole [Russian language at school], Moscow, 1976, no. 3, pp. 67-68. (in Russ.).
16. Khimik, V.V. Predisloviye / V.V. Khimik // Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi. [Large dictionary of Russian expressive speech]. Available at: URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm>, accessed 04.12.2018. (in Russ.).

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «НУЛЕВАЯ СВЯЗКА» И «НУЛЕВОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ» В РАМКАХ НЕЗАМЕЩЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. В. Тиханова

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет),
Долгопрудный, Московская область, Россия

В статье анализируются основные работы лингвистов, которые занимались проблемой нулевых единиц в отечественной лингвистике, уточнен термин «незамещенные синтаксические позиции» (НСП), который включает в себя нулевые единицы (НСП1), эллипсис (НСП2) и неполные предложения (НСП3). Рассматривается история изучения нулевой связки и нулевого глагольного сказуемого в русистике, а также их место в некоторых современных вузовских и школьных учебниках.

Ключевые слова: нулевые единицы, эллипсис, неполные предложения, нулевая связка, нулевое глагольное сказуемое

Незамещенные синтаксические позиции

При анализе синтаксических конструкций чаще всего рассматривают только синтаксические единицы, обладающие фонологической формой. Наряду с этим на протяжении долгого времени в рамках разных синтаксических концепций были обнаружены значимые «отсутствующие» синтаксические компоненты предложения — фонологически пустые, или нулевые единицы. Эти единицы имеют значение и признаками, но не обладают означающим.

На сегодняшний день отсутствует общепринятая система терминов: либо один и тот же термин подразумевается слишком широко, обозначает разные явления либо, наоборот, одно и то же понятие обозначается разными терминами. Исходя из этого в отдельных случаях нами будут использованы некоторые термины как синонимичные (нулевая синтаксическая единица (форма, категория), синтаксический нуль) или наоборот, совершенно различные (синтаксический нуль и эллипсис).

Впервые упоминание нулевых единиц встречаются в работе И. А. Бодуэна де Куртенэ. Именно он ввел и описал «фонетический нуль» и «морфологический нуль». Он утверждал о необходимости установить нуль звука в качестве минимальной фонетической величины, и именно из-за постепенного уменьшения или полного исчезновения его развиваются динамическо-статические отношения звуков, где один из них — нуль [5 С. 110].

Известно, что в фонетике большое место занимает редукция гласных, сокращение до мини-

мула звука, что приводит к их качественному изменению. Такое исчезновение звука в какой-либо морфеме является нулевой формой.

При изучении словоизменяемых категории в морфологии, лингвисты часто сталкиваются с выражением некоторого значения категории при имплицитировании звуковой стороны знака там, где предполагается соответствующая морфема. Например, для обозначения родительного падежа множественного числа, наряду с ненулевыми морфемами *-ей* и *-ов/-ев*, используется и нулевая морфа: *кон-ей*, *пирог-ов*, но *ламп-Ø*. Совершенно очевидно, что нулевая морфа здесь имеет то же значение родительного падежа множественного числа, что и соответствующие ненулевые морфы — она распределена с ними морфологически (по типам основ). Безусловно, нулевые окончания имеют именительный и винительный падежи единственного числа (*воробей-Ø*), прошедшее время 3 лица единственного числа некоторых глаголов (*лёг-Ø*, *пёк-Ø*), единственное число мужского рода в регулярных формах прошедшего времени (*читал-Ø*), краткая форма единственного числа мужского рода прилагательных и причастий (*умён-Ø*, *изучен-Ø*).

В синтаксисе также обнаруживаются нулевые единицы, которые опознаются по своему окружению: они сохраняют «вокруг себя все определенные его смыслом позиции других словоформ» [7 С. 22]. Вероятно, точнее было бы утверждать, что это не синтаксические единицы, а единицы словаря (лексемы). Но поскольку они не произносятся, а только обнаруживаются по косвенным

признакам при анализе определенных конструкций, ими в чаще всего занимаются исследователи грамматики, а не лексикологи.

Нужно отметить, что нулевые формы — это реально существующие объекты, хотя и недоступные опосредованному наблюдению. В отличие от эксплицитированных единиц, без которых не обходится ни одно лингвистическое описание, нулевые единицы в работах большинства исследователей часто опускаются. Описание, которое лишено синтаксических нулей, всегда возможно, но оно получается либо неполным, либо чересчур громоздким.

Возвращаясь к нулевым формам в синтаксисе, представляется важным рассмотреть вопрос о том, чем же объяснить появление невыраженных форм в этом разделе лингвистики.

Языковед А. А. Потебня так рассматривал это явление: «Вещественное и формальное значение данного слова составляет... один акт мысли. Именно потому, что слово формальных языков представляется сознанию одним целым, язык столь мало дорожит его стихиями, первоначально самостоятельными, что позволяет им разрушаться и исчезать бесследно» [14 С. 39]. Он считал, что слова помогают мысли объективироваться и удерживаться таким образом, чтобы помочь действию следующей мысли. Чем больше сил затрачено на произнесение звука, тем лучше удерживать значение, иными словами, чем слабее мысль, тем более ей нужен звук в качестве внешней опоры.

Такие рассуждения приводят к следующим вопросам: почему же при общении человек не называет некоторые части предложения; полна ли тогда мысль, заключенная в предложении, но почему-то не нашедшая языковых средств выражения, а также как объяснить, что невыраженные члены предложения не мешают понимать сказанное?

Этими вопросами интересовались исследователи разных научных областей. Так, философ и логик М. И. Каринский (вслед за Аристотелем) в работе «Классификация выводов» утверждал, что в форме мысли присутствует три элемента в суждении: предмет суждения, субъект суждения и предикат суждения, которые всегда отражены в языке, но в силу той или иной ситуации какое-либо из этих явлений может не найти специального выражения. Эти невысказанные части суждения некоторыми учеными назывались подразумеваемыми.

В конце XIX века в связи с общей тенденцией к алогизации в познании явлений действи-

тельности философы и лингвисты отказались от рассмотрения соотношений соответствий категорий языка и категорий мышления, т. е. отказались рассматривать соотношение слова и понятия, суждения и предложения. На основе такого разобщения категорий мысли и категорий языка ученые пришли к выводу, что изучать необходимо только то, что непосредственно выражено в живых формах речи. Поэтому вопрос о подразумевании компонентов мысли начал пониматься как вопрос безосновательный по отношению к языку. Для лингвистов стало аксиомой то, что каждая конструкция является достаточной сама по себе, вследствие чего считалось правильным анализировать только непосредственно данное в речи. Модели предложения, которые не совпадали с другими структурными схемами, объяснялись как особые модели, в которых отсутствуют некоторые конструктивные схемы, и их не надо ни искать, ни восстанавливать.

К примеру, такие предложения как *Иван — журналист; Девушка умна* без видимой связи были объяснены в середине XX века как предложения, где сказуемое — простое именное в форме настоящего времени, не соотносимое со сказуемым, образованным со связкой *был* или *буду* в других временных аспектах, хотя на сегодняшний день именное сказуемое в традиционном понимании всегда составное, даже в том случае, когда оно представлено одной словоформой.

Что касается высказываний с имплицитными членами предложения, то они неразрывно связаны с так называемой «экономией речи». Понятие «принципа экономии» в языке ввел французский ученый Андре Мартине, оно отражает «постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия» [12 С. 532].

Безусловно, в языке не должно быть излишества, громоздкости и трудностей в произношении и на письме, поэтому опускается тот или иной звук в составе слова, слово или словосочетание в предложении, не соблюдаются правила и нормы литературного произношения. Эти изменения не должны препятствовать пониманию смысла высказывания. Как правило, «принцип экономии» встречается в разговорной речи, когда говорящие на том или ином языке стремятся за минимальное время донести до слушающих как можно больше информации и поэтому перестраивают, укорачивают свою речь: *Как начала работать — понемногу откладывала*

деньги на покупку жилья > Откладывала деньги на жилье > Откладывал на жилье.

Подобное явление отсылает нас к понятию неполного предложения, которое основано на том, что в условиях определенного контекста и определенной ситуации некоторый явно осознаваемый говорящими смысл может оставаться невыраженным специальной словоформой, и предложение становится в плане состава (но не в плане смысла, содержания) неполным. Если то же предложение употребляется вне данных контекста и ситуации, необходимо восполнение состава, предложение становится полным: ср.: *Алёша смотрел на них. А они на него* (Ф. Достоевский) — *А они смотрели на него.*

В классе неполных обычно выделяются эллиптические предложения, особенностью которых является то, что в них отсутствующий компонент понятен без контекста и без ситуации, ср.: *Татьяна — в лес, медведь — за нею* (А. Пушкин) — *Татьяна (побежала, кинулась) в лес, медведь (направился, устремился) за нею.*

Из вышесказанного следует, что факты значимого отсутствия синтаксических компонентов в предложении традиционно группируются вокруг двух понятий — предложения с нулевыми синтаксическими единицами и неполные предложения. В нашей статье для этих явлений мы будем использовать соответственно термины «синтаксический нуль» с одной стороны, и «эллипсис» и «неполнота» с другой, а для их общего обозначения обозначения — «незамещенная синтаксическая позиция» (НСП) — вербально невыраженный компонент синтаксической цепочки членов предложения, который сигнализируется контекстом, ситуацией, наличными членами предложения. Такая позиция связана с выражением определенного значения. Всякая незамещенная позиция значима потому, что является языковым сигналом, отсылающим туда, где обнаруживается необходимый смысл.

В нашей работе мы делаем акцент именно на рассмотрение явления синтаксического нуля, так как понятия «нулевая связка» и «нулевое глагольное сказуемое» относятся именно к нулевым единицам. Мы допускаем, что понятие «незамещенные синтаксические позиции» (далее НСП) может включать в себя также сходные явления (контекстуальная и синтаксическая неполнота, имплицитность, зевгма и др.), однако для нас вполне достаточно разделения незамещенных синтаксических позиций на синтаксический нуль (НСП1) и эллипсис (НСП2) и неполноту (НСП3).

История изучения понятий «нулевая связка» и «нулевое глагольное сказуемое»

На сегодняшний день понятия «нулевая связка», «нулевое именное сказуемое с нулевой связкой / нулевое глагольное сказуемое» уверенно вошли как в практику преподавания синтаксиса русского языка в школе и вузе, так и в научный обиход. Если мы обратимся к истории синтаксической науки, то заметим, что вопрос о нулевых формах в синтаксисе с теоретической стороны вовсе не является простым, как кажется на первый взгляд.

Основоположником теории о синтаксическом нуле в русистике считается лингвист А. М. Пешковский, который ввел в научную терминологию «нулевую связку» и «нулевое глагольное сказуемое» в работе «Русский синтаксис в научном освещении».

Автор построил парадигмы с нулевой связкой и нулевым бытийным глаголом, подобные падежным морфологическим парадигмам с нулевыми показателями, ср.:

Ноги — Ног — Ø Ногами

Он Ø архитектор — Он был архитектор — Он будет архитектор

В лесу Ø ягоды — В лесу были ягоды — В лесу будут ягоды

По мнению автора, «причиной безглагольности является полная утрата форм настоящего времени глагола *был — буду*. В древнерусском языке все эти формы имелись и употреблялись (*есми* или *есми, еси, есть, есм* или *есмо, есме, есмя, есте, суть*), но в настоящее время от них осталось в живом употреблении только *есть*, которое перешло в разряд бесформенных слов. Естественно, таким образом, что там, где должно было быть настоящее время от этого глагола, мы его не находим» [13 С. 256—257].

Далее А. М. Пешковский задается вопросами: почему возможны, а самое главное, очень распространены такие безглагольные конструкции при том факте, что нашу речь отличает высокая степень развития глагольности? Каким образом такие высказывания на общем глагольном фоне современной речи могут рассматриваться полными, обычными предложениями без каких-либо грамматических дефектов? «Разгадка лежит, — утверждает он, — ... все в той же способности языка создавать нулевые формы» [13 С. 258].

Именно А. М. Пешковский первым проводит параллель между нулем в морфологии и синтаксисе.

Так, например, слово *друг* функционирует и со-знается как именительный падеж единственного числа мужского рода существительного, несмотря на отсутствие окончания, то есть мы наблюдаем нулевой признак, нулевую форму. По его словам, разница состоит только в том, что в основе морфологического нуля лежат ассоциации между словами, а в основе синтаксического нуля — между словосочетаниями; в первом случае была нулевая форма слова, а во втором — нулевая форма словосочетания».

Что же касается нулевого глагольного сказуемого, то, по его мнению, абсолютно такую же роль и при помощи таких же средств играет в русском языке и отсутствие полновесного глагола *был* — *буду* в значении существования, присутствия. Когда мы говорим *Брат дома; Мария на вокзале*, здесь также присутствует значение настоящего времени изъявительного наклонения глагола *быть*. Наряду с нулевой связкой автор признает и нулевое глагольное сказуемое.

Идея А. М. Пешковского о нулевых категориях не сразу нашла понимание и признание у лингвистов. Так, В. В. Виноградов критически относился к данному вопросу, поэтому неслучайно во втором томе академической «Грамматики русского языка» (1954) под его редакцией понятие нулевой связки, и тем более — нулевого глагольного сказуемого отсутствует. Он считал, что сказуемое, представляющее собой только именную часть и не имеющее форму глагола, называется простым именным сказуемым (*Анна врач; Все в сговоре; Он еще молод*)» [9 С. 415].

В последующих академических грамматиках русского языка (Грамматика-70, Грамматика-80) под редакцией Н. Ю. Шведовой понятия нулевой связки и нулевого глагольного сказуемого также отсутствуют. В частности, в «Грамматике-80» автор раздела «Простое предложение» Н. Ю. Шведова рассматривает конструкцию *Мама — врач* как предложение с координируемыми главными членами, где *врач* является сказуемым, выраженным существительным в именительном падеже, а конструкцию *Мама на работе* — как предложение с не координируемыми главными членами, где *на работе* является сказуемым, выраженным существительным в косвенном падеже. Сравнивая предложения типа *Лес шумит* и *Мама на работе*, в первой конструкции «в глагольном сказуемом сосредоточиваются и формально выражаются все объективно-модальные значения предложения» [15 С. 237], а во второй — синтаксическое время

выражается, вероятнее всего, структурной схемой предложения.

Таким образом, идея нулевых форм А. М. Пешковского не была принята академическим синтаксисом русского языка, но в защиту этого учения в 50-е годы выступила Е. М. Галкина-Федорук, которая издала пособия по современному русскому языку для вузов. Такие предложения как *Мама — врач, Ночь тепла* она относила к составным именным сказуемым с нулевой связкой.

В 1962 году на страницах журнала «Русский язык в школе» была опубликована статья Е. М. Галкиной-Федорук, в которой автор изложила свои теоретические взгляды на данную тему. Первой формой, которую она рассматривает, выступает нулевая связка: «Нельзя полагать, что предложения с нулевой связкой — это особый тип сказуемого, совершенно отличный от предложений со сказуемым с наличными связками *был* и *буду*, и выделять эти предложения с нулевой связкой как предложения с простым именным сказуемым — значит противоречить системной природе языка» [8 С. 9].

Автор полагает, что причины возникновения предложений с нулевой формой могут быть связаны с тем, что в процессе познания имеются какие-то скрытые элементы, которые не всегда выражаются словом. Возникает следующий вопрос: почему отсутствующее слово, которое обозначает необходимый в мысли элемент суждения (предмет, субъект или предикат), не искажает смысл?

Вероятнее всего, считает Е. М. Галкина-Федорук, это происходит по той причине, что человек понимает сказанное в силу установившегося параллелизма конструкций, например, *Мама — врач, Мама была врач, Мама будет врач*. По мнению автора, грамматическое значение нулевой связки явно не осознается, но скрыто существует в сознании. Поэтому модель суждения и модель предложения, когда-то соответствовавшая ей, в настоящее время теряют свое соответствие, так как живой речи свойственная лапидарность.

Е. М. Галкина-Федорук неоднократно возвращается к тому, что в предложениях с нулевой связкой содержится не особый тип сказуемого, как утверждал В. В. Виноградов, поскольку нулевая связка исполняет определенную функцию выражения грамматического значения времени. Если не признавать тот факт, что грамматическое значение заключено в нулевой связке, то чем же тогда выражается время?

Что касается нулевого глагольного сказуемого в предложениях типа *Отец в городе*, то, по мнению Е. М. Галкиной-Федорук, такая конструкция свойственна живой речи и появляется вместо предложения *Отец находится (пробывает) в городе*.

Нам представляется, что в работе Е. М. Галкиной-Федорук в отношении нулевого глагольного сказуемого проявляется расширительное понимание нуля. Так, по аналогии с нулевой связкой она выделяет в простых глагольных сказуемых нулевые глаголы движения, бытия, экзистенции. Соответственно, в таких конструкциях как *Татьяна — в лес, медведь — за нею* она усматривает нулевую форму глагола движения.

Нельзя не признать, что работа Е. М. Галкиной-Федорук вызывает несомненный интерес с теоретической и практической точек зрения и была, на наш взгляд, недостаточно оцененной в синтаксической науке.

Следующей значимой работой, по нашему мнению, является статья А. П. Сковородникова, в которой впервые фигурирует термин «синтаксический нуль». Автор полемизирует с лингвистами, занимающимися вопросом нулевых форм в синтаксисе, и делает вывод, что под синтаксическим нулем понимаются совершенно разные явления пропуска в языке. Он справедливо доказывает, что понятие нуля должно выводиться на любом уровне языка из системы компонентов, построенной по принципу оппозиции, «нуль означающего усматривается там, где есть противопоставление функционально разграниченных и в одинаковой позиции взаимно исключают друг друга элементов системы (парадигмы)» [17 С. 135]. Иными словами, синтаксический нуль должен быть изоморфен нулевым категориям других языковых уровней.

Н. С. Валгина считает, что отвлеченная связка *есть* может быть имплицирована, если сказуемое имеет значение настоящего времени. Такое сказуемое называется либо простым именным, либо составным с нулевой связкой [6. С. 100].

Понятия «нулевая связка»

и «нулевой бытийный глагол»

в школьных и вузовских учебных пособиях

Понятие составного именного сказуемого с нулевой связкой широко используется в школьных и вузовских учебных пособиях по русскому синтаксису.

Подробную трактовку нулевой связки в составном именном сказуемом можно встретить в со-

временном школьном учебнике «Русский язык. Теория» В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой. Описывая составное именное сказуемое, они указывают, что именная часть выражает значение, а вспомогательная — грамматические значения времени, наклонения, добавочные лексические значения. Анализируя вспомогательную часть, авторы утверждают, что она выражается глаголом-связкой *быть*, не имеющей лексического значения и в настоящем времени обычно отсутствует. [3. С. 178].

В школьном учебнике по русскому языку Бархударова С. Г. дается такое объяснение: Глагол-связка *быть* выражает только грамматические значения и в настоящем времени не употребляется, т. е. связка нулевая [4. С. 72].

Нельзя не заметить, что авторы пособий классифицируют нулевую связку как отсутствующий элемент в структуре предложения. Кажется, что данные высказывания не логичны, поскольку нулевая связка в составном именном сказуемом является носителем грамматического значения настоящего времени, она не отсутствует, наоборот, она незримо наличествует и функционирует в таких конструкциях как полноценный структурный компонент.

В вузовских учебниках и учебных пособиях нулевая связка также была признана. Так, в «Современном русском языке» П. А. Леканта читаем: «Связка непременно содержит показатели спрягаемых глагольных форм (включая нулевую форму связки *быть*). Так называемые связки-частицы (*это, вот, таков, как, точно, словно* и др.) не заменяют глагольной связки, а только сочетаются с ней (в том числе и с нулевой формой) и подкрепляют те или иные функции» [11. С. 413].

Н. С. Валгина в учебнике «Современный русский язык: Синтаксис» в главе 28, которая посвящена именному сказуемому и видам связок в нем, рассуждает следующим образом: «Если сказуемое обладает значением настоящего времени, тогда отвлеченная связка *есть* может быть имплицирована, сказуемое в таком случае называется простым именным или составным именным с нулевой связкой [6. С. 100].

В книге «Синтаксис современного русского языка» Г. Н. Акимовой и С. В. Вяткиной в разделе «Сказуемое» содержится следующая информация: в настоящем времени отвлеченная связка *быть* обычно лексически не выражается и возникает в виде нулевой связки: *Я — сын земли*. Однако эта связка может иметь лексическое выражение, например: *Сон есть жизнь* [1 С. 94].

Кустова Г. И. в учебнике «Синтаксис современного русского языка» в главе 19 «Составное именованное сказуемое» также упоминает о том, что знаменательная связка *быть* в настоящем времени имеет нулевую форму и дает следующие примеры, где именная часть:

- 1) существительное: *Она Ø художник*;
- 2) прилагательное — полное или краткое: *Дети Ø выселы*; *Анна Ø высокая*;
- 3) краткое страдательное причастие: *Газета Ø прочитана*;
- 4) форма сравнительной степени: *Отец Ø старше матери*;
- 5) предложно-падежный оборот: *Все море Ø в волнах*; *Вся обувь Ø в грязи*; *Город Ø под обстрелом*; *Провода Ø под напряжением*; *Занятия живописью Ø сродни творчеству*;
- 6) наречие: *Студенты Ø навеселе*; *Мы с вами Ø заодно*; *Дети Ø рядом*;
- 7) нечленимое словосочетание: *Иван Ø неполохой человек*; *Ирина Ø девушка с характером / с карими глазами*; *Она Ø одна из старейших жителей*;
- 8) фразеологизм: *Виктор Ø мастер на все руки*; *Антон Ø стреляный воробей*. [10 С. 72—73].

В главе 18 «Составное глагольное сказуемое» она также дает примеры с нулевым знаком, где говорит о способах выражения вспомогательной части:

- 1) краткое модальное прилагательное с нулевой связкой: *Ø способен*, *Ø намерен*, *Ø должен*, *Ø рад*, *Ø принужден*, *Ø обязан*, *Ø готов*, *Ø не властен*, *Ø вынужден*, *Ø согласен*;
- 2) существительное с модальным значением, с нулевой связкой: *Ø любитель*, *Ø мастер*, *Ø охотник (поговорить)*.

В учебнике «Современный русский язык» в разделе «Синтаксис и пунктуация» В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова также имеется указание на то, что в составном именованном сказуемом вспомогательная часть включает глагол-связку *быть*, которая выражает только модально-временные значения, а в настоящем времени связка обычно отсутствует (нулевая связка) [10. С. 84].

В учебном пособии «Современный русский язык. Синтаксис простого предложения» Е. С. Скобликовой упоминается о нулевой форме: «реальность признака и отнесенность его к настоящему времени передаются в русском языке отсутствием материально выраженной связки — нулевой связкой. Понятие нулевой связки объясняет использование термина «составное именованное сказуемое» и по отношению к сказуемым, не включающим материально выраженного вспомогательного компонента» [16. С. 111].

Наиболее полно вопрос нулевых форм, а в частности нулевой связки и нулевого бытийного глагола рассматривается в учебнике Я. Г. Тестельца «Введение в общий синтаксис». Он признает, что существуют нулевые словоформы, часть словоизменительной парадигмы которых — нулевые, а часть — ненулевые единицы. Это и есть нулевая форма глагола-связки *быть* и бытийного глагола *быть* в настоящем времени. По мнению автора, на наличие нулевой связки указывают некоторые актанты, не способные сочетаться с существительными: *Она давно подруга*, но **Давно подруга сделала это*; *Она мне подруга*, но **Мне подруга сделала это* [18. С. 281].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что конструкции с имплицитными звеньями традиционно группируются вокруг двух понятий — неполное предложение и нулевой синтаксический компонент. В неполных предложениях в условиях контекста и ситуации некоторый явно осознаваемый говорящими смысл может оставаться не выраженным специальной словоформой, и предложение становится в плане состава неполным. Нулевой синтаксический компонент с достаточной полнотой впервые был рассмотрен А. М. Пешковским. Он построил парадигмы с нулевой связкой и нулевым бытийным глаголом, подобные падежным морфологическим парадигмам с нулевыми показателями.

Обращаясь к истории нашей синтаксической науки, можно заметить, что вопрос о нулевых формах в синтаксисе в теоретическом плане вовсе не является простым, как это может казаться на первый взгляд. Несмотря на стремление исследователей упорядочить разные типы отсутствия компонентов, пока еще не создано такого описания, которое бы представило все факты подобного рода в единой системе.

На сегодняшний день такие понятия, как нулевая связка, нулевое именованное сказуемое с нулевой связкой довольно уверенно вошли как в практику вузовского и школьного преподавания синтаксиса русского языка, так и в научный обиход. Заметим, что не совсем верна формулировка, данная в некоторых работах — нулевая связка не отсутствует, она является носителем грамматического выражения времени и модальности, поэтому она незримо присутствует.

Список литературы

1. Акимова, Г.Н., Вяткина С. В. Синтаксис современного русского языка. — М.: Academia, 2009. — 347 с.
2. Бабайцева, В.В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. — М. Просвещение, 1987. — 256 с.
3. Бабайцева, В.В., Чеснокова, Л. Д. Русский язык: Теория: учеб. для 5—9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. — М.: Просвещение, 1993. — 256 с.
4. Бархударов, С.Г., Крючков, С. Е. Русский язык. 8 класс. — М., 2011. — 239 с.
5. Бодуэн де Куртэнэ, И. А. Введение в языковедение // Избранные труды по общему языкознанию. — 1963. — Т. 2 — С. 246—293.
6. Валгина, Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. — М.: Логос, 2003. — 432 с.
7. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. — М.: Изд-во Московского университета, 2000. — 502 с.
8. Галкина-Федорук, Е.М. О нулевых формах в синтаксисе // Русский язык в школе. — 1962. — № 2. — С. 6—12.
9. Грамматика русского языка в 2-х т. / под ред. В. В. Виноградова и др. — М.: Акад. наук СССР, 1954. — Т. 2., Ч. 1—690 с.
10. Кустова, Г. И. Синтаксис современного русского языка. — М.: Academia, 2005. — 260 с.
11. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие. — Изд. 3-е, испр. и дополн. — М.: Высш. шк., 2004. — 247 с.
12. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 262 с.
13. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1956. — 512 с.
14. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. — М.: Учпедгиз, 1958. — Т. 1—2. — 536 с.
15. Русская грамматика в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 2. — 710 с.
16. Скобликова, Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — М.: Флинта, 2006. — 320 с.
17. Сковородников, А. П. Об эллиптических предложениях в современном русском языке // Материалы и исследования по современному русскому языку и его истории. — 1967. — С. 21—56.
18. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М.: РГГУ, 2001. — 797 с.

Сведения об авторе

Тиханова Ольга Владимировна — старший преподаватель Департамента иностранных языков Московского физико-технического института, Москва, Россия. tikhanova-olga@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 183—190.*

HISTORY OF THE STUDY OF THE CONCEPTS “ZERO COPULA” AND “ZERO VERBAL PREDICATE” IN THE FRAMEWORK OF UNREPLACED SYNTACTIC POSITIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

O.V. Tikhanova

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia. tikhanova-olga@yandex.ru

Zero forms are actually existing forms that are not verbally expressed, but play the same significant role in the sentence as expressed elements. Despite the great interest of both Russian and foreign linguists in this problem, a complete, systematic description of these forms has not yet been created, and there is no clear system of terms related to this area of syntax. Another problem is how to separate these significant, but not expressed elements of the language, since today there is no clear boundary between the syntactic zero units, ellipsis and incompleteness. The article analyzes the main works of linguists who dealt with the problem of zero units in the domestic syntax, the term “unsubstituted syntactic positions” (NSP), which includes zero

units (NSP1), ellipsis (NSP2) and incomplete sentences (NSP3). The history of the study of the zero ligament and the zero verb predicate in Russian studies, as well as their place in some modern University and school textbooks are considered.

Keywords: *zero elements, ellipsis, incomplete sentences, zero copula, zero verb predicate*

References

1. Akimova, G.N., Vyatkina, S.V. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. [Syntax of the modern Russian language]. – M.: Academia, 2009. – 347 p.
2. Babaytseva, V.V., Maximov, L.Yu. Sovremennyy russkiy yazyk [Modern Russian language]. – M.: Prosveshcheniye, 1987. – 256 p.
3. Babaytseva, V.V., Chesnokova, L.D. Russkiy yazyk: Teoria: uchebnik dlya 5-9 klassov obshcheobrazovatelnykh uchebnykh zavedeniy [Russian language: Theory: textbook for 5-9 classes of secondary schools]. – M.: Prosveshcheniye, 1993. – 256 p.
4. Barkhudarov, S.G., Kryuchkov, S.E. Russkiy yazyk. 8 klass [Russian language. Grade 8]. – M., 2011. – 239 p.
5. Baudouin de Courtenay, I. A. Vvedeniye v yazykovedeniye // Izbrannyye Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu [Introduction to linguistics // Selected works on General linguistics]. - 1963. - Vol. 2, pp. 246-293.
6. Valgina, N.S. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis [Modern Russian language. Syntax]. - M.: Logos, 2003. - 432 p.
7. Vsevolodova, M. V. Teoriya funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa [Theory of functional-communicative syntax.] - Moscow: Moscow University publ., 2000. - 502 p.
8. Galkina-Fedoruk, E. M. O nulevykh formah v sintaksise // Russkiy yazyk v shkole [About zero forms in syntax. Russian language at school]. - 1962. - № 2. – pp. 6 – 12.
9. Grammatika russkogo yazyka v 2-h t. / pod red. V.V. Vinogradova I dr. [Grammar of the Russian language in 2 volumes / under the editorship of V. V. Vinogradov and others] – M.: Akad. of Sciences of the USSR, 1954. - Vol. 2. Part 1 – 690 p.
10. Kustova, G. I. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of the modern Russian language]. - Moscow: Academy, 2005. - 260 p.
11. Lekant, P.A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: Uchebnoe posobie [The Syntax of a simple sentence in the modern Russian language: textbook]. – Izd. 3-e, ispr. i dopoln. – M.: Vyssh. shk., 2004. – 247 p.
12. Martine, A. Princip ehkonomii v foneticheskikh izmeneniyah [The principle of economy in phonetic changes]. – M.: Izd-vo inostr. lit., 1960. – 262 p.
13. Peshkovskiy, A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. – M.: Uchpedgiz, 1956. – 512 p.
14. Potebnya, A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on Russian grammar]. – M.: Uchpedgiz, 1958. – T. 1 – 2. – 536 p.
15. Russkaya grammatika v 2-h t. / pod red. N.YU. Shvedovoj [Russian grammar in 2 volumes. / ed.Yu. Shvedovaj]. – M.: Nauka, 1980. – T. 2. – 710 p.
16. Skoblikova, E.S. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya [Modern Russian language. The syntax of a simple sentence]. – M.: Flinta, 2006. – 320 p.
17. Skovorodnikov, A.P. Ob ehllipticheskikh predlozheniyah v sovremennom russkom yazyke // Materialy i issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i ego istorii [On the elliptical sentences in modern Russian language // Materials and researches on the modern Russian language and its history]. – 1967. – 21 – 56 pp.
18. Testelec, Ya.G. Vvedenie v obshchij sintaksis [Introduction to common syntax]. – M.: RGGU, 2001. – 797 s.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ В ГОВОРАХ ШАДРИНСКОГО РАЙОНА

Н. М. Харлова

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Предмет статьи — наречие как часть речи в говорах Шадринского района Курганской области. Целью статьи является анализ особенностей образования и употребления наречий. В результате было выявлено, что в анализируемом диалектном материале существуют особые словообразовательные модели; наиболее употребительными являются определительные качественные наречия; отмечаются особые синтаксические связи наречий. Результаты работы могут быть использованы в комплексном описании диалектных особенностей говоров Зауралья.

Ключевые слова: *морфологические особенности северного наречия, способы образования наречий, варианты, семантические группы наречий, синтаксическая комбинаторика наречий.*

Введение

В истории отечественного языкознания существовали различные подходы к определению частеречной принадлежности наречий. Так, например, Ф. И. Буслаев объединял наречие на основе неизменяемости с частицами. А. А. Шахматов представлял наречия широко: в состав этой части речи были включены модальные слова, слова категории состояния, некоторые междометия. Ф. Ф. Фортунатов определил наречие как полные несклоняемые слова. Л. В. Щерба, выделивший слова категории состояния как особую часть речи, подробно проанализировал наречие и его отличие от слов категории состояния. В. В. Виноградов включил наречия в состав слов-названий, первой основной грамматико-семантической категории слов. Согласно мнению авторов классической морфологии Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова, «наречия — это неизменяемые слова, обозначающие признаки действий, состояний, качеств и выступающие в функции обстоятельства, при-мыкая к глаголам, прилагательным, наречиям, категории состояния и реже к существительным. Морфологически наречия характеризуются тем, что не изменяются (не склоняются, не спрягаются), не обладают грамматическими категориями и не выражают грамматических значений» [6. С. 225—226].

Итак, наречия — это самостоятельная часть речи, «лексико-грамматический класс неизменяемых слов, обозначающих признак действия, качества или предмета и выступающих в синтаксической функции обстоятельства или определения, реже сказуемого» [3. С. 322].

Цель исследования

Рассмотрим особенности образования и употребления наречий как части речи в говорах Шадринского района Курганской области. Говоры Зауралья, к которым принадлежат и говоры Шадринского района Курганской области, относятся к Вологодско-Вятской группе северного наречия [8]. Диалектные особенности наречия как части речи в говорах Шадринского района ранее не являлись предметом пристального изучения. А. В. Волоскова и В. Д. Лютикова в 80-х годах прошлого века проанализировали наречные фразеологизмы в говорах Зауралья [1] С. Ю. Харченко было рассмотрено функционирование наречий в устной речи диалектоносителей Волгоградской области [10].

В говорах Шадринского района наречие является достаточно часто употребляемой частью речи. Согласно проведённому анализу, в словаре В. П. Тимофеева [7], например, из 11500 слов около 550 являются наречиями.

Материалом для наблюдений послужили, в основном, собственно-лексические диалектизмы — наречия, записанные во время диалектологических экспедиций, материалы многолетних наблюдений над речью диалектоносителей Шадринского района, города Шадринска Курганской области, материалы диалектных словарей [4; 5; 7] Например: *на закрóшки* (на плечи, на спину), *на бекéте* (на видном месте), *на расто́пáшку* (нараспашку, не застегнувшись), *без путí* (без толку, бессмысленно), *недокуль* (некогда), *невсу́тернь* (нестерпимо), *невдо́сталь* (мало). *Чо ты болташса весь день без путí* (бессмысленно)? *Робёнок у ей всё орёт без уты́ху* (безутешно) — хоть бы посмотрела.

Ещё холод на улице, он *на растопашку* (не застегнувшись) ходит.

Результаты исследования и их обсуждение

Как и в литературном языке, в русских говорах необходимо отличать наречия от омонимичных частей речи: кратких имён прилагательных, слов категории состояния, имён существительных.

Основное сходство наречий со словами категории состояния проявляется в неизменяемости. Основное отличие наречий и кратких прилагательных на –О от слов категории состояния состоит в категориальном значении: наречия имеют значение признака, а слова категории состояния имеют категориальное значение состояния. Отличие наречий на –О от кратких имён прилагательных состоит в неизменяемости: наречия не склоняются, не изменяются по числам. Наречия чаще примыкают к глаголу, их основная синтаксическая функция — обстоятельство. Приведём примеры:

«*Вобело*² — чисто. Везде в избе вобело вымыла. (*Вобело* — определительное наречие, обозначает признак действия — его качество. Отвечает на вопрос как? Является обстоятельством образа действия).

*Вобело*¹ — бело, чисто. Она така чистотка: выстират, так всё прямо вобело. (*Вобело* — краткое прилагательное, обозначает признак, отвечает на вопрос каково? Является именной частью составного именного сказуемого).

*Вобело*³ — чисто, прибрано. В горнице-то *вобело*. (*Вобело* — категория состояния, обозначает состояние окружающей среды. Отвечает на вопросы: как? каково? Является предикатом в безличной конструкции).

Подобные отличия находим в следующих случаях: *вогорько*¹ — несколько горько, горьковато (Уха *вогорька*); *вогорько*² — горько (Ты уж посолила *вогорько*); *вогорько*³ — горестно, тяжело (На душе у него *вогорько*). *Вочерно*¹ — грязновато. (*Вочерно* уж полотенце-то); *вочерно*² — грязно (Сношенька-то твоя *вочерно* вымыла); *вочерно*³ — грязно (У меня уж два года не белено, *вочерно* стало)» [9. С. 170].

Способы образования наречий в говорах Шадринского района различны. В результате анализа диалектного материала нами выявлены следующие:

1. Наречия, образованные от имён прилагательных при помощи суффикса –О: баский — *баско* (красиво), бездорожный — *бездорожно* (по бездорожью), заполошный — *заполошно* (беспокойно), ятный — *ятно* (заметно, чётко), дельный — *дельно* (хорошо, складно).

Дельно, дельно милый делал,

Дельно бусочки сорвал.

Он, ещё того *дельняя*,

На другую создавал.

Отдельную группу представляют наречия на –О, которые не имеют однокоренных имён прилагательных: *шиько* (сильно, очень). Раньше-то хрёсных *шиько* почитали; *нарóзно* (отдельно). Сын с отцом *нарóзно* живёт. Значения других прилагательных расходятся в значении с однокоренными наречиями: дивный — удивительный, *дівно* (много),

Наречия, образованные от имён прилагательных, в говорах Шадринского района могут быть употреблены в синтетической форме компаратива: *скоряе, скоря, веселяе, веселеё, зарáne, побóле, бассé* (Девка их *бассé* нашей одеётся), *дóле, дáле, наряднее* (Шторки-то у ей на кухне *наряднее* сшиты). Распространена и аналитическая форма суперлатива: *всех страмнэе, всех заполóшнее* (Парень у их *всех страмнэе* в деревне поёт.

Иду, а ветер дует,

Едва на свет гляжу.

А сердце *нуще* ноет,

Чем ближе подхожу).

Аналитические формы компаратива, как и синтетические формы суперлатива, практически не употребляются.

Отдельную группу в говорах Зауралья представляют наречия, образованные от наречий (образованных, в свою очередь, от имён прилагательных) при помощи приставки –ВО. Подобные наречия отмечаем и в говорах Шадринского района: *вокоротко, вождико, вóзелено, вожарко, вóдолго, вожелто, вокисло, вóмало, вонизко, вóпресно, вфрано, вфредко, вóсолоно, вóслабо, вóлишино, вóсухо, вóсыро, вóтемно, вóтонко, вóтуго, вóшироко*. Лук-от надо *вóсухо* убрать. Приставка ВО- в таких наречиях всегда ударна. Например: *Вождико* тесто замесила. Натопила Ольга печку *вожарко*. За дом-от сильно *вóдорого* просят.

2. Наречия, образованные путём повторения наречия или сочетанием различных наречий: *нэто-нэто, взад-пятки, нечестно-нехвально, крадче да воровский, нóво-нánово, мёлко-нámелко*. Например: Стали собираться затемно, *нэто-нэто* (еле-еле) собрались. Нет, чтоб прямо сказать, она всё *крадче да воровский*, всё молчком делат.

Могут быть образованы из однокоренных слов, относящихся к разным частям речи: *пьяным-пьяно, поздým-поздó, белым-белёхонько, лёто-лётошное (лётенское)*; к именам существительным: *правдами-неправдами, чин-чином*. Например: Всё

как следует, сели за стол *чин-чи́ном* (как полагается, по порядку), поели. Как правило, тавтологические образования обозначают большую интенсивность действия или признака: Проболтался где-то до ночи, пришёл *позды́м-поздо́*.

Особое положение у оборотов, в которых наречия образовались от однокоренного глагола: *лэжкой лежа́ть, рёвом (ревмя́) реве́ть, убе́гом убежа́ть, гим — гимзи́т*: Народу нынче на базаре *гим-гимзи́т* (много). Девка-то у их *убе́гом убежа́ла* в город.

3. Наречия, представляющие собой предложно-падежное образование: предлог «без» + имя существительное в форме Р.п.: *без подвя́зу, без пробуду́, без просы́пу, без ума́, без уты́ху, без переды́ху, без путы́* (Неково *без путы́* шататься); предлог «до» + имя существительное в Р.п.: *до послéду, до ду́ри, до услепу́, до ше́леха* (Дотянули *до послéду*, счас на автобус опоздам); предлог «с» + имя существительное в Р.п.: *с новотёлу́, с устáточку, с полдён* (Нет, у них нет молока: корова только *с новотёлу́*); предлог «на» + имя существительное в В.п.: *на диво́, на живу́лку, на закрóшки, на дармови́цинку, на ум, на притчу́, на племя́, на раздеря́гу, на прокóрм* (Всё у них *на раздеря́гу* пошло. Быка *на племя́* пустили); предлог «в» + имя существительное в форме мн. ч. П.п.: *в дёвках, в заря́х, в страстьа́х* (Ничего, *в дёвках* она не засидится). Имена существительные в подобных наречиях представляют архаичные формы и в современном литературном языке не употребляются (*без уты́ху* — утых, *без пробуду́* — пробуд, *до ше́леха* — шéлех). Форма родительного падежа имеет в данном случае вариативное окончание –У и характерна абстрактным именам существительным мужского рода. Отдельную группу представляют наречия: *к за́втрему́* (*К за́втрему́* сшить не успею), *к у́трему́* (*К у́трему́* пирог состряпаю), *к опóсле́му* (Оставь *к опóсле́му*, не ешь всё сразу), *до за́втрева́* (*До за́втрева́* не можешь обождать?), *для близи́фу* (*Для близи́фу* здороватся со мной на людях), *внахлэ́стку* (Бейку *внахлэ́стку* пришей), *впритру́ть* (Шифонер *впритру́ть* к печке поставили), *впотьма́х* (Посидим *впотьма́х*, посумерничаем), *по путé* (Слушай его больше, нет, чтоб *по путé* поговорить), *натóдель* (нарочно).

4. Словообразовательные диалектизмы, отличающиеся от литературных наречий суффиксами: –Сь: *осенёсь, зиму́сь, весну́сь, лётось, у́трось, вечфа́сь, вчера́сь* (*Вечфа́сь* света не было); –Е: *за́втре, у́тре* (*У́тре* поливаться в огороде надо). Собственно-лексическим диалектизмом является наречие *лони́сь* (в прошлом году): *Лони́сь* сын-от приезжал, проведаль.

5. Наречия, образованные в результате адвербиализации — перехода падежных форм имен существительных в форме Т.п. ед. ч. К наречиям, возникшим таким способом, относятся *мимохо́дом, нагишо́м, пешко́м, ничко́м, торчко́м* и т. п. Имена существительные, от которых образовались эти наречия, в ряде случаев не сохранились не только в современном, но и в древнерусском языке. Об этом говорит не только зафиксированное в памятниках мимоходь — «прохожий», но и диалектные мельк — «мгновение, миг», ник — «низ, тыл, низина», торчок — «сучок, колышек, пенек», отмеченные в Словаре В. И. Даля. В говорах Шадринского района отметим наречия на –ОМ (–ЕМ): *ладо́м, недола́дом, ула́вом, ту́лом, копежо́м, катышо́м, тихомо́лком, пэхом, покáтом, пря́мком, с уры́вом* (*Пэхом* пошёл на поле: машина-то ушла). К числу часто употребляющихся в говорах Шадринского района относятся наречия, образованные при помощи элемента голо-: *голо́руком, гологоло́вом, гологоля́гом, голоу́хом, пологру́дом*. Например: Не ходи *гологоля́гом* (с голыми ногами), иди, чулки надень. *Пологру́дом* за дровам выскочил.

6. Наречия на –Чь, образованные от других наречий: *уты́чью, беспере́чь, да́вечь, позабо́чь*: Занозка-то *уты́чью* (прямо) вошла, теперь и не выташшить. *Позабо́чь* (за глаза) про людей не суди.

7. Отдельную группу представляют наречия, образованные путём сложения (*в одньря́дь* — в один ряд, *вдругря́дь* — в другой ряд) или от имён числительных (*еди́нова, с одно́ва, неоди́нова, заодне́м*). Например: *В одньря́дь* заплату пришила: быстро оторвётся. В сенках вымыла, *с одно́ва* вымой крыльцо.

Ты любовь, ты любовь,

Я тебя не знала.

Неоди́нова любовь

Плакать заставляла.

8. Наречия, образованные по модели «частица «НЕ» + предложно-падежная форма имени существительного»: *по путé* (1. В одном направлении. 2. Одинаково с кем-либо, в унисон) — *не по путé, не по губé* (не по вкусу, не по нраву), *по зубам — не по зубáм* (что (кто)-либо не поддаётся). Мне уж орехи-те не грызть — *не по зубáм* оне мне.

9. С нашей точки зрения, в говорах Шадринского района распространены и другие способы выражения наречий: *как на притчу́, как на вёшишолочку*, Встанет, *как на вёшишолочку* (как напоказ), думат, все на его глядят.

10. Особыми формами наречий, употребляемых в говорах Шадринского района, являются наречные

фразеологизмы. Подобные фразовые выражения приобрели целостный характер по значению и употреблению: предлог «в, во» + местоимение + имя существительное в В.п.: *во всю ёслину, во всю головушку, в кою пфу (пфичку)*; предлог «на» + имя прилагательное + имя существительное в В.п.: *на быстру руку, на галы зубы*. Например: Всех накормит в кою пфичку (быстро). Твоя-то корова, слышь, орёт во всю ёслину (громко). Отмечаются отдельные модели: *до самого нельзя, за всяко просто*. Сказала тебе за всяко просто (без злого умысла), а ты рюхашь. Наречия *втáпор, вту́пор* (в ту пору) и *вся́пор* (в эту пору) приобрели характер отдельного слова.

Голубочек голубой

Кружился долго над водой,

Что милёнок вту́пор думал?

Величался надо мной.

В говорах Шадринского района отмечается употребление вариантов наречий. Они характеризуются полным семантическим тождеством, но могут различаться составом, количеством компонентов, их фонетическими, грамматическими и синтаксическими свойствами: *в кою пфу — в кою пфичку, на скфу руку — на быстру руку, на закрóшки — на закрóшках, на дармовщи́ну — на дармовщи́нку, до послéду — до самого послéду, до нельзя — до самого нельзя* (На *скфу руку* оладий напекла). Большое число словообразовательных и фонетических вариантов отмечается у наречий: отсюда (*отса́лича, отсе́да, отси́ль, отсу́ль, отсудо́в, отсудо́ва, отсэ́да, отсэ́дова*), оттуда (*оттудо́в, оттудо́ва, отту́ль, отту́ля, оттáль, оттэ́дов, оттэ́ль, оттэ́лева*). Например: *Отсу́ль* сильно дует. Брысь *отсэ́дова!* Эти-то Степановы *оттэ́ль* приехали.

Отмечаем также существующие в говорах Шадринского района формы субъективной оценки: *белым-белёхонько, быстры́м-быстрёхонько, живёхонько, страшнёхонько* (Собака воет *страшнёхонько*), *добря́цко* (*Добря́цко* свадьбу отгрохали), *долго́нько* (*Долго́нько* вы по грибы ходили). Высокая степень признака отражается в наречиях *недола́дом, нату́жно, до ни́точки, до ше́леха, шибко*. Например: Скотина голодная, кричит *недола́дом*. Все огурцы сняли, всё чисто уташыли, всё *до ше́леха* (абсолютно всё).

Я плясала, *шибко* топала

У болечки в дому.

Я натоделъ то и делала,

Чтоб хаяли ему.

Отметим, что в современных говорах Шадринского района не употребляются наречия, отмеченные в словаре Н. П. Ночвина [5]: *наручьё* — за на-

личные, *нату́жно* — прилежно (употребляется с другим значением — «с натугой, с трудом»), *на любя́х* — добровольно, полюбовно, *нелёсно* — очень, сильно, *сы́сподя* — снизу.

По значению наречия, употребляемые в говорах Шадринского района, делятся на лексико-грамматические разряды:

1. Определительные наречия, обозначающие качественные и количественные признаки действий, состояний, свойств. Определительные наречия — это одна из самых многочисленных групп в Шадринском районе. Например: качественные наречия (*безо всякого якова, бесперечь, втихую, уты́чьо, гологоло́вом, в охóтку, заполо́шно, зацурко́м, космачо́м, пу́тно*). Например: Свой-от дом он *зацурко́м* найдёт. Так с утра ходит *космачо́м*. *Пу́тно* слова не скажет, всё с подковыркой. Количественные наречия обозначают неопределённое количество (*до лёшего, до ду́ри, во́мало, э́толь, э́сколь, пф́рно, помалёсеньку, до копéчки, до кра́йности, немали́шию*); образ и способ действия (*испо́лу, невплóть, содно́ва, пёхом, покусо́чно, шибко*); могут указывать на сравнение (*в па́лец, гостенько́м, крючко́м*); обозначать совместность действия (*га́мазом, двоймя́, арте́лю*). Например: *Немали́шию* народу полегло в войну. Навалились *гамазом*, вот и выкосили *быстро*. Все робят, а он сидит *гостенько́м*.

2. Обстоятельственные наречия, обозначающие место (*отту́ль, на зада́х, на запя́тках, посэ́да, поту́ль, пря́мко́м, та́мо, сыздаля́, в тенёчке*); время (*лонись, вта́пор, кова́дни, с полдён, сыспорáнья, топёрь, тожно́, пося́пор, посля́, порáне, поздёхонько, под зи́му, по весне́, надьись, вечёр, весну́ся, до зáвтрава, до свéту, до у́тrea*). Например: Мы *ту́то-ка* загородили, а курисы-те *та́мо-ка* залезли.

Я любила Коляньку,

Любила и Володиньку.

А *топёря* споминаю

Свою жись молодиньку [7. С. 164];

причину (*назга́л*); цель (*для расплóду, для сугрэ́ву, для разглу́зки, не по чо, на па́кось, до ветру*). Например: Привези нам эдакой картошки *для расплóду*.

В процессе употребления могут изменяться значения диалектных наречий. Так, например у наречия *до у́слепу* развилась полисемия:

До у́слепу — 1. Дотемна. Петровна *до у́слепу* свет не включают, всё экономит.

До боли в глазах. Досмотрелся телевизор *до у́слепу*, в глазах рябит.

В связи с этим, по нашим наблюдениям, некоторые наречия могут входить в разные семантические группы: *до услепу* — 1 — обстоятельственное наречие, указывающее на время действия. *До услепу* — 2 — определительное количественное наречие, указывающее на меру и степень действия.

Местоименные наречия (*там, почему, здесь, сюда, всегда*), указывающие на различные обстоятельства действия, употребляются в говорах Шадринского района, в основном, без изменений и не могут быть отнесены к собственно-лексическим диалектизмам. Следует отметить диалектные варианты вопросительно-относительных местоимений *колда́, куды́, откэ́ль, отку́ль*, указательных *туды́, суды́*, а также *отсáлича, отсéда, отсё́ль, отсу́ль, отсудов, отсудова, оттудов, оттудова, отту́ль, отту́ля, оттáль, оттэ́дов, оттэ́ль*.

В русском литературном языке «качественные и обстоятельственные наречия обладают различными комбинаторными свойствами. Качественные наречия определяют глагол (включая причастия и деепричастия), прилагательные и наречия... Синтаксическая комбинаторика обстоятельственных наречий шире. Этот разряд наречий может определять глагол, наречие, прилагательное и существительное» [3. С. 323]. В говорах сочетательные возможности качественных и обстоятельственных наречий несколько другие: они широко сочетаются с глаголами (*Сэдня зазря́* приш-

ли: баня не топлена. *В охóтку* огурсов-то поела. Мне не в чем *на вы́людь* показаться), с краткими страдательными причастиями (Платье наши-то *наживу́лько*. *Пéхом* пройдено за всю жизнь!), со словами категории состояния (Мне стало *шй́ьбо* скусно), с именами существительными (У меня корова *была уж взáпуске*. Рубаха *нарастопáшку*. Деньги *на прокáфм*). Вместе с тем в Шадринском районе нами не отмечаются случаи, когда наречия определяют деепричастия, имена прилагательные.

Наиболее характерная для наречий синтаксическая функция — обстоятельство (Он всё *по нутé* говорит, правильно. Баушка *чутко* спит). При имени существительном наречия выполняют синтаксическую функцию несогласованного определения или именной части составного глагольного сказуемого (Кофта *ссера́* на ей надета. Платье *было ссиня́*).

Заключение

Таким образом, в говорах Шадринского района наречия являются, в основном, собственно-лексическими диалектизмами и имеют ярко выраженные особенности образования и употребления. Рассмотренные диалектные характеристики подтверждают отнесённость говоров Шадринского района к севернорусскому наречию. Дальнейшее изучение морфологических особенностей говоров Зауралья предполагает рассмотрение функционирования кратких имён прилагательных, некоторых отвлечённых имён существительных.

Список литературы

1. Волоскова, А. В. Наречные фразеологизмы в говорах Зауралья / А. В. Волоскова, В. Д. Лютикова // Лексика и фразеология говоров Урала и Зауралья / Сборник научных трудов. — Свердловск: Свердловский государственный педагогический институт, 1978. — С. 25—41.
2. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под ред. Л. Л. Касаткина. — М.: ВШ, 1991. — 383 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В. Н.. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 682 с.
4. Лютикова, В. Д. Словарь диалектной личности / В. Д. Лютикова. — Тюмень: ТГУ, 2000.
5. Ночвин, Н. П. Крестьянский словарь — или практическое разъяснение слов, употребляемых крестьянами Зауралья Пермской губернии / Н. П. Ночвин // Альманах «Шадринская старина». — Шадринск, 1993. — С. 50—71.
6. Современный русский язык: в 3-х ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. — М.: Просвещение, 1981. — 270 с.
7. Тимофеев, В. П., Тимофеева, О. В. Диалектный словарь личности: около 11500 слов / В. П. Тимофеев, О. В. Тимофеева. — Изд. 2, доп. — Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2010. — 595 с.
8. Харлова, Н. М. Морфологические особенности современных говоров Зауралья / Н. М. Харлова // Русский язык в контексте национальной культуры. — Саранск: Мордовский университет, 2012. — С. 120—124.
9. Харлова, Н. М. Особенности употребления слов категории состояния в говорах Шадринского района / Н. М. Харлова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 4 (414). Филологические науки. Вып. 112. — С. 168—173.

10. Харченко, С. Ю. Функционирование наречий в устной речи диалектоносителей / Харченко С. Ю. // Вестн/ Волгогр. гос. ун-та, Сер. 2. Языкознание. — 2013. — № 1 (17). — С. 51—56.

Сведения об авторе

Харлова Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия. nkharlova@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 191—196.*

PECULIARITIES OF FORMATION AND USE OF ADVERBS IN THE DIALECTS OF THE SHADRINSKY DISTRICT

N. M. Kharlova

Shadrinsk state pedagogical University, Shadrinsk, Russia. nkharlova@bk.ru

The article analyzes the features of the formation and use of adverbs as a significant part of speech in the dialects of the Shadrinsky district of the Kurgan region. Dialect dictionaries, field records made during dialectological expeditions served as material for observations. Word-formation models of adverbs, the most common in the dialects of the Shadrinsky district, are considered. Classification of categories of adverbs by value is presented. The most common in the analyzed dialect material are definitive qualitative adverbs. The syntactic features of adverb as a part of speech are shown. The article provides examples that give an idea about the features of the use of adverbs in the Urals.

Key words: *morphological features of the Northern adverb, ways of forming adverbs, variants, semantic groups of adverbs, syntactic combinatorics of adverbs.*

References

1. Voloskova, A. V. Adverbial phraseological units in the dialects of the Urals /A. V. Voloskova, Lyutikova, V. D. // the Vocabulary and phraseology of the dialects of the Urals and TRANS-Urals /Collection of scientific works. - Sverdlovsk: Sverdlovsk state pedagogical Institute, 1978. – P. 25 – 41. (In Russ.).
2. Kasatkin, L. L. Brief reference book on the modern Russian language, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, P. A. Lekant, L. L. Kasatkin. – M.: higher school, 1991. – 383 p. (In Russ.).
3. Linguistic encyclopedic dictionary/ chief editor V. N. Yartseva.. – M.: Owls. an encycle., 1990. – 682 p. (In Russ.).
4. Lyutikova, V. D. Dictionary of dialect personality / V. D. Lyutikova. – Tyumen: TSU, 2000. (In Russ.).
5. Nochvin, N. P. Peasant dictionary-or practical explanation of the words used by the peasants of the TRANS-Ural region of the Perm province / N. P. Nochvin // Almanac “Shadrinskaya antiquity”. – Moscow, 1993. – P. 50-71. (In Russ.).
6. Modern Russian language: in 3 hours h. 2. Word-formation. Morphology / N. M. Shan, A. N. Tikhonov. – Moscow: Education, 1981. – 270 p. (In Russ.).
7. Timofeev, V. P., Timofeeva, O. V. Dialect dictionary of personality: about 11500 words / V. P. Timofeev, O. V. Timofeeva. – Ed. 2. – Moscow: publishing house of OGUP “Shadrinskiy House of the Press”, 2010. – 595 p. (In Russ.).
8. Harlova, N. M. Morphological features of modern dialects of the TRANS-Urals / N. M. Kharlova // Russian language in the context of national culture. – Saransk: Mordovian University, 2012. – P. 120 – 124. (In Russ.).
9. Harlova, N. M. Features of the use of words of category of a condition in dialects of Shadrinsky area / N. M. Kharlova // Bulletin of Chelyabinsk state University. – 2018. – № 4 (414). Philological science. Vol. 112. – P. 168-173. (In Russ.).
10. Kharchenko, S.y. The Functioning of the adverbs in the speech of the dialect / S.y. Kharchenko// the Bulletin of the Volgograd state University, Ser. 2. Linguistics. – 2013. – №1 (17). – P. 51-56. (In Russ.).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ КОМПЛЕКСОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Ц. Чу

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается вопрос использования вопросно-ответных комплексов в параллельных русских и китайских публицистических текстах. В результате анализа выявлены активное употребление ВОК в параллельных текстах, стилистический потенциал построения, случаи адекватного перевода ВОК и расхождений в их передаче охарактеризованы с позиций прагматики автора и переводчика.

Ключевые слова: *вопросно-ответный комплекс, экспрессивность, прагматика, китайский текст, русский текст, публицистика.*

Введение

В современной русской и китайской публицистике исследователи отмечают возросшую экспрессивность текстов, тенденцию к более активному выражению авторами собственной позиции. Для достижения этой цели в газетных, журнальных и интернет-публикациях начинают широко использоваться вопросно-ответные комплексы (далее — ВОК) как способ реализации стратегии речевого взаимодействия журналистов и читателей.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей использования ВОК в параллельных текстах на русском и китайском языках, что предполагает: 1) знакомство с квалификацией ВОК в русской и китайской лингвистической науке; 2) анализ случаев совпадения / расхождения в использовании ВОК в параллельных публицистических текстах; 3) выявление причин данных соответствий или несовпадений.

Актуальность работы определяется возрастающим интересом лингвистов к изучению синтаксических экспрессивных конструкций в текстах разной функциональной направленности, а также отсутствием комплексного сопоставительного анализа публицистических текстов на синтаксическом уровне.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проводится синтаксическое исследование ВОК на материале двух неблизкородственных языков.

Материалом исследования послужили 248 случаев использования ВОК в аналитических статьях двуязычного журнала «Россия и Китай» (далее — РиК) на сайте «Евразийское иллюстрированное обозрение» (<http://www.owasia.org/china.html>) за 2009—2016 гг. (22 выпуска) и интернет-портала

«ИноСМИ.ру» (далее — ИноСМИ) (https://inosmi.ru/magazines/?country=country_china) за 2018 год (492 публикации), на котором размещены статьи китайских печатных изданий с их переводами на русский язык.

В работах российских лингвистов ВОК анализируются в монологических текстах разной функциональной направленности: вопросно-ответные комплексы в художественных текстах описаны Е. П. Карпенко [4], в научных — Л. В. Славгородской [7] и М. Н. Кожинной [5], в публицистических — Э. В. Чепкиной [11] и Л. Р. Дускаевой [3]. Исследователи подчеркивают, что в ВОК реализуются проблемные вопросы, исходящие от автора (и в то же время как предполагаемые вопросы читателя), на которые отвечает сам автор. По мнению М. Н. Кожинной, данная синтаксическая конструкция как разновидность диалогичности типа «я¹ — я²» представляет собой собственное размышление автора при изложении фактов [5. С. 79].

В китайской лингвистической литературе ВОК активно изучается как один из важных стилистических приемов. Согласно трактовке Чэнь Вандао (陈望道), при использовании ВОК вопрос задается не столько с целью показать отсутствие соответствующих знаний автора, сколько для привлечения внимания читателя [10. С. 140]. Однако вопрос об отождествлении понятия вопросно-ответной формы (термин В. И. Горелова [1. С. 131]) с термином 设问 (дословно: постановка вопроса) до сих пор остается дискуссионным. Ван Сицзе (王希杰) [2. С. 276—280] и Чэнь Вандао (陈望道) [10. С. 140—143] считают, что стилистическая фигура 设问 содержит две структурно-семантические разновидности: вопросно-ответную форму (их термин 提问) и риторический вопрос (их термин 激问).

Чжэн Ишоу (郑颐寿) [12. С. 204—210], Хуан Божун (黄伯荣) и Ляо Сюйдун (廖序东) [9. С. 218—221] утверждают, что вопросно-ответная форма и есть 设问, поэтому вопросно-ответная форма (设问) и риторический вопрос (反问) — это две разные стилистические фигуры. Тем не менее лингвисты единодушно отмечают, что вопросно-ответная форма как один из приемов стилистического синтаксиса делает текст более привлекательным и многоплановым [9. С. 219; 2. С. 278].

Наибольший интерес представляет использование вопросно-ответных комплексов в жанре статьи, что связано как с предназначением статьи, так и с особенностями ВОК. Статья как публицистический жанр предназначена для анализа актуальных общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей, для активизации читательских размышлений по обсуждаемым вопросам [8. С. 150]. Вопросно-ответный способ развертывания текста в аналитических публикациях отражает диалогичность («я¹ — я²») и авторскую рефлексию: вопрос в ней активизирует, стимулирует мыслительный процесс автора и предполагает ответ самого же пишущего [3. С. 45]. Воздействующий эффект реализуется благодаря ответу журналиста на подразумеваемые, но не эксплицируемые вопросительные реплики читателя, в результате чего проявляется активность реципиента.

Сопоставительный анализ включения ВОК в тексты на двух языках

ВОК встречаются как в заголовках, так и в текстах статей. В исследованном материале выявлено 243 примера, в которых оригинал и перевод полностью совпадают, и всего лишь 5 случаев, в которых ВОК как стилистический прием встречается только в одном тексте при его полном отсутствии в параллельном тексте.

1) ВОК в газетных заголовках. Заголовок является первым сигналом, побуждающим читать материал или отложить газету в сторону [6. С. 3—4]. Удачный газетный заголовок не только отражает суть излагаемой в публикации информации, но и выполняет рекламную функцию. Вопросно-ответный способ организации заголовков и публикаций в целом в проанализированном материале реализуется по-разному.

Во-первых, заголовок представляет собой ВОК, т. е. содержит как вопрос, так и ответ на него, например: 杨育才:新一轮军备竞赛?没那么糟糕 (ИноСМИ, 19 ноя. 2018 г.) — перевод: *Хуанью*

Шибяо (Китай): новый виток гонки вооружений? Все не так плохо (Там же). В данном примере оригинал и перевод полностью совпадают. Вопрос задается не только от имени автора, но и всего общества. Отрицательный ответ на него (с пропуском отрицания *нет*) отражает авторскую позицию по затронутой проблеме. Помимо этого, в заголовке отмечается имитация разговорной формы общения, что позволяет автору убедить реципиента в своем мнении. При помощи ВОК реализуется сознательное воздействие на массового читателя. Подобное наблюдается и в следующем заголовке: 俄罗斯为何坚决不要难民?因为不敢要 (ИноСМИ, 02 окт. 2018 г.) — перевод: *Sohu (Китай): Почему Россия решительно не принимает беженцев? Потому что боится* (Там же). Русский текст является дословным переводом китайского оригинала. Сформулированный в заголовках вопрос, который активно обсуждается общественностью, касается отношения России к беженцам. После вопроса автор дает ответ на него, апеллируя к распространенному в обществе мнению, но не указывая, чего именно боится Россия. Экспрессивная синтаксическая конструкция выполняет рекламную функцию, стимулируя реципиента прочитать основное содержание публикации.

В ходе исследования выявлено 2 случая несоответствия передачи ВОК в китайских заголовках в русском переводе. Например: 穷途末路?俄罗斯公开拍卖安-124运输机:价格感人而且包邮 (ИноСМИ, 06 ноя. 2018 г.) — дословно (перевод — Ч. Ц.): *Безвыходно? В России Ан-124 выставили на продажу: по интересной цене с бесплатной доставкой* — перевод: *Sohu (Китай): От безысходности Ан-124 выставили на продажу по интересной цене. Доставка включена в стоимость* (Там же). В китайском оригинале эмоциональный вопрос обращен к мыслям и чувствам читателя. В ВОК употребление фразеологизма 穷途末路 со значением ‘безвыходная ситуация’ и выражения 包邮, относящегося к интернет-сленгу (словосочетание в китайском языке используется при общении продавцов и покупателей в интернет-магазине Alibaba, переводится на русский как *бесплатная доставка* и обычно подразумевает маленькую посылку), отражает авторскую иронию и удивление адресанта публикации. Естественно, такое вовлечение читателя процесс осведомления не желает повторять русский переводчик. При переводе вместо вопросительного предложения используется причинный детерминант *от безысходности*, выполняющий такую же рекламную функцию, что и вопрос в китайском оригинале.

Другой пример: *俄罗斯要采购中国武器了? 三大装备上名单 这一次是千真万确* (ИноСМИ, 29 авг. 2018 г.) — дословно (перевод — Ч. Ц.): *Россия намерена купить у Китая военное оружие? В список закупки вышло три образца (пробел) Информация абсолютно достоверна* — Перевод: *Феникс (Китай): Россия намерена купить у Китая три образца военной техники* (Там же). По сравнению с русским микротекстом китайский заголовок оказывается более выразительным и экспрессивным. Вопрос задается не только от имени автора, но и массового адресата, поскольку положительный ответ (с пропуском частицы *да*) сопровождается комментарием, подтверждающим достоверность факта, «*информация абсолютно достоверна*». Таким образом, с помощью ВОК заглавие выполняет функции воздействия на читателя и уточнения значимой для общества информации. Авторская эмоция гордости за свою страну имплицитна, она ориентирована на аналогичные чувства китайского читателя. Что касается перевода, то русский переводчик стремится выразить свое объективное отношение к данному факту и выбирает эмоционально нейтральный способ представления сообщения о факте, избегая использования ВОК.

Во-вторых, вопросно-ответная форма передачи информации реализуется на текстовом уровне — это средство организации текста статьи: вопросы задаются в заголовке, а ответы на них содержатся в самих текстах публикаций. Например, заголовки: *Россия — Китай. Что важнее — энергия или энергетика?* — Перевод: *俄罗斯—中国, 什么更重要—能源还是能量?* [7, с. 46]. Данный заголовок представляет собой вопросительное предложение, ответ на поставленный вопрос можно получить только при знакомстве с основным содержанием статьи. Такой прием распространен в современной русской и китайской публицистике, поскольку вопрос подготавливает читателя к восприятию информации.

Несоответствие перевода оригиналу, проявляющееся в использовании ВОК, наблюдается лишь в 1 примере: *俄罗斯为何总被西方国家孤立?* [24] — дословно (перевод — Ч. Ц.): *Почему Россия всегда изолируется западными странами?* — Перевод: *Sohu (Китай): Главная причина изоляции России западными странами* [17]. В отличие от заголовка в форме вопроса в оригинальной китайской публикации, в которой он в совокупности с текстом статьи является вопросно-ответным комплексом, выполняя текстообразующую функцию, в заголов-

ке русского перевода статьи представлена констатация факта (современная политическая позиция России) в форме номинативного повествовательного предложения. Несоответствие русского перевода оригиналу может быть объяснено тем, русский переводчик, стремясь к объективности, избегает эмоционально-экспрессивных средств, таких как наречие *всегда* в сочетании с вопросительным предложением, которые в определенной степени отражают иронию китайского автора статьи.

2) Примеры использования ВОК в текстах публикаций. Вопросно-ответные комплексы чаще используются в тексте самой публикации, причем, как правило, встречаются в позиции зачина и выполняют текстообразующую функцию: ответы на предполагаемые вопросы как коммуникативное действие автора коррелирует с планом развертывания текста. Например: *此次»占中»运动引起国际社会的广泛关注。显然，人们禁不住要问，为何一些西方非政府组织和宣传媒体不断»火上浇油»?* (РиК, № 16. 2014 г. С. 17) — Перевод: *Эти беспорядки привлекли особое внимание международной общественности, и понятно, что многих интересует вопрос — зачем, с какой целью некоторые западные неправительственные организации и СМИ непрерывно «подливали масла в огонь»?..* (Там же). Следующие за вопросом части текста, полностью совпадающие в оригинале и переводе, дают прямой ответ на поставленные вопросы, что обеспечивает легкость восприятия текста и усиливает его выразительность. Отличие русского перевода от оригинала проявляется в пунктуационном оформлении вопроса: в русском переводе знак вопроса сопровождается многоточием, которое делает подобный вопросно-ответный способ текстопорождения экспрессивным.

Зачин публикации может содержать цепочки вопросительных предложений, например: *据报道，仅2018年，美国、立陶宛、英国和加拿大向乌克兰提供致命武器及其他军事设备价值超过4000万美元。俄乌是否有可能兵戎相见？美国的态度又传递哪些信息？* (ИноСМИ, 27 дек. 2018 г.) — Перевод: *По сообщениям, за один только 2018 год США, Литва, Великобритания и Канада предоставили Украине смертоносное и другое вооружение на сумму более 400 миллиардов долларов. Возможно ли, что Россия и Украина встретятся на поле брани? И чего хочет США?* (Там же). Цепочки вопросов, с одной стороны, демонстрируют ход мысли автора, с другой — активизируют читательское восприятие текста. Использование одинаковой синтаксической структуры в текстах оригинала

и перевода отражает понимание переводчиком намерения автора оригинала и полное согласие с ним.

В проанализированных публикациях выявлено и 2 случая несоответствия в употреблении ВОК, что можно объяснить индивидуальным предпочтением русских переводчиков в выборе языковых средств.

Первый пример демонстрирует формально-структурное различие перевода и оригинала: эта演习会给中俄关系以及周边带来什么样的改变·是一个极为值得观察和探讨的话题。(ИноСМИ, 21 сен. 2018 г.) — дословно (перевод — Ч. Ц.): *Какие перемены произойдут в российско-китайских отношениях после завершения учений — этот вопрос заслуживает внимания и обсуждения.* — Перевод: *Заслуживает внимания вопрос: какие перемены произойдут в российско-китайских отношениях после завершения учений?* (Там же). ВОК в русском и китайском текстах отличаются общей особенностью: ответная его часть не содержит собственно ответа, а маркирует лишь значимость поставленного вопроса; сама позиция конструкции в начале публикации выделяет основной смысл текста. ВОК в китайском варианте аналогичен экспрессивной синтаксической конструкции «именительный темы». Переводчик, избегая приема-штампа, распространенного в русских СМИ, изменяет порядок частей. Стилистический эффект в переводе адекватен оригиналу.

Во втором примере в оригинале ВОК отсутствует, но он используется при переводе текста на русский язык: 而且俄罗斯最有名的特点之一应该还在于这个国家特别出美女吧·俄罗斯女人大多拥有精致的五官和高耸的鼻子·连身材也很是高挑·而且加上是白皮肤·光是这几点就足够定义为美女了·而要说到原因的话自然最主要的便是因为人家本身就是白种人了·再者就是气候的原因了<...> (ИноСМИ, 15 дек. 2018 г.) — дословно (перевод — Ч. Ц.): *Одним из известных фактов является большое количество*

красивых женщин в России. Большинство русских женщин имеет высокий нос, совершенные черты лица, высокий рост и белую кожу. Этих особенностей достаточно, чтобы называться красавицей. Что касается причин красоты русских, то это связано, прежде всего, с их принадлежностью к европеоидной расе, затем климатическим фактором. — Перевод: *Разве недостаточно высокого роста, совершенных черт лица, высокого носа и белой кожи, чтобы называться красавицей? Почему же русские так выглядят? Прежде всего потому, что принадлежат к европеоидной расе. Еще одной причиной, безусловно, является климат* (Там же). Китайский оригинал констатирует очевидный для журналиста факт и его распространённую оценку (*Этих особенностей достаточно, чтобы называться красавицей*), лишь передает информацию. Перевод же построен как беседа с читателями в режиме реального времени, что вносит в текст экспрессию: используя ВОК с прямым ответом на поставленный вопрос, автор как будто привлекает читателя к обсуждению.

Выводы

Проведенный сопоставительный анализ параллельных текстов показывает: использование вопросно-ответной формы изложения информации связано с освещением противоречивых фактов, которые допускают разные реакции китайского или русского читателя. ВОК для автора публикации и переводчика является одним из распространённых способов создания эмоционально-экспрессивной тональности текста, что определяет сильную позицию конструкции в структуре текста (заголовок, зачин). Анализ параллельных текстов выявил совпадение позиций автора и переводчика и в незначительном количестве примеров — намеренное снятие или выделение переводчиком квантов смысла в соответствии с учетом возможной позиции или стереотипов восприятия русского читателя.

Список литературы

1. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. — М.: «Просвещение», 1979. — 192 с.
2. Ван, Сицзе. Стилистика китайского языка / Сицзе. Ван. — Пекин: Пекинское изд-во, 1983. — 376 с. (王希杰. 汉语修辞学. 北京: 北京出版社, 1983年 376页)
3. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. — СПб., 2012. — 274 с.
4. Карпенко, Е. П. Внутренний диалог в лирической поэзии XX в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. П. Карпенко. — М., 1991. — 24 с.
5. Кожина, М. Н. О диалогической письменной научной речи / М. Н. Кожина. // Русский язык за рубежом. — 1981. — № 6. — С. 77—82.

6. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете / Э. А. Лазарева. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 96 с.
7. Славгородская, Л. В. Научный диалог / Л. В. Славгородская. — Ленинград: Издательство «Наука», 1986. — 168 с.
8. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — М., Аспект Пресс, 2000. — 310 с.
9. Хуан, Божун. Современный китайский язык / Божун, Хуан; Сюйдун. Ляо. Том II. — Пекин: Изд-во высшего образования, 2007. — 270 с. (黄伯荣, 廖序东. 现代汉语 (下册). 北京: 高等教育出版社, 2007年 270页)
10. Чень, Вандао. Введение в стилистику / Вандао. Чень. — Шанхай: Шанхай. пед. изд-во, 1997. — 302 с. (陈望道. 修辞学发凡. 上海: 上海教育出版社, 1997年 302页)
11. Чепкина, Э. В. Внутритекстовые автор и адресат газетных текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Э. В. Чепкина. — Екатеринбург, 1993. — 16 с.
12. Чжэн, Ишоу. Сравнительная стилистика / Ишоу. Чжэн. — Фуцзянь: народное изд-во, 1982. — 293 с. (郑颐寿. 比较修辞. 福建: 人民出版社, 1982年 293页)

Сведения об авторе

Чу Цзинжу — аспирант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. st059835@student.spbu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 4 (426). *Philology Sciences. Iss. 116. Pp. 197–202.*

THE QUESTION-ANSWER COMPLEXES USE IN RUSSIAN AND CHINESE JOURNALISTIC TEXTS

J. Chu

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia. st059835@student.spbu.ru

The article discusses the use (coincidence / divergence) of question-answer complexes in parallel Russian and Chinese journalistic texts on the material of the bilingual journal “Russia and China” and the Internet portal “InoSMI.ru” hosting Chinese texts and its Russian translations. The analysis of the material showed that question-answer complexes are actively used in most of the analyzed publications in strong text positions (in the headlines, at the beginning of the article) in Chinese and Russian translated texts. That fact demonstrates the stylistic potential of analyzed constructions in parallel texts. Cases of equivalent translation of question-answer complexes (main examples) and differences in their transmission (isolated examples) are characterized on the basis of the analysis of writer pragmatics (author’s and translator’s subjective positions). The presentation of information associated with the coverage of conflicting facts that allows different reactions of Chinese or Russian readers is considered.

Keywords: *the question-answer complexes, expressiveness, pragmatics, Chinese texts, Russian texts, journalism.*

References

1. Gorelov V. I. *Stilistika sovremennogo kitayskogo yazyka* [Modern Chinese Rhetoric]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 192 p. (In Russ.).
2. Wang Xijie. *Stilistika kitayskogo yazyka* [Chinese language stylistics]. Beijing, Beijing Publ., 1983. 376 p. (In Chinese).
3. Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogue Attribute of Newspaper Subjects]. St.Petersburg, 2012. 274 p. (In Russ.).
4. Karpenko E. P. *Vnutrenniy dialog v liricheskoy poezii XX v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Internal dialogue in the lyrical poetry of the twentieth century. Abstract of thesis]. Moscow, 1991. 24 p. (In Russ.).
5. Kozhina M. N. O dialogicheskoy pis'mennoy nauchnoy rechi [On dialogical written scientific speech]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [The Russian language abroad], 1981, no.6, pp. 77–82. (In Russ.).

6. Lazareva E. A. *Zagolovok v gazete* [The headline in the newspaper]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1989. 96 p. (In Russ.).
7. Slavgorodskaya L. V. *Nauchnyy dialog* [The academic dialogue]. Leningrad, Science Publ., 1986. 168 p. (In Russ.).
8. Tertychnyy A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodical press]. Moscow, 2000. 310 p. (In Russ.).
9. Huang Borong, Liao Xudong. *Sovremennyy kitayskiy yazyk* [The Modern Chinese language]. Beijing, Higher Education Publ., 2007. 270 p. (In Chinese).
10. Chen Wangdao. *Vvedenie v stilistiku* [Introduction to style]. Shanghai, Shanghai Education Publ., 1997. 302 p. (In Chinese).
11. Chepkina E. V. *Vnutritekstovyye avtor i adresat gazetnykh tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The author and the addressee newspaper texts. Abstract of thesis]. Yekaterinburg, 1993. 16 p. (In Russ.).
12. Zheng Shouyi. *Sravnitel'naya stilistika* [Comparative stylistics]. Fujian, People's Publ., 1982. 293 p. (In Chinese).